

ПЕРВАЯ КНИГА ИЗ СЕРИИ О ДОГГЕРЛАНДЕ

МАРИЯ АДЛЬФССОН

НЕВЕРНЫЕ ШАГИ

РОМАН

Corpus

МИРОВОЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПЕРЕВЕДЕН БОЛЕЕ ЧЕМ НА 15 ЯЗЫКОВ

Annotation

Инспектор полиции Карен Хорнби просыпается в чужой постели наутро после устричного фестиваля в порту. Рядом с ней лежит ее шеф Юнас. Тем же утром бывшую жену Юнаса находят убитой. Руководить расследованием поручают Карен. Она делает все возможное, чтобы найти преступника и обеспечить алиби Юнасу, при этом не выдавая никому подробностей своей личной жизни. Одновременно Карен преследуют призраки из ее собственного трагического прошлого.

- [Мария Адольфссон](#)

-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)

- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)

- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)

◦ [12](#)

Мария Адольфссон

Неверные шаги

It's not down in any map; true places never are.

Herman Melville, Moby Dick

*На карте его нет, подлинных мест там не бывает
никогда.*

Герман Мелвилл. “Моби Дик”

First published by Wahlström & Widstrand, Stockholm, Sweden
Published in the Russian language by arrangement with Bonnier Rights, Stockholm,
Sweden and Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency, Sweden

© Maria Adolfsson, 2019

© Н. Федорова, перевод с шведского, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Издательство CORPUS ®

Еще не открыв глаза, она понимает. Это ошибка. Ужасная ошибка.

Ей надо бы лежать в другой постели, в какой угодно, только не в этой. Легкий храп, что слышится рядом, должен бы принадлежать другому, кому угодно, только не ему. И с абсолютной уверенностью, оттесняющей все прочие мысли, она осознает: надо бежать отсюда. Прямо сейчас, пока он не проснулся.

Осторожно, изо всех сил стараясь не шуметь, Карен Эйкен Хорнби откидывает простыню и садится; на другой край широкой кровати она даже не глядит. Обводит взглядом гостиничный номер, замечает на полу возле своих босых ног трусики и бюстгальтер, скомканное платье рядом с зеленой замшевой курткой на журнальном столике, сумочку, небрежно брошенную в кресло. Чуть дальше, за полуоткрытой дверью ванной, виднеются ее теннисные туфли.

Чтобы поскорее убраться отсюда, она тщательно продумывает каждое движение, прислушивается к тяжелому дыханию за спиной, сама же дышит беззвучно, поверхностно. Быстро репетирует про себя все этапы, пытаясь обуздать волну страха, бушующую внутри. И наконец, набрав побольше воздуха, протягивает руку за трусами, одним движением надевает. Со всей осторожностью, чтобы матрац не колыхнулся, встает и чувствует, что комната кружит перед глазами. Ждет, переводит дух. Потом делает, пригнувшись, несколько шагов, одной рукой подбирает бюстгальтер и колготки, а другой хватает платье и куртку. К горлу подкатывает тошнота, но она добирается до ванной и бесшумно закрывает за собой дверь. Секунду помедлив, поворачивает запор. А услышав легкий щелчок замка, тотчас жалеет и припадает ухом к двери. Но возможные звуки по ту сторону тонут в гулком стуке сердца и шуме крови в ушах.

Она оборачивается.

Взгляд, встречающий ее в зеркале над раковиной, пустой и до странности чужой. С тяжким презрением к себе она рассматривает горящие щеки и тушь, что темными кругами растеклась под глазами. Каштановые волосы с одного боку выбились и висят до плеча, с другого же по-прежнему собраны на затылке резинкой. Длинная потная челка прилипла ко лбу. Устало изучая свою помятую физиономию, она шепчет липкими пересохшими губами:

— Дура набитая.

Ее мутит, она едва успевает наклониться над унитазом, как желудок выворачивается наизнанку. Сейчас он проснется, думает она, беспомощно слушая сдавленные звуки рвоты, с трудом переводит дух в ожидании следующих позывов и зажмуривается, чтобы не видеть в унитазе остатки вчерашнего дня. Ждет еще немного, но желудок вроде бы угомонился. Она с облегчением выпрямляется, открывает кран, набирает пригоршню воды. Полощет рот, умывает лицо, понимая, что под глазами будет совсем темно, и думая, что это не имеет значения. Она и так в аду, хуже быть не может.

Скоро пятьдесят стукнет, и на сей раз вправду дошла до ручки. Чувствует себя на все семьдесят.

Быстрое бегство — единственная надежда. Доехать до дома, лечь и умереть. В собственной постели. Но сперва надо выбраться отсюда, сесть в машину и двинуть напрямик домой, ни с кем не разговаривая, никем не замеченной. В мозгу вспыхивает слабый лучик надежды, когда она понимает, что как раз сегодня есть шанс смыться из города незаметно. В четверть восьмого наутро после Устричного фестиваля весь Дункер в спячке.

Она наливает холодной воды в стакан для зубных щеток и быстро пьет, свободной рукой сдергивая с волос резинку вместе с несколькими длинными темными прядками. Снова наполняет стакан, натягивает платье, заталкивает бюстгальтер и колготки в сумочку, тянется к дверной ручке и тотчас спохватывается. Надо спустить воду. Пусть даже шум разбудит его, все равно надо; нельзя оставлять никаких напоминаний о себе. Крепко зажмурив глаза, она с ужасом слушает, как вода прокатывается по унитазу, а затем журчит в бачке. Еще секунду-другую ждет, чтобы тихое журчанье смолкло, и вешает сумку на плечо.

Набирает полную грудь воздуха и открывает дверь ванной.

Он лежит на спине, лицом к ней, и на миг она цепенеет. Против света кажется, будто он смотрит на нее. Затем раздается еще один громкий всхрап, она вздрагивает, и оцепенение отпускает.

Шесть секунд спустя она хватается туфли и отворяет дверь в гостиничный коридор. И тут, на пороге свободы, что-то заставляет ее оглянуться. Будто по принуждению, будто вот только что проехала мимо дорожной аварии и в общем-то смотреть не хочет, но почему-то должна, она скользит взглядом по мужчине в постели. Видит безвольно открытый рот, слышит негромкие похрапывания, сопровождающие каждый выдох.

С ощущением нереальности Карен секунды три смотрит на своего начальника и — закрывает за собой дверь.

Дверь номера 507 закрывается со вздохом и легким щелчком. Темно-красное ковровое покрытие мягко пружинит под босыми ногами, когда Карен быстрыми шагами спешит к лифту и нажимает кнопку вызова. Кровь гулко стучит в висках, когда она, используя вместо рожка палец, влезает в туфли. И едва успевает надеть их — лифт тренькает, и дверца с тихим шипением скользит вбок.

Удача. За стойкой портье никого не видно. Бросив туда беглый взгляд, Карен спешит через холл к выходу. Мимолетная дрожь беспокойства — до нее доходит, что она совершенно не помнит, как сюда попала. Они вправду пришли вместе? Чья это была идея? Обрывки вчерашнего вечера мелькают в мозгу, как быстрые эпизоды фильма: гавань, Эйрик, Коре и Марики, потом бары, снова устрицы и вино, бокал за бокалом. И смутный образ Юнаса Смеда, возникшего в одном из баров ближе к рассвету. Пока она идет к выходу, в памяти проносятся еще несколько эпизодов: смех, мелкие колкости, внезапно вспыхнувшая ссора, пьяные примирительные объятия и лицо Юнаса рядом. Слишком близко.

Уже почти на улице, пока дверь-вертушка раздражающе медленно выводит ее из гостиницы, приходит очередная пугающая мысль: кто-нибудь видел, как они снимали номер?

Сентябрьский воздух чист и прозрачен, Карен успевает глубоко вздохнуть, но тотчас опять накатывает тошнота. Бросив быстрый взгляд на пустынную улицу и зажав рот ладонью, она почти бегом пересекает мостовую. А мгновение спустя стоит по другую сторону приморского бульвара, перегнувшись через ограду, меж тем как волна дурноты медленно отступает. Секундное чувство облегчения, но затем мысль, которую она гнала прочь с тех пор, как десять минут назад проснулась, наваливается на нее со всей силой. Самое ужасное еще впереди. Утром в понедельник она неизбежно встретится с ним.

Карен скользит взглядом вдоль бухты, к порту на востоке. В гостевой гавани качается целый лес мачт, но паромный терминал чуть дальше безлюден, как всегда по воскресеньям. Паром из Эсбьерга придет не раньше восьми вечера, а суда в Данию и в Англию уже который год по выходным вообще не ходят. Желающие покинуть Доггерланд в воскресенье теперь летают самолетом из Равенбю. Сквозь утреннюю дымку, покуда

висящую над морем, она различает белую радиолокационную рубку круизного судна, которое стоит на якоре дальше, в глубоководной гавани.

Щурясь на горизонт, она ищет во внутреннем кармане темные очки и тихонько чертыхается, потому что на привычном месте их нет. Ощупывает ладонями карманы куртки: либо она где-то посеяла очки еще вчера вечером, либо забыла в гостинице. Теперь по меньшей мере полпути домой в Лангевик придется терпеть бьющее в глаза низкое солнце, мучиться от жажды, тошноты и жуткой головной боли. Двойной эспрессо и две таблетки болеутоляющего — вот что ей требуется, чтобы не создавать на шоссе непосредственной угрозы, но, даже не оборачиваясь, она знает, что и магазины, и кафе на той стороне Страндегате закрыты. В такую рань, после Устричного фестиваля, она, наверно, единственная, кто не спит в похмельном городе, за исключением разве что какой-нибудь крысы, шныряющей среди переполненных урн и устричных ракушек. Мысль об этом вызывает новый приступ тошноты.

С закрытыми глазами Карен несколько раз глубоко вздыхает, опершись ладонями о шершавые, прохладные камни ограды. Свежий воздух приносит облегчение, бриз бросает в лицо влажные волосы. Она поворачивается спиной к солнцу, смотрит на пляж. Стая серых чаек гомонит возле плохо затянутых мусорных мешков, которым не нашлось места в расставленных наугад контейнерах. Чуть поодаль виднеется еще один мусорный мешок. Секундой позже она понимает, что это спящий человек. Лежит прямо на песке, укрывшись пиджаком. Рядом — магазинная тележка, скорей всего украденная в “Квике” или “Теме”, а теперь набитая пустыми банками и бутылками. Должно быть, пьянчуга, из тех, что обычно толпятся возле галереи за Рынком. Проснувшись, он наверняка будет чувствовать себя так же, как она, — изнывать от жажды, обливаться потом и мучиться похмельем, тяжелым, как рюкзак за плечами. С другой стороны, думает она, в отличие от меня он явно провел ночь в невинном одиночестве.

Издали доносится тарахтение мопеда, вяло пробивающееся сквозь мерный шум прибоя. Пенные волны бьются о пирс, неустрашимо протянувшийся прямиком в море, а в заливе к одной из шести причальных тумб пришвартована потрепанная парусная лодка. Карен рассеянно прикидывает, скоро ли портовая полиция шуганет лодку. Вероятно, будут смотреть сквозь пальцы минимум до второй половины дня; нынче даже эти обычно ретивые ребята вряд ли разбудят свой охотничий инстинкт раньше обеда.

Дальний конец километрового пирса по-прежнему затянут утренней

дымкой, и очертания расположенного там маяка покуда расплывчаты. Ночью, наверно, был густой туман, думает Карен и вспоминает, что гудки туманных горнов продолжались необычно долго. И еще один клочок воспоминания: Юнас раздраженно встает закрыть окно, потом возвращается в постель. Она быстро прогоняет эту картину, отталкивается от ограды и быстрыми шагами идет к парковке на Редехусгате.

Припаркованная машина стоит в трех кварталах отсюда, там, где она ее оставила полсуток назад. Увидев на пустой парковке возле ратуши свой темно-зеленый “форд-рейнджер”, она в тот же миг расслабляется. Еще час — и она будет в своей постели, у себя дома, и за опущенными жалюзи сон подарит ей несколько часов передышки от мучительных само-укоров.

В следующий миг она обнаруживает, что ключи от машины куда-то запропалились.

— Ну и как у нас дела?

Голос за спиной уверенный и чуть снисходительный. Карен замирает, не закончив движение, одна рука в сумке, другая опирается на капот машины.

Присев на корточки, она несколько минут в панике безуспешно искала ключи. Обшарила все кармашки и отделения, ощупала дно, а затем с растущим беспокойством принялась выкладывать из сумки содержимое.

Сейчас она сквозь зубы беззвучно чертыхнулась: какого лешего полиция шастает здесь в такое время? Какого черта им приспичило тратить человеческие ресурсы и казенные деньги, патрулируя улицы и площади, когда весь город еще спит? Ноги затекли, но она с тяжелым вздохом встает. Нехотя поворачивается, пытается выдавить непринужденную улыбку.

Выходит натянутая гримаса.

Выражение испуга и недоверия мелькает на лицах обоих полицейских, когда они видят ее лицо.

— Ой, простите... — говорит старший и смущенно отступает назад.

Взгляд его беспомощно тычется то в остатки размазанного макияжа на мертвенно-бледном лице, то в рассыпанные вещи. Его более молодая напарница глянула на Карен лишь мельком и теперь с явным любопытством изучает кучку барахла на асфальте: экземпляр вчерашней газеты, мобильный телефон, полпачки сигарет, что-то вроде пары черных колготок, зарядник для телефона, надкушенное яблоко со следами зубов в потемневшей мякоти, бюстгальтер и пачку презервативов.

Карен выдавливает еще одну натянутую улыбку, чувствуя, как лицо напрягается. Потом неопределенным жестом указывает на кучку на асфальте.

— Не могу найти ключи от машины, — говорит она на вдохе, чтобы полицейские не учуяли перегар, и добавляет: — Сумка новая.

— В городе ночевали, да?

Полицейская присела на корточки и сейчас смотрит на нее с легкой улыбкой, словно в знак взаимопонимания. Карен чувствует, как внутри закипает досада: “ночевать в городе” — на что она намекает, эта до невозможности спортивная девчонка с конским хвостом?

— Простите? — ледяным тоном произносит она.

Используя свой взгляд. Пронзительно-синий, с желтым ободком вокруг

зрачков, она знает, как он пугает людей, заставляет умолкнуть. Карен смотрит молодой женщине прямо в глаза, вынуждает ее пойти на попятный и в ту же секунду жалеет, что одержала верх. Что она делает?!

— После Устричного всегда задерживаюсь допоздна, вот и заночевала у подруги, — говорит она, пытаясь загладить резкость. — Но сейчас мне, пожалуй, не мешало бы продолжить поиски...

Многозначительным жестом Карен показывает на сумку и кучку вещей, которая, кажется, по-прежнему привлекает внимание полицейской. И тотчас видит, как рука в перчатке поднимает и слегка встряхивает скомканные колготки. Плоский ключ со звоном падает на каменный бортик тротуара. Две секунды спустя слышится знакомый писк отпертой дверцы автомобиля.

— Прошу вас, шеф. — Полицейский ассистент Сара Ингульдсен встает и с кривой усмешкой протягивает ей ключ.

Не в силах ничего сказать, Карен берет ключ, а патрульные одновременно делают шаг назад и отдают честь. Теперь и полицейский ассистент Бьёрн Ланге явно обрел дар речи:

— Осторожно на дорогах, инспектор Эйкен!

Магистральное шоссе из Дункера в Лангевик на протяжении шести километров проходит вдоль юго-восточного побережья Хеймё, пересекает длинный узкий мыс Скагернес, а затем еще полтора километра идет на северо-восток. Карен чувствует, как по спине стекает струйка пота, и в то же время искусственная прохлада кондиционера заставляет ее вздрогнуть. Руки крепко сжимают руль, взгляд то и дело косится на спидометр. Сомнительно, конечно, чтобы дорожное подразделение нынче утром отправило людей контролировать скоростной режим, но сама мысль о том, что ее остановят коллеги, а вдобавок придется дуть в пробирку, заманчива примерно так же, как еще одна ночь с Юнасом Смеedom. И результат был бы для моей карьеры не менее разрушителен, думает она. Невзирая на по-прежнему весьма мягкое законодательство — итог работы прагматичных политиков, которые от его изменения больше потеряют, чем выиграют, — промилле в ее крови наверняка превышают допустимый уровень. В ответ все внутри сжимается от холода, и она еще сбавляет скорость. Только не это. Ни в коем случае.

Движение редкое, считанные автомобили проезжают мимо с интервалом в несколько минут. Карен расслабляет руки, легонько поводит плечами. Позже, после нескольких часов сна, она вспомнит все подробности вчерашнего вечера, разберется в случившемся, со всех сторон рассмотрит каждое мгновение, призовет себя к ответу и приговорит к раскаянию и чистой жизни. Ни капли алкоголя в течение многих недель, никаких сигарет, ежедневные пробежки, силовые тренировки и здоровое питание. Сперва следствие, затем приговор; она и раньше так поступала. Наследие предков с Ноорё глубоко сидит в ней. Не настолько, чтобы она перестала грешить, но достаточно, чтобы наихудшие проступки вызывали у нее страх. Не перед гневом Божиим и отказом в Царствии Небесном, а скорее перед ценой, какую придется платить еще в этой жизни. На сей раз ее шеф, начальник отдела уголовного розыска Государственной полиции Доггерланда, устроит ей ад на земле. Колкости, насмешки, намеки. На работе вряд ли останешься, но и никакого выхода не видно. Несколько недель отпуска едва ли устранят проблему, и что тогда делать? Уволиться на свой страх и риск? Сменить сферу деятельности, в ее-то годы? Все кажется одинаково неподходящим, и она отбрасывает мысли о будущем, однако не может отделаться от воспоминаний о вчерашнем дне, а их все

больше, и мало-помалу они начинают выстраиваться по порядку.

Последняя сентябрьская суббота. Она встретилась с Марике, Коре и Эйриком в “Ровере” выпить пива, пока не началась традиционная устричная оргия. Марике была в плохом настроении после неудачного обжига, загубившего две недели работы в мастерской. Что-то пошло не так с новой глазурью, на которую она возлагала большие надежды. Вдобавок Марике Эstrup терпеть не могла устрицы, что и провозглашала с необычайно сильным датским акцентом. Со временем они приноровились к ее немыслимой смеси доггерландского и датского и заметили, что акцент служил своего рода индикатором настроения Марике: чем хуже настроение, тем он сильнее; вчера показания датчика зашкаливало, и понять ее североютландское шипение было почти невозможно.

Коре с Эйриком, напротив, пребывали в лучезарном расположении духа. Двумя днями раньше продавец согласился на цену, предложенную ими за дом в Тингсвалле, и вечер пятницы они посвятили обсуждению выплат, спорам об интерьере и примирительному сексу. Всю субботу провели в постели, где в уютном коконе веры в будущее благополучно строили планы переезда, последующего новоселья и будущей жизни вдвоем до старости.

У Карен суббота выдалась плодотворная и началась с поездки в строительный универмаг в Ракне. Потом она утеплила семь окон, поменяла петли на двери сарая, а кроме того, ни разу не повысив голос, почти полчаса говорила по телефону с матерью и теперь, довольная собой, рассматривала в мягкой полутьме паба своих по-прежнему загорелых друзей. Сама она из-за бледной кожи выглядела усталой, что Коре не преминул тотчас же бессердечно отметить.

— Ладно, настал и мой черед, — ответила Карен. — Вероятно, уже в понедельник, а самое позднее во вторник поеду отдыхать.

Считанные свободные дни в начале июня, все остальное лето она работала. Пока коллеги наслаждались отпуском, самостоятельно закончила одно предварительное расследование, писала последние отчеты, наводила порядок, держала позиции с помощью временного персонала из округов. Когда ее запоздало спросили, не может ли она передвинуть отпуск на осень, она и виду не подала, что для нее так даже лучше. Без возражений работала все лето, создав себе весьма выгодный ореол мученицы, который придется очень кстати, чтобы отвертеться от дежурств на Рождество и Новый год.

В “Ровере”, уютно расположившись в кресле, она объявила друзьям,

что впереди у нее три недели отпуска, большую часть которого, пока Доггерландские острова погружаются в темноту и холод, она проведет на северо-востоке Франции. Погостит в эльзасской усадьбе, где ей принадлежит незначительный процент земли и виноградников, отдохнет в компании Филиппа, Аньез и остальных, обсуждая с ними нынешний урожай и сравнивая его с прежними.

Но сперва Устричный фестиваль.

Как всегда, сей ежегодный праздник начинался в гавани, где между столами толпились дункерцы и приезжие туристы. Устрицы еще как следует не отъелись, но первая суббота после осеннего равноденствия открывала долгий сезон, а это необходимо хорошенько отметить. Горы крупных и мелких моллюсков быстро убывали и тотчас вырастали вновь, меж тем как деньги меняли владельцев, а потные пивовары с громким пыхтеньем выкатывали новые бочки портера и сдобренного вереском хеймёского. Черный хлеб и сливочное масло — традиционно единственная, но очень важная закуска, ведь иначе народ, изрядно хлебнув на голодный желудок, свалится под стол, поэтому нынче вечером их подавали бесплатно; и на каждом клочке свободного пространства — спонсорская реклама.

Словом, все как всегда.

Сколь бы приподнятым и благодушным ни был настрой, Устричный фестиваль по традиции собирает и положенную дань жертв перепоя, потасовок и одного-двух пищевых отравлений. А вот что к традициям не относится, так это фастфуд и дешевое вино, которое подают теперь в бумажных стаканчиках, на что ежегодно указывают авторы возмущенных писем в газету, за подписью “Сохраните наше доггерландское культурное наследие” и “Разочарованный 72-летний”. По части развлекательной программы тоже достигнут прогресс, как считают одни, и регресс, как считают другие. С фольклорными ансамблями, которые этак два десятка лет назад были единственным увеселением, теперь вовсю соперничают местные и приглашенные рок-группы, несносные конкурсы талантов, грохот временно установленных аттракционов и пронзительные крики детворы.

Прежде чем уйти из гавани, Коре с Эйриком умяли вчера по дюжине устриц, а Карен примерно вполовину меньше. Марике с неодобрением смотрела на их запрокинутые головы и алчно разинутые рты.

— Моллюски — еда не для человека. Можно вообще слечь, — сказала она с полным ртом свиной отбивной, отчего ее выговор стал еще невнятнее.

— Слечь можно от этого пойла, а не от устриц, — беспечно возразил Коре, допивая последний глоток хеймёского и швыряя пластиковый стаканчик в контейнер. — Фу ты, черт! — Он сделал тщетную попытку подавить отрыжку и скривился. — Пора, черт возьми, хлебнуть чего-нибудь получше.

И они продолжили вечер традиционным походом по барам, где бокал за бокалом пили белое вино и опять угощались устрицами. Некоторые бары на приморском бульваре наряду с местными устрицами ради сравнения подавали и французских, а доггерландский обычай предписывал сопровождать каждый заказ иностранных конкурентов националистическими, хотя и добродушными возгласами недовольства. И как раз когда Карен в третьем баре, кафе “Нова”, заказала бокал шабли и парочку французских морских ушек, она почувствовала у виска теплое дыхание и услышала низкий голос:

— Инспектор уголовного розыска Эйкен, ты вправду суешь в рот все подряд?

Она медленно повернулась к шефу отдела угрозыска и рассмеялась:

— Нет, Смеед, тут тебе не повезло.

Однако же через полтора часа они оказались в двойном номере гостиницы “Взморье”. К собственно случившемуся там она мысленно приближается с тем же чувством, с каким, подняв камень, в ужасе видишь, что за мерзость под ним копошится. Карен щурится от солнца и поблескивающей дороги.

Н-да, тут определенно подыграл алкоголь, думает она в попытке взглянуть на происшедшее как бы со стороны. А вдобавок всеобщий расслабленный настрой; что ни говори, не первый раз именно Устричный фестиваль приводил людей — ее ли саму или кого другого — к сексуальным эскападам с последующим глубоким раскаянием, в худшем случае даже к разводу. И все же она не припоминала, чтобы хоть одна из прежних промашек вызывала у нее такое сожаление, как сейчас.

Шоссе плавно сворачивает на север, и Карен бросает взгляд на море. Дымка поредела, солнце успело подняться довольно высоко и сверкает в волнах. Несколько морских чаек парят на ветру и, по всей видимости, лениво довольствуются перевариванием пищи и спокойной болтовней, рыбу высматривать незачем. Карен опускает боковое стекло, вдыхает насыщенный солью воздух. Надо просто позвонить в кадры и попросить о переводе, думает она. Может, найдется подходящая вакансия в Равенбю или на худой конец в Грундере, хоть там и скучища.

Раньше неприятностей тоже хватало, напоминает она себе. Женщины-

полицейские одна за другой уходили из отдела еще при прежнем начальнике. Эва Хальварссон, оставив надежду когда-нибудь получить звание инспектора, перевелась в дорожную полицию, а Анникен Гербер и Инга ван Брёкелен служат теперь во Фрисельском округе. Сама Карен, стиснув зубы, держалась, не столько назло, сколько потому, что была не в силах начинать сначала. Еще раз. Но больше всего по другой причине: работа инспектора уголовного розыска — действенный способ отвлечься от того, о чем ей хочется любой ценой забыть. Вместе с десятком коллег-мужчин и всего лишь двумя коллегами-женщинами в отделе уголовного розыска Доггерландской государственной полиции она отвечает за расследование всех тяжких преступлений на Доггерландских островах — Хеймё, Ноорё и Фриселе. Решение о централизации было принято одиннадцать лет назад и столкнулось тогда с резкой критикой со стороны местных полицейских участков, однако протесты мало-помалу умолкли, поскольку процент раскрываемости возрос. К сожалению, возросло и количество тяжких преступлений, а значит, число ненаказанных преступников осталось на постоянном уровне. И Карен может держать свои мысли под контролем.

На первых порах, конечно, ставили под сомнение, достаточно ли у нее квалификации для работы в отделе, — коллег старой закалки вовсе не убедило, что диплом по криминологии, который она защитила в Лондонском университете Метрополитен, возместит отсутствие “рабского стажа” в патрульной службе. Но с годами личный процент раскрываемости у Карен заставил критиканов замолчать. И все-таки в уважении Юнаса Смееда к ней как к дознавателю с самого начала, когда он только вступил в должность начальника отдела уголовного розыска, чувствовалась принужденность, будто каждое признание ее компетентности было ему поперек горла. Зато он быстро установил в отделе, по собственному его выражению, этакий “слегка фамильярный, свойский” стиль общения. Награда не заставила себя ждать. Облегченно вздохнув оттого, что новый начальник упразднил требования железной дисциплины и субординации, многие коллеги-мужчины воспылали к Юнасу Смееду симпатией, с готовностью подхватили “свойский тон” и довели до прямо-таки непереносимого совершенства. К постоянным подшучиваниям в форме мелких колкостей и ехидства Карен привыкла. Вернее, инстинкт самосохранения научил ее не обращать внимания на безудержные насмешки Йоханнисена над феминистками и автомобилистками, а равно и на всегдашние рассуждения Юнаса, что понять женскую логику совершенно невозможно. Она не достаивает этот цирк ни единым

комментарием. Знает, что молчание говорит громче протестов. Знает, что скучливая зевота действует на нервы больше, чем громогласное недовольство. Научилась отключаться, прятать свое раздражение, прекрасно понимая, что, если даст заманить себя в ловушку, станет только хуже. А главное, заметила, что это прибавляет ей сил. Юнас Смеед провоцирует ее в стремлении добиться реакции, она же провоцирует его куда больше, потому что не реагирует вообще.

И теперь я трахалась с этой гнидой, думает она. Полная лажа!

Вдобавок, подытоживает Карен как раз в ту минуту, когда видит указатели на съезде в Лангевик, она отлично знает, почему они оказались в постели. Вечный их поединок, вечное соперничество, кто сильнее, — вот что вчера вечером заставило обоих забыть все правила игры. Неукротимая жажда наконец-то одержать победу над противником. А с пьяных глаз желание наконец-то победить, заставить другого признать поражение вылилось в смехотворный акт обольщения, причем победителем каждый из них считал себя. Хмель перечеркнул все контраргументы, стер все опасения и внезапно разбудил физическую страсть. Искру, которая угасла так же быстро, как и вспыхнула.

А секс даже хорошим не назовешь, думает она, не без злорадства. Большой частью бесконечная утомительная смена поз, одна неудобнее другой, — наверно, в стремлении понравиться. Во всяком случае, для своих лет этот поганец весьма ловок. Не то что я.

Она бросает взгляд в зеркало заднего вида, включает поворотник, сворачивает. Дорога на Лангевик, понятно, заасфальтирована, скорость, однако, ограничена до 60 км/час, и она покорно сбрасывает ее даже чуть ниже этого предела. На миг отвлекается от дороги, смотрит на крутые холмы, где высятся белые башни ветроэлектростанции. Лопасты турбин вращаются в ровном ритме, и в открытое окно до нее долетает их свистящий шум. Ветряки стоят по всей Лангевикской гряде и шесть лет назад, когда началось строительство, вызвали бурное возмущение. Горожане, проживавшие на несколько сотен метров ближе к морю, устраивали митинги, раскладывали письма протеста на прилавках местных магазинов и меж пивных насосов в пабе. Теперь протесты давно утихли, и про ветровую электростанцию уже который год никаких разговоров не слышно.

Карен глядит на высокие белые сооружения. В движении их стройных лопастей есть что-то успокаивающее, почти красивое. Сама она вообще-то никогда против них не возражала, даже в разгар протестов. Но поскольку

для Карен Эйкен Хорнби пинта доброго пива всегда стояла на одном из первых мест в списке того, что делает жизнь сносной, она считала своим долгом подписывать письма протеста; кто не подпишет, того в единственном городском пабе будут встречать гробовым молчанием, все от него отвернутся. Впрочем, попытки остановить строительство, разумеется, остались бесплодны: одна за другой белые башни рядами поднялись по всей Лангевикской гряде, и Карен не возражала; до ее дома шум турбин долетает, только когда ветер дует точно с юго-запада. Но здесь, прямо под ветряком, на пологом склоне, где дома стоят редко, словно заброшенные сюда случайно, и где сбегает к морю речка Лангевиксо, посвист слышен постоянно.

В эту самую минуту ста пятьюдесятью метрами дальше, на спускающемся к морю холмистом участке, среди полного покоя возникает движение. Женщина средних лет с трудом взбирается по крутой тропинке, ведущей от старых мостков к дому. На ней темный купальный халат, голова обмотана полотенцем. На миг Карен охватывает неловкость, но она тотчас заглушает инстинктивные укоры совести. Безусловно, есть тысячи причин, по которым мне не стоило спать с Юнасом Смеedom, но Сюзанна вообще-то не из их числа, думает она. Они уже лет десять в разводе.

Не посигналить ли в знак приветствия, как требует городской этикет, мелькает в голове у Карен, но она отбрасывает эту мысль. В нынешних обстоятельствах привлекать к себе внимание совершенно ни к чему. Да и Сюзанна Смеед как будто бы не замечает ее — неотрывно смотрит под ноги и, судя по всему, спешит домой. Зябко стягивает на груди халат и идет быстрыми, решительными шагами. Наверняка замерзла, как цуцик, после утреннего купания, думает Карен, вода явно холодная.

До дома уже совсем близко — при мысли об этом Карен расслабляется и чувствует, как тиски усталости сжимаются все сильнее. Подавив очередной приступ зевоты, она несколько раз резко зажмуривается. И в тот же миг замечает на обочине какое-то движение. Хищно пригнув голову, вытянув в прыжке передние лапы, через дорогу кидается кошка, настороженная, готовая защищать добычу, которая беспомощно болтается у нее в пасти. Карен чувствует, как адреналин пробегает по жилам, когда ремень безопасности натягивается от резкого торможения.

— Не расслабляйся, — шепчет она. — Тебе ли не знать, что может случиться.

Дальше дорога идет слегка под уклон, вот уже и центр городка. Здесь по обе стороны теснятся дома, но людей по-прежнему не видно. Карен еще сбавляет скорость и сворачивает на длинную улицу. На посыпанной

гравием площадке перед “Зайцем и вороной”, единственным в Лангевике пабом, в беспорядке стоят столы и стулья. Кое-где на столах остались стаканы, несколько чаек мельтешат крыльями возле разбросанных устричных ракушек. Здесь, понятно, нет нужды на ночь громоздить стулья в штабеля и сковывать их цепочкой, как по необходимости поступают в дункерских пивных, но обычно хозяин паба, Арильд Расмуссен, все-таки старается навести порядок, прежде чем закрыть заведение на ночь. Добряк Арильд, должно быть, перебрал вчера на кухне с выпивкой, тоже небось хотел попировать, как все, думает она.

Она тихонько проезжает мимо социального центра, который по доггерландским законам должен быть в любом населенном пункте, однако теперь работает только по четыре часа в понедельник и в четверг. Минует табачную лавку, закрытое почтовое отделение, закрытый хозяйственный магазин и продуктовый, которому тоже давно грозит закрытие. Старинный рыбачий поселок на восточном побережье Хеймё живет на искусственном дыхании и остатках былого духа противоречия. Только вот протесты изрядно приувыли, широкий выбор и цены заставляют большинство плюнуть на принципы и рвануть в супермаркеты и практичные строительные универмаги. Лишь пабу Арильда Расмуссена вроде бы ничто не угрожает; в “Зайце и вороне” почти каждый вечер по-прежнему полно посетителей.

В конце улицы дорога огибает старый рыбный рынок и резко сворачивает, оставляя гавань в стороне. Карен благополучно минует крутой поворот и не спеша съезжает на узкую щебеночную дорогу между морем и Лангевикской грядой. Белые и серые каменные дома карабкаются по взгоркам, а по другую сторону тянутся вдоль берега причалы и лодочные сараи. Все свидетельствует о том, что Лангевик, как и остальные прибрежные поселки Доггерландских островов, некогда был населен почти исключительно рыбаками, матросами и небольшим числом лоцманов. Теперь в большинстве домов с морскими участками живут айтишники, инженеры-нефтяники и небольшое число работников культуры. За простыми серыми каменными фасадами деревянные плиты и чайники сменились индукционными плитами и кофеварками-эспрессо. Карен знает, что лодочные сараи все чаще перестраивают, превращают в дополнительные жилые помещения, и за исхлестанными ветром стенами прячутся теперь не большие шлюпки на четверых или шестерых гребцов, а удобные диваны из долговечного искусственного тростника. Теплыми летними вечерами довольные хозяева сидят там за бокалом вина, наслаждаясь чудесным видом на море и вовсе не беспокоясь о порванных

сетях или о том, что окаянный тюлень и на сей раз утащил половину улова.

Пожалуй, она бы и сама так поступила, будь у нее деньги. Карен Эйкен Хорнби ностальгией не страдает. На вид почти всё, как в ее детстве, хотя, по сути, изменилось. И ее это вполне устраивает.

Она сворачивает на крутую подъездную дорожку к одному из последних домов, отмечает, что если не засыплет выбоину возле ворот, то в следующий раз, загоня тяжелую машину на участок, непременно врежется головой в крышу. Со вздохом облегчения выключает мотор и, прежде чем открыть дверцу, на несколько секунд замирает. Опять наваливается усталость, ноги словно налиты свинцом, когда она поднимается по тропинке к дому. Дышит глубоко, наполняет легкие ароматом близкой осени. Воздух здесь обычно на несколько градусов холоднее, чем в Дункере, и нет ни малейшего сомнения, что лето быстро идет к концу. Березы уже начали желтеть, а рябина возле сарая с инструментом густо усыпана красными гроздьями ягод.

На каменном крыльчке возле задней двери лежит мохнатый серый котище. Когда Карен подходит, он переворачивается на спину, вытягивается во всю длину и зевает, показывая хищные острые клыки.

— Доброе утро, Руфус, нынче тоже ни одной мышки? Ну какой мне от тебя толк, а?

В следующую секунду кот встает, трется о ее ноги, Карен едва успевает повернуть ключ в замке, как он мигом ныряет в дом.

Она бросает сумку на кухонный стол, стягивает куртку, заодно скидывает и теннисные туфли. Открывает шкаф над мойкой, достает две таблетки от головной боли, запивает их стаканом воды, рассеянно поглаживая по спинке кота, который вскочил на мойку. Все более громкий и требовательный мяв вспарывает головную боль, пока она достает банку с кошачьим кормом. Как только миска с кормом оказывается на полу, мяуканье мгновенно смолкает, кот спрыгивает. Сегодня же вечером надо установить кошачью дверку, которую она купила, окончательно капитулировав перед котом. Хотя здесь полно мышей и, по крайней мере, есть еще два места, где Руфус может укрыться, он явно полагает, что ему больше под стать питаться на кухне и проводить дни на диване в гостиной. Где он жил до того, как приковылял к ней минувшей весной, она понятия не имеет. Объявления, развешенные на телефонных вышках и брошенные в почтовые ящики городка, результата не принесли. Ветеринар зашил порванное ухо, кастрировал кота, наложил ему на лапу лубки и надел на шею воротник, чтобы он не слизал зелье от глистов. Настрадавшийся кот

определенно пришел, чтобы остаться, и теперь ей пора признать поражение: Руфус победил.

Под звуки кошачьего чавканья Карен заряжает кофеварку и отрезает несколько ломтиков хлеба. Четверть часа спустя она через силу съела два бутерброда с сыром, запив их полулитром крепкого кофе. Резкая головная боль сменилась тихо ноющей, и усталость разом берет верх. Не помыв посуду, она с трудом поднимается в спальню, раздевается, ложится на кровать. Надо было хоть зубы почистить, думает она. И уже в следующий миг проваливается в сон.

Звук доносится откуда-то издалека, проникает в сознание сквозь пласты сна. Когда он наконец совсем близко, ей на мгновение кажется, что это будильник, и она резко нажимает кнопку выключателя, однако назойливый звук не стихает. Будильник показывает 13.22, и проходит еще секунда-другая, прежде чем ей становится ясно: она проспала половину воскресного дня, а звук идет от мобильного, оставленного на кухне.

С досадой она откидывает одеяло, надевает халат, брошенный на кресло в углу, спускается вниз. Сигналы требовательны, и она, все больше нервничая, роется в сумке и наконец выуживает оттуда мобильник, который тотчас умолкает. Быстрый взгляд на дисплей — и сна как не бывало. Три пропущенных звонка, все от начальника полиции Вигго Хёугена.

Карен опускается на кухонный стул, нажимает кнопку вызова, мысли кружат в голове. Зачем она понадобилась начальнику полиции? По работе они почти не пересекаются. Да еще и в воскресенье. Так или иначе, вряд ли у него хорошая новость, сообщает она, пока в трубке слышатся гудки. После третьего на другом конце отзывается властный голос:

— Хёуген.

— Добрый день, это Карен Эйкен Хорнби. Вижу, вы пытались со мной связаться.

Она старается не показать, что только что проснулась, но слегка переигрывает, и голос звучит звонко и радостно.

— Да, так и есть. Почему вы не отвечаете на звонки?

Судя по всему, Вигго Хёуген раздосадован, и она быстро прикидывает, чем бы отговориться. Не признаваться же, что полдня проспала с перепоя.

— Я несколько часов работала в саду, а телефон забыла на кухне. Воскресенье ведь, — добавляет она и тотчас жалеет, услышав реакцию Хёугена:

— Как инспектор уголовного розыска вы обязаны круглые сутки быть на связи, независимо от дня недели. Разве вам это неизвестно?

— Конечно, известно, только...

Начальник полиции перебивает ее, громко откашлявшись:

— Ладно, так или иначе, случившееся требует, чтобы вы незамедлительно вышли на службу. Найден труп женщины, в ее собственном доме, и многое указывает на то, что речь действительно идет об убийстве. Руководить расследованием будете вы.

Карен чувствует, как приосанивается на стуле, выпрямляет спину.

— Слушаюсь. Разрешите спросить.

— Вам надлежит немедля сформировать опергруппу, — продолжает Вигго Хёуген. — Все подробности у дежурного.

— Ясно. Только один вопрос.

— Почему вам звоню я, а не Юнас, — опять перебивает начальник полиции. — Что ж, я понимаю ваше удивление.

Голос слегка смягчился. Карен слышит, как Хёуген переводит дух, а затем с расстановкой продолжает:

— Дело в том, что убитая — Сюзанна Смедд. Бывшая жена Юнаса.

Несколько секунд Карен молчит, меж тем как информация доходит до ее сознания. Перед глазами мелькает образ озябшей женщины в темно-коричневом купальном халате.

— Сюзанна Смеед, — повторяет она без всякого выражения. — Вы вполне уверены, что это убийство?

— Да, умышленное или непреднамеренное. На этом этапе, понятно, невозможно сказать, что именно произошло. Но, по словам дежурного, ее точно убили. Двое из наших ассистентов уже на месте, они четко доложили о случившемся.

Вигго Хёуген снова заговорил прежним взвинченным тоном, и теперь Карен отчетливо слышит в его голосе тревогу:

— Как вы понимаете, Юнас не может ни руководить расследованием, ни возглавлять отдел, пока оно идет. Я уже говорил с ним, и он, конечно, совершенно со мной согласен. До выяснения всех обстоятельств вам придется взять на себя то и другое.

Две секунды молчания.

— Или пока мы не найдем другое решение, — добавляет Хёуген и опять откашливается.

Слушая, она мысленно уже опередила его. Разумеется, отстранение Юнаса Смееда — шаг необходимый. Пока нет другой информации, он в первую очередь относится к числу тех, кого предстоит допросить. И медленно, но верно она осознает последствия. С растущим неудовольствием понимает, что допрашивать шефа придется именно ей. Того самого шефа, которого она меньше восьми часов назад оставила в гостиничном номере в Дункере.

Будто мысли могут выдать ее, она ощущает инстинктивную потребность поскорее закончить разговор с Вигго Хёугеном и коротко отвечает:

— Понятно. Я живу неподалеку от Сюзанны Смеед, так что в пределах получаса буду на месте. Вы не знаете, криминалисты уже там?

— Да, или, во всяком случае, на пути туда, в том числе судмедэксперт, но им ехать довольно далеко. Тревогу подняли примерно час назад, если я правильно понял дежурного.

Значит, все случилось между началом девятого, когда я своими глазами видела ее живой, и без малого двенадцатью, когда поступило тревожное

сообщение, думает Карен. Примерно четыре часа, и в этом промежутке Сюзанну Смедд убили. А я всего в двух километрах оттуда спокойно спала, чтобы протрезветь. Черт!

— О'кей, сию же минуту приступаю к работе, вызвоню людей, — говорит она.

— Да, и вот еще что... — Начальник полиции секунду медлит, словно подыскивая слова. — Как вы понимаете, ситуация крайне щекотливая. Не могу не подчеркнуть, насколько важно вести дознание без шума. Журналистов предоставьте мне, никаких спонтанных высказываний и прочего... Да, без шума, как я уже сказал. Вам ясно, Эйкен?

Пошел ты к лешему, индюк надутый, думает она.

— Вполне, — говорит она.

Разговор окончен, и Карен мчится вверх по лестнице, меж тем как мысли бушуют в голове. Три минуты спустя она выходит из-под душа, чистит зубы и одновременно вытирает волосы. Во всем теле еще чувствуются остатки похмелья.

Перед отъездом надо поесть, думает она. Иначе никак. Она надевает джинсы и синюю футболку, снова бежит вниз, на кухню. В холодильнике лежат остатки субботнего обеда: что-то вроде рагу с курицей, симпровизированного из того, что нашлось в морозилке. Она вываливает содержимое пластикового контейнера на тарелку, ставит холодное месиво в микроволновку, приносит из передней черные берцы. Быстрый взгляд на часы: без двадцати два. Восемнадцать минут назад мне казалось, самая большая моя проблема в том, что я переспала с шефом, мрачно думает она, слышит треньканье микроволновки, и только теперь до нее доходит, что отпуск и на сей раз не состоится. Про сбор винограда во Франции наверняка можно забыть.

Четырнадцать минут спустя Карен Эйкен Хорнби, врио начальника отдела уголовного розыска Доггерландской полиции, застегивает ремень безопасности. На сиденье рядом лежат банан и банка кока-колы, найденные в холодильнике за контейнером с курицей. Прежде чем врубить движок, она сует в рот две жвачки, чтобы отбить запах табачного дыма.

Задним ходом она выводит машину из ворот, слышит, как гравий брызжет из-под колес, когда "форд" срывается с места. За едой она успела переговорить с дежурным в Дункере, и картина случившегося более-менее прояснилась. В 11.49 поступило тревожное сообщение. По какой-то неизвестной пока причине сосед заглянул в кухонное окно Сюзанны Смедд и увидел ноги по щиколотку и перевернутый кухонный стул на полу. Остальное заслонял большой буфет, который ограничивал поле зрения.

Сосед, некто Харальд Стеен, поначалу решил, что Сюзанна потеряла сознание или поскользнулась и ударилась, а потому позвонил по 112, вызвал скорую. Оператору, принявшему звонок, хватило ума позвонить еще и в полицию, которая направила на место двух полицейских ассистентов, Бьёрна Ланге и Сару Ингульдсен.

Карен даже жевать перестала, когда дежурный назвал эти имена. Оба полицейских ассистента возвращались с вызова на виллу примерно в миле к югу от Лангевика, где сработала сигнализация, и потому оказались ближе всех к дому Сюзанны Смеед. Через тридцать пять минут после звонка они прибыли на место происшествия, взломали входную дверь и тотчас установили, что речь идет не о падении уровня сахара в крови и не о несчастном случае.

Бьёрн Ланге сидел на крыльце, опустив голову между коленями, когда Сара Ингульдсен встретила скорую и сообщила медикам, что их помощь здесь не требуется.

— В общем, полная лажа, — сказал дежурный.

Карен паркуется в хвосте вереницы автомобилей на глинистой обочине канавы, которая проходит вдоль дороги возле дома Сюзанны. Впереди всех, у ворот, черный “БМВ” судмедэксперта, за ним белый фургон криминалистов. Она выходит из машины, секунду-другую стоит под морозящим дождем. Обводит взглядом дорогу в обоих направлениях. На соседнем участке, чуть ближе к морю, замечает автомобиль с надписью “Полиция”. Возможные следы покрывшек скорее всего зафиксировать не удастся, думает она. Сейчас большинство горожан уже проснулись, и мимо дома успел проехать как минимум десяток-другой автомобилей.

Подняв взгляд, она осматривает окрестности. Эта часть Хеймё — протянувшаяся на север высокая гряда холмов, бурная речка, сбегаящая к морю, каменные мосты, перекинутые через ее прихотливые изгибы, поросшие вереском взгорки — с детства глубоко запечатлелась в ее памяти. Сейчас она видит знакомые места по-новому. Не замечая красоты и не ощущая покоя, четко отмечает, какие возможности имеет чужак, чтобы добраться сюда и выбраться отсюда незаметно для бдительных глаз. В обычной жизни это вряд ли возможно, соседи обязательно увидят. Но как раз сегодня, в самый похмельный день года, население городка при всем его любопытстве, пожалуй, одолевали другие заботы, и никто не присматривался, какие автомобили проезжают по дороге.

— Добрый день, шеф.

Бьёрн Ланге встает со ступенек, когда Карен подходит к дому. Она видит, что полицейский ассистент еще бледнее, чем нынче утром, а когда он отдает честь, рука у него слегка дрожит.

— Добрый день, — с улыбкой отвечает она. — Ваша работа?

Карен кивает на дверь, к которой ведут ступеньки. Одно из стекол в свинцовой раме выбито, острые осколки с двух сторон удалены, а с двух других по-прежнему торчат ежом. Бьёрн Ланге кивает и начинает поспешно оправдываться, будто не уверен, одобряет ли она их решение.

— Так ведь дверь была заперта, а мы не знали, надо торопиться или нет. Поняли только, что внутри кто-то есть, потому что там работало радио. Надеюсь, мы не испортили улики, просто думали, ей нужна помощь. Мы же не знали, что уже поздно.

Он умолкает, и Карен с успокаивающей улыбкой кивает, удивляясь про себя, почему чувствительный Ланге подался в полицию.

— Вы все сделали правильно, — говорит она. — Как я поняла, зрелище там внутри отнюдь не веселое. Попозже в управлении я побеседую с вами и с Ингульдсен, а сейчас предлагаю вам обоим отдохнуть часок-другой и подкрепиться. Где она, кстати?

— Она у соседа, ну, который позвонил и поднял тревогу. Когда мы приехали, старикан был здесь и чувствовал себя паршиво, поэтому она отвезла его домой. У него определенно проблемы с насосом.

Ланге неловким жестом показывает на сердце, а Карен чертыхается про себя. Полицейская, одна со свидетелем, которого пока нельзя исключить из числа подозреваемых. О чем они думали, черт побери? Впрочем, ей самой прекрасно известно, что у старика Стеена вправду большое сердце и он вряд ли способен убить даже котенка, но ни Сара Ингульдсен, ни Бьёрн Ланге об этом знать не могут.

— Ладно, ступайте пока туда, составьте ей компанию, — коротко бросает она, оставив назидательные комментарии при себе. После тягостной утренней встречи с Ланге и Ингульдсен она сама в проигрыше, так что теперь они квиты.

Ощутимое тепло и слабый запах дыма ударяют в лицо, когда она открывает входную дверь. Что-то пригорело, думает она, или что-то жгли. Перед нею квадратная передняя с лестницей на второй этаж. Слева от лестницы — комод под красное дерево, с выдвинутыми ящиками, рядом на полу шарфы, косынки, перчатки, платяная щетка и еще какие-то вещи, разглядеть которые она не может. Дальше, за дверью справа, виднеется бежевый диван и край толстого голубого ковра в гостиной. За дверью слева слышны невнятные звуки и бормочущие голоса. Склоняясь над большой черной сумкой, посреди передней топчется техник-криминалист Сёрен Ларсен из НТО. Увидев Карен, он в знак приветствия вскидывает подбородок и протягивает ей синие бахилы и пластиковую шапочку.

— Спасибо, Сёрен. Брудаль там? — Она кивает на кухонную дверь, убирая волосы под прозрачную шапочку. Сёрен Ларсен смотрит на нее, вскидывает брови над респиратором и молча кивает.

Она знает, что означает его взгляд. Кнут Брудаль нынче в плохом настроении. Он тоже.

Карен глубоко вздыхает и идет к двери.

На первый взгляд, если отвлечься от пластин, проложенных для прохода, все внутри выглядит вполне нормально. Прямо напротив двери плита, рабочий стол, раковина и посудомоечная машина, над ними — ряд серых лакированных шкафчиков. Справа, на длинной гранитной

столешнице, красуется огромный блестящий аппарат, в котором Карен предполагает кофеварку, на полках над ней выстроились всевозможные кухонные приборы, салатники и медные миски. Слева от двери возвышается большой, выкрашенный голубой краской шкаф, расписанный стилизованными библейскими сюжетами, типичными для доггерландского народного искусства. Излюбленная тема — Иона и кит, и Карен успевает отметить, что и тот, кто несколько веков назад расписал шкаф Сюзанны Смеед, вдохновился именно этой историей. Обычная, вполне уютная кухня, думает она.

Но по мере того как она присматривается, впечатление меняется. Чуть дальше впереди стоит тяжелый дубовый обеденный стол с тремя стульями. Четвертый опрокинут, валяется на полу. Она отмечает пластины для прохода и маленькие желтые треугольники пронумерованных пластиковых табличек, потом видит кровь — полосу красных брызг всего в метре от нее.

— Поосторожнее, Эйкен, — командует резкий голос. — Смотри, черт побери, куда ставишь ноги.

Осторожно ступая по пластинам, Карен входит на кухню, вытягивает шею, чтобы заглянуть за большой шкаф, и у нее поневоле перехватывает дыхание. Секундой позже она подавляет инстинктивное желание отвести взгляд. С каменным лицом смотрит на женщину на полу.

Сюзанна Смеед лежит на спине, голова и шея под острым углом, втиснуты между полом и ребром черной дровяной плиты. Толстый халат распахнулся, под ним видна кремовая ночная рубашка с вышивкой ришелье вокруг глубокого выреза. Одна грудь обнажена, и Карен отмечает, что для стройного тела она неожиданно полная.левой руки Сюзанны Смеед не видно, но Карен фиксирует, что на другой руке нет украшений, зато ногти ухоженные, покрытые скромным бледно-розовым лаком. Голова и торс лежат в луже крови, отчасти впитавшейся в толстый ворс халата и окрасившей коричневую ткань в еще более темный цвет. Волосы там, где не в крови, выглядят тоже ухоженными, со светлыми прядями на несколько мышшином фоне. Ноги вытянуты, на правой по-прежнему синяя бархатная тапка, словно шапка на пальцах, другая тапка вверх подошвой валяется под кухонным столом.

Аккуратно, мелькает в голове. Аккуратный хаос.

Техник-криминалист в белом комбинезоне медленно двигается вокруг покойной, фотографирует во всех возможных ракурсах. Тихий шорох защитных комбинезонов доносится и от двух других криминалистов, осторожно расхаживающих по кухне. Карен знает, что это бесшумное хождение, которое постороннему взгляду может показаться уважительным

отношением к смерти, на самом деле — глубокая сосредоточенность людей, снимающих отпечатки пальцев и смахивающих щеточкой пылинки всех возможных улики. Когда один из них отходит в сторону, Карен видит источник запаха гари — кучу, напоминающую обугленные остатки дровяной корзины между плитой и кухонным столом. Огонь лизал стену и оставил широкую полосу копоти совсем рядом с клетчатой кухонной шторой. Карен видит свое отражение в чистом оконном стекле и твердит себе, что глубокие тени под глазами наверняка от наугад расставленных ламп.

Она снова переводит взгляд на голову Сюзанны Смед и на этот раз заставляет себя всмотреться внимательно. Пряди светлых волос слиплись от запекшейся крови и местами закрывают разбитое лицо. Карен все больше становится не по себе, когда она отмечает вдавленную скулу и как бы сдвинутый вбок нос. Обнаженный ряд зубов белеет под сломанной верхней челюстью, создавая впечатление гротескной усмешки. Глаза широко открыты, взгляд пустой и ничего не говорящий, как у всех покойников, каких видела Карен, — ни удивления, ни страха, лишь беспредельная серая пустота.

И в этом кровавом месиве по-прежнему проступают знакомые черты Сюзанны Смед. “Не по себе” оборачивается резким спазмом под ложечкой, и, чтобы подавить дурноту, Карен переводит взгляд на обеденный стол. Глубокая тарелка с остатками не то простокваши, не то йогурта с мюсли, корзинка с ломтиками темного ржаного хлеба, подтаявшее на жаре масло, пустая чашка из-под кофе аккуратно стоит на блюдечке.

По крайней мере ты успела выпить кофе после утреннего купания, думает она, глядя на голубую цветастую чашку. Но что случилось потом?

— Здравствуй, Кнут, — только теперь тихо говорит Карен, обращаясь к высокому мужчине, который с явным усилием сидит на корточках возле трупа. Она смотрит на широкую спину и удивляется, как это Кнут Брудаль умудрился натянуть комбинезон и не порвать швы. — Что скажешь?

Он отвечает коротко, не поднимая головы:

— Н-да, она мертва. Что тут скажешь?

Карен игнорирует резкий тон, ждет продолжения. Манеры Брудалья нередко действуют ей на нервы, но как раз сейчас она в общем-то понимает его, знает ведь, что Кнут Брудаль и его жена много лет общались с Юнасом и Сюзанной Смед в частном порядке, задолго до их развода. Брудаль, наверно, не просто шапочно знаком с женщиной, чье мертвое тело сейчас осматривает.

— Я приехал сразу после половины второго, к тому времени она была мертва минимум три часа и максимум, пожалуй, часов шесть, — наконец говорит он с явной злостью в голосе. — При здешней адской жарнице точнее сказать не могу. По неведомой причине кому-то приспичило растопить эту бандуру, а вдобавок еще и поджечь дом.

Кнут Брудаль показывает рукой на деревянную плиту в углу; один из криминалистов, нагнувшись, как раз заглядывает в топку. Потом Брудаль поднимает голову, смотрит прямо на Карен, и она видит, что его лоб блестит от пота.

Она бросает взгляд в другой конец кухни, на современную плиту из матированной стали, с блестящей индукционной поверхностью, затем снова смотрит на деревянную плиту. Делая ремонт, Сюзанна, как и многие, наверняка решила сохранить кое-что от давней кухонной обстановки. Хотела сберечь ощущение старинной сельской кухни и одновременно оборудовать ее всевозможной современной техникой. Так поступали почти все. Но на самом деле старые плиты редко кто топил, тем более в конце сентября, когда температура еще значительно выше нуля. Может быть, утреннее купание натолкнуло Сюзанну на мысль согреться, растопив плиту? Или это сделал преступник?

— Когда я приехал, жарница здесь была как в духовке, — сердито продолжает Брудаль. — Огонь криминалисты, слава богу, потушили, но уточнить время смерти будет чертовски трудно. Чистое везение, что не случилось пожара, — добавляет он, кивнув на обугленную деревянную корзину.

— Для нас, пожалуй, — холодно бросает Карен. — Вряд ли для идиота, который пытается замаскировать убийство под обычный бытовой пожар.

Брудаль закрывает свою сумку, с трудом встает. Комбинезон натягивается на объемистом брюшке, и Карен опасается, что тонкая пластиковая молния не выдержит натяжения.

— Что ж, вот и разбирайся, тебе и карты в руки. Так или иначе, я здесь закончил, остальное после вскрытия, — говорит он, утирая ладонью потный лоб.

— Насчет орудия преступления, во всяком случае, сомнений нет. Гляди, Эйкен! — Голос Ларсена доносится от двери. В руках у него длинная железная кочерга, засунутая в пластиковый пакет с бурными разводами. — По-моему, вполне соответствует повреждениям на теле. — Ларсен с довольным видом поворачивает окровавленный пакет. — Аккуратно висела на своем месте возле плиты.

— Возможно, — сухо отзывается Брудаль, — возможно, он разбил ей лицо убитой, но причина смерти предположительно другая.

Карен и Сёрен Ларсен вопросительно смотрят на судмедэксперта. Секунду тот как будто бы наслаждается вниманием.

— Я думаю, она сидела на стуле, когда ее настиг первый удар, но совершенно уверен, что убило ее не это. И даже не сам второй удар. Только вот он с такой силой отшвырнул ее, что она упала навзничь и череп раскололся о плиту. Кто бы это ни сделал, подонок действовал чертовски хладнокровно, твердо решил убить Сюзанну.

Инспектор уголовного розыска Карл Бьёркен стоит в продуктовом магазине, нерешительно глядя то на замороженную пиццу, то на рыбные палочки, когда в кармане начинает вибрировать мобильник. В детском креслице магазинной тележки, заливаясь душераздирающим ревом, сидит его полуторагодовалый сынишка Фруде. Пухлые ручки тянутся к проходу между стеллажами, где исчезла мама, направляясь в отдел с памперсами. Карл бросает быстрый взгляд на дисплей, темные брови тотчас взлетают вверх, когда он видит, кто звонит. Карен Эйкен Хорнби, конечно, его непосредственная начальница, и с годами они стали друзьями, но вряд ли она звонит, чтобы поболтать. Особенно сегодня.

— Малыш, миленький, мама сейчас придет, — говорит Карл, прижимая к одному уху мобильник, а другое прикрывая ладонью. — Привет, Карен, — отвечает он в трубку, — чего звонишь? Протрезвела уже после праздничка?

— Заткнись. Ты сидишь?

— Да нет. Стою в “Теме”, выбираю между двумя соблазнами. Как думаешь, лучше взять замороженную пиццу с ветчи...

— Слушай сюда, — быстро перебивает Карен. — Срочно приезжай, у нас убийство.

Пока Карен рассказывает о случившемся, Карл с трепетом душевным видит, что возвращается жена. Толкает перед собой тяжелую тележку с тремя большими пачками памперсов и, по всей видимости, это стоит ей немалых усилий. В откидном детском креслице сидит братишка-близнец Фруде, Арне, что-то жует. Шея у Ингрид Бьёркен в красных пятнах, вид просто нестерпимо усталый, она осторожно отцепляет что-то от липких пальчиков Арне. Обиженный рев оглашает стеллажи с консервированными овощами и соусами для пасты.

При виде Карла лицо Ингрид озаряет улыбка, и сердце у него обрывается. Он знает, что эта улыбка, в которую он влюбился почти три года назад и которая по-прежнему бьет его как током, через минуту-другую сотрется.

Спустя сорок пять минут Карл Бьёркен делает шаг в сторону, когда через входную дверь выносят носилки с телом Сюзанны Смеед. В дверном проеме ему видно переднюю и Карен, она разговаривает с Сёреном

Ларсеном, чьи непокорные курчавые волосы светлым нимбом стоят вокруг головы. Ларсен изо всех сил вытягивается, чтобы разница в росте между ним и Карен меньше бросалась в глаза. Сёрен Ларсен ростом всего метр шестьдесят три на босу ногу — в берцах с толстой подошвой добавляется еще пяток сантиметров, но он все равно на несколько сантиметров ниже ее.

Карен выглядит сосредоточенной; Карлу знакома эта смесь напряжения и сдержанного ожидания. Сейчас она поворачивает запястье, смотрит на часы.

— Бьёркен вот-вот подъедет, — говорит она. — Осмотрим дом и потолкуем с соседями, да и у вас работы выше крыши. Я думала провести первое совещание в управлении, в семь вечера. Не возражаешь?

— В семь? Нормально, — отвечает Сёрен Ларсен. — Только ничего не трогайте, слышите? Даже в перчатках, не хочу, чтобы вы испортили отпечатки.

Со вздохом Карл переступает порог, и едва тень его длинной и широкой фигуры затемняет переднюю, Карен и Сёрен Ларсен оборачиваются к двери.

— Ага, явился, — говорит Карен. — Добро пожаловать, тут у нас, похоже, большая подлянка.

— В самом деле убийство? — спрашивает Карл.

— Без сомнения. Возможно, ловкий адвокат сумеет отнести его к разряду простых, но так или иначе не несчастный случай. Поможешь мне быстренько осмотреть дом, а потом сходим к соседу, который ее обнаружил. Брудадь только что уехал, тело везут в морг, но сперва можешь глянуть на кухню, а я расскажу, что нам пока известно.

Карл вытаскивает из Сёреновой сумки бахилы, вздыхает поглубже и идет на кухню. Ингрид не обрадуется, когда он вернется домой. Но когда это будет?

Карен останавливается на пороге, обводит взглядом помещение. Прямо напротив — большой овсяного цвета диван, перед ним низкий столик. На дымчатой стеклянной крышке стопка журналов и три дистанционных пульта, аккуратно, чуть ли не с точностью до миллиметра уложенные в ряд. По сторонам дивана два черных кожаных кресла — все повернуто к огромному телевизору, занимающему львиную долю противоположной стены.

Дальше по той же стене — камин и еще два кресла, тогда как на противоположной стене доминирует большой белый секционный книжный шкаф. Все выглядит аккуратным, ухоженным и слегка робким. Кухня со

старинным шкафом и цветастым фарфором свидетельствует о желании сохранить сельский стиль, гостиная же, наоборот, словно бы обставлена человеком, который наугад открыл мебельный каталог и купил все, что изображено на картинке. Пожалуй, здесь нет ни одной вещи старше десяти лет, думает Карен, рассматривая безликую обстановку. И все-таки впечатление отнюдь не модно-современное, скорее будничное, на грани убийственной скуки.

Потом ее взгляд задерживается на каминной полке, где рядом стоят фотографии в рамках под золото. Она задумчиво подходит к камину рассмотреть фотографии, но вскоре ее отвлекает вошедший в комнату Карл.

— Н-да, теперь я знаю, как выглядит кухня, где человеку разбили лицо кочергой. Черт, наверно, никогда не привыкну.

— А ведь часть крови впитал халат, — не оборачиваясь, замечает Карен. — Но, по словам Брудаля, она умерла не от кочерги, а оттого, что ударилась затылком о ребро дровяной плиты. Сам увидишь на фотографиях вечером, на совещании.

Карл быстро оглядывает комнату, потом становится рядом с Карен. Оба молча рассматривают фотографии.

— Дочь? — спрашивает он немного погодя, кивнув на фото.

На всех снимках одно и то же лицо. Девочка трех лет на пляже. С улыбкой смотрит на фотографа, в руке — красная пластмассовая лопатка. Белокурая шестилетняя малышка с широкой дыркой в верхнем ряду зубов, в розовом балетном костюмчике с тюлевой юбочкой. Почти столь же белокурая девочка лет десяти-одиннадцати, гордо сделавшая шпагат на гимнастическом буме, вскинув руки над головой. Еще один снимок, предположительно на том же мероприятии: та же девочка, с победоносной улыбкой, наверху помоста призеров.

— Думаю, да. Посмотришь книжный шкаф?

Карл подходит к стоящему прямо против каминного белого шкафу из ламината, со стеклянными дверцами и фурнитурой под золото.

— Черта лысого я бы назвал его книжным.

С усталой миной он изучает безделушки, расставленные между рядами дисков с музыкой и фильмами. Фарфоровая корзиночка с фарфоровыми цветами, пресс-папье из цветного стекла, коллекция фарфоровых лошадок разных размеров и цветов, испанская кукла в костюме фламенко, японская кукла-гейша. Немногочисленные книги занимают две полки: десяток-другой популярных любовных романов и детективов, энциклопедия в двенадцати томах и несколько толстых книг, вроде бы справочники. Карл вслух читает названия:

– “Рискни стать счастливым”, “Путь к подлинному Я”, “Оставь роль жертвы — возьми жизнь в свои руки”, “Люди-вампиры — так ты выбросишь из своей жизни негативную энергию”. Господи, ты тоже читаешь такое барахло?

— Каждый день. Разве незаметно?

Карен прошла к журнальному столику, разглядывает журналы. Сверху — последний гляцевый номер “Вога”. Она достает из нагрудного кармана ручку, осторожно сдвигает журнал и встречается взглядом с недовольной фотомodelью на обложке “Харперс базар”. Ниже в стопке — периодические издания, как будто бы сплошь посвященные моде, красоте и скандалам среди знаменитостей, а также несколько иллюстрированных журналов по антиквариату. Карен выпрямляется, еще раз обводит взглядом ухоженную безликую комнату, избегая смотреть на чисто вымытые окна, ищет хоть что-нибудь говорящее о том, кем была Сюзанна Смед. Или, может, она такая и была, думает Карен. Женщина без собственных идей, для которой главное — прилично выглядеть. Прежде всего прилично выглядеть, думает она и мысленно видит ухоженные ногти и обнаженную грудь убитой. Силикон, вне всякого сомнения.

На белых стенах — несколько писанных маслом пейзажей, репродукция Моне в рамке, еще одна — Сислей и два бра под золото, с матовыми плафонами. Здесь мог жить кто угодно, думает Карен. Любая аккуратная, ухоженная женщина средних лет.

— Думаю, здесь мы ничего больше не найдем, — говорит она. — Пошли наверх?

Толстый бежевый ковер поглощает звук шагов, но деревянные ступеньки под ним легонько поскрипывают, когда они поднимаются по лестнице. На площадке две приоткрытые двери, третья закрыта. Карен вспоминает, что такое же золотое сердечко, как на закрытой двери, она видела внизу на двери туалета, и решает пока подождать с ванной комнатой. Открывает одну из двух других дверей, заглядывает в спальню Сюзанны Смед. Широкая двуспальная кровать разобрана, но кажется на удивление нетронутой. Пушистое одеяло в пододеяльнике с узором из роз аккуратно откинута на ту половину кровати, которой явно не пользуются. Пухлая подушка в наволочке с тем же цветочным узором; легкая вмятинка показывает, что на ней все-таки лежала чья-то голова. У окна — креслице, обитое цветастым ситцем, на подлокотнике — свернутый розовый плед. Прямо напротив красуется домашний тренажер с разными функциями и дисплеем, который, на взгляд Карен, напоминает приборную панель небольшого самолета.

— Как по-твоему, сколько он стоит? — спрашивает она, разглядывая этого монстра.

— Н-да, у меня таких деньжищ нету, — уныло отвечает Карл. — И на что ей такая широченная кровать, раз она использует только половину? Да и ту не очень. И спит всю ночь не иначе как в одной позе. У тебя кровать выглядит так же аккуратно, когда ты просыпаешься?

Карен не отвечает. У нее кровать тоже широкая, хотя обычно она спит одна. Но вообще-то он прав, такое впечатление, что Сюзанна в постели почти не шевелилась.

— Зуб даю, без любовника тут не обошлось. — Карл явно не торопится сменить тему. — Домашний тренажер и кровать кинг-сайз, подготовилась она, по крайней мере, неплохо...

— В таком случае, сегодня он здесь не ночевал, это ясно. Но мы проверим, — отвечает Карен, вовсе не разделяя его уверенность. За время осмотра у нее сложилось совсем другое впечатление; ей кажется, весь дом Сюзанны дышит одиночеством. Надеждой на перемены и почти нестерпимым одиночеством.

Она наклоняется, осторожно берется за нижнюю часть левой дверцы гардероба, сдвигает ее в сторону. Аккуратные ряды плечиков с блузками, юбками и платьями. Сверху, на полке, — стопки тщательно сложенных топов всех мыслимых расцветок и материалов. Внизу — три двойных ряда обуви: полдюжины лодочек разного цвета и с каблуками разной высоты, сандалии из золотых ремешков, босоножки с бусинами, разных моделей сандалеты на ремешках, две пары лоферов и по меньшей мере пять пар сапог. Открыв следующую дверцу, Карен опять видит плечики с аккуратно развешенной одеждой: платья, юбки, жакеты разных фасонов и несколько легких летних пальто. Остальное пространство занимают высокие стопки обувных коробок, многие с красными наклейками распродаж. Она быстро подсчитывает — штук двадцать, а то и тридцать коробок только в этом шкафу.

— Ну и ну, — говорит она. — Одна маленькая слабость у нее, во всяком случае, была. Гляди! — Карен отступает в сторону, чтобы Карл мог увидеть.

— Ух ты! Но, с другой стороны, какая женщина не сходит с ума по туфлям?

Он прав, думает она. Сюзанна вряд ли могла бы выбрать более безликое хобби, чем неумеренный шопинг. Вещей хоть отбавляй, однако ничто не выделяется, все аккуратно разложено-развешено, но совершенно безлико. Кажется, здесь не найдешь ничего, что могло бы пролить свет на

причину, по какой Сюзанне разбили голову, да еще с такой яростью.

Карл выдвинул верхний ящик комода и в поисках чего-нибудь интересного осторожно перебирает трусики, бюстгалтеры и носки. Со вздохом задвигает ящик, открывает следующий. Карен наблюдает, как руки в перчатках осторожно роются в белье и колготках. Войди сюда сейчас Сёрен Ларсен, он бы не обрадовался.

— Никакого сексуального бельишка. Искусственного пениса и того нет. — Карл разочарован.

— Он у нее небось в ночном столике, — сухо роняет Карен. — Да ладно, можешь не волноваться, я уже проверила. Там только несколько пачек бумажных носовых платков, тюбик крема для рук и баночка снотворного.

Карл оживает, но ненадолго, потому что Карен продолжает:

— Без врачебной сигнатуры. Несколько лет назад это снотворное продавали без рецепта; должно быть, она тогда его и купила. Или из-за границы привезла.

Карл выдвигает глубокий нижний ящик, сует руку под стопки аккуратно сложенного белья и ночных рубашек. Вдруг замирает, морщит лоб и вытаскивает что-то вроде большой книги в потрепанном голубом переплете:

— Бинго! Фотоальбом.

— Уже кое-что. Сперва пусть им займутся криминалисты, а после и мы поглядим, вечером в участке. Ладно, давай быстренько осмотрим, что тут осталось. А затем потолкуем с Харальдом Стееном, и как можно скорее.

— С соседом, который ее нашел?

Карен кивает.

На двери во вторую спальню видны дырочки от шурупов, словно раньше там была какая-то табличка, но ее сняли. На узкой кровати, застланной полосатым розовым покрывалом, сидит игрушечный медведь, смотрит на них из-под афиши с четверкой улыбающихся парней.

— “*One Direction*”^[1], — говорит Карл. — Племянники с ума по ним сходили.

Я знаю еще одного, думает Карен, чувствуя, как сжимается грудь. Она молчит.

На белом комодке — маленькое стилизованное деревце из желтого металла, через тонкие веточки переброшены разноцветные стеклянные бусы и маленький браслет с брелоками. Над комодом возле зеркала висят на золотом крючке розовые балетные туфельки с длинными шелковыми лентами. Карен открывает верхний из двух ящиков, только чтобы

убедиться, что он аккуратно выстлан бумагой с розовым узором, но совершенно пуст. Когда она выдвигает нижний ящик, внутри что-то гремит — два бокальчика из серебряного пластика сиротливо катаются туда-сюда по деревянному дну.

В покинутой девичьей комнате витает печаль. Это мавзолей утраченного ребенка, ребенка, который не живет здесь уже много лет. Карл словно читает ее мысли.

— Наверно, она использует эту комнату как гостевую, — говорит он, и Карен спрашивает себя, кого он пытается утешить — себя или ее.

— Может быть, — неуверенно отвечает она.

Что-то подсказывает ей, что гости у Сюзанны Смедд бывали редко. Каждая комната, которую они осматривали, только усиливала впечатление одиночества.

Быстрый взгляд в ванную — тоже ничего интересного. Там царит угловая ванна с кранами под золото. Огромная, она выглядит в маленьком помещении совершенно нелепо. Розовый пушистый коврик застилает узкую полосу пола. В шкафу ничего примечательного: электрическая зубная щетка, таблетки от головной боли, витаминные добавки, зубная нить, еще одна баночка снотворного и длинный ряд средств по уходу за кожей и духов. Возможно, лишнее подтверждение Сюзанниной любви к покупкам, думает Карен и с некоторой замороженностью разглядывает баночки и флаконы с логотипами “Клиник”, “Д-р Брандт”, “Экзювьянс” и других марок, о которых она вообще не слыхала.

— Не найдем мы тут больше ничего, пока криминалисты не сделают свою работу, — говорит Карен. — Пошли к старику Стеену.

Дом Харальда Стеена расположен всего в двухстах метрах ниже по реке считая от дома Сюзанны, на другом берегу Лангевиксо. Карен с Карлом шагают по глинистой тропинке вдоль воды, и Карен рассказывает о предварительных выводах Кнута Брудаля.

— Кража со взломом? — нерешительно спрашивает Карл, натягивая капюшон, чтобы укрыться от мороси.

— Может быть. Сумка Сюзанны валялась в траве возле крыльца, бумажника в ней не оказалось. И несколько ящичков комода были выдвинуты, содержимое перерыто.

— Ну, тогда...

— С другой стороны, в посудном шкафчике стояла банка из-под чая с наличными, так ее не тронули. По словам Ларсена, семьсот пятьдесят марок двадцать шиллингов. В общем, если кто-то охотился за деньгами, банку он, по крайней мере, проморгал. Остальное ты сам видел, ни гостиную, ни спальню не обыскивали, только комод в передней.

— Мобильный? Компьютер?

— Ни то ни другое пока определенно не нашли, так что, возможно, они украдены. Но больше в доме как будто бы ничего не пропало, во всяком случае ничего такого, что обычно тащат воры. Например, по словам Ларсена, в одном из кухонных ящичков лежит шкатулка со столовым серебром, набор из семидесяти двух предметов, а ведь его даже самый глупый воришка прихватил бы. Зато исчез ее автомобиль. Я знаю, она ездит на “тойоте”, и ни на участке, ни на дороге машины нет.

— Ты объявила ее в розыск?

— А как ты думаешь? Этим Йоханнисен занимается. Еще я вызвала Корнелиса Лоотса и Астрид Нильсен, чтобы опросили других соседей в округе и выяснили, не видел ли кто чего или не слышал.

— Самое странное, что дом был заперт, — говорит Карл. — Какой ворюга запирает за собой дверь?

— Не так уж и странно. Этот замок сам запирается, когда закрываешь дверь. У меня тоже был такой, но я его сменила, после того как дважды осталась на улице.

— И никаких следов сексуального насилия, говоришь?

— Да, во всяком случае, Брудаль предварительно сделал такой вывод. К тому же, когда все случилось, она сидела на кухне, в халате и тапках.

— Может, он долго пробыл в доме. Держал ее в плену, заставил одеться, а потом убил.

Скептически вскинув брови, Карен смотрит на Карла.

— Но сперва подал ей завтрак? Брось, Карл. Насколько это правдоподобно?

— Н-да... а вдруг они были знакомы? Зуб даю, у нее был любовник, он и постарался.

— Тогда мы скоро все выясним. В этом городке ничего не утаишь. Но ты ведь видел кровать: если у нее и был любовник, то нынче ночью они вместе не спали.

По мостику они переходят на другой берег и оказываются во владениях Харальда Стеена. Секунду помедлив, Карен говорит:

— Да, вот еще что. Я сегодня ночевала в Дункере, и утром, по дороге домой, вообще-то видела Сюзанну. — Карен кивает в сторону речки. — Она шла от стиральных мостков к дому, должно быть после купания. Я не раз видела раньше, как она купается, и на часы не смотрела, но, пожалуй, было примерно четверть девятого.

Карл останавливается, оборачивается, будто ожидает увидеть на тропинке Сюзанну. Карен знает, о чем он думает.

— Именно, — говорит она. — Если предположения Брудаля насчет времени правильны, то, вероятно, ее убили вскоре после того, как я ее видела. Нет-нет, по дороге я никого не встречала. Но попросила криминалистов обследовать участок вокруг мостков, хотя вряд ли это что-нибудь даст.

Сара Ингульдсен встречает их на крыльце дома Харальда Стеена. Чуть поодаль во дворе стоит Бьёрн Ланге. Заметив их, он пытается спешно затушить сигарету.

— Добрый день, шеф. — Ингульдсен подносит руку к козырьку.

Коротко кивнув, Карен принимается соскребать глину с берцев о край каменной ступеньки.

— Добрый день, — с беглой улыбкой говорит она. — Узнали что-нибудь полезное?

— Немного, Харальд Стеен ничего почти не сказал. К сожалению, когда мы подъехали, он был еще там, наверху, и, когда мы вошли в дом, успел кое-что увидеть.

Карен замирает, и Сара Ингульдсен явно чувствует ее беспокойство, потому что поспешно продолжает:

— Нет-нет, в доме он ничего не видел, он видел лицо Ланге, когда тот

вышел на крыльцо. И слышал, как я отослала скорую, в общем, понял что к чему. Лицо у него аж посерело, и я отвезла его домой, а Ланге остался там, один.

— Почему Стеен не попытался войти и помочь ей? По словам дежурного, он думал, она просто потеряла сознание или упала, — вставляет Карл Бьёркен.

— Он сказал, что пытался, но дверь оказалась заперта. И это правда, Ланге был вынужден выбить стекло, чтобы отпереть. Старикану пришлось сперва вернуться домой, позвонить по сто двенадцать, а потом он опять взобрался вверх по склону, чтоб дождаться скорой. Немудрено, что у него сердце прихватило.

— Сейчас-то все в порядке? — спрашивает Карен и берется за ручку двери.

— Да, только он очень устал. Лежит в гостиной на диване, может, и спит уже.

— Ладно, забирай с собой Ланге, езжайте перекусить. Вы ведь давно на дежурстве, — добавляет она, сообразив, что с тех пор, как она столкнулась в Дункере с Ингульдсен и Ланге, прошел целый рабочий день, а они и тогда, наверно, уже час-другой патрулировали улицы. И тотчас отбрасывает эти мысли. Нет ни малейшего повода вспоминать утренние беды.

— Да, у нас у всех день выдался долгий. — Сара Ингульдсен широко улыбается.

Дверь гостиной открыта настежь. Харальд Стеен лежит на диване, но не спит, а может, как раз проснулся, когда Карен легонько постучала по дверному косяку.

— Ага, дочка Эйкенов, ну, заходи, милая, — говорит он и пытается встать.

— Лежи, лежи, Харальд. — Карен входит в комнату, Карл за ней. — Ну, меня ты знаешь, а это мой коллега Карл Бьёркен. Можно нам ненадолго присесть?

Харальд Стеен жестом указывает на кресла, обитые буклированной тканью в коричнево-желтую полоску. На журнальном столике — недопитый стакан с водой и коробочка с таблетками нитроглицерина.

— Полегчало? — спрашивает Карен, садясь на краешек одного из кресел и наклоняясь к старику. — Для тебя все это наверняка изрядный шок.

— Да, полегчало маленько. Господи, я-то думал, она просто

поскользнулась или сознание потеряла. Представить себе не мог, что дело так плохо. Молодая ведь...

Карен разом одолевают сомнения: а много ли Харальд Стеен понял в случившемся? Может, по-прежнему думает, что речь идет о несчастном случае? Она наклоняется вперед, смотрит ему в глаза.

— Сюзанна умерла не своей смертью, Харальд. Поэтому нам надо поговорить с тобой.

Несколько секунд взгляд Харальда Стеена в замешательстве мечется между Карен и Карлом, затем старик с трудом пытается сесть.

— Не своей смертью? Но ведь вон та барышня говорила. — Он жестом показывает на дверь, на пороге которой, как Карен замечает только сейчас, все еще стоит Сара Ингульдсен, словно часовой в синей форме. Любопытная особа, думает она. Или чересчур ретивая.

— Я не знала, сколько можно рассказать, — поясняет Сара Ингульдсен. — Вот и сказала только, что Сюзанна Смеед умерла и что, когда человек умирает дома, мы обязательно вызываем врача.

— Хорошо, а сейчас идите. Если понадобится, мы свяжемся с вами и Ланге позднее.

Карен опять оборачивается к Харальду Стеену, смотрит ему в глаза.

— Да, Харальд, она все правильно сказала, мы всегда так поступаем. Но в данном случае у нас, к сожалению, есть все причины полагать, что Сюзанну... лишили жизни.

“Лишили жизни”. Будто это звучит лучше, чем “убили”, думает она и быстро косится на белую коробочку с нитроглицерином. Сердечный приступ сейчас не просто стал бы роковым для Харальда Стеена, но еще и отнял бы у них всякую возможность получить важные показания.

— Потому нам и нужна твоя помощь, понимаешь, — продолжает она. — Может, ты видел или слышал что-нибудь, что поможет нам выяснить, кто...

— Как? — с неожиданной силой в голосе произносит Харальд Стеен. — Как умерла Сюзанна?

Старик наконец с трудом сумел сесть и выпрямиться, но в глазах по-прежнему смятение и беспокойство. Он тянется к стакану с водой, и Карен отмечает, что рука у него слегка дрожит, однако цвет лица вполне нормальный.

— Все хорошо, Харальд? — уклончиво спрашивает она. — Может, позвонить кому-нибудь? У тебя ведь сын на Фриселе, хочешь, вызовем его сюда на ночь?

Украдкой она бросает взгляд на часы: четверть пятого. По

воскресеньям паром из Санде ходит каждые полчаса. Сын Харальда мог бы добраться сюда через час-другой.

— Нет, боже упаси, не надо его вызывать, — сердито отмахивается старик. — Обойдусь, вот увидишь.

— Тогда, может, кого-нибудь другого? — спокойно предлагает Карл. — Пожалуй, вам не стоит оставаться одному, во всяком случае сегодня вечером.

Карл откинулся на спинку продавленного кресла, сидит, положив ногу на ногу в попытке найти опору для блокнота.

— В шесть придут из социальной службы, — бормочет Харальд Стеен. — В смысле, если не забыли про меня.

— Вот как, у тебя, стало быть, есть помощники. И часто они приходят?

Харальд Стеен хихикает с весьма довольным видом, будто уже забыл, почему полиция сидит у него в гостиной.

— Ну, с тех пор как у меня неполадки с сердцем, приходит одна бабенка дважды в день, кормит, так что об этом можно не беспокоиться. Еще она убирает, причем хорошо. Правда, полька она, само собой, — добавляет он, словно несколько умаляя тем самым качество предоставленных услуг.

Карен слышит скрип ручки, Карл что-то записывает.

— И в какое время она приходит?

— Полька? Да по-разному. Иной раз в восемь утра и к ужину. Только вот приправы она чудные кладет. Я пробовал ей сказать, но...

— Вы помните, в котором часу она приходила сегодня утром? — перебивает Карл, быстро глянув на Карен.

— Н-да, нынче она здорово припозднилась, кажись, часов в девять явилась. Хотя нет, скорей в полдесятого. По крайней мере, я уже давно не спал, когда она соизволила прийти. Праздновала небось. Они, польки-то, слышно, горазды выпить.

Карен и Карл снова переглядываются.

— А вы сами ничего не заметили, пока ждали помощницу? — делает Карл новую попытку. — То есть, может, видели кого-нибудь или автомобиль поблизости от дома Сюзанны?

Харальд Стеен смотрит на него с искренним удивлением.

— Не-ет... — неуверенно бормочет он и медленно качает головой: дескать, что за нелепый вопрос. — Как я мог что-то увидеть, из постели-то? Обычно я встаю, когда кофей готов. Кофей она варит знатный, крепкий.

Его лицо озаряется радостью, Карен беззвучно вздыхает. Все без толку, думает она. Лучше уж сосредоточить внимание на этой польке, может, она

что-нибудь видела. Вот и Карл закрывает блокнот, и оба, как по команде, уже собираются встать из потертых кресел.

— Но машину я, само собой, слышал.

Карен замирает и краем глаза видит, что Карл тоже замер. Оба пристально смотрят на Харальда Стеена и снова садятся.

— Стало быть, вы слышали машину?

Голос Карла звучит нарочито спокойно, будто он опасается, что малейшая попытка поторопить Стеена все испортит, вновь отвлечет старика от темы.

— А как же, машину Сюзанны, драндулет этот японский. Потому и подумал: чудно, на кухне свет горит. И дым из трубы. Ну то есть, с какой бы стати она все так оставила, а? Но я и предположить не мог...

— Ты уверен, машина точно была Сюзаннина? — перебивает Карен как можно мягче.

Харальд Стеен позволяет себе сердито фыркнуть.

— Звук-то какой! Хрипит и фырчит ровно древняя старуха, когда заводится. Тут не ошибешься. Стартер хреновый, я говорил Сюзанне, что надо его заменить, но у нее, понятно, руки не дошли.

— И было это, значит, утром, еще до прихода польки? — насеждает Карл. — Вы уверены?

— А как же, но полька к тому времени уже пришла. Машина затарахтела, аккуратно когда она крикнула, что кофей готов. Нам показалось чудно, что Сюзанна уезжает так рано в воскресенье. Вдобавок после Устричного. Потому она и явилась так поздно, — добавляет Харальд Стеен.

— Поздно? Вы же только что сказали, что рано.

— Да я про польку, само собой. Она-то соизволила явиться в десятом часу. Должно, отсыпалась. Недаром говорится, ленивой овце и шерсть тяжела.

— В десятом часу? Точно?

— Точно, я же каждые полчаса слушаю новости и погоду. И успел несколько раз прослушать старые новости, ничего нового не сообщали. Но она, поди, как и все, была на Устричном фестивале и перебрала хеймёского. Они ведь, слышно, пьют как лошади. Ну, то есть польки.

Карен набирает в грудь воздуха, делает последнюю попытку:

— Значит, ты слышал, как Сюзаннин автомобиль отъехал, уже после прихода помощницы? Как думаешь, она тоже слышала машину?

— Еще бы! Сказала даже, звук, мол, такой же, как у автомобилей дома, в Польше. Хорошая баба, что ни говори.

Они прощаются, еще раз убедившись, что сына Харальд Стеен вызывать не желает. Карен решает не дожидаться соцработницы. Карл записал телефон некой Ангелы Новак из “Хоумкэр”, чья визитка обнаружилась на дверце холодильника.

— И что же ты думаешь по этому поводу? — спрашивает Карл, когда они снова шагают по тропинке.

— С головой у него хуже, чем я думала. А ведь не так давно Стеен был в Лангевике весьма популярной фигурой. Ни одного аукциона не пропускал, считался, помню, прижимистым, но чертовски забавным. Теперь это в прошлом. В последние годы я большей частью встречала его в городе, так, видела издали.

— Да, его указания времени не основание для выводов, из этой чепухи вообще ничего особо не вытащить, — мрачно вздыхает Карл. — Пусть даже кое-что из его домыслов окажется правдой.

— Да, вполне возможно, они и впрямь слышали Сюзаннин автомобиль. Потолкуй с этой Ангелой Новак. Вдруг она еще что-нибудь заметила.

— Если старикан прав, то получается, преступник уехал отсюда в автомобиле жертвы около десяти.

— Так или иначе, автомобиль пропал, значит, не исключено, что так оно и есть. Посмотрим, удастся ли Брудалью поточнее определить время смерти. Попробую поднажать на него.

— Когда ты объявила автомобиль в розыск?

— Как только приехала сюда и увидела, что его нет на месте. Не раньше двух.

— В таком случае у убийцы было несколько часов, чтобы спокойно покинуть остров.

— Да, свалить на Ноорё или на Фрисель, во всяком случае. По воскресеньям ни в Эсбьерг, ни в Харидж паромы не ходят.

— Но есть авиарейсы из Ленкера и Равенбю. Зуб даю, автомобиль мы найдем возле того или другого аэропорта.

— Стало быть, у тебя новая версия: кто-то запланировал убить Сюзанну Смедд, а затем сбежать из страны? А недавно ты толковал про кражу со взломом. Как бы то ни было, в таком случае им пора бы уже найти автомобиль — на парковках у паромных терминалов и в аэропортах проверку производят первым делом.

Карл Бьёркен пожимает плечами, а Карен продолжает:

— Я говорила с Корнелисом Лоотсом, он звонил в порт. Единственное большое судно, покинувшее остров, это круизный теплоход, который

сейчас направляется в Норвегию. Он вышел из Стокгольма двадцать пятого и прибыл в Дункер с заходом в Копенгаген. Сейчас идет в Эдинбург, затем посетит Шетландские острова и норвежское побережье, а потом вернется в Швецию, если я правильно поняла. В общем, круиз для американских пенсионеров, у которых корни в Северной Европе. Но мне трудноато представить себе, чтобы какой-нибудь богатый американец спонтанно покинул удобную каюту-люкс и отправился на велосипеде в Лангевик убивать Сюзанну Смедд.

— На велосипеде?

— Да, или автостопом. Иначе как бы он сюда добрался? Ведь чтобы уехать отсюда, убийца угнал Сюзаннину машину, но свою нигде не оставлял. На всякий случай я поручила Лоотсу связаться с пароходством и запросить списки пассажиров. Но если твоя версия верна и убийца покинул страну, у нас нет ни малейшего шанса. Гавани, они как решето.

Карл шагает, засунув руки глубоко в карманы и подняв плечи, как бы защищаясь от ветра. Карен смотрит на него и думает, что надо бы сбавить обороты, не затевать бесконечный спор. А то она прямо как сварливая собачонка.

— Вдобавок уйма катеров и яхт из Дании, Голландии и черт знает откуда еще, — продолжает она. — Ведь вчера сюда съехались тысячи людей, и большинство умотало еще в первой половине дня. Какого лешего этих идиотов несет сюда на Устричный фестиваль?

Карл прыскает:

— Хорошо, что Каллевик и Хёуген тебя не слышат.

Карен прекрасно знает, что он имеет в виду. С содроганием она вспоминает визит министра внутренних дел в полицейское управление, состоявшийся несколько лет назад. Накануне летнего сезона Гудрун Каллевик, выступая перед представителями доггерландского полицейского корпуса, особо подчеркнула, как важно, чтобы полиция своей готовностью помогать и служить людям способствовала доброму самочувствию и безопасности туристов. В кои-то веки Карен согласилась с Йоханнисеном, когда тот буркнул: “Мы, черт побери, не экскурсоводы”.

Причиной стал на шумевший инцидент, случившийся минувшим летом, когда двое не в меру ретивых молодых полицейских из охраны общественного порядка забрали в Ратушном парке некоего нетрезвого мужчину. К сожалению, как выяснилось, означенный мужчина валялся на скамейке в парке, потому что был избит и ограблен — лишился бумажника и мобильного телефона, — а невнятность речи была обусловлена не алкоголем, а инсультом, который он перенес месяцем раньше. Чтобы

восстановить здоровье, солидный немецкий промышленник с женой решили съездить на Доггерландские острова, ведь оба мечтали об этом много лет. Три часа жена в тревоге ждала мужа, который вышел на короткую прогулку, и в конце концов позвонила в полицию, после чего вся история была мало-помалу распутана.

Никакие извинения не смогли заставить супружескую пару остаться на островах. Или, подчеркнули они, когда-нибудь приехать сюда еще раз.

История наделала много шума в доггерландских и, увы, немецких СМИ. Министру внутренних дел Гудрун Каллевик как лицу, политически ответственному за полицейское ведомство, пришлось дать десяток интервью немецким СМИ и вдобавок вспомнить школьный немецкий, что привело к нескольким досадным недоразумениям и 1 337 063 просмотрам в Ютьюбе. В довершение всех бед, случилось это за шесть недель до назначения Дункера очередной культурной столицей Европы.

В зале стояла мертвая тишина, когда министр внутренних дел закончила свое выступление перед полицейским корпусом и Вигго Хёуген заверил ее, что лично возьмет на себя ответственность за осуществление культурных изменений в полиции. “Личная ответственность за осуществление позитивных культурных изменений в полиции” оказалась на деле столь же безнадежной и идиотской, сколь и на словах.

Карен и Карл молча шагают по тропинке в гору, слушая плеск реки, которая покорно бежит вниз, к морю. Карен думает о неизбежности, ожидающей ее впереди.

— Попробуй связаться с Ангелой Новак прямо сегодня. И вот еще что: не поприсутствуешь вместо меня на вскрытии? А я тогда для начала поговорю с Юнасом тет-а-тет. Лучше нам, пожалуй, не вваливаться к нему вдвоем.

— Да уж, охотно предоставлю тебе это удовольствие, — вздыхает Карл. — Представляю, каково ему сейчас.

Спасибо, Карл не догадывается, что думает она вовсе не о чувствах Юнаса Смееда к убитой бывшей жене. Новые допросы, при свидетелях, неизбежны, но прежде она должна поговорить с ним наедине. Впервые с тех пор, как оставила его храпящим в номере 507 отеля “Взморье”.

В Дункер Карен едет с тревожным ощущением под ложечкой. Рулит машинально, отпустив мысли на волю, дорога так хорошо знакома, что она заранее физически чувствует каждый поворот, видит внутренним взором каждый новый пейзаж за секунду до того, как он распахнется перед глазами.

Прибрежное шоссе, ведущее в столицу Хеймё, слегка поднимается в гору и идет на юг, мимо просторных склонов, где каменистые пастбища чередуются с лиственными рощами. Белые и серые пятнышки не спеша двигаются по склонам, опустив голову, методично щиплют траву. Еще месяц-другой до начала осеннего забоя молодняк будет нагуливать жирок, да и у шерстных овец пока что есть время отрастить летнее руно чуток подлиннее, ведь уже через несколько недель остров оккупируют стригали.

По другую сторону шоссе скалистые кручи спускаются к морю, которое постоянно напоминает о себе — легким плеском прибоя, а то и грозным ревом валов. Сегодня от свежего бриза на волнах играют белые барашки, и солнце нет-нет проглядывает сквозь тучи, быстро плывущие в сторону континента.

С возвышенности к востоку от Дункера открывается широкая панорама города. Если слегка отпустить педаль газа, можно на миг охватить взглядом всю бухту. Отсюда виден длинный приморский бульвар, протянувшийся от гавани на западе вдоль каменистого пляжа к желтым скальным обрывам на юго-востоке. Тот же, кто глянет немного вглубь острова, увидит город, полумесяцем раскинувшийся над бухтой, а уже секундой позже шоссе узкими виражами свернет вниз, к городскому центру.

Судя по карте, Дункер, подобно другим европейским городам, следует старому надежному рецепту общественной сегрегации. И так же, как в других местах, где основой основ была рыба, городской центр расположен у моря. Застройка полукружьями идет вглубь острова, и с каждым полукружьем характер города меняется. Вдоль приморского бульвара и набережной, словно стена, защищающая от моря, тянутся золотисто-желтые фасады из песчаника, перемежаясь с белыми оштукатуренными каменными зданиями и низкими постройками из красного кирпича. За ними высятся куда более помпезные кирпичные дома, где обитали фабриканты, судовладельцы и растущий средний класс, сменяя друг друга

по мере подъема по доггерландской общественной лестнице. В Тингвалле, окаймляющей Дункерскую бухту с северо-запада, на просторных участках между морем и сосновым лесом красуются большие каменные виллы. Даже теперь сюда вхожи немногие; Тингвалла — обитель сливок дункерского общества, и ею останется.

Следующее полукольцо состоит из таунхаусов постройки 20-х — 30-х годов, эти районы называются Санде и Лемдаль и в свое время маркировали окраину города на северо-востоке и северо-западе. Чистые улочки отходят по диагоналям от главных улиц Старого города, обрамленные серыми каменными домами, которые благодаря социальному развитию были возведены после отмены сухого закона. Тогда в Дункере активно делали ставку на жилье, которое положит конец туберкулезу и ревматизму среди рабочих прядильни, порта и мыловаренной фабрики.

Ныне едва ли не каждый дом в Санде и Лемдале разросся до предела. На узеньких участках, изначально предназначенных для семейных огородов с картошкой и зеленью, теперь не осталось буквально ни пяди свободного места.

Еще одним полукольцом — считая от центра Дункера — располагаются многоквартирные здания восточной и западной Одинсваллы, улица за улицей трехэтажные постройки 50-х — 60-х годов, уходящие прочь от берега. С виду территория немотивированно протяженная, но объяснение тут простое: вплоть до 1972 года доггерландский закон запрещал новостройки выше трех этажей.

При создании последнего полукольца, районов Горда и Мурбек, уже действовали новые законы. Здесь, дальше всего от портовых ветров, застройка состоит из серых, похожих на казармы восьмиэтажных домов середины и конца 1970-х. Архитекторы и строители постарались вовсе — ликвидировали всякий контакт с природой, зеленью, уютными уголками будничной жизни.

Здесь нет ни кафе, ни ресторанов, ни уличной торговли, если не считать продажи героина и амфетамина, которая более-менее открыто проистекает на парковках или где-нибудь в углу возле двух школьных дворов. Вечерней жизнью здесь распоряжаются конкуренты-дилеры, которые делят территорию, да мелкое жулье, шныряющее под пока еще горящими уличными фонарями. Порядочный народ, по тем или иным причинам вынужденный возвращаться домой после восьми вечера, ускоряет шаги и поспешно, со вздохом облегчения, захлопывает за собой дверь квартиры. В Горде и Мурбеке безопасность существует только за запертыми дверями, а для некоторых ее и там нет. Однако же тот, кто при

северо-западном ветре приоткроет узенькую форточку, может учуять запах вереска с болотистых равнин внутри острова.

Карен проезжает через Санде и сворачивает на запад, к Тингвалле. Дом Юнаса Смеда, как он любит подчеркнуть перед коллегами из управления, действительно расположен на самой окраине фешенебельного района. Даже те, кто ценит попытки шефа принизить свое происхождение, прекрасно знают, что семейство Смед никогда не находилось — и не будет находиться — на окраине чего бы то ни было. Смед живет в Тингвалле, и точка.

Медленно направляясь по Фогельсонгвег к дому № 24, Карен смотрит на помпезные белые каменные виллы. До сих пор ей довелось побывать здесь один-единственный раз. Несколько лет назад Юнас Смед пригласил к себе вечером на гриль весь отдел, вкуче с коллегами из НТО и прокуратуры. В августовскую жару все прошло непринужденно и приятно.

Метеорологи, видимо, не врут, думает Карен. Над островом сгустились тучи, и, открывая дверцу и протягивая руку за курткой на пассажирском сиденье, она чувствует первый порыв холодного ветра, который согласно прогнозу будет в течение дня задувать с северо-запада. Она зябко вздрагивает и бросает взгляд на пустые блестящие окна виллы. Нигде ни огонька, ни движения — ни за черными оконными стеклами, ни в той части сада, что видна с улицы.

Может, его нет дома, мелькает в мозгу необъяснимая надежда. В следующий миг доносится рев подъезжающего на большой скорости автомобиля. Карен оборачивается и видит, как блестящий черный “лексус” резко тормозит за ее собственным грязным “фордом-рейнджером”. Юнас Смед несколько секунд сидит за рулем, и их взгляды встречаются. Потом он включает первую передачу и, легонько кивнув, медленно проезжает мимо нее к гаражу.

С растущим неудовольствием Карен провожает автомобиль взглядом; все будет крайне неприятно, как она и опасалась. Тяжелым шагом она идет по дорожке к дому, шеф как раз закрывает ворота гаража. Они молча огибают угол дома и вместе идут к черному ходу.

— Будешь? — спрашивает Юнас, приподняв бутылку виски, которую взял с мраморной столешницы под одним из кухонных шкафчиков. Карен узнает свое любимое виски ноорёской винокурни Грота.

Она качает головой. Юнас достает из шкафчика стакан, выходит из кухни. Он не говорит ни слова, но едва заметно вскидывает подбородок: мол, идем со мной.

Первоначальная нервозность перерастает в раздражение, меж тем как она поневоле, словно дрессированная собачонка, молча идет за шефом по блестящему паркету и толстым коврам темного дома. Они минуют просторный холл, где огромная люстра свисает над круглым столом с вазой вянущих тюльпанов, рядом широкая величественная лестница ведет на темный верхний этаж. Справа от лестницы Карен замечает что-то вроде кабинета, а дальше впереди библиотека, мимоходом она видит зеленые честерфилдовские кресла, богато орнаментированный камин и темные книжные шкафы во всю стену, от пола до потолка.

Карен вспоминает робкую аккуратность безликой гостиной Сюзанны Смедд. Несмотря на десять лет брака, контраст между ее жилищем и домом Юнаса почти до боли резок. Очевидно, при разводе Сюзанна не получила из смеедовских богатств ни гроша.

Юнас проходит дальше, в большую прямоугольную гостиную, зажигает верхний свет. Карен невольно жмурится от ярких ламп, а комната разом отражается в длинной стеклянной стене. Она подходит к раздвижным дверям, секунду-другую смотрит в сад. К фасаду примыкает деревянный настил с превосходно оборудованной открытой кухней, где под сводчатым черепичным навесом теснятся громадный гриль и блестящая утварь. Наискось справа — длинный обеденный стол на двенадцать персон, а возле бассейна — удобные шезлонги под большим зонтом.

Ему бы не мешало сложить зонт, думает она. Скоро ветер усилится.

Совсем зеленый еще и мягкий газон отлого спускается к морю. Карен отсюда не видит, но знает: там, внизу, частный песчаный пляж; прошлым летом она завидующими глазами рассматривала его со стороны моря, когда проезжала мимо на моторке. Большинство здешних вилл имеют собственные причалы, где пришвартованы эксклюзивные катера и яхты, ждущие, когда в конце сезона их отбуксируют к верфи в полутора километрах дальше на запад.

Карен поднимает взгляд к горизонту, где под быстро мрачающим небом море уже стало иссиня-серым. И тотчас она замечает, как зонт содрогается от порыва ветра и первые капли дождя падают на серебристо-матовую поверхность столешницы из кумару. В самом деле, надо бы сказать ему, чтобы сложил зонт, думает она.

Но обернувшись, видит, что долговязый Юнас Смеед уселся в одно из четырех светло-серых кресел. С виду небрежно полулежит, вытянув ноги. Одна рука свисает с подлокотника, пальцы почти касаются пола, другая придерживает на груди стакан с виски.

— Ну что, Эйкен, — с расстановкой произносит он. — Как ты намерена с этим разбираться?

— Ты же понимаешь, мне необходимо поговорить с тобой...

— “И... о... начальника отдела”. Как говорится, можно поздравить. Отличный денек на работе, а?

— Кончай. Это не мой выбор.

— Но тебе нравится. Признай, чего там.

— А как же. Я безумно наслаждаюсь каждой секундой.

Она тотчас жалеет о сказанном, знает, что при первом удобном случае Юнас отпаривает удар.

— В точности как нынче ночью. Кстати, почему ты сбежала, не попрощавшись?

— А как ты думаешь? Все это была ошибка. Огромная ошибка, о которой, надеюсь, мы оба поскорее забудем. Ладно?

Юнас Смеед слегка выпрямляется, отпивает большой глоток виски. Затем смотрит ей прямо в глаза и невесело улыбается уголком рта.

— Ладно. Что ты хочешь знать?

Карен откашливается, нащупывает в кармане блокнот, секунду медлит и решает не доставать его. Положение и так достаточно напряженное, и лишний раз подчеркивать перестановку в иерархии рискованно. Ответы на те немногие вопросы, какие она сейчас задаст, вполне можно запомнить. Стараясь сохранить хотя бы толику авторитета, который ему так хочется отнять, она не садится.

— Для начала будь добр, расскажи, где ты был сегодня с семи до десяти утра.

У него вырывается не то фырканье, не то короткий смешок.

— Да ладно, неужто Брудаль не может установить поточнее? Господи, хорошенькое начало...

Словно оживившись, Юнас Смеед осушает стакан и встает.

Секунду ей кажется, что сейчас он уйдет, но он лишь проходит к

низкому столику. Стоит к ней спиной, но она слышит позвякивание металла о стекло, когда он откручивает крышку с бутылки, и легкое журчание, когда виски льется в стакан. Слегка пошатнувшись, он оборачивается, и у нее мелькает мысль, что этот стакан определенно уже не первый за нынешнее утро. Наверно, он уже был под градусом, когда подкатил на своей выпендренной тачке. В следующий миг ей вспоминается собственная утренняя поездка домой из Дункера. Пронюхай СМИ, сколько нынче промилле у доггерландской полиции, в редакциях бы долго ликовали. Впрочем, рано или поздно они станут радостно потирать руки по совсем другому поводу. Сегодня, конечно, большинство местных журналистов тоже мучается похмельем, но очень скоро они очухаются, и ахнуть не успеешь, как весть об убийстве Сюзанны Смеед разлетится по островам.

— Ты можешь ответить на вопрос? — спокойно говорит она, когда Юнас опять усаживается в кресло. — Что ты делал утром?

— Ну, ты не хуже меня знаешь что.

Подняв брови, Юнас смотрит на нее.

— Я ушла из гостиницы примерно в двадцать минут восьмого. Дальше я, так или иначе, не могу обеспечить тебе алиби. Что ты делал после моего ухода?

— В двадцать минут восьмого, говоришь? Потом ты поехала домой, — задумчиво произносит Юнас, не обращая внимания на ее вопрос. — Мимо дома Сюзанны? Ты ведь просто проехала мимо? Или остановилась?

— Ты на что это намекаешь?

— Ладно-ладно... Успокойся, старушка.

— А с какой стати мне убивать твою бывшую жену? Зато у тебя самого предположительно.

Карен резко умолкает, сообразив, что угодила прямоиком в ловушку; он снова заставил ее потерять самообладание. Всего несколькими словами вмиг уничтожает с трудом созданное за долгие годы безразличие к его незатейливым насмешкам. Она несколько раз глубоко вздыхает и садится на краешек длинного белого дивана. Выпрямляет спину и, чтобы не утонуть в мягких подушках, упирается ногами в пол.

— Юнас, пожалуйста, — говорит она с вымученным спокойствием. — Будь добр, просто скажи, что ты делал с... двадцати минут восьмого до десяти утра. Ты же знаешь, я не могу не спросить.

— Дома я был около десяти, в жутком похмелье, — отвечает он неожиданно уступчиво. — А до того, как и ты, проснулся, блеванул и ушел из гостиницы, поджав хвост.

Это замечание она пропускает мимо ушей.

— В котором часу ты покинул гостиницу?

— Примерно в полдесятого.

— Тебя кто-нибудь видел? Я имею в виду, в холле.

— Черт его знает. Нет, по-моему, там никого не было, но я как-то не думал об этом, ведь расплатился заранее, когда снимал номер. То есть когда мы снимали номер.

Секунду она подумывает предложить ему разделить плату за номер, но решает воздержаться. Чем меньше говорить об этом, тем лучше.

— Ты поехал домой на машине или пошел пешком? — спрашивает она.

— Пешком. Ходу всего-навсего двадцать минут, а мне требовался свежий воздух. Машину я оставил на парковке у ратуши. Рядом с твоей, кстати, ты об этом не думала?

Машина Юнаса правда была там? Возможно, только вот встреча с Ингульдсен и Ланге подсудобила ей другие заботы.

— Ты же обычно пользуешься гаражом под управлением?

— Она и стояла там вчера, только пораньше. Я задержался на работе, был в паршивом настроении и собирался двинуть прямо домой. Но когда забрал машину в гараже и выехал на Редехусгате, передумал. Устричный фестиваль как-никак, надо хоть полдюжины устриц отведать и выпить пивка, а уж после можно и домой. Вот я и оставил машину на парковке, рассчитывая забрать ее максимум через час. Но ты же знаешь, все пошло не по плану.

Да уж, думает она. Тот Юнас, которого она встретила позднее в тот вечер, выпил явно куда больше одного-двух стаканов пива, скорее уж не одну бутылку вина.

— Тебе кто-нибудь встретился? Утром, по дороге домой.

Юнас вроде как размышляет, и она думает, что он разыгрывает комедию. Этот вопрос он себе явно уже задавал. Как только узнал, что его бывшую жену убили, наверняка сообразил, что придется отчитываться, где он был во время убийства. И еще о многом другом. Зачем ему этот сольный номер? — думает она, глядя на задумчиво наморщенный лоб шефа.

— Вообще-то встретился, — помолчав, говорит он. — Алкаш на приморском бульваре, сигареты у меня просил. Вот кто мне встретился, только сомневаюсь, что он — если ты вдруг сумеешь его найти — способен в точности сообщить, в котором часу это было. Вряд ли у него есть постоянный адрес, судя по тому, что все пожитки он тащил с собой.

— Как он выглядел?

— Как все они, грязный, заросший. Вез старую магазинную тележку с

пустыми бутылками и своим барахлом.

— И больше ты никого не видел? Ни с кем не разговаривал?

— А как ты думаешь? Ты-то сама много народу встретила нынче утром?

Карен опять вспоминает Бьёрна Ланге и Сару Ингульдсен и решает похерить этот вопрос.

— А потом что было?

— Я пришел домой, вырубился на диване, а около часу проснулся от звонка Вигго Хёугена, он и рассказал мне, что произошло. Я попытался позвонить Сигрид, но она не ответила.

— Твоя дочь, — говорит Карен, представив себе фотографию шестилетней девчушки с дыркой в зубах, на каминной полке у Сюзанны Смеед.

— Да, я не сумел с ней связаться и решил туда съездить. Обычно она не берет телефон, когда звоню я. Но мне не хотелось, чтобы она услышала о смерти матери от других.

Карен коротко кивает. Вполне логично, прямо-таки по-человечески.

— Я пошел к ратуше, забрал машину и поехал в Горду. Да, она живет в Горде, — добавляет он с досадой, будто слишком часто видел удивленно поднятые брови. Вот и Карен явно не сумела скрыть удивление, что будущая наследница Смеедов живет в одном из серых многоквартирных домов на севере города.

— Ну и как, повидал ее?

— Да. Она впустила меня, на десять минут.

В голосе нет горечи, только легкое удивление, что ему удалось-таки поговорить с дочерью. Придется выяснить, в чем тут дело, думает Карен, но не сейчас.

— И как она? — спрашивает Карен. По лицу Юнаса пробегает тень досады.

— Спроси у нее сама. Уверен, ты не станешь откладывать допрос дочери жертвы, независимо от того, как она себя чувствует.

Голос вновь звучит жестко, Юнас быстро встает. Пошатывается, но сохраняет равновесие и, не глядя на Карен, роняет:

— Больше мне добавить нечего.

Она тоже медленно встает, спокойно говорит:

— Ладно, пока достаточно. Но нам придется поговорить снова, вероятно, уже завтра. Только еще один вопрос — и я уйду.

Юнас отошел к окну, стоит спиной к ней, смотрит в сад. Дождь льет как из ведра, зонт гнется от ветра.

— Когда ты последний раз видел Сюзанну?

— Черт тебя побери, Эйкен. — Юнас Смеед раздвигает стеклянную дверь. — Уходи.

Ветер и дождь хлещут по лицу, словно пощечина. За короткое время, проведенное в доме шефа, температура явно упала на несколько градусов. Подметки берцев предательски скользят по деревянному настилу, и она осторожно спускается по трем ступенькам на гравийную дорожку. Огибая угол дома, оборачивается, заглядывает в освещенную гостиную. Юнас Смеед опять стоит у сервировочного столика, откручивает крышку полупустой бутылки “Грота”. Потом слышится грохот упавшего зонтика.

Лангевик, март 1970 г.

Пер Линдгрэн закрывает глаза, откидывается назад. Так и кажется, будто он взлетает, парит над землей, несомый окружающими звуками. Слабым шорохом в еще голых кронах деревьев, криками чаек, что прилетают с моря и в надежде высмотреть еду вьются над столом. Даже не пытайтесь, думает он, вас ждет разочарование, как и меня. Ни его, ни чаек рыбой не угостят. Здесь не угостят. Мясо, понятно, исключено, а об остальном он как-то не задумывался, хоть они и обсуждали, можно есть рыбу или нет. Одни были за, другие непоколебимо против. В итоге большинством голосов решили, что и рыба, и моллюски в коммуне под запретом, зато яйца есть можно, правда, только от своих кур или уток.

Пер Линдгрэн улыбается, вспоминая предотъездные споры. Ингела грозила, что они с Тумасом вообще откажутся участвовать в проекте, если кто будет настаивать на вегетарианских идеалах. Брендон хотел лишь яиц и бекона на завтрак, но, заметив предостерегающий взгляд Джанет, ограничился яйцами. Мнение Тео они узнают только завтра; голландец присоединится к коммуне на день позже других. Тео Реп — друг Джанет и Брендона по амстердамским временам, и остальные с ним пока не встречались, но Джанет и Брендон ручаются: он парень что надо. Вдобавок владеет “буханкой”, каким-то образом ухитрился отхватить советский микроавтобус, думает Пер. А вместительный внедорожник — самый подходящий транспорт здесь, на острове.

У них есть полгода. На такой срок хватит денег, чтобы продержаться на плаву и заложить в усадьбе основы общего будущего. Пока посевы не принесут урожай, придется себя ограничивать, жить бережливо. Посильный вклад внесли все и каждый. Тумас с Ингелой — несколько тысяч крон, Диса — свои знания, Брендон — свои связи (какие именно и для чего они могут пригодиться, Пер понятия не имеет), Джанет — несколько сотен фунтов, унаследованных от бабушки, Тео — “буханку” и кой-какую рассаду.

А без его любимой Анны-Марии вообще ничего бы этого не было. Известие о кончине ее деда сперва всего лишь означало, что незнакомый ей старикан, отец ее отца, которого она едва помнила, сыграл в ящик. В Доггерланде она никогда не бывала, толком не знала, что в этой стране ее корни. И вдруг на тебе — нежданно-негаданно оказалась владелицей

Луторпа, усадьбы к северу от Лангевика, на острове Хеймё. Странное название, чуть ли не экзотическое. Но письмо из адвокатской конторы сомнений не оставляло: если Анна-Мария пожелает, они с большим удовольствием позаботятся о продаже как усадьбы Луторп, так и прилежащих пастбищных и лесных угодий, которые входят в состав наследства. Если же она желает оставить все за собой, то должна нанять человека присматривать за тамошним хозяйством. Или заняться этим сама.

Им хватило недели, чтобы принять решение.

Пер вздрагивает, когда знакомый детский смех и топоток бегущих ног прерывается глухим звуком падения. Он молча считает: раз, два, три... на четыре раздаётся вопль. И тотчас же мягкий датский говорок Дисы утешает:

— Ну-ну-ну, ничего страшного.

Не открывая глаз, он слышит, как плач во дворе стихает, но сию же минуту детский рев слышится в доме, вскоре уже на два голоса.

— Я займусь, — говорит Тумас, и Пер мысленно видит, как его друг приподнимает Лава и, быстро и привычно приняхавшись, проверяет, не сменить ли подгузник, а одновременно берет на руки Орьяна, успокаивает. Купать, менять пеленки и успокаивать — дело Тумаса, кормить — дело Ингелы. Тумас занимается детишками, хоть они и не его. Он так влюблен, что, наверно, сделает что угодно, только бы на сей раз не потерять Ингелу. Теперь, после нескольких лет, прожитых врозь, они наконец-то снова вместе.

Потом он думает, что Тумас выполняет свою работу так же тщательно, как собирал модели самолетов, когда они оба были детьми. До сих пор он помнит запах клея, которым они склеивали детальки, разложенные на письменном столе в комнате у Тумаса. Самому ему не доставало терпения, зачастую он оставлял лучшего друга наедине с серыми кусочками пластмассы и перебирал коллекцию пластинок. Дядя Тумаса работал в музыкальной отрасли и снабжал племянника новейшими дисками, о которых Пер мог только мечтать.

“Бери, — обычно говорил Тумас, видя, как Пер, сощуриив глаза, внимательно читает каждую букву на обороте конверта какого-нибудь сингла, который у него не вызывал ни малейшего интереса. — Бери, если хочешь, у меня их и так полно”.

Теперь слышно звяканье тарелок и приборов, которые раскладывают на столе, и резкий хлопок пробки, выдернутой из бутылки. Торопливый топот ног в дом и из дома, энергичные шаги, чтобы принести и поставить что-то на стол. Потом голоса. Голоса, звучащие то громче, то тише, взрыв

смеха, кто-то кого-то окликает, просит захватить на кухне что-то еще.

Звуки праздника.

Надо бы встать и помочь остальным, но Пер не в силах расстаться с этим сном наяву. Брендон затягивает “*I Feel Like I'm Fixin' to Die-Rag*”^[2], и кто-то — Ингела? — не очень уверенно подхватывает. Она не поспевает ни за текстом, ни за Брендоновым темпом, но припев сквозь смех поют все:

*And it's one, two, three,
What are we fighting for?
Don't ask me, I don't give a damn,
Next stop is Vietnam.*

Секундой позже он понимает, что открыл глаза и тоже поет. Встречается взглядом с Анной-Марией, и они вместе разыгрывают целую пантомиму, пока она, весело пританцовывая, идет к нему.

*And it's five, six, seven,
Open up the pearly gates...*

Она садится к нему на колени, утыкается губами ему в шею, и он чувствует, как они тихонько шевелятся, щекочут тонкую кожу.

— Ты был прав, — бормочет она.

— Мы были правы, ты ведь хотела этого не меньше меня?

Он чувствует, что она кивает, улыбается ему в шею. Да, она тоже хотела.

Так и было; изначально идея принадлежала ему, но решение они приняли вместе. Сняться с места, бросить все и начать сначала.

На сей раз другую жизнь.

В Дункерском полицейском управлении освещены только два этажа. С нижнего этажа на Редехусгате пробивается слабый отсвет лифта, остальные шесть этажей высокого, похожего на бункер здания тонут в темноте.

Территориально полиция Доггерландской республики делится на четыре главных округа: Северный и Южный Хеймё, Фрисель и Ноорё. Каждый округ состоит из участков, занимающихся повседневной полицейской работой. Все тяжкие преступления, которые караются сроками свыше пяти лет, расследует центр — отдел уголовного розыска Доггерландской государственной полиции, или коротко ДГУ. Размещается отдел на третьем этаже управления, над службой общественного порядка и дорожного движения и, соответственно, под научно-техническим отделом и отделом информационных технологий.

“Клиника” — так называют массивный серый бетонный бункер те многие полицейские, кому выпало сомнительное удовольствие работать в этом здании, — построена на пустыре, возникшем, когда, несмотря на массовые протесты, сровняли с землей четыре квартала старинных деревянных построек XVIII века. Теперь эта махина бросает свою тень на красивую старинную ратушу, которая упрямо держит позицию через дорогу.

Сегодня вечером, в пять минут восьмого, на третьем этаже, в самой большой комнате для совещаний собрались восемь человек. Помимо врио начальника Карен Эйкен Хорнби отдел уголовного розыска представлен инспекторами Карлом Бьёркеном и Эвальдом Йоханнисеном, а также ассистентами Астрид Нильсен и Корнелисом Лоотсом. Кроме того, присутствуют начальник НТО Сёрен Ларсен, судмедэксперт Кнут Брудаль и — по скайпу — дежурный прокурор Динеке Веген.

Карен обводит взглядом людей, сидящих за длинным столом. Блюдо с черствыми бутербродами, термос и шаткая башня пластиковых стаканчиков образуют сиротливый натюрморт под лампой дневного света. К “яствам” никто не тянется.

— Так, все на месте, — говорит она. — Добро пожаловать и спасибо, что пришли. Мы все устали, и я не вижу причин без нужды затягивать совещание, но нам необходимо предварительно согласовать, что мы имеем. Начну с изложения основных фактов.

Все молчат, слышен только угрожающий скрип стула, когда Эвальд

Йоханнисен меняет позу, сдавленный зевок Кнута Брудаля да хруст пакетика, из которого Астрид Нильсен извлекает пастилку от кашля. Глядя на высокую, белокурую, вызывающе спортивную коллегу, Карен инстинктивно выпрямляет спину и втягивает живот, потом, кашлянув, продолжает:

— В одиннадцать пятьдесят пять дежурному позвонили из службы спасения. Шестью минутами раньше, то есть в одиннадцать сорок девять, туда поступил звонок от некоего Харальда Стеена, проживающего на севере Лангевика и сообщившего о женщине, которая упала и расшиблась у себя на кухне. По словам оператора, Стеен не мог сказать, сильно ли женщина пострадала, потому что видел ее только в окно. Точнее, видел только ноги упавшей.

Новый зевок Брудаля и через секунду еще один, на сей раз это Корнелис Лоотс, который пытается прикрыть рот тыльной стороной руки. Карен чувствует, как ее уверенность тает. Я тут ни при чем, просто день выдался долгий, напоминает она себе и продолжает:

— Оператор разумно решил не только выслать туда скорую, но и связаться с дежурным полицейским. В двенадцать двадцать пять полицейские ассистенты Ингульдсен и Ланге были на месте, прямо перед приездом скорой. Взломав дверь, они быстро установили, что на полу кухни лежит мертвая женщина с тяжелыми повреждениями лица. Харальд Стеен по-прежнему находился возле дома и сообщил, что покойная — Сюзанна Смед.

Изложенное Карен ни для кого из присутствующих не новость, однако имя бывшей жены начальника вызывает усиленный скрип стульев, поскольку многие нервно меняют позу.

— А откуда, черт побери, старикан знал, что это она? Болваны впустили его в дом?

Все взгляды разом устремляются на Эвальда Йоханнисена. Карен видит вскинутые брови коллеги, слышит недовольство в голосе и понимает, что на сей раз камень брошен в ее огород. Йоханнисен устроит ей веселенькую жизнь.

— Нет, — спокойно отвечает она, — но Сюзанна Смед была его ближайшей соседкой, и он знал, что в доме живет она одна. Хотя ты, конечно, прав, Эвальд, он *предположил*, что это Сюзанна Смед.

— А теперь мы знаем, что это Сюзанна Смед, — слышится резкий голос с другого конца стола. — Можем продолжать?

Кнут Брудаль сидит, откинувшись на спинку стула, прикрыв глаза и сложив руки на объемистом животе.

— Спасибо, Кнут, — говорит Карен, — чуть позже мы подойдем к твоему отчету. Кстати, именно потому, что покойная — бывшая жена Юнаса Смеда, здесь стою я, а не он. Начальник полиции решил на время расследования отстранить Юнаса Смеда от службы и назначил меня врио шефа отдела уголовного розыска, а также руководителем следственной группы.

В комнате по-прежнему тишина. С трудом подавив желание выпить глоток воды, Карен продолжает:

— Ситуация для всех нас, конечно, непростая, к тому же, как вы понимаете, это дело привлечет огромное внимание СМИ. Поэтому нам как никогда важно не допустить ни малейшей утечки информации. Все контакты со СМИ Вигго Хёуген берет на себя. Я буду держать его и пресс-секретаря в курсе расследования.

— Н-да, вот уж писаки не обрадуются, — с усмешкой замечает Карл Бьёркен. — Им же всегда позарез нужен тот, кто ведет расследование, они на все пойдут, лишь бы добраться до тебя в обход Хёугена.

— Но решение, во всяком случае, таково, — коротко отвечает Карен. — Вся информация через пресс-бюро и Вигго Хёугена, ни вы, ни я на вопросы журналистов не отвечаем, впредь до отмены данного решения. Ни слова о времени, орудии убийства или ходе расследования. Никаких высказываний насчет Юнаса или его брака с Сюзанной, и вообще. Молчим как рыбы. О'кей?

Она удивляется авторитетности собственного голоса. А ведь как раз этот тон в устах старших по званию больше всего действует ей на нервы, он всегда отдает какой-то нравоучительностью.

— Ну что ж, Кнут, слово за тобой, пока ты не уснул, — добавляет она с легкой улыбкой и берется за стакан с водой.

Судмедэксперт открывает в компьютере первую страницу своего сообщения, и все взгляды устремляются на большой экран на одной из торцевых стен. В следующий миг слышится общий вздох. На снимке Сюзанна Смед — она лежит на спине, с разбитым лицом, голова под тускло-черным ребром большой чугунной плиты. Сквозь кровавое месиво в гротескной усмешке просвечивают разбитые зубы.

Карен замечает, что веснушчатые щеки Корнелиса Лоотса разом стали еще бледнее. Он поспешно отводит взгляд и несколько раз проводит ладонью по рыжеватым волосам, словно стараясь отвлечься. Сидящий рядом Карл Бьёркен являет собой резкий контраст как внешностью, так и реакцией: гладкие угольно-черные волосы блестят, темные глаза неотрывно смотрят на экран. Только те, кто хорошо его знает, угадывают, что означает

чуть подергивающийся мускул на правой челюсти. Карл Бьёркен отнюдь не безучастен.

Даже Астрид Нильсен, кажется, вот-вот потеряет свое холодное самообладание.

— Господи, — бормочет она и тянется за пакетиком с пастилками.

— Вскрытие я закончил полчаса назад, — говорит Кнут Брудаль. — Подробное заключение напишу завтра, но самое главное доложу прямо сейчас. И постараюсь, чтобы даже доггерландской полиции все было понятно, — добавляет он, словно отвечая на безмолвный вопрос, который, очевидно, задавали чаще, чем ему хотелось.

Брудаль кликает следующую фотографию, крупный план лица Сюзанны Смеед, и Карен заставляет себя посмотреть еще раз. Тяжело сознавать, что скоро все взгляды обратятся на нее самое. Станут искать ответ, которого она не имеет, ждать, что она поведет их через расследование.

Теперь вся ответственность на мне, я должна установить, кто убил бывшую жену этого поганца, а сам он тем временем хлещет виски и отказывается сотрудничать. Как мне, черт побери, с этим справиться, думает она. Я ведь, блин, даже с собой справиться не могу.

— Как я уже сказал, на фото действительно Сюзанна, — слышит она в другом конце комнаты голос Брудалья; сейчас в голосе сквозит слабость, будто он вот-вот сорвется. Эксперт откашливается и продолжает: — Я был близко знаком с нею, когда они с Юнасом состояли в браке, поэтому мог сам опознать ее, несмотря на повреждения, но мы, конечно, также установим личность через анализ ДНК.

Брудаль кликает новое фото, и взгляды присутствующих невольно приковывают рваные раны и почерневшие от крови пряди волос.

— Повреждения, которые мы здесь видим, результат трех очень сильных ударов по голове, предположительно нанесенных железной кочергой, но об этом подробнее расскажет Сёрен. Первый нанесен наискось сзади, он сломал скуловую кость и переносицу. В момент удара жертва, вероятно, вставала из-за кухонного стола, или же она сумела встать уже после удара, все зависит от роста преступника. То есть Сюзанна пока что на ногах.

Брудаль опять откашливается и делает глубокий вдох.

— Второй удар последовал сразу же за первым, — продолжает он. — То есть убийца понимает, что первого удара оказалось недостаточно, и наносит еще один, с такой силой, что он проламывает верхнюю челюсть, отбрасывает жертву назад и она ударяется головой о печь.

Кнут Брудаль кликает новое фото. На сей раз крупный план головы Сюзанны Смеед.

Словно обезглавленная курица, думает Карен.

— Фу ч-черт, — бормочет Карл Бьёркен.

— Да, можно и так сказать, — сухо отзывается Брудаль. — Непосредственной причиной смерти стало массивное внутреннее кровотечение между черепной костью и мозгом. Кровь сдавила мозг в области дыхательного центра, где головной мозг переходит в спинной, поэтому жертва перестала дышать. Или, как сказали бы вы сами, она умерла от черепно-мозговой травмы.

За столом тишина.

— И вот еще что. — В голосе Брудаля слышна сдержанная злость. — После смерти Сюзанны преступник снял с ее правого безымянного пальца одно или, возможно, два кольца. Кроме того, на шее спереди и сзади явно видны отметины, оставленные, по всей вероятности, нашейным украшением, которое с нее сорвали.

Сейчас не слышно ни скрипа, ни шороха, ни зевоты. Все молча думают об одном: возможно, Сюзанна Смеед погибла в результате самого обыкновенного ограбления, которое пошло не так. Подобное преступление расследовать проще. В любом случае проще для всех. В конце концов Карен прочищает горло и нарушает молчание:

— Можешь что-нибудь сказать о преступнике, Кнут?

Она спрашивает, особо не надеясь, что ответ даст им какую-то зацепку. Слишком часто слышала и вопрос, и ответ. Ведь, что ни говори, не первый раз на скачках.

— Много не скажу, — отвечает судебный медик. — Забудьте, что по повреждениям якобы можно достаточно точно определить рост или вес того, кто нанес удар, так только по телевизору бывает. Я лишь могу сказать, что тут требовалась недюжинная сила. Кочерга сама по себе весьма тяжелая, а удар нанесен с немалой силой.

— Или яростью? — роняет Карл Бьёркен.

— Н-да, это еще предстоит выяснить. Но злость, а иной раз и большой страх часто придают неожиданные силы. К тому же известная сила или, если угодно, ярость нужна и затем, чтобы снять кольца с мертвого тела. В данном случае они, по-видимому, сидели весьма туго.

Снова задумчивая тишина.

— Удалось уточнить время смерти? — спрашивает Карен.

— Я уже говорил: когда я пришел, на кухне было ужасно жарко. Плита явно топилась при закрытой кухонной двери. Затем полицейские

ассистенты, которые первыми прибыли на место, открыли и эту дверь, и входную, а тем самым впустили холод, и температура быстро понизилась, но потом дверь опять закрыли. Потом приехали криминалисты и погасили плиту. В итоге имели место перепады температуры, не позволяющие установить точное время смерти.

Судмедэксперт делает паузу, отпивает еще глоток воды.

— Однако немного уточнить удалось. По моей оценке, смерть с весьма большой вероятностью наступила между половиной восьмого и десятым. Еще вероятнее — между восьмью и половиной десятого, точнее сказать невозможно.

Карен глубоко вздыхает. Лучше выложить прямо сейчас.

— Я лично могу добавить еще один кусочек пазла, что касается времени смерти. Примерно в четверть девятого я проезжала мимо дома Сюзанны и видела ее с дороги.

— В четверть девятого? Кто по доброй воле пускается в путь в эту рань после Устричного фестиваля?

В голосе Эвальда Йоханнисена сквозит недоверие.

— Я ночевала у знакомой в Дункере, но проснулась рано и поехала домой. Так или иначе, я видела Сюзанну живой-здоровой, она поднималась по тропинке к дому после утреннего купания, примерно в четверть или в двадцать минут девятого.

Карен быстро обводит взглядом собравшихся, однако никто не ставит ее слова под сомнение. И тут она видит поднятые брови и ироническую усмешку Йоханнисена. Неужели он что-то знает? Насколько близко он знаком с Юнасом? Она чувствует, как вспыхивают щеки, но в следующую секунду ее спасает голос Брудалья.

— Ну что ж, — говорит он с нетерпеливой усталостью. — Это вполне согласуется с моими выводами. У меня все, могу только сказать, что содержимое желудка соответствует остаткам завтрака на столе: кофе с сахаром, йогурт, овсяные и ржаные хлопья, изюм и миндаль. Словом, солома, какую упорно покупает моя жена, потому что это, типа, полезно, — добавляет он.

— То-то я смотрю, вид у тебя больно цветущий, — с усмешкой замечает Карл Бьёркен.

Вокруг стола пробегают смешки. Обычных, достаточно грубоватых реплик, какими дознаватели обороняются, когда судмедэксперт демонстрирует фото тяжких преступлений, на сей раз не слышно. Поэтому слабая попытка Карла Бьёркена пошутить принимается с благодарностью, и напряжение отпускает еще больше, когда Брудаль наконец выключает

экран.

— У кого-нибудь есть еще вопросы к Кнуту? Вопросов нет. Тогда мы, пожалуй, отправим тебя домой, к жене и мюсли, — говорит Карен.

Когда дверь за высоченным судмедэкспертом закрылась, она продолжает:

— Теперь твоя очередь, Сёрен. И если можно, давай покороче. Все устали и хотят домой.

Особенно я, думает она. До сих пор утренний сон и адреналин помогали ей сохранять бодрость, но внезапно все тело охватывает усталость. Она открывает документ, который Сёрен Ларсен полчаса назад переслал ей по электронной почте, и подвигает ему клавиатуру и мышь.

— О'кей, — говорит он и машет рукой. — Вообще-то незачем разглядывать снимки прямо сейчас, можете посмотреть завтра утром. Пока что нам удалось установить вот что. Как сказал Брудаль, убийца воспользовался старой кочергой. Стало быть, ее надлежит считать орудием убийства, хотя в момент смерти преступнику пособило ребро чугунной плиты. Кочерга ручнойковки, около семидесяти сантиметров длиной, сделана, вероятно, в конце девятнадцатого века. Отпечатков пальцев на орудии убийства не обнаружено.

— Даже Сюзаннинных? — спрашивает Астрид Нильсен.

Она-то почему не выглядит усталой? — думает Карен, глядя на блондинку, сидящую чуть наискосок напротив. Астрид Нильсен словно только что вернулась с освежающей прогулки — щеки розовые, взгляд бодрый. Хотя наша Пчелка, наверно, не пила вчера столько вина, продолжает размышлять Карен, попутно заглушая укол нечистой совести. Астрид работает хорошо, по-настоящему хорошо, к тому же с ней легко иметь дело. Здорово. Трое детей, муж в айти-отделе полиции, всегда красиво подстрижен и с кроткой улыбкой на губах. Карен сильно подозревает, что он принадлежит к независимой церкви, по крайней мере его отчетливо ноорёский выговор подталкивает к такому выводу.

— Вообще никаких. — Ответ Ларсена возвращает Карен к реальности. — Убийца предположительно вытер кочергу или же был в перчатках. Но в последнем случае должны бы остаться другие отпечатки. Впрочем, там есть еще одна кочерга, намного легче и новее, на ней мы обнаружили отпечатки пальцев Сюзанны.

— Н-да, тогда неизвестно, кто затопил плиту, она сама или убийца, — разочарованно замечает Эвальд Йоханнисен. — Не пойму только, зачем бы ей топить в эту пору года. На улице было по меньшей мере плюс десять, к тому же у нее наверняка есть масляный обогреватель. Верно?

— Да, верно, — кивает Сёрен Ларсен. — Мало-мальски пригодных остатков растопки мы не нашли, только золу от дров и газетной бумаги. Так что еще предстоит разбираться, почему кто-то затопил печь и имеет ли это вообще отношение к убийству.

Карен вспоминает озябшую Сюзанну Смеед и думает, что, пожалуй, не так уж и странно, что после купания в Лангевиксо в конце сентября хочется поскорее согреться. Но об этом мы потолкуем завтра, решает она и жестом предлагает Ларсену продолжить.

— Словом, велика вероятность, что дровяную корзину возле плиты пытался поджечь преступник. Но дрова были сырые, сама же корзина, собственно, не корзина, а старая медная лохань, так что огонь почти потух, не добравшись до шторы. В противном случае ситуация сложилась бы совершенно иначе.

Сёрен Ларсен делает короткую паузу, листает свои записи, потом продолжает:

— Кое-что свидетельствует в пользу версии о грабеже со взломом. Комод в передней определенно обыскивали, в сумочке нет бумажника, где, как можно предположить, лежали банковские карты и водительские права. Отсутствуют компьютер и мобильный телефон, хотя мы точно не знаем, имела ли Сюзанна Смеед то или другое, но поскольку стационарного телефона в доме нет, можно предположить, что мобильник у нее был. Разумеется, проверим у крупных операторов, зарегистрирован ли на нее какой-нибудь номер.

Он опять делает короткую паузу, перебирает свои записи.

— Добавочные факты, как будто свидетельствующие в пользу грабежа, это, разумеется, украшения, о которых говорил Брудаль. Однако же в доме находятся предметы, которые любой грабитель непременно прихватил бы: столовое серебро примерно тысяч на двадцать марок и несколько других предметов из старинного серебра, восемнадцатого века, между прочим, так что речь идет о кругленькой сумме, хотя точную стоимость мы пока не определить не успели.

— Может, налетчики не разбирались в подобных тонкостях, — уныло замечает Эвальд Йоханнисен. — Молодые нарики передачи про антиквариат не смотрят. Отпечатки обуви есть?

— Пока ничего пригодного, но все, что было, мы зафиксировали. Коллеги, которые прибыли первыми, натащили в переднюю, да и на кухню довольно много гравия и глины, так что особо не надейтесь. Вообще улики негусто. Есть ДНК и отпечатки пальцев других лиц, не только Сюзанны Смеед, но сверка с базами данных закончится не раньше, чем завтра

вечером или утром во вторник. Зато мы быстро выяснили, кому принадлежат свежие отпечатки пальцев в гостиной, в туалете на первом этаже и на кухне.

Сёрен Ларсен выдерживает паузу, добиваясь всеобщего внимания.

— Они принадлежат Юнасу Смееду.

Десять минут разминки — и они снова сидят за столом в комнате для совещаний. Компания уменьшилась, остались только сотрудники уголовного розыска: Эйкен, Йоханнисен, Бьёркен, Лоотс и Нильсен.

Корнелис Лоотс наклоняется над столом, берет черствый бутерброд, подвигает блюдо дальше, к Астрид Нильсен, но та молча качает головой. Пока бутерброды путешествуют вокруг стола, Карен провожает их взглядом. А когда подходит ее черед, презрительно скривив губы, рассматривает вялый салат, выглядывающий из-под вспотевших прямоугольников сыра. Пустой желудок и намечающаяся головная боль заставляют ее сдаться. Со вздохом она берет бутерброд и передает блюдо дальше.

Все жуют, слушая отчет Карла об их с Карен визите к Харальду Стеену и о его телефонном разговоре с соцработником Стеена, Ангелой Новак. Это новость и для Карен.

— Выходит, все было именно так, как он говорил? Я даже надеяться не смела.

— Да, выходит так. Ангела Новак подтверждает, что приехала к Стеену намного позже обычного. Но Устричный фестиваль тут ни при чем, как она подчеркнула. Она была у другого пациента, — говорит Карл.

— Не у пациента, — вставляет Йоханнисен. — Нынче это называется клиент. Блин, того гляди, прикажут, чтоб мы всякую шваль клиентами называли, — невнятно бормочет он, запихивая в рот остатки бутерброда и протягивая руку за следующим.

Карл Бьёркен бросает на него сердитый взгляд и продолжает:

— Дело в том, что, когда Ангела приехала к этому другому... клиенту — восьмидесятипятилетней женщине — та лежала на полу в спальне. Поскольку старушка пребывала в спутанном сознании и толком ни на что не реагировала, Ангела вызвала скорую и, понятно, была вынуждена дожидаться ее, а уж потом отправилась к Харальду Стеену.

Карл заглядывает в свои записки.

— Я звонил в больницу, Ангела Новак, судя по всему, не лжет. В девять сорок скорая забрала некую Веру Драммстад из ее дома и доставила в отделение интенсивной терапии больницы “Тюстед”. Похоже, у нее случилось просто временное нарушение мозгового кровообращения, но, чтоб вы знали, она по-прежнему в больнице, под наблюдением.

— Она что-нибудь видела? В смысле, Ангела Новак, — спрашивает Карен, подавляя зевоту и не очень надеясь услышать что-нибудь интересное.

Так и есть.

— Да нет, ничего, насколько она помнит. Но ведь она была очень расстроена из-за случившегося со старушкой, а вдобавок нервничала, так как опаздывала к Харальду Стеену. Знала, что он непременно примется ворчать.

— Хороша работенка, — бурчит Корнелис Лоотс.

— Зато позднее и она, и старикан вправду слышали автомобиль, который врубил движок и уехал. По словам Ангелы Новак, прямо перед началом десятичасовых новостей, — продолжает Карл. — И она действительно заметила, что мотор чихает и кашляет в точности как машина ее отца в Польше. Она как раз сварила кофе и помогала Стеену встать с кровати, поэтому никто из них автомобиль не видел.

— Значит, в принципе это могла быть и совсем другая машина. Может, кто-то проезжал по дороге. — Йоханнисен разводит руками.

— В принципе, да, — говорит Карл с нарочитым спокойствием. — Но Харальд Стеен уверен, что узнал ее по звуку стартера.

Эвальд Йоханнисен кривит рот в скептической усмешке:

— В этом старикан уверен, но, пока они там распивали кофе, никто из них не заметил, что у соседки горит? Разве это не чертовски странно?

— Да нет, не особенно, — раздраженно бросает Карл. — Брудаль ведь сказал, огонь сам быстро потух, вдобавок кухонное окно выходит на другую сторону. Примерно час спустя внимание Харальда Стеена привлек не этот дым, а тот, что шел из трубы. Ему показалось странным, что у Сюзанны топится плита, хотя ее самой явно нет дома. Потому он и пошел туда. Ты что, не слушаешь?

Карл Бьёркен смотрит в потолок и разводит руками, будто ища поддержки высших сил. Йоханнисен порывается отпарировать, но Карен перебивает:

— Ладно, оставим это. Корнелис и Астрид, нарыли что-нибудь полезное? Эх, передайте-ка сюда эти подошвы и термос тоже.

— Увы, — отвечает Астрид Нильсен. — Мы опросили всех соседей в радиусе пятисот метров от участка Сюзанны Смеед.

— Н-да, вряд ли их много набралось, — бормочет Карен, нажимая на кнопку термоса. В стаканчик льется тонкая светло-коричневая струйка.

— Конечно, дома на окраине Лангевика стоят редко, но, кроме Харальда Стеена, мы все же нашли несколько расположенных достаточно

близко, чтобы их обитатели могли что-нибудь заметить.

Только если они торчали у своих заборов и глазели на Сюзаннин дом, думает Карен. Она прекрасно знает, о каких домах говорит Астрид. Хотя, возможно, Гудьюнссоны, думает она секундой позже. Им Сюзаннин дом виден прямо из окна, по крайней мере со второго этажа.

— Ну и как? — Она запивает кусок бутерброда холодным кислым кофе и чувствует, как сводит челюсти. — Безрезультатно?

— К сожалению, жильцов мы застали только в одном доме. Лаге и Мари Свеннинг, молодая парочка. По их словам, они проспали до самого обеда. То есть ничего не видели и не слышали.

— А Гудьюнссоны? — напоминает Карен.

Корнелис Лоотс смотрит на нее с удивлением:

— Ты всех в Лангевике знаешь?

— Нет. Теперь уже не всех.

— Они в отъезде, — мрачно сообщает Астрид Нильсен. — В Испанию уехали на пару недель, в отпуск, вернутся в следующее воскресенье, как сказали родители Юханнеса Гудьюнссона, с которыми мы связались по телефону. Жаль, семья-то большая. С четырьмя детьми довольно велики шансы, что хоть один из родителей воскресным утром не спит.

— Откуда у людей деньги? — кисло замечает Эвальд Йоханнисен. — Двое взрослых и четверо детишек в гостинице на солнечном испанском пляже, как по-вашему, во сколько это обходится? И вообще-то детям надо ходить в школу, — добавляет он недовольным тоном.

— Юханнес Гудьюнссон — главный инженер “Но-ор-Ойл”, — сухо возражает Карен, — а его жена — владелица аудиторской конторы, так что денег им хватает. А дети маленькие. Старший и тот, по-моему, еще в школу не ходит, а самым младшим, близнецам, всего годик-другой.

— Стало быть, ты с ними знакома? — спрашивает Астрид.

— Шапочно, — отвечает Карен и меняет тему.

С какой стати рассказывать, что ее старый школьный приятель Юханнес Гудьюнссон несколько лет кряду заезжал к ней по дороге домой с нефтераза-боток. Отношения ни к чему не обязывали, но сексуально удовлетворяли обоих и прекратились, как только родились близнецы. Вероятно, у него больше нет времени, думает Карен. Или сил.

Вслух она произносит:

— Есть новости о Сюзанниной машине, Эвальд?

Йоханнисен смотрит на нее со скучающей миной:

— Тебе не кажется, что я бы уже сказал? Кстати, ты-то сама говорила с шефом?

Карен коротко докладывает о визите домой к Юнасу Смееду. Говорит правду, ничего, кроме правды. Только не всю.

Ни слова о ночи во “Взморье”, ни слова о виски и нежелании сотрудничать, ни слова о том, что он фактически выставил ее под дождь. Она коротко докладывает, что после Устричного фестиваля Юнас Смеед, оставив машину в центре, пешком добрался до дома и уснул на диване. Далее она — опять же правдиво — излагает его рассказ: он, мол, проснулся на следующий день от звонка Вигго Хёугена, после чего забрал на парковке машину и поехал к дочери, чтобы сообщить о смерти ее матери.

С ловкостью, которая удивляет ее самое, она обходит тот факт, что не только автомобиль Юнаса, но и он сам заночевал в городе, а домой отправился только утром.

За столом вновь повисает тишина. Никто не задает вслух вопрос, может ли кто-нибудь подтвердить слова Юнаса. Ни у кого и в мыслях нет, что обеспечить ему алиби, по крайней мере до двадцати минут восьмого, может только она, Карен Эйкен Хорнби. С другой стороны, это не имеет значения, говорит она себе. Вопрос в том, что Юнас Смеед делал после того, как она ушла из гостиницы.

Карен сидит в машине, смотрит прямо перед собой. Уличные фонари на Редехусгате светят тускло, вдали над темным Голландским парком виднеется серп луны, а дальше, по куда лучше освещенной Одинсгате, временами проезжают автомобили. Центральные районы города по-прежнему окутаны ленивым одеялом воскресного дня и уже приготовились ко сну. Усталость чувствуется теперь даже в кончиках пальцев, руки тяжело лежат на руле. Половина одиннадцатого, а впереди еще без малого час дороги до дома. Во рту неотвязный вкус двух черствых бутербродов и водянистого кофе из термоса, и она с горечью вспоминает утренний обет вести здоровый образ жизни. Неужели это было сегодня утром? А кажется, будто много дней назад.

Она бросает взгляд на пассажирское сиденье, где рядом с сумкой так и лежат прихваченные из дому банан и банка кока-колы. Банан потемнел, стал буровато-черным и сейчас, когда в машине потеплело, источает кислый запах. Может, выбросить его за окошко? Но сил нет, пускай лежит. Она берет банку, открывает, слышит шипение газа, отпивает глоток-другой приторной теплой колы, потом, рыгнув, ставит банку в гнездо между сиденьями и берется за рычаг переключения передач. Но тотчас убирает руку, роется в сумке. Зажав сигарету в уголке рта, закуривает, делает глубокую затяжку и думает, что новую неделю и новые привычки всегда начинают с понедельника. А до конца этого окаянного воскресенья еще целый час.

Она уверенно едет на высокой скорости, приглушает фары, когда на скудно освещенной встречной полосе возникают машины, и, сосредоточенно стараясь не заснуть, мысленно перебирает события дня. Утро в гостиничном номере кажется далеким, почти нереальным, и вспоминать о нем нет ни малейшего желания. Первую встречу с Ингульдсен и Ланге она — вероятно, исключительно из чувства самосохранения — тоже сумела оттеснить за туманные кулисы, тогда как остальные события по-прежнему видятся четко и ясно.

В памяти всплывает разговор с Вигго Хёугеном. Она тогда думала лишь о том, что Сюзанна Смедд убита и как, черт побери, ей, Карен, пережить ближайшие сутки без тошноты. До сих пор у нее не было времени поразмыслить, почему Хёуген вообще поручил руководство расследованием именно ей. А вдобавок еще и назначил врио начальника

отдела. Почему не выбрал Йоханнисена или Карла? Пусть даже они формально ниже по званию, Хёуген мог бы с легкостью придумать причину. Раньше-то всегда находил аргументы.

Собственные попытки Карен занять пост начальника отдела, сказать по правде, всегда оставались безуспешны.

До инспектора уголовного розыска ее повысили, когда начальником был Вильгельм Касте. Касте полагал, что, когда он выйдет на пенсию, она естественным образом займет его место. Только вот за четыре года до желанной пенсии он умер от инфаркта, и все планы продвижения Карен были похоронены вместе с ним. Его преемником спешно назначили Улофа Кварнхаммара, который относился к работающим женщинам вообще и к женщинам-полицейским в частности, мягко говоря, странно: чем более высокие посты они занимали, тем больше он удивлялся. Однако — это даже Улофу Кварнхаммару было понятно — просто взять и выгнать Карен со службы он не мог. Но имел и массу других возможностей ей насолить. В последующие годы к наиболее интересным расследованиям ее, как правило, не привлекали, на совещаниях постоянно игнорировали, без конца попрекали, что она не служила рядовым полицейским. Конечно, она закончила полицейскую школу, полгода была на практике и получила в Лондонском университете Метрополитен степень к. ф. н. по криминологии, — но это же не идет ни в какое сравнение с многолетней службой коллег в пеших патрулях. И то, что она, отвечая на прямой вопрос журналиста, подтвердила, что равноправие внутри доггерландской полиции оставляет желать лучшего, вряд ли способствовало ее популярности у руководства. Произошло это двадцатью годами раньше, когда она училась в полицейской школе, однако сей факт, похоже, роли не играл. Как выразался Кварн-хаммар, никакая сорока в свое гнездо не гадит, и такое преступление срока давности не имеет.

Но, пожалуй, самая большая ошибка Карен, которая постоянно черной тучей витала над ее головой, заключалась в том, что однажды она совершила предательство — ушла из полиции. Даже из страны уехала и несколько лет жила за границей. Тут и думать нечего, будто явишься как ни в чем не бывало и станешь “своим парнем”.

Когда Кварнхаммар тоже неожиданно скончался — от разрыва аорты, — пробыв на посту начальника около пяти лет, Карен почуяла новые возможности. Пока парни пили в пабе поминальное пиво, она сидела дома за кухонным столом со стаканом хорошего виски и формулировала заявление на должность начальника. Но тут откуда ни возьмись возник другой кандидат — Юнас Смеед. Шесть лет в службе общественного

порядка, незаконченное юридическое образование и три года в должности замначальника отдела экологических преступлений — по мнению начальника полиции Вигго Хёугена, большой плюс для шефа отдела уголовного розыска. Кроме того, Смеед, как сказал Хёуген, представляя его коллегам, “уже в годы патрульной службы показал зубы” (тут он сделал паузу, ожидая надлежащих смешков), и, словно этого недостаточно, за годы службы в экологической полиции Смеед продемонстрировал “организаторские способности и прозорливость”, а вдобавок проявил “документированно незаурядные лидерские качества”. Карен перестала слушать еще на “патрульной службе”.

До сих пор она не может полностью отбросить подозрение, что главной причиной назначения Юнаса Смееда явилось то, что он принадлежал к одному из самых влиятельных семейств Доггерланда. А если уж разбираться начистоту, роль начальника никогда не привлекала ее на все сто процентов. Вырабатывать директивы, принимать решения о приоритетах, руководить сложными расследованиями (и доказывать, что она, черт побери, умеет это гораздо лучше, чем Улоф Кварнхаммар) — вот что подвигло ее тогда подать заявление. Однако все остальное было куда менее заманчиво: сплетни сослуживцев, разговоры насчет заработной платы, регулярные доклады начальнику полиции, вынужденные льстивые реверансы перед политиками, а хуже всего — проверки сотрудников. Разочарование, что должность ей не досталась, в тот раз быстро сменилось облегчением.

А теперь она сидит по уши в этом дерьме.

Но только временно, напоминает себе Карен, закуривая новую сигарету. Чем быстрее закончится расследование, тем скорее Юнас Смеед вновь займет свое начальническое кресло, а она вновь обретет свободу.

Запыхавшись, Карен упирается ладонями в колени и смотрит на море. Вдали, у самого горизонта, грузовое судно медленно скользит по темной кромке меж морем и небом. Она не спеша выпрямляется, чувствует, как бешеный стук сердца мало-помалу утихает, а дыхание выравнивается. Четыре километра по лесной дорожке вдоль побережья, напрямик на север от Лангевика. Всего-то четыре километра, а по спине градом льет пот, во рту пересохло. Давненько не тренировалась. С последнего раза минуло много месяцев и выкурено слишком много сигарет.

Несколько минут она наслаждается ветром, который остужает горящие щеки, но вздрагивает, когда просторная потная футболка прижимается к телу. Отводит от лица волосы, с тоской смотрит на скалы. Быстрый взгляд на часы: двадцать минут седьмого. Можно еще немного посидеть в затишье на мысу — и бегом домой. Если повезет, в какой-нибудь расщелинке найдется дождевая вода.

Она зачерпывает горсть ледяной воды, пьет, потом усаживается, прислонясь к шершавой скале и подтянув колени к подбородку. Сидит неподвижно, глядит на море. Только небо, море, скалы да ровная линия горизонта. И все же она не спутает это место ни с каким другим. Все это запечатлелось в памяти еще в детстве. Именно сюда она вернулась много лет спустя, когда жизнь вдруг оборвалась. Только здесь она смогла продолжить существование без Джона и Матиса. Одиннадцать лет прошло, а она до сих пор иной раз выкрикивает морю их имена.

В мыслях она никогда не ассоциирует море с синим цветом. На Фриселе, да и в Дункере и по всему западному побережью до самого Равенбю, море не такое, как здесь. Там временами видишь бойкие белые барашки на густо-синей воде и белые комочки облаков, плывущие по чистому голубому небу. Там высятся зеленые холмы, а деревья вырастают высокие, с пышными кронами. Здесь же, в нескольких десятках километров к северо-востоку от столицы, все, что растет, жметя к земле. На здешних скалах, сгибаясь от ветра чуть не пополам, упрямо растут корявые сосны. Вообще всю здешнюю растительность, которая умудряется под шквалами ветра пробиться из скудной почвы, иначе как скрюченной не назовешь. И в те считанные дни года, когда безоблачное небо окрашивает морскую гладь синевой, этот пейзаж кажется ей едва ли не чужим, льстивым и ненадежным, будто он пытается скрыть свое подлинное “я”.

Цветовая гамма здесь иная, непохожая на ту зелень, что преобладает на плодородных землях в глубине Хеймё или среди золотисто-желтого песчаника Фриселя. Оттенков тут не меньше, но лишь наметанный глаз заметит роскошные краски ландшафта, где гранитно-серые утесы противоборствуют открытому морю.

Карен смотрит. Ее глаза научились различать множество нюансов изменчивого моря — то серебристого, то оловянного, то свинцового. Она видит мягкие краски ползучей ивы и камыша. Видит лиловые переливы скальных трещин и сезонные перемены — гвоздички-камнеломки весной и дербенник в разгар лета. Сейчас, когда растения на скалах увядают и лето неумолимо идет к концу, ее взгляд скользит дальше от берега, где на склонах колышется вереск. Да, здесь она дома.

С этим сознанием она встает и бежит обратно.

Лангевик, 1970 г.

— Она что, не может подняться наверх? Я больше не выдерживаю!

Анна-Мария хватает подушку, которой закрывала ухо, швыряет ее в другой конец комнаты. Громко всхлипывая, садится в постели. Пер вынимает руку из-под одеяла, берет ее за плечо, устало бормочет:

— Успокойся, это пройдет.

Она резко оборачивается, смотрит на него. С упреком, будто он тоже виноват.

— Пройдет? Когда же? Я не смогу привыкнуть!

Крик перекрывает звуки из соседней спальни. Полная тишина.

— Я имел в виду, колики у Лава пройдут, — терпеливо поясняет Пер. — Диса вчера говорила, что скоро они отпустят. Слышишь, ну вот, он уже не плачет. С ним Тумас, я слышу его шаги. Давай спать, а?

— “Диса говорила”, — сварливо передразнивает Анна-Мария. — “Тумас с ним”. Ты сам-то не замечаешь? Единственная, кто пальцем не шевельнет, это Ингела.

Голос срывается на фальцет, прорезает ночь, проникает сквозь стену, думает Пер, сквозь щели в двери. Думает, что Тумас слышит, да и Интела, наверно, тоже. Пер Линдгрэн отпускает плечо жены, садится в постели. Молча, со вздохом зажигает ночник.

— Она же кормит, — осторожно говорит он, прекрасно сознавая, что каждое слово грозит подлить масла в огонь. — Очевидно, это ужасно утомительно, тем более что между мальчишками всего лишь год разницы.

— Очень рада, что ты знаешь, каково это — кормить грудью. Потому что я-то никогда не узнаю. Ты поэтому так любишь смотреть? Думаешь, я не вижу?

Пер чувствует укол нечистой совести. Не оттого, что Анна-Мария права, а оттого, что вполне отчетливо чувствует: можно повернуть обвинения в свою пользу и стать в позу мученика. Теперь оскорбили его, и он должен ее обезоружить. А способ тут один — молчание. Он отворачивается, пустым взглядом смотрит в окно. На улице уже светло, импровизированная занавеска не способна прогнать июньскую ночь подальше. Не глядя на жену, он знает, что ее бессильная злость уже сменилась тревогой.

— Прости, Пер, — говорит она. — Я знаю, ты бы никогда...

Лишь когда ее слова заполняют всю комнату, он оборачивается:

— Помнишь? Мы ведь говорили, что тебе будет трудно, когда вокруг столько детей. Что ты не справишься.

— Но я справляюсь. Конечно, справляюсь. Только вот.

Пер Линдгрэн смотрит на жену со смешанным чувством нежности и раздражения. Теперь, когда она не кричит, когда злость улеглась и уступила место слабости, он все уладит. Сделает то, в чем он большой мастер. Утешит.

— Иди сюда, — говорит он, приподняв одеяло.

Секунду помедлив, она ложится, совсем рядом, прижимаясь холодной спиной к его теплему телу. Он тщательно укрывает ее и себя с головой, утыкается лицом ей в затылок. Чувствует слегка влажные волосы, принимается ласкать плечи. Словно бы не слыша, как она бормочет:

— Это несправедливо, дети из нее так и сыплются, а она ничуть не благодарна.

— Тсс, — говорит он, продолжая гладить ее по спине. Чувствует под пальцами худенькие лопатки, трепещущие, словно крылья птички. Вздрагивает и стыдится своей реакции, сообразив, что Анна-Мария беззвучно плачет.

— Они ее вроде как вообще не интересуют. Тумас, считай, один за ними ухаживает, хоть они и не его. А Ингела только кормит, — говорит Анна-Мария, шмыгнув носом. — Я знаю, ты на нее не смотришь, но почему она постоянно демонстрирует всем свои “прелести”?

Его руки поднимают ночную рубашку Анны-Марии, а ладони скользят по едва заметным изгибам худенького тела, но перед глазами совсем другая картинка: Ингела отбрасывает за спину длинные огненно-рыжие волосы, потом расстегивает блузку и достает тугую от молока грудь. И в этот миг перехватывает его взгляд.

Вот что стоит перед внутренним взором Пера Линдгрена, когда он овладевает женой.

На третьем этаже Карен Эйкен Хорнби выходит из лифта, ноги гудят, волосы еще влажные. Она здорово устала, пока бежала в гору к дому, но, быстро приняв душ, проглотив овсянку и выпив крепкого кофе, по-прежнему довольна собой. Новая неделя, новые привычки, и по крайней мере на сей раз все началось хорошо.

Астрид Нильсен уже здесь, наверно, с пяти утра на ногах, пробежала вдвое большее расстояние и теперь, кажется, успела с головой уйти в работу, но сегодня утром даже это не может испортить Карен настроение.

— Доброе утро, — говорит она. — Мы что, первые?

— Доброе утро, шеф. Нет, первый — Йоханнисен, он за кофе пошел.

С каких это пор он завел привычку являться раньше восьми? — думает Карен, чувствуя, как улыбка гаснет. Идет к своему месту в открытом офисном пространстве, снимает куртку, вешает на спинку стула. Когда знакомая мелодия сообщает, что компьютер грузится, за спиной у нее возникает Эвальд Йоханнисен с кружкой кофе в руке.

— Вон как, — говорит он с наигранным удивлением. — Ты, стало быть, не собираешься занять кабинет начальника?

Прежде чем Карен успевает ответить, тренькает лифт, и сквозь стеклянную дверь она видит, как из кабины выходят Карл Бьёркен и Корнелис Лоотс. Секундой позже дверь открывается, они подходят ближе, громогласно и оживленно обсуждая вроде как предстоящие в выходные состязания на ипподроме в Ракне. Этого коротенького перерыва достаточно, чтобы удержаться от резкости, и она спокойно отвечает:

— Нет, Эвальд, я, знаешь ли, надеюсь, что все это ненадолго, так что менять место нет смысла. Ты ведь тоже так думаешь?

Йоханнисен молча отворачивается к своему столу.

Двадцать минут спустя члены оперативной группы один за другим рассаживаются за столом совещаний со своими кофейными кружками, блокнотами, ноутами и мятыми пакетиками антиникотиновой жвачки. Недостает только Эвальда Йоханнисена, он задержался в коридоре, разговаривает по мобильнику. Вдвоем с Корнелисом Карен прикатила широкую доску и поставила ее у торцевой стены комнаты. Дождаясь, пока Йоханнисен закончит разговор, с помощью круглых магнетиков она размещает на доске несколько фотографий, а рядом — карту Лангевика и окрестностей. Первая фотография — увеличенный паспортный снимок

Сюзанны Смеед. Ниже — фото мертвой Сюзанны на полу в кухне и третье фото — ковровая кочерга со следами крови и клочками белокурых волос. Рядом она записывает имена — Юнас Смеед, Сигрид Смеед, Харальд Стеен, Ангела Новак. В самом низу — за неимением ничего другого — ряд фото дома Сюзанны и участка, где он стоит.

Исходных материалов немного, думает она. Собственно, вообще ничего.

— Скоро сможешь добавить еще одно фото, — слышится с порога. — Машину нашли.

Эвальд Йоханнисен уже не хмурится, теперь в нем проглядывает сдержанное волнение. Он входит последним, закрывает за собой дверь.

— Она стояла на парковке в Мурбеке, — сообщает он, усаживаясь. — Ребята из охраны порядка поставили ограждение, криминалисты уже выехали.

— Хорошо. Будь добр, попроси их обратить внимание на стартер, пусть проверят, вправду ли он как-то по-особенному чихает.

Йоханнисен поднимает брови, но только кивает и делает пометку в блокноте.

— Мы получили списки пассажиров круизного судна?

— Да, увы, — мрачно роняет Корнелис Лоотс. — Их там сто восемьдесят семь душ.

Карл присвистывает.

— Сто восемьдесят семь? Проверка займет уйму времени.

— Да, причем это еще небольшое судно. Новейшая тенденция, small ship cruising^[3]. Небольшие, но чертовски роскошные.

— С кем ты говорил?

— Сперва с начальником порта, потом с шефом службы безопасности на борту. Он очень старался помочь, однако изрядно развеселился, услышав, что кто-то из их пассажиров может быть замешан в убийстве. Средний возраст явно весьма высок. В основном обеспеченные американские пенсионеры, для которых круизы — стиль жизни, а также несколько скандинавов, голландцев и итальянцев. Не знаю толком, что нам делать с этими списками.

Корнелис Лоотс беспомощно смотрит на Карен.

— Никто из пассажиров, полагаю, не сможет исчезнуть с судна без нашего ведома, — сухо говорит она. — Надо проверить, не числится ли кто из них в полицейских базах данных. Я понимаю, задача почти безнадежная, но проверить необходимо, хотя бы и для проформы. В случае чего обратимся за помощью к коллегам из соответствующих стран. Но это я

поручу кому-нибудь другому. Хёуген обещал обеспечить подкрепление.

— Надо же, раньше такого не бывало, — недовольно бормочет Эвальд Йоханнисен. — Сразу видно, чем может обернуться интерес СМИ.

Карен прячет улыбку. Йоханнисен прав, Вигго Хёуген скуповат на добавочные ресурсы, когда дело касается обычных дознаний, но на сей раз явно решил проявить щедрость.

“Только скажите, и я прослежу, чтобы вы получили всю необходимую помощь. Все доступные ресурсы будут в вашем распоряжении, — так он сказал десять минут назад, когда Карен говорила с ним по телефону. — И вообще, держите меня в курсе, ясно?”

“Все доступные ресурсы”, думает она. Тут управлению особо похвастаться нечем. Отделы, занимающиеся экономическими и экологическими преступлениями, успешно работали, соединив опыт и удачный подбор новых сотрудников, но людей, опытных в сфере расследования убийств, крайне мало. Настоящие убийства, требующие розыскных мер, на Доггерландских островах редкость. Бытовые убийства, изнасилования и жестокие побои, понятно, в порядке вещей, но на памяти Карен случаи, когда преступник был неизвестен, можно буквально по пальцам перечесть. Вдобавок одно такое дело, кстати говоря, до сих пор не раскрыто; прошло шестнадцать месяцев, а так и не установлено, кто убил пожилую пару на Ноорё. Погрязший в долгах сын — единственный, кому на руку смерть родителей, — имел железное алиби. В полиции преобладала точка зрения, что у сына был сообщник, но улики, подтверждающие эту версию, отсутствовали, и интерес СМИ мало-помалу угас.

На сей раз любопытство вряд ли угаснет само по себе, думает Карен. Тот факт, что к данному делу имеет касательство высокопоставленный сотрудник полиции, вдобавок принадлежащий к одному из наиболее влиятельных семейств страны, будет держать журналистов на взводе в ходе всего расследования, а то и дольше, в зависимости от результатов. Опасность утечки в СМИ как никогда велика, и чем больше людей будет подключено к работе, тем больше риск, что кто-нибудь проболтается. Не хочу я привлекать все управление, подумала она, когда начальник полиции сделал свое щедрое предложение, и ответила:

“Мы начнем работу небольшой группой и при необходимости будем запрашивать помощь”.

Сейчас Карен Эйкен Хорнби обращается к коллегам за столом:

— Итак, расследование проводим мы, собравшиеся здесь. Кроме нас я думаю подключать Ингульдсен и Ланге из службы порядка, для экстренной помощи. Они уже в курсе и готовы прийти на выручку в рутинной работе,

требующей больших затрат времени. Корнелис, ты будешь координатором и, когда они нам понадобятся, свяжешься со службой порядка.

Корнелис Лоотс кивает.

— Полагаю, нет нужды повторять, что любая информация идет только через меня. Кстати, в двенадцать назначена пресс-конференция, — добавляет она. — Хёуген лично встретится с журналистами, так что после совещания я проинформирую его обо всем, что мы имеем.

— Больно быстро, — бормочет Йоханнисен.

— Знаю, сказать пока особо нечего, но Хёуген считает, что с самого начала важно выказать открытость по отношению к СМИ. К тому же мы, возможно, получим ценные подсказки, — добавляет она, избегая встречаться с их скептическими взглядами. Новость об убийстве выложили в сеть вчера вечером, и утренние СМИ успели до отвращения зажевать то небольшое, что известно. Нынешняя пресс-конференция ничего не даст, и Карен рада, что избавлена от участия.

Она делает глубокий вдох и продолжает:

— Теперь к делу. Сразу после моего разговора с Хёугеном я и Бьёркен навестим дочь Сюзанны. Эвальд и Астрид, вы съездите к Сюзанне на работу. Это центр обслуживания пожилого населения в западной Одинсвалле, насколько я поняла.

— Да, так и есть, — кивает Эвальд Йоханнисен. — Вчера вечером я связался с их начальницей, она будет на месте не позже девяти.

— Хорошо. Надо побеседовать со всеми, кто может что-нибудь рассказать о Сюзанне Смеед: с коллегами по работе, соседями и родственниками. С кем она общалась? Был ли у нее любовник? Интересы, конфликты — в общем, все, что поможет нам выявить возможный мотив... А ты, Корнелис, на связи с криминалистами, будешь докладывать, что они там выудят. По логике вещей, она не могла не иметь дома мобильного телефона и компьютера.

Все получают задания, молча кивают и записывают. Эвальд Йоханнисен и тот воздерживается от возражений. Но в воздухе висит безмолвное ожидание какого-то продолжения. Я что-то забыла? — в приступе паники думает Карен. Надо еще что-то сказать или сделать?

В ту же секунду она понимает, чего они ждут.

— Знаю, ситуация особенная, в том числе и для меня. — Она обводит собравшихся взглядом. — Некоторых, наверно, удивляет, почему Вигго Хёуген поручил расследование именно мне, да я и сама задаю себе этот вопрос.

Стул Эвальда Йоханнисена предостерегающе скрипит, когда он кладет

ногу на ногу и медленно откидывается на спинку. Вскинув брови, он смотрит Карен прямо в глаза, будто с интересом ожидает продолжения.

— И что же?.. — с расстановкой произносит он. — Нашла объяснение?

Неуверенность оборачивается досадой: черта с два, не пойдет она на попятный!

— Думаю, дело в том, что из всех нас именно у меня самый долгий опыт расследований, — коротко говорит она. — Конечно, я, не в пример некоторым, не патрулировала улицы, но в расследовании тяжких преступлений больше всего опыта у меня, и, как мне кажется, в этом смысле мы дополняем друг друга. Словом, я надеюсь на вашу поддержку и сотрудничество. Если не ради меня, то ради Юнаса.

Эвальд Йоханнисен смотрит в стол, но остальные кивают.

— Само собой, — говорит Астрид.

— Кстати, о Юнасе. Кто побеседует с ним? — спрашивает Карл Бьёркен.

— Я, — отвечает Карен. — Я еще раз потолкую с ним, сегодня же, но попозже. Сперва дочь. А остальные, хоть кровь из носу, постарайтесь что-нибудь нарыть, встречаемся здесь в шестнадцать ноль-ноль и все обсудим. Если обнаружите что-нибудь особенно интересное, сразу звоните мне!

Подъезд на Аспвеген, 48 пахнет чистящими средствами, кухонным чадом и недавно отмытой блевотиной. Серый каменный пол внизу еще не высох после утреннего мытья, а уборщица, с которой они столкнулись у входа, быстрым шагом идет к своему белому фургону, с ведром в одной руке и длинной шваброй в другой.

Согласно длинному списку жильцов, занимающему большую часть стены на первом этаже, Сигрид Смедд живет на седьмом, и они поднимаются на лифте. Карл Бьёркен уже позвонил дочери Сюзанны Смедд, сообщил, что они едут к ней, и дверь квартиры открывается еще до того, как они нажимают кнопку звонка. Должно быть, она стояла и ждала звука лифта, думает Карен, успев бросить беглый взгляд на бледное лицо, прежде чем девушка отворачивается и исчезает внутри квартиры. Переглянувшись с Карен, Карл закрывает дверь. Следом за Сигрид они проходят в гостиную.

В комнате темно. Диван, накрытый тканью с восточным узором, стоит спинкой к окну, задернутые шторы не впускают осеннее солнце. Единственный источник света — солнечный луч, проникающий в десятисантиметровую щель между не полностью задернутыми плотными темно-красными шторами. По двум стенам — книжные стеллажи, заставленные карманными изданиями, сиди-диски и несколько метров винила. На третьей висит афиша луизианской выставки Энди Уорхола и газетная вырезка в рамке, вроде бы рецензия по поводу музыкального фестиваля на Фриселе. На полу под афишей — два черных гитарных футляра и кипа газет рядом с черным маршалловским усилителем.

Сигрид села на диван по-турецки, недвусмысленно давая понять, что желает сидеть там в одиночестве. На низком журнальном столике из темного мореного дерева — большая синяя чайная чашка, оббитая по краям, пачка сигарет и зеленая пластмассовая зажигалка. Чай недопит, а бутерброд, лежащий прямо на столешнице, нетронут.

Не спрашивая разрешения, Карен садится в потрепанное вольтеровское кресло и видит, что Карл, сложив свое длинное тело, устроился на низком пуфике из бежевой кожи. Она смотрит на пылинки, парящие в солнечном луче, потом переводит взгляд на черноволосую девушку на диване.

Лицо бледное, замкнутое, губы стиснуты. Сквозь носовую

перегородку продето толстое золотое кольцо, по скрещенным рукам вьются длинные петлистые татуировки, изображающие каких-то змееподобных зелено-синих существ. Волосы до плеч, спутанные, будто она только что встала с постели после долгой ночи. Чернота волос не настоящая, это выдают не покрашенные воспаленные глаза, глядящие из-под светлых ресниц. Незащищенное отверстие в крепкой броне.

Вот как далеко можно уйти от улыбающейся белокурой девочки с фотографий в гостиной Сюзанны Смедд, думает Карен. Сколько же ей лет, вряд больше восемнадцати-девятнадцати?

— Привет, Сигрид, — говорит она. — Как ты?

Девушка пожимает плечами.

— Прежде всего, прими мои соболезнования, — начинает Карен. — Я понимаю, потерять маму очень тяжело. Особенно таким вот образом.

Единственная реакция — взгляд в потолок, будто Сигрид терпеливо ждет, когда посетители перейдут к делу. Карен делает новую попытку:

— Как ты понимаешь, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти убийцу, и поэтому должны задать тебе несколько вопросов. Долго мы тебя не задержим...

— Что вы хотите узнать? — решительно перебивает Сигрид. — Черт побери, говорите, что вам надо, и уходите. Мне вечером на работу, надо выспаться.

— На работу? — удивленно спрашивает Карл.

— А что? — Сигрид смотрит на него. — По-вашему, нельзя?

Он не отвечает, но косится на Карен, которая снова берет инициативу в свои руки. Следующий вопрос она задает без толики мягкости в голосе:

— Ты работаешь в одном из музыкальных баров в городе, да? Как он называется?

— “Люциус”.

— На Тюбекгате?

Молчание.

— Ну хорошо, — говорит Карен, — в субботу вечером ты была на работе?

— Да.

— Как долго?

— Я всегда работаю до самого закрытия.

— И в котором часу вы закрываете? — терпеливо спрашивает Карен.

Сигрид рассматривает свои ногти. Явно нашла что-то интересное и сосредоточенно ковыряет ногтем большого пальца. Клочок черного лака отслаивается, падает ей на колени.

— Да ладно тебе, — с заметным раздражением бросает Карл. — Мы быстрее уйдем, если не придется клещами вытаскивать из тебя каждое слово. Когда вы закрываете?

— В час, — бурчит Сигрид, откусывая заусенец на указательном пальце.

— В час, — повторяет Карл и делает пометку в блокноте.

— Хотя как раз в эту субботу у нас было открыто до трех, — уточняет Сигрид, вытянув палец перед собой и разглядывая результат.

Молодец, Карл, думает Карен. Вроде подействовало.

— После работы ты сразу пошла домой?

— Нет, не пошла. На велике поехала, — помолчав, добавляет она.

Карен подавляет желание повысить голос. На сей раз пусть раздражается Карл.

— Одна или с кем-то? — спрашивает она как можно нейтральнее.

— Вы хотите сказать, с мужиком? Думаете, я таскаю домой клиентов с работы, как паршивая проститутка?

— Нет, Сигрид, — отвечает Карен с преувеличенным терпением в голосе. — Я хочу сказать, может, ты была с бойфрендом. Или кто-нибудь ждал тебя дома.

В лице Сигрид что-то меняется; уголок рта легонько дрожит, будто она сдерживает слезы. Она опускает рукава свитера, натягивает их на руки, секунду-другую сидит молча, потом смотрит на Карен и отвечает, уже ровным голосом:

— Нет. Я была одна.

— Но ты ведь живешь не одна, так? — вмешивается Карл, кивком указывая на гитарные футляры. — Оба твои? Или у тебя есть парень?

Сигрид пожимает плечами; они выжидают.

— Почему я знаю, — помолчав, говорит Сигрид. — Понятия не имею, вернется он или нет. Мы поссорились, и он ушел. С тех пор я его не видела.

— Как его имя?

— Сэм. Самуэль Несбё.

— Значит, вы живете тут вдвоем?

На сей раз девушка кивает и быстро проводит рукавом под носом.

— Что у вас произошло? Можешь рассказать?

— Я ведь сказала, мы поругались.

— В субботу?

— Да.

— Из-за чего?

— А это вам зачем? На кой черт вам знать, как у нас в постели?

— Ну, на это нам начхать, — спокойно говорит Карен. — Но мы хотим знать, из-за чего вы поругались и в котором часу.

— Он обозлился, что я разговаривала с голландскими парнями. Мы играли, а в перерыве они подошли ко мне. Не помню, в котором часу, может, в два.

— Играли? — удивленно протянул Карл. — Я думал, ты за стойкой работаешь.

Сигрид опять закатывает глаза и с кривой усмешкой качает головой: дескать, вот уж несусветная глупость. На миг Карен улавливает в ней что-то от девочки с фотографий в гостиной Сюзанны.

— Я и за стойкой работаю, — разъясняет Сигрид, в свой черед преувеличенно терпеливо. — Но вдобавок иногда мы играем, понятно? Можно ведь заниматься и тем и другим, а?

Она делает небольшую паузу, потом продолжает:

— Короче, в субботу я до полдвенадцатого работала в баре, а потом мы до закрытия играли. Две работы за вечер, ужас как странно, да? Арестуете меня прямо сейчас?

Карен чувствует, как дергаются уголки губ, и хмурит брови, подавляя улыбку. Секунду смотрит на колени, потом перехватывает взгляд Сигрид и уже не отпускает, задавая следующий вопрос:

— Стало быть, вы с Сэмом поругались, и после закрытия ты поехала домой одна. Ты поехала прямо домой?

Карен видит, как глаза Сигрид сужаются, а верхняя губа кривится, словно в искреннем презрении.

— Нет, прокатилась в Лангевик и сперва укокошила мамашу, — медленно произносит она с вызывающе невеселой улыбкой.

Краем глаза Карен видит, что Карл делает стойку, и, опережая его, спокойно спрашивает:

— Правда? Ты ездила в Лангевик?

— Да какого черта я там забыла?

— Ну, может, тебе не хотелось быть дома одной. Может, ты расстроилась и решила переночевать у мамы.

— Вы представляете себе, какая это даль? Несколько часов крутить педали.

— Если ехать на велике. Но, может, ты подъехала автостопом, после фестиваля наверняка многие ехали в ту сторону. По-моему, кто-нибудь вполне мог тебя подвезти.

— Да к себе я поехала, — коротко бросает Сигрид. — Вдобавок я понятия не имела, дома она или нет. На Устричный фестиваль она всегда

уезжает. Не выносит, когда люди веселятся.

Карен вздрагивает. А вот это уже интересно.

— И куда она ездит?

Сигрид опять пожимает плечами.

— Да как всегда, наверно. Паромом в Англию или в Данию. Раньше моталась на Мальорку, в Грецию и во всякие другие места, но теперь у нее вряд ли есть на это средства.

— Итак, ты не знала, что в этом году твоя мама осталась дома?

— Нет, да если б и знала, все равно бы не поехала. Я с кем угодно рада повидаться, только не с мамашей.

— Почему ты так говоришь? У тебя были плохие отношения с мамой? — спрашивает Карл.

Сигрид бросает в его сторону презрительный взгляд.

— “Плохие отношения”! — передразнивает она нарочито писклявым голосом. — Если хотите знать, у нас вообще никаких отношений не было. Мы не виделись больше года. И по телефону почти не разговаривали.

— Как же так вышло? — спрашивает Карен.

Сигрид наклоняется, выуживает сигарету из пачки на столике. Узкая рука слегка дрожит, когда она подносит огонек зажигалки к сигарете и глубоко затягивается. Потом выпускает дым и коротко роняет:

— Ненормальная она. That’s why^[4].

— Ненормальная? В каком смысле?

— Злая, занудная. Всех ненавидела. Воображала, будто может распоряжаться моей жизнью, хотя я уже два года не жила дома. Достаточно?

— Два года? Выходит, ты рано съехала от родителей. И тебе разрешили?

— В тот же день, как шестнадцать исполнилось. И без спросу.

Новая затяжка, голос звучит спокойнее. Резкие обертоны притупились.

— А до того, как съехала? После развода родителей ты жила поочередно то у мамы, то у папы или только у мамы? — спрашивает Карен, размышляя, упоминал ли об этом ее начальник. Нет, думает она, на работе он никогда не говорил о дочери, по крайней мере в ее, Карен, присутствии. Разве что вскользь называл раз-другой ее имя.

Сигрид делает новую затяжку, на сей раз она выпускает дым маленькими колечками и следит взглядом, как они поднимаются к потолку.

— У обоих жила. Каждое воскресенье собирала манатки и переезжала от одного родителя к другому. Суций кошмар, если вам интересно.

— Мотаться туда-сюда? Ты об этом?

— Нет, просто никакого житья от них не было. Я, наверно, единственный ребенок на свете, который каждый вечер молил Бога, чтобы родители развелись. Пожалуй, я думала, что тогда станет лучше, а на самом деле стало еще хуже; они постоянно ругались и воображали, что я должна таким посыльным метаться от одного к другому, будто я у них на побегушках. Оба дурью мучаются, что тот, что другая, — добавляет она и с силой тушит окурок в блюдце недопитой чашки.

Словно сообразив, что говорила о матери не в том времени, Сигрид вдруг растерянно умолкает.

С растущей неловкостью Карен и Карл осмысливают новую информацию. Они напрочь упустили из виду, что брак у Юнаса Смеда был бурный, вдобавок ссоры и после развода не прекратились. Упустили из виду! Мало того, в связи с расследованием убийства его бывшей жены. И слыша об этом от его родной дочери, оба не могут отделаться от ощущения, будто суют нос во что-то, к чему вовсе не хотят иметь касательства. Будто роешься в чужом грязном белье, думает Карен.

— Только еще один вопрос, — говорит она. — Ты не знаешь, кто мог желать зла твоей маме? Кто-нибудь, с кем она ссорилась или конфликтовала?

Сигрид смотрит на нее с бесконечно усталым видом.

— Ссорилась? В смысле, кроме папаши? Да практически со всеми, с кем общалась.

— Ты имеешь в виду кого-то конкретно?

— Я понятия не имею, что она делала и с кем общалась. В последние годы мы почти не контактировали.

Она умолкает, глаза пустеют.

— Ладно, Сигрид, — говорит Карен. — Не будем больше мешать тебе сегодня, но, возможно, нам придется потолковать еще раз. — Она достает из кармана куртки визитную карточку. — Вот мой номер телефона. Если что-нибудь вспомнишь, позвони. Или если просто захочешь поговорить, — добавляет она, сама не зная, что имеет в виду. Вряд ли Сигрид Смед по доброй воле надумает излить душу отцовской коллеге. Полицейской.

Она кладет карточку на столик и встает. Когда Карл закрывает дверь, Сигрид по-прежнему не шевелясь сидит на диване.

Ей бы не мешало запереться, думает Карен.

В лифте оба молчат. Выходя из подъезда, замечают троих подростков лет тринадцати: словно крысы, они кидаются врассыпную от машины Карен.

— Вот поганцы, почему они не в школе? — сердито бросает Карл, разглядывая черную надпись на лобовом стекле: ищейки хреновы.

— Пожалуй, вопрос в том, откуда им известно, кто мы, машина ведь без логотипа, — замечает Карен.

Карл со злостью смеется, пробует оттереть рукавом куртки черные буквы.

— Эти гаденыши чуют полицейского за полсотни метров. У них это в генах.

— Кончай, куртку испортишь. И хватит браниться.

Она открывает дверцу, включает дворники. Карл садится на пассажирское сиденье. Машину наполняет слабый запах спирта, меж тем как моющая жидкость превращает черную краску в серую жижу, которую дворники размазывают по стеклу.

— Паршивая история, — немного погода роняет Карл.

Карен молча кивает.

— Ты уверена, что хочешь сама поговорить с Юнасом? Может, вдвоем будет легче?

— Спасибо, очень мило с твоей стороны, но думаю, я все-таки и на сей раз лучше съезжу одна. Вчера мы не слишком продвинулись, он... был в шоке и не очень-то шел на разговор.

Карл искоса смотрит на нее.

— В смысле, под банкой? Я бы не стал его осуждать, подумаешь — хватил лишку. Я бы тоже хватил, если б кто убил мою бывшую. Пусть даже она суцая ведьма, — добавляет он, и Карен не уверена, кого он имеет в виду — свою бывшую жену или Сюзанну Смедд.

Да не все ли равно? — думает она.

— Пожалуй, он и правда был не вполне трезв, — безразличным тоном говорит она. — Так или иначе, пока что попробую еще разок в одиночку. Все зависит и от того, сколько наруют остальные. Подождем вечерних результатов, а там будет видно.

Она высаживает Карла Бьёркена на Редехусгате, перед полицейским управлением. На противоположной стороне припаркован автомобиль

Государственной радиоконпании. В открытых задних дверцах фургона с логотипом доггерландского телевидения виден фотограф, в котором Карен узнает постоянного спутника телерепортера Йона Бергмана. Он прислоняет к фургону трехногий штатив, достает камеру. И как раз когда Карл открывает переднюю дверцу, из-за машины ДТВ в самом деле выныривает долговязая фигура Йона Бергмана. Секундой позже он замечает за рулем Карен и быстрым шагом направляется к ней.

— Черт, давай быстрее, — шипит Карен Карлу. — И ни слова журналюгам!

Едва дверца за Карлом захлопывается, Карен срывается с места и уезжает в сторону Одингате.

В зеркало заднего вида она видит, как Йон Бергман застывает посреди мостовой, несколько секунд провожает ее взглядом, потом отворачивается и вслед за Карлом стремительно бежит к управлению.

Решение Вигго Хёугена провести пресс-конференцию не допускало возражений. Но когда Карен после утреннего совещания коротко информировала его и прокурора Динеке Веген о ситуации с расследованием, начальник полиции явно огорчился.

“Значит, вы всерьез полагаете, что никто ничего не видел и не слышал? И вы понятия не имеете, кто это сделал?”

“Верно, пока что мы не нашли ни свидетелей, ни мотива, но расследование только-только началось. Двадцати часов не прошло, как мы приступили к работе”.

“И что я, по-вашему, должен говорить на пресс-конференции?”

Начальник полиции развел руками и посмотрел на Динеке Веген, будто ища поддержки. Но прокурор проигнорировала его, только что-то пометила в своих бумагах.

“Ну, вы можете сообщить известные нам факты, минус способ и орудие преступления, разумеется, — ответила Карен. — Кто умер, где все произошло, что мы не исключаем неестественную смерть, но в силу тайны следствия не можем разглашать детали. Словом, как обычно”, — добавила она, не сдержавшись.

Вигго Хёуген с досадой взглянул на нее, и Карен попыталась смягчить свои слова:

“Но собрать журналистов на самом раннем этапе, конечно, полезно. В лучшем случае можно получить ценные подсказки от общественности”.

Н-да, я уже начинаю ловко молоть языком, подумала она и дипломатично улыбнулась.

Может, и правда, если не полезно, то по крайней мере необходимо

провести пресс-конференцию прямо сейчас, думает она, наблюдая в зеркало заднего вида, как спина Йона Бергмана исчезает в дверях управления. В редакциях, понятно, уже известно, что начальник отдела уголовного розыска близко связан с жертвой, и теперь им не терпится дать информацию о том, что на время расследования предпринято полицией в отношении Юнаса Смеда. А вот насчет подсказок общественности она вообще-то преувеличила. Опыт показывает, что те, кто располагает действительно ценными сведениями, обычно объявляются без понуканий через СМИ. Остальные же только затягивают расследование мнимыми подсказками и перегружают как телефонную сеть, так и местные полицейские участки. Драгоценное время будет бестолково потрачено на разговоры с одинокими людьми и всяким дурачьем — на разговоры, не имеющие ни малейшего касательства к смерти Сюзанны Смед.

Карен сворачивает налево, на Одинсгате, потом направо, на Слактехусгате, едет к площади Паккарторг. На лестнице Государственного музея, подставив лица солнцу, сидят человек двадцать. Вообще-то обедать пока рановато, и она не очень-то проголодалась, но, прежде чем ехать в Тингваллу, все-таки не мешает перекусить. Разговор с Юнасом Смедом будет непростой и при низком сахаре крови может закончиться плачевно.

Оставив машину на площади перед рынком, она входит в большие ворота. Сквозь ароматы свежемолотого кофе, пряностей и хлеба быстро идет в дальний конец, к рыбным рядам. Чего здесь только нет — ящики с копченой селедкой и креветками, горы всевозможных шершавых устриц, корыта со светло-красными омарами, посуды со льдом, где морской черт, треска и скумбрия красуются рядом с зубаткой и пикшей. Она ненадолго останавливается, рассматривает их широко открытые глаза и разинутые пасти, думая, что на выходные купит себе добрый кусок трески. В мозгу молнией мелькает воспоминание о пустом, мертвом взгляде Сюзанны Смед, и она идет дальше, к прилавкам с готовыми блюдами.

Спустя десять минут она устраивается на музейной лестнице, с салатом из лосося и бутылкой минеральной воды. Козырьком приставив к глазам ладонь, смотрит на площадь, где возгласы продавцов фруктов и овощей соперничают с классической музыкой из громкоговорителей. После долгих мучений городской совет Дункера решил еще на год продлить полуденные музыкальные трансляции на некоторых площадях, где всегда собирается много народу. Началось все в прошлом году как одно из многих мероприятий года Культурной столицы, когда партии норовили обскакать друг дружку, наперебой предлагая креативные идеи, позволяющие расширить культурный ассортимент во всех его формах. Кто бы мог

подумать, что через год, когда пришло время демонтировать громкоговорители, поднимутся бурные протесты, и в конце концов совет махнул рукой, уступив воле народа. Поэтому каждый день в течение двух часов на Паккарторг по-прежнему звучит классическая музыка. Однако все попытки варьировать и омолодить музыкальный ассортимент были отвергнуты; ни одна партия не готова согласно закону об авторском праве платить за исполнение произведений моложе семидесяти лет. Все хорошо в меру.

Карен щурится и несколько секунд слушает — кажется, Малера. Хотя солнце стоит куда ниже, чем всего лишь несколько недель назад, оно еще греет щеки и лоб. Однако на остров тихонько прокралась новая прохлада, мягкое, но решительное напоминание, что нынешняя щедрость дарована ненадолго; лето определенно кончилось, скоро на Доггерландские острова налетят свирепые атлантические ветра.

Она отвинчивает крышку, отпивает глоток минералки и принимается за лосося горячего копчения. А тем временем мысли обращаются к предстоящему разговору. Конечно, большой риск — второй раз без предупреждения явиться к Юнасу домой, но она планирует обезоружить его, прежде чем он успеет уйти в оборону. Ему не понравится. Однако вряд ли его удивит, что ей так срочно опять понадобилось с ним поговорить.

Учитывая статистику, он бы должен быть чертовски благодарен, что я не забрала его в участок, думает она, доедая салат. В девяти случаях из десяти, когда убита женщина, виновен или ее нынешний, или бывший муж. Только вот в какой мере Смеед пожелает сотрудничать на сей раз. И насколько он трезв.

Через дверь-вертушку Карл Бьёркен входит в управление и тотчас слышит за спиной более чем хорошо знакомый голос Йона Бергмана:

— Здорово, Бьёркен, найдется минутка? Алло, постой!

Не оборачиваясь, Карл быстрым шагом идет к лифтам, но молодой репортер телеканала “Мир сегодня” догоняет его, прежде чем он успевает нажать кнопку вызова. По лестнице надо было подняться, думает Карл и косится на стойку, где дежурный полицейский ассистент пытается уговорить журналистов, нетерпеливо ожидающих, когда им выпишут пропуск. Темные пятна под мышками форменной рубашки свидетельствуют, что техника, как всегда, барахлит, а в громких критических замечаниях участников пресс-конференции упоминаются “бюрократизм” и “некомпетентность полиции”.

Охранник из “Гардии” стоит, раскинув руки, чтобы репортер “Квелльспостен” не прошел прямо в зал, без регистрации в системе посещений.

Карл бросает взгляд на часы над головой дежурного: три минуты первого. Вигго Хёуген, должно быть, стоит сейчас за кулисами, нетерпеливо переминается с ноги на ногу, дожидаясь, когда можно будет выйти на возвышение, и недоумевая, почему журналисты еще не в зале. Хорошенькое начало, думает Карл Бьёркен, отворачиваясь от жалкого зрелища. Вдобавок идиотизм — назначать пресс-конференцию на двенадцать, подытоживает он с безмолвным вздохом. По крайней мере, если не намерен предложить воинственным писакам хотя бы заморить червячка.

Но на этой пресс-конференции голод не утолишь — ни в прямом, ни в переносном смысле; Вигго Хёуген столь же прижимист, сколь и падок до СМИ, думает Карл и благодарит свою счастливую звезду, что не участвует в бессмысленном спектакле.

— Убита бывшая жена Юнаса Смеда? Хоть подтвердить-то можешь? Ладно тебе, мы ведь знаем, что так оно и есть, мне нужно только официальное подтверждение.

Йон Бергман задает вопрос и одновременно поглядывает на своего фотографа, который вместе с остальными осаждает дежурного. С досадой Карл снова жмет на кнопку лифта, смотрит на дисплей над дверьми. Один лифт застрял на четвертом этаже, другой идет наверх.

— Смеед по-прежнему на службе? Он же близкий родственник и может быть под подозрением. Или вам уже известно, кто преступник?

Йон Бергман норовит обойти Карла, заглянуть ему в глаза. Быстро набирает в грудь воздух и продолжает:

— Орудие убийства известно? У Смееда ведь наверняка есть табельное оружие? Ну давай, Бьёркен, скажи хоть что-нибудь, а?

Карл рассеянно слушает сыплющиеся градом вопросы. Ввиду необычности дела подробности пока что в СМИ не просочились. Судя по всему, из уважения к Юнасу коллеги держат язык за зубами. С облегчением Карл видит, что один из лифтов наконец идет вниз.

— Конечно, — говорит он со смешком; одновременно лифт тренькает, и дверь скользит в сторону.

— Чего? Ты о чем?

Йон Бергман в замешательстве.

— Слышь, по-моему, сейчас начнут. — Карл кивком показывает на зал, где охранник посторонился, и орда нетерпеливых журналистов и фотографов ринулась внутрь. — Лучше поторопись, не то все пропустишь. — Он улыбается репортеру, меж тем как дверь лифта закрывается.

Лифт ползет вверх, а Карл достает мобильник, набирает эсэмэску для Карен и, выходя на третьем этаже из кабины, нажимает кнопку “отправить”.

К Смееду наверняка скоро нагрянут гости/Карл

Эвальд Йоханнисен сосредоточенно всматривается в монитор компьютера, но по отсутствующему взгляду коллеги Карл все же понимает, что мыслями он где-то далеко.

— Здорово, Эвальд, — говорит он, стукнув кулаком по краю стола. — Мечтаешь?

Йоханнисен вздрагивает, и на миг по его лицу невольно пробегает сердитая тень. Секундой позже он спохватывается и с широкой улыбкой лениво откидывается на спинку стула.

— Ба, ты что, сорвался с поводка или она добровольно тебя отпустила?

— Ну, скажем, я ненадолго отпущен. Лоотса не видал? Я хотел спросить, может, он чего узнал у криминалистов.

Эвальд Йоханнисен кивает в сторону буфета.

— Рубает небось, как обычно. Слышь, хозяйка-то куда двинула?

— Домой к Смееду. Она же говорила утром на совещании.

— Ну да, я понял, она предпочитает встречаться с ним... так сказать, с глазу на глаз. Весьма осмотрительно с ее стороны, блестящая перспектива, по-моему.

Карл Бьёркен смотрит на коллегу и быстро совещается сам с собой. Йоханнисен вечно не в настроении, но обыкновенно его сарказмы все же не настолько прямолинейны. Кой-кому назначение Карен Эйкен Хорнби врио начальника уголовного розыска явно поперек горла. Карлу очень хочется намекнуть насчет лисы и винограда, но он сдерживается.

Сам он относится к Эйкен с симпатией и уважением; несмотря на грубоватость в манерах и некоторые другие досадные качества, в работе она всегда была на высоте. Однако и ссориться с Йоханнисеном ему неохота. Себе дороже — брякнуть что-нибудь не то насчет этих идиотских домыслов, другое дело, если б речь шла ком-то еще. Вдобавок новая роль — штука временная, и осторожность по части кадровой политики отнюдь не помешает. Когда Смеед вернется, Карен опять понизят, а акции Йоханнисена поднимутся. Поэтому Карл ограничивается туманной улыбкой, которую Эвальд Йоханнисен может истолковать как угодно.

— Кстати, — говорит он, меняя тему, — вам с Астрид вроде надо было съездить на работу к Сюзанне Смеед?

— Ну были мы там, правда, толком ничего не узнали. Начальница знай твердила, как она скорбит о случившемся, а персонал, который был на месте, по работе не особенно контактил с Сюзанной. Придется скатать к этим клоунам еще разок.

— Мы с Эйкен только что беседовали с дочерью Юнаса, примерно с таким же результатом, — подхватывает Карл. — Не сумели вытянуть из нее ничего путного, девчонка все время злилась как черт.

— Знаю, татушки, кольцо в носу и прочие прибабасы, — хихикает Йоханнисен, пытаясь выковырять языком что-то застрявшее в зубах.

— Вот как, ты с ней знаком? Мне показалось, они с Юнасом мало общаются.

— Нет, я с ней незнаком, но пару недель назад Эрландсен показал мне ее в городе и сообщил, что это дочка Смееда. Бедолага! Сперва вся эта история с женой, а тут еще и дочурка, которая выглядит как отпетая наркоманка.

— “Вся эта история с женой”? Ты о чем?

Эвальд Йоханнисен засунул мизинец глубоко в рот, продолжая отчаянные попытки выковырнуть помеху, застрявшую в зубах.

— Жлющая штерва, — невнятно бормочет он и тотчас вытаскивает мизинец изо рта. Рассматривает “добычу” и, явно сознавая, что теперь

информационное преимущество за ним, с расстановкой произносит: — Да ладно тебе, Бьёркен, про это, блин, пол-Доггерланда знает: Сюзанна Смеед годами Юнаса кошмарила. И не его одного, как я понял, в любой возможной ситуации она была совершенно невозможной. Не-ет, тут и врагов, и мотивов больше чем достаточно. Смекаешь, Калле-малец, а?

С растущим раздражением Карл Бьёркен неприязненно наблюдает, как коллега вытирает палец о штаны.

— Н-да... — Он равнодушно пожимает плечами и в надежде вытянуть из Йоханнисена хоть что-нибудь толковое добавляет: — Я, конечно, понял, что она не мать Тереза, но, если уж извлекать пользу из городских сплетен, то не мешало бы тебе уточнить.

Медленно качая головой, Эвальд Йоханнисен изображает соболезнующую улыбку:

— Правило номер один: полицейскому не следует недооценивать городские сплетни. В девяти случаях из десяти правда кроется именно там. Но я уверен, наша дамочка-полицейская и малец Калле вполне могут сами раскопать смачные подробности насчет шефа и его семьи, не упрашивая меня преподнести их на блюдечке с голубой каемкой.

Как обычно, Эвальд Йоханнисен на всякий случай сопровождает свои наглые выпады широкой улыбкой, ведь, в случае чего, можно всегда пойти на попятный, сказать, что просто пошутил. Но Карл чувствует, на сей раз что-то не так, в тоне Йоханнисена сквозит что-то незнакомое. Он словно бы сознательно бьет ниже пояса.

— А я все же уверен, ты достаточно хороший полицейский, чтобы делиться всем, что знаешь, если это на пользу дознанию, — говорит Карл. — Хоть ты и говнюк, — добавляет он, чувствуя, что голос звучит резче, чем ему хотелось.

— Какого черта, ты что, шуток не понимаешь? Малец Калле обиделся?

Новая улыбка, но в лице мелькает и что-то еще, превращает улыбку в гримасу боли.

— Несравненно меньше, чем ты, Эвальд, судя по всему. Во всяком случае, тебе стоило бы дать Карен шанс. Она ведь не выпрашивала это дело, и никто из нас не считает, будто очень весело копаться в семейных обстоятельствах Смееда.

Эвальд Йоханнисен не отвечает, пустым взглядом смотрит в пространство.

Вид у него усталый, думает Карл, глядя на темные круги под глазами коллеги. Бледный и усталый. Похоже, злость дорого обходится.

— Ты не хуже меня знаешь, что иначе нельзя: Юнас остается под

подозрением, как и всякий другой возможный преступник, пока мы не распутаем это дело, — продолжает он. — Значит, придется раскапывать все мыслимые мотивы и всю грязь. То, что Карен решила выслушать его сама, а не вызвала сюда, в управление, с ее стороны уже значительная уступка. — Это ты так думаешь... Но мне больше недосуг сидеть тут с тобой да молотить языком. — Йоханнисен смотрит на часы. — Кто-то ведь должен найти убийцу, чтобы настоящий шеф вернулся в отдел. У тебя небось тоже есть дела или ты тут просто для красоты? Ой-й, черт!

Эвальд Йоханнисен меняется в лице, правой рукой хватается за левое плечо. В следующую секунду из его горла вырывается хрип, и он падает на стол. Карл вздрагивает, когда голова коллеги ударяется по клавиатуре.

Он лежит в шезлонге у бассейна. Долговязое тело облачено в джинсы и серый свитер овечьей шерсти, на голове бейсболка, прикрывающая лицо, босые ноги безвольно свисают. Карен подходит ближе, слышит легкий храп и прикидывает, как бы разбудить его. Старается ступить погромче, спускаясь по трем ступенькам на деревянный настил. Откашливается. Никакой реакции. С безмолвным вздохом она останавливается у изголовья, смотрит на спящего. Храп умолк, но ни единого движения, только спокойное, ровное дыхание, от которого живот под свитером медленно поднимается и опускается. Она кашляет еще раз, чуть громче.

— Ты всегда ходишь так мягко?

От неожиданности Карен вздрагивает. Юнас Смедд по-прежнему не шевелится, и теперь она замечает на полу возле шезлонга высокий стакан с газированной жидкостью и ломтиком лимона.

Джин с тоником, думает она. Черт бы его побрал.

Секундой позже он протягивает руку, шарит по воздуху, в конце концов нащупывает стакан. Затем снимает бейсболку, приподнимается в шезлонге, опершись на локоть, и тремя большими глотками осушает стакан.

— Спокойно, Эйкен, — говорит он, заметив в лице Карен разочарование. — Перрье и лимон, больше ничего. Зачем пришла?

— Ты же знаешь. Надо поговорить.

— Ах ты черт, признаться, не люблю слышать это от женщин...

— Кончай. Можешь сесть как следует?

Неожиданно послушно он медленно садится, трет запястьями глаза, громко рыгает.

— Извини. Углекислый газ. — Он проводит ладонью по животу.

— Может, зайдём? — Она кивает на дом. — Пресс-конференция скоро кончится, и журналисты немедля явятся сюда. Так что лучше нам поговорить в доме.

— Вот как, тогда и впрямь надо войти в дом. Так будет лучше для нас обоих, — с расстановкой говорит он и встает. Секунду не двигается, смотрит на подъездную дорожку. Угроза насчет появления СМИ произвела нужный эффект, думает Карен. Теперь поглядим, оправдает ли себя остальная стратегия.

Не говоря ни слова, она следом за ним проходит в стеклянные двери и

садится на диван, на то же место, что и вчера. Юнас Смеед на полдороге останавливается.

— Кофе будешь? — Он кивает в сторону кухни.

— Я хочу знать, долго ли ты намерен разыгрывать свой маленький спектакль, — коротко бросает она. — Мне уже здорово надоело.

Смеед цепенеет, но не отвечает.

— Ну? — Она не моргая смотрит ему прямо в глаза. — Хочешь начистоту поговорить о случившемся? Да? Могу дать тебе пять минут на намеки и скользкие комментарии. Или сам скажи, сколько тебе надо времени, чтобы выложить все, что явно просится на язык, а потом, пожалуй, перейдем к серьезному разговору.

— Ох и отвратное же у тебя настроение.

— Тебя это удивляет? — Она по-прежнему не отводит взгляд. — Я пришла выслушать тебя, и ты знаешь, так надо, но всеми способами упираешься. Ладно, тогда давай выложим на стол все, что между нами произошло, и покончим с этим. Я начну?

— Уймись, Эйкен, черт возьми...

В голосе Юнаса вдруг сквозит предостережение. Или это неуверенность?

— А произошло вот что, — продолжает Карен. — Мы выпили лишнего и несколько забылись. Я лишь смутно помню, как мы очутились в гостинице, но, увы, хорошо помню, что переспали. Ужасно глупо и никчемно, и помнить тут совершенно не о чем, так что можешь спокойно выбросить это из головы.

— Неужели правда было так плохо? — лениво роняет он. — Мне показалось, ты.

— Если непременно хочешь знать, то да, — отрезает она. — Я мало что помню, но было вправду чертовски уныло и больше не повторится. И если ты не прекратишь свои намеки, тебе же хуже.

Она видит, как Смеед замирает, во взгляде читается настороженность. Он медленно подходит к ней, садится на край журнального столика. Его голова в полуметре над нею, и она мысленно ругает себя, что села. А он медленно кивает и улыбается с таким видом, будто просто ждет, что она скажет дальше.

— Угрожаешь, Эйкен? — Он смеется. — Так-так, а теперь, пожалуй, еще и объявишь, что произошло это недобровольно. Что я каким-то образом принудил тебя...

— Прекрати, — фырчит она и встает так внезапно, что он поневоле отшатывается.

Карен стоит чуть поодаль от него, скрестив руки на груди.

— Это было совершенно безрассудно, но, увы, вполне добровольно. Я просто имею в виду, что не одной мне выгодно забыть об этом.

— Вот как?

— Твоей карьере едва ли пойдет на пользу, если выяснится, что и ты тоже безрассуден. Снимаешь номер в гостинице и набрасываешься на подвыпивших подчиненных. Это не внушает доверия.

— Ах ты, чертова. — Он резко умолкает.

— Продолжай, — сухо говорит она. — Договаривай! Выкладывай про феминисток, которым нужна хорошая взбучка, сразу полегчает. Не сдерживайся, я уже без малого четыре года слушаю эту белиберду, привыкла.

— Подумай хорошенько, — Юнас медленно встает, — не забывай, как только эта дерьмовая история закончится, я опять стану твоим начальником.

— Знаю, но сейчас-то ты не начальник. И если тебе нечего скрывать, самое время начать сотрудничать. Чем раньше мы закончим расследование, тем быстрее ты вернешься и сможешь меня кошмарить. Договорились?

Юнас Смеед отошел к окну, смотрит в сад. Стоит к ней спиной, и она понимает, что теперь надо помолчать, ведь победа за ней. Временно, только в этом раунде, но и того достаточно.

Наконец он оборачивается, хочет что-то сказать, но Карен опережает его:

— Приглашение на кофе в силе?

Четверть часа спустя она отставляет чашку на журнальный столик.

— Расскажи о Сюзанне.

— Что ты хочешь знать? — Голос усталый, но не враждебный.

— Все, пожалуй. Начни с вашего брака. Как вы познакомились?

С тяжелым вздохом он откидывается назад.

— В мае девяносто восьмого, на свадьбе моей сестры. Они учились в одном классе и после гимназии остались подругами.

— Значит, ты и раньше встречал Сюзанну?

— Да, несколько раз, вместе с Венке, но я на два года старше сестры и вдобавок примерно спустя год после того, как они окончили гимназию, уехал за границу. А когда через пару лет вернулся, Венке успела познакомиться с Магнусом, они с Сюзанной, вероятно, уже отделились друг от друга и встречались не так часто. Короче говоря, я несколько раз встречал ее раньше. До того, как она меня закогтила.

Карен пропускает язвительный тон мимо ушей.

— Стало быть, после выпуска они продолжали общаться? Венке и Сюзанна.

Мысленно она помечает, что необходимо как можно скорее повидать Венке Смеед.

— Да, изредка. Во всяком случае достаточно, чтобы пригласить Сюзанну на свадьбу. Тогда-то мы и познакомились по-настоящему.

— Какой Сюзанна была в то время?

Юнас Смеед выпрямляется и машет рукой: дескать, вопрос совершенно излишний.

— Чертовски хорошенькая, понятно. Сексуальная просто отпад. Но это было тогда, — добавляет он.

Карен подавляет вздох.

— Рада за тебя, но я имела в виду, какая она была как человек.

— В то время? Веселая, покладистая, без заморочек. Идеальная женщина для Смееда, думает Карен.

Сексуальная, веселая и покладистая. Скоро он, наверно, добавит: благодарная и покорная.

— Значит, тогда у вас были хорошие отношения? В смысле, на первых порах.

Юнас смеется. Невесело, глухо.

— На первых порах? Да, пожалуй, можно и так сказать.

— Во всяком случае, вы поженились.

— Да, осенью того же года. История старая как мир.

— Сюзанна забеременела?

Он кивает.

— Да, не прошло и нескольких недель. Быстро, надо отдать ей должное.

— Так ведь вы вдвоем постарались, а? — кисло вставляет она.

— Да, по ее словам.

Карен оставляет эту тему. Сил нет слушать взгляды Юнаса по поводу того, кто в ответе за нежеланную беременность.

— И Сигрид ваш единственный ребенок? — Она задает этот вопрос, хотя ответ ей известен, хочет сохранить видимость, что ведет самый что ни на есть рядовой допрос. Самого что ни на есть рядового подозреваемого.

— Да, — коротко отвечает он. — Она родилась в конце января.

Карен быстро заглядывает в свой блокнот.

— Значит, когда вы развелись, ей было примерно восемь.

Юнас пожимает плечами, оставляет ее реплику без комментария.

— Мы беседовали с Сигрид, и она рассказала, что, пока не уехала из

дома, жила поочередно у тебя и у Сюзанны.

Он опять пожимает плечами, и Карен думает: наверно, мысль о дочери заставила его перенять у нее этот жест. Задавай конкретные вопросы, напоминает она себе, иначе ответа не получишь.

— Еще она сказала, что вы с Сюзанной все время ссорились. Из-за чего?

— Из-за чего люди обычно ссорятся? У тебя тоже за плечами неудачный брак...

На секунду почва уходит у Карен из-под ног, она пытается найти опору, вцепляется ногтями во что-то шершавое. И снова выныривает на поверхность.

— Сейчас речь не обо мне, — быстро бросает она, слыша, как сердце гулко стучит в горле, почти заглушает слова. — Ответь, пожалуйста.

Юнас обреченно смотрит на нее.

— Мы ссорились из-за всего, — говорит он, устремив пустой взгляд в пространство перед собой, и медленно качает головой. — Буквально из-за всего.

Карен ждет, что он скажет дальше.

— Из-за того, где нам жить, куда поехать в отпуск, и из-за Сигрид. В какую школу ее отдать, чем занять в свободное время. И, понятно, из-за денег. И из-за моей работы, большей частью из-за моей работы. Или, точнее, из-за профессии, которую я себе выбрал.

Видимо, он обдумывает только что сказанное. Потом смеется:

— Н-да, породнившись во Смедами, Сюзанна вряд ли рассчитывала стать женой полицейского. Ясное дело, она страшно злилась.

Карен пытается вспомнить тогдашние разговоры. Многих в городе весьма удивило, что сын Аксея Смеда отказался идти по стопам отца и предпочел полицейскую карьеру, куда менее прибыльную и мало подобающую его положению в обществе. Но городские сплетни она помнила плохо. Когда он поступил в полицейское училище, сама она как раз закончила учебу. В юности они с Юнасом не были знакомы. Она росла в провинции, он — в Дункере, разные школы, разное окружение, разные жизни, хоть они и ровесники. На каких-то праздниках наверняка бывали оба, и, хотя Карен не помнит, их дороги, вероятно, пересекались в барах и клубах, где на возрастной ценз смотрели сквозь пальцы. Город-то как-никак небольшой.

И пусть Юнас Смед в ту пору не привлек ее внимания, на островах едва ли нашелся бы хоть один человек, который не знал, кто его отец. Аксель Смед и его брат Рагнар хорошо распорядились наследством своего

отца. Аксель вкладывал деньги в покупку земли, Рагнар занимался эксплуатацией недвижимости и держал адвокатскую контору, и благодаря этому братья Смеед весьма приумножили свое состояние. Довершили дело политическая активность Рагнара и то, что его несколько раз избирали в парламент; препятствия, которые нельзя было одолеть, ловко используя разные лазейки, всегда можно было обойти, столь же ловко используя влиятельных друзей в юрисдикции и политике. Многие утверждали, что семейству Смеед принадлежат треть Хеймё и половина Фриселя. Карен помнит отцовскую поговорку: “То, чем Смееды не владеют сегодня, они завтра непременно украдут”. И помнит, с каким злорадством он рассказывал по телефону, что сын Акселя Смееда поступил в полицейское училище:

“В ищейки подался, в точности как ты, Карен. Вот начудил, парнишка-то Смеедов”.

Но для Сюзанны выбор Юнаса едва ли явился сюрпризом, он ведь поступил в полицейское училище еще до знакомства с ней. Разве она не знала?

Юнас ответил на этот вопрос, прежде чем она его задала:

— Я начал учебу лишь через несколько лет после гимназии. До тех пор перескакивал в университете с одной дисциплины на другую, толком не зная, чем хочу заняться. А в полицейское училище подал заявление главным образом потому, что бунтовал против отца. Сын-полицейский — куда уж дальше от его планов.

— И сработало?

— Пожалуй. Старикан грозил лишить меня наследства и все такое. Штука в том, что я и сам был не рад. Учился с удовольствием, но вот потом...

— Задерживать алкашей и выезжать на квартирные скандалы, — говорит Карен, — я в ту пору опять же не очень веселилась.

— Во всяком случае, я продержался дольше, чем ты, почти два года.

— Знаю.

— А потом слинял с острова.

Карен замирает. Об этом она понятия не имела.

— И чем ты занимался?

— Короткую версию?

Карен кивает.

— Объехал всю Южную Америку, а потом махнул в Штаты. Вкалывал на стройках и в барах Калифорнии, а последние полгода провел в Нью-Йорке. Пожалуй, именно там я мало-помалу привел мысли в порядок и

понял, что жить в бедности, в общем, не очень-то весело. И начал подумывать, что пора вернуться домой и как-то остепениться. Я просто-напросто устал вечно сидеть без бабла.

— И решил стать полицейским? Ай молодец.

Секунду они понимающе улыбаются друг другу.

— Нет, сперва я попросил прощения у папаши. Дал слово забыть все прежние планы, а годы в полицейском училище мы вообще обошли молчанием. Папаша явно считал, что это еще хуже, чем балдеж в Южной Америке и в Штатах. Я записался в университет, засел долбить правоведение. Понемногу начал подрабатывать в юридической конторе у дяди, обещав, что в самом деле окончу университет, а потом поступлю в распоряжение папаши. Иначе говоря, чистейший nepoтизм. Деньжат я получил достаточно, а вдобавок большую квартиру на Фрейгате, папаша купил.

Юнас поспешно встает, смотрит на Карен.

— Если мы продолжим копать в этом дерьме, то мне, по крайней мере, надо выпить. Тебя, наверно, спрашивать бессмысленно?

— Увы, — улыбается Карен. — Не могу же я при исполнении пьянствовать на глазах у начальника.

С ее стороны это тактический реверанс, подчеркивающий, что она сознает: нынешнее распределение ролей — дело временное. Впервые он добровольно заговорил, и ей не хочется рисковать, не хочется, чтобы он опять замкнулся.

— Ладно, Эйкен.

Прежде чем он выходит, она как будто бы успевает заметить, что уголок рта у него легонько дрогнул. Вскоре он возвращается, и Карен с завистью смотрит на запотевший стакан, где вокруг двух кубиков льда бурлят мелкие пузырьки и плавают ломтик лимона — на сей раз точно джин с тоником. Юнас делает солидный глоток, и она прямо-таки чувствует аромат можжевельника и горьковатый вкус на языке. Салат на обед, а теперь вот это. Сколько недель здоровой жизни она себе, собственно, обещала?

— Продолжай, — говорит она. — Ты долбил правоведение и подрабатывал у дяди. Тогда ты и познакомился с Сюзанной?

— Угадала. Несколько лет я пожертвовал безнадежному конформизму, мне ведь было уже под тридцать, и я сдался. Вот тогда-то Сюзанна и закогтила единственного сына Аксея Смееда.

— Значит, ты был всего лишь бедной жертвой... Сперва для отца, потом для Сюзанны?

Юнас со злостью смотрит на нее поверх стакана, но продолжает:

— Скорее уж она считала себя жертвой. Искала адвоката, а нашла полицейского. Разочарована была ужасно, это точно.

Он довольно улыбается своему парафразу, невольно Карен тоже смеется. Надо же, знает скандинавских поэтов, думает она, по крайней мере помнит лучшее из школьной программы.

— И в чем выразалось это разочарование?

— Устроила мне веселую жизнь, когда я через полгода после свадьбы бросил правоведение. Довольно долго держался, но в конце концов попросту не выдержал.

Юнас Смеед отпивает глоток, Карен молча ждет продолжения.

— Папаша и Сюзанна наперегонки уговаривали меня одуматься. На время даже объединились, но когда старикан снова начал грозить, что лишит меня наследства, она и на него тоже страшно обозлилась. Ну а потом он равнодушно объявил, что решил продать квартиру на Фрейгате и что нам придется съехать.

— Хотя у вас родился ребенок? Он был настолько безжалостен или только попугать хотел?

— Да, пожалуй, в известном смысле он был безжалостен, но я его понимаю. С какой стати он должен нам помогать, если я не намерен ему подчиняться? Во всяком случае, я не собирался возобновлять учебу только потому, что на этом настаивает отец или жена. К тому же я давно подозревал, что дядя будет рад обойтись в конторе без меня. Не мое это дело.

— И ты решил вернуться в полицию. Опять надел форму....

— Ну да. Полгода патрулировал в Равенбю, а потом еще несколько месяцев отрубил в Дункере, в службе общественного порядка, пока не появилось место начальника отдела. Подняться по службе было тогда довольно легко, помнится, в тот год как раз шла реорганизация.

— Но Сюзанна не обрадовалась?

— Шутишь? За один год семейной жизни со мной она переехала из шестикомнатной квартиры на Фрейгате в трешку в восточной Одинсвалле. К тому же я разрушил как все надежды на блистательную карьеру в юриспруденции, так и виды на наследование папиной империи. Целый год мы почти не разговаривали.

— И тем не менее еще несколько лет прожили в браке?

— Да, по крайней мере на бумаге. И временами все функционировало вполне прилично. По службе меня постепенно повышали, и мы поменяли трешку на таунхаус в Санде. Стали лучше жить, вот и все. Только Сюзанне

вечно было мало. Не могла она расстаться с мыслью, что мы могли бы иметь, и злилась, что мои родители не приглашают нас к себе. Но разводиться почему-то не желала. А я, н-да... мне, пожалуй, казалось...

Что так удобнее, думает Карен.

— Мне, пожалуй, казалось, что с разводом надо подождать, пока Сигрид не подрастет. Хотя сейчас не уверен, правильное ли это было решение, — безнадежно говорит он. — Боюсь, она тяжело переживала наши ссоры. Ты же встречалась с ней, — добавляет он, будто это объяснит, что он имеет в виду.

— По-моему, Сигрид в полном порядке, — осторожно говорит Карен, сознавая, что любое слово может вывести его из себя. — Немножко сердитая, но это, пожалуй, не так уж и странно.

— “Немножко сердитая”. Ты уверена, что встречалась с ней? Кольцо в носу видела? Не девчонка, а прямо бык какой-то.

— Ты преувеличиваешь. Мне бы все же хотелось, чтобы ты побольше рассказал о Сюзанне, о том, что происходило после вашего развода.

— Что ты хочешь знать? Она была помешанная на деньгах, расчетливая баба. Этого недостаточно?

Юнас допивает остатки джина с тоником, не в меру резко отставляет стакан, смотрит на часы. Карен наблюдает за ним с показным спокойствием; список вопросов далеко не исчерпан. Если не удастся получить все необходимые ответы здесь и сейчас, придется везти его в участок, а этого она хочет меньше всего.

— Ладно. — Она пристально смотрит на него. — Как я поняла, ваши с Сюзанной отношения были... отнюдь не теплые. И, по словам Сигрид, после развода лучше не стали. Можно спросить, из-за чего вы ссорились тогда? В смысле, после развода.

— По-прежнему из-за денег, из-за чего же еще, — цедит он. — У Сюзанны все вертелось вокруг денег. Черт побери, больше она ни о чем не думала.

Карен вспоминает дом Сюзанны, сравнивает его с тем, где находится сейчас. В Лангевике две спальни, белый ламинированный книжный шкаф и диван из “ИКЕА”. Чистенько и аккуратно, но в световых годах от этой огромной виллы в Тингвалле, с натуральными коврами, дорогими картинами и бассейном. Взгляд, каким она обводит гостиную, определенно выдает ее мысли.

— Это называется брачный контракт, — холодно роняет Юнас. — Весьма справедливо. С чем пришел, с тем и ушел. И точка.

— И она согласилась? Вот так просто?

— Нет, но у нее не было выбора, не правда ли? Да и у меня тоже, надо ведь было где-то жить. Нам пришлось согласиться, тем более что мы ждали ребенка. От начала и до конца идея моего папаши: без брачного контракта не будет ни квартиры, ни финансовой поддержки, ни работы. Конечно, я мог бы его расторгнуть, позднее, когда порвал со стариканом. Кто бы знал, как Сюзанна ныла. Но, пожалуй... н-да, не хотел я идти ей навстречу. А она, черт побери, просто рвала и метала.

— И когда вы развелись.

— она ничего не получила. Ничего, кроме тех немногих вещей, какие мы купили в браке. Зато каждый месяц получала деньги, очень много денег, если хочешь знать. Я платил добровольно, не совсем же я бессердечный. По крайней мере, пока Сигрид жила поочередно у нас обоих. Собственно, деньги предназначались для того, чтобы обеспечить Сигрид сносный уровень жизни в течение тех недель, когда она жила не у меня. Глупо, но я никогда не проверял, как Сюзанна их использовала.

— А как она их использовала?

Юнас, фыркнув, разводит руками, так что даже лед в стакане звенит по стеклу.

— Почему я знаю? Педикюр, шмотки, липосакция и прочая ерунда, без которой вам, женщинам, жизнь не жизнь. И уйма путешествий — Таиланд, Нью-Йорк, Испания. Кажется, даже в Турцию моталась.

И обувь, думает Карен.

— А дом в Лангевике, откуда он у нее?

— Это дом ее родителей. Мать у нее умерла еще до нашего знакомства, но папаша так и жил там, только перед нашим разводом угодил в больницу. Словом, хорошо, что дом пустовал и Сюзанна могла там поселиться.

Хорошо для вас обоих, думает Карен, удивляясь способности Юнаса превращать любое слово о Сюзанне в прямое или косвенное обвинение. Даже сейчас, когда ее нет в живых, он не в силах сдержаться.

— Значит, ее отец попал в больницу. И там умер?

Юнас пожимает плечами, всем своим видом показывая, что ему это неинтересно.

— Да, он здорово пил, и в конце концов печень отказала. Но я о родителях Сюзанны ничего почти не знаю, она никогда о них не говорила. Наверно, тоже не оправдали ее надежд.

— Еще один вопрос, и я уйду. Как вышло, что в доме Сюзанны оказались твои отпечатки пальцев? Причем, по словам криминалистов, свежие и во многих местах.

Ой, сейчас ка-ак рванет! — пронесится у нее в мозгу, потому что лицо начальника наливается кровью. А он вдруг начинает хохотать:

— Вот оно что, Эйкен, вот какой лакомый кусочек ты приберегла напоследок. Зря радуешься, нет тут ничего интересного.

— Будь добр, объясни, — устало говорит она.

— Я действительно ездил туда. Примерно неделю назад.

— Зачем? Из того, что ты рассказал, отнюдь не следует, что у тебя был повод желать встречи с нею.

— Она позвонила мне. Сказала, что хочет поговорить о Сигрид и что это важно. Я, понятно, сомневался, но она настаивала, что нам нужно поговорить о дочери, без ссоры, она, мол, обнаружила кое-что весьма ее тревожащее. И голос у нее действительно был встревоженный, поэтому...

Он замолкает.

— Ты поехал туда? — недоверчиво роняет Карен.

— Да! — рывкает он. — Но откуда тебе знать, что от тревоги о ребенке можно забыть обо всем!

В ушах шумит, она падает в бездну. Потом шум оборачивается громким гулом, слова Юнаса звучат далеко, отстраненно:

— Знаешь, Эйкен, ради Сигрид я бы совершил и поступки куда хуже разговора с сумасшедшей бабой. Да, оказалось, она такая же сумасшедшая, как и раньше. Завела свою вечную песню о том, что Сигрид надо учиться, а не стоять за стойкой в баре, потом что-то про ее бойфренда, которого явно считала неподходящим. По словам Сюзанны, он занимается всякими темными делишками, ворует, принимает наркотики и все такое прочее. И вот тут вдруг оказалось очень кстати, что я полицейский. Она чуть ли не потребовала, чтобы я установил за парнем слежку, и, конечно, рассвирепела, когда я отказался играть в ее игры.

Карен сидит, опустив голову и зажмурив глаза, гул мало-помалу затихает, и голос Юнаса опять совсем рядом:

— я ушел и с тех пор не видел ее и не слышал. И не убивал я ее, хотя много раз и желание было, и повод.

Еще несколько секунд она сидит молча и думает о том, что, пока она здесь, плакать нельзя, ни под каким видом. Тихонько выдохнув, встает. Ноги затекли. Скорее вон отсюда, пока не прорвало.

— Ладно, — говорит она. — Я пойду.

— Уходишь? Вот так просто?

— Да, вот так. Я позвоню.

Она еле успевает выбежать.

Во всяком случае, он не притворяется, думает она, когда четверть часа спустя, стерев бумажной салфеткой разводы туши под глазами, поворачивает ключ в замке зажигания.

Он ничего обо мне не знает, внушает она себе. И наверняка ни на что не намекал.

Но все равно мерзавец, мысленно добавляет она, вспоминая злость, с какой Юнас Смеед говорил о своей бывшей жене. Большинство людей избегает плохо говорить о покойниках; во всех расследованиях, в которых участвовала Карен, даже самые закоренелые преступники, покинувшие земную юдоль, выглядели сущими агнцами. По правде говоря, он единственный совершенно без прикрас выразил свое презрение к умершему родственнику. Или скорее ненависть. Может, ему хватило этой ненависти, чтобы в последний раз приехать туда и убить ее? Нет, не верится, ведь тогда бы он наверняка постарался скрыть свое отвращение к Сюзанне. Да и прямого мотива не обнаружилось. Во всяком случае пока.

К тому же я, увы, точно знаю, где этот гад был вчера утром, думает она, сворачивая направо, на Валгаллагате. Фактически у Юнаса Смееда железное алиби до семи двадцати утра. Но потом? По его словам, из гостиницы он вышел в полдесятого, то есть двумя часами позже, “в жутком похмелье”. Что касается последнего, она ему верит. Только вот надо найти что-нибудь в подтверждение его слов, иначе придется самой обеспечить ему алиби, пусть и отчасти.

Он ни с кем не разговаривал, кроме бомжа с пляжа. Н-да, думает она, вряд ли он мог бы найти более ненадежного свидетеля, даже если б очень постарался, да и где теперь искать этого бомжа? И администратора он, уходя, как и она сама, за стойкой не видел, так что ни подтвердить, ни опровергнуть его слова невозможно. Хотя, если ей повезет, может, кто-то там все-таки был, хотя Юнас не видел. Придется проверить, прямо сегодня. Дай бог, чтобы кто-нибудь подтвердил его показания, думает она; тогда можно вычеркнуть его из числа подозреваемых, и никто не узнает, где он провел ночь. Или с кем. Если он ушел из гостиницы в то время, как утверждает, то он просто никак не мог убить Сюзанну. С другой стороны, вставляет раздражающий внутренний голос, если он покинул гостиницу сразу после меня, то вполне бы успел. Мысли обрываются, она тормозит на красный.

И в ту же секунду вздрагивает от сигнала мобильного. Одной рукой роется в сумке на пассажирском сиденье, искоса глядя на светофор. За битый час, проведенный у Юнаса, мобильник звонил четыре раза, но она давала отбой, как только видела номер звонившего. Йон Бергман. Пресс-

секретарь наверняка сделал свое дело, не упомянул о ней перед журналистами, но у Йона есть ее прямой номер. Сейчас, бросая взгляд на дисплей, она уверена, что опять увидит имя репортера. Однако там имя Карла Бьёркена, и она тотчас нажимает на зеленую трубку.

— Привет, Карл. Что-то новое?

Он даже не дает себе труда поздороваться, коротко сообщает:

— Йоханнисена можешь в расчет не принимать. У него инфаркт.

Чувствуя укол нечистой совести, Карен глядит на верхнюю полку в сарае для инструментов.

Удовлетворение, какое она испытывала, законопатив все семь окон нижнего этажа, сменилось безнадежностью. Остается весь верхний этаж, и, если она вовремя не законопатит тамошние окна, зимой ее опять ждут холодные сквозняки. Просто заткнуть щели уплотнителем недостаточно. Каждое окно надо вынуть из проема, дочиста отскоблить рамы от старой краски, загрунтовать, высушить, а затем покрасить в голубой цвет.

Хорошо хоть краски полно, отмечает она. Покойный отец почему-то запасся десятком больших ведер, которые призывно выстроились перед ней на крепкой полке. Вероятно, выменял у кого-нибудь, кому краска досталась из третьих рук, от “чьего-то кузена, который где-то ее достал”. Мимо такой оказии Вальтер Эйкен пройти не мог. Плохо ли — не стоять, как говорится, в первом ряду, когда некий груз “выпал из кузова грузовика”, но и не прийти к шапочному разбору. К счастью, задатки Вальтера Эйка, унаследованные от отцовой родни на Но-орё, не смогли полностью одержать верх над материнским наследием, которое, помимо толики честности, состояло из дома в Лангевике вкупе с правом на рыбную ловлю. Так или иначе, этого оказалось достаточно, чтобы последние сорок лет жизни он не нарушал закон.

Карен снова обводит взглядом полки, козлы для распилки, стены и пол, но того, что ищет, не находит. Если этой штуковины здесь нет, значит, она кому-то ее одолжила. Вопрос только — кому.

С досадливым вздохом она закрывает дверь сарая, поворачивает деревянную задвижку. Медленно идет по двору, поднимает грабли, брошенные на траву.

Стоит с длинной рукоятью в руках, скользит взглядом по участку, рассматривает каждую постройку с видом матери, оглядывающей непослушного сынишку. Сколько нежности и любви, столько же огорчений. Дел тут хоть отбавляй. Под кухонным окном валяются обломки упавшей кровельной черепичины, и она прекрасно знает, что, если упала одна, за ней последуют другие. Отсюда не видно, но ей ли не знать, как выглядит северная стена садового домика. И как ей положено выглядеть.

Карен медленно идет к дому, срывает гроздь ягод с большой рябины возле кухонного окна, любит их цветом. Пока что рановато, но, как

только ударит первый мороз, надо заготовить несколько бутылок рябиновки. На это ее еще хватит. А вот все прочее, что — согласно заметкам, оставленным бабушкой, — необходимо собрать в эту пору, придется оставить на произвол судьбы. Пырей, каменный зверобой, пастушья сумка, овечий гриб, морская горчица, шиповник...

Она задумчиво останавливается, смотрит на густые кусты шиповника у стены садового домика. Может, шиповник-то все-таки собрать? Невелик труд — бросить несколько горстей в кастрюлю и сварить, верно? А остальное высушить. Пожалуй, в следующие выходные.

Карен оставляет грабли на улице, прислонив к рябине. Нет смысла убирать их в сарай, пока не опали листья. К тому же ими удобно снимать с дерева рябиновые гроздья. Но об этом после. Сейчас надо обзвонить знакомых, спросить: “Не тебе ли я одолжила ножовку?”

На крыльце она тщательно очищает о скребок грязные сапоги, открывает входную дверь и с очередным тяжелым вздохом отмечает, что петли требуют смазки.

Кофеварка еще пыхтит, и Карен разглядывает плоскую коробку на кухонном столе. Конечно, она не станет тратить сегодняшней вечер на розыски этой окаянной ножовки. Она давно не попадалась ей на глаза, так что фактически может быть где угодно. Не лучше ли завтра после работы заехать в “Грено” и купить новую? На кухне, правда, холодновато, но пока она не установила кошачью дверку, придется оставлять кухонное окно приоткрытым.

Не мешало бы вскрыть коробку и изучить конструкцию, думает она. Заранее точно промерить, где ее поставить, и разобраться с монтажом. Или просто спуститься в подвал и поискать ножовку там.

Мысль о подвале вызвала такое отвращение, что Карен подумывает вместо этого позвонить матери. Преподнести ей сюрприз — лишний разговор, помимо обязательного по субботним утрам. Показать себя с лучшей стороны, чем в последние...

Секундой позже ей приходит в голову другая мысль, столь же самоочевидная, сколь и непостижимая. Почему она раньше об этом не подумала? Она быстро ставит коробку с кошачьей дверцей на пол, наливает большую чашку кофе, добавляет немного молока, садится к столу и берет в руки мобильник.

— Что-то стряслось?

В голосе Элиноор сквозит такое беспокойство, что Карен чувствует укол совести. Звонок вне расписания настолько неожидан, что мать сразу

подозревает неладное.

— Нет-нет, ничего не стряслось, — уверяет она. — Я просто хотела спросить, не знаешь ли ты...

Инстинктивно она молчит о подлинной цели звонка и спешно ищет альтернативу. Что-нибудь, о чем хорошая дочь спросит у матери по телефону.

— ...как быть с шиповником.

Секунду-другую в трубке царит тишина, потом голос Элинон слышится снова.

— С шиповником? — недоверчиво переспрашивает она. — Ты хочешь знать, что с ним делать?

— Да... я не помню, надо его чистить или можно варить прямо с пухом и семенами.

— И поэтому звонишь старухе-матери, вместо того чтобы посмотреть в интернете?

В голосе на другом конце линии столько насмешки, что на миг Карен жалеет, что позвонила. А сама с пугающим автоматизмом отвечает недовольным тинейджерским тоном:

— Ну, извини, что спросила.

Теперь Элинон Эйкен смеется от души, на безопасном расстоянии в две тысячи километров от сорока лет домашних обязанностей. Потом кашляет и уже ласковее говорит:

— Как хочешь, так и делай, но, если не вычистить, придется потом цедить. Возьми густое сито, что висит на двери кладовки. Которое в ящики не влезает.

— Ладно, поняла. Ну а вообще как дела? У тебя и... у Харри? Никаких новых болячек, надеюсь?

Слава богу, вспомнила имя. Они пока что незнакомы, но, пожалуй, только вопрос времени, когда Элинон появится на пороге лангевикского дома со своим новым другом. Без сомнения, мама на старости лет влюбилась. С тех самых пор, как в прошлом году Харри Лампард поселился в материнном кооперативе на испанской Коста-дель-Соль, он у нее с языка не сходит. Похоже, сейчас они просто не расстанутся.

— С минувшей субботы? — смеется Элинон. — Нет. А теперь выкладывай, зачем на самом деле звонишь. Я же знаю тебя как облупленную.

Карен со вздохом отпивает глоток кофе.

— Ты помнишь Сюзанну Смеед?

— Сюзанну? Конечно, помню. Неприятная особа, на мой взгляд. Не из

тех, по ком я здесь скучаю. А почему ты спрашиваешь?

— Она умерла несколько дней назад.

Секунду-другую в трубке царит молчание.

— Что ты говоришь?! Она ведь не старше тебя.

— Вообще-то на три года моложе.

— Как печально, а я сижу тут и плохо говорю о покойнице. От рака умерла? У ее отца был рак, печени, по-моему. Или, — Элинор понижает голос, — она покончила с собой?

— С какой стати ты так решила?

— Ну, понимаешь, у них это в роду. Мать Сюзанны была беспокойная душа, и ходили слухи, будто она руки на себя наложила. Но в точности я, конечно, не знаю. Линдгрены всегда были в городе вроде чужих. Приезжие как-никак.

Карен набирает в грудь воздух и сообщает:

— Сюзанну убили.

Элинор Эйкен не любительница сенсаций, но громкий вздох свидетельствует, что она не осталась равнодушна.

— Кто? Парнишка Смеда? — Голос у нее слегка дрожит.

Секунду-другую Карен молчит. Потом спрашивает, как можно более нейтральным тоном:

— Почему ты так думаешь?

— Так ведь они постоянно ссорились, люди-то слышали, вольно или невольно. Твой отец всегда говорил, что со Смедом жить нелегко, но я тебе скажу, что и жизнь с Сюзанной тоже была не сахар. С изъязом была девчонка, так я скажу, хоть она и померла. Вот и подумала, что в конце концов Юнас просто не выдержал.

— Они уже почти десять лет в разводе.

— Ой, твоя правда, какая я глупая. Но кто же тогда, вы нашли злодея?

Карен решает сделать вид, будто не заметила притворного смущения матери.

— Нет еще. Но найдем, — добавляет она, думая, что не мешало бы придать голосу большую убедительность. — Как раз сейчас мы разбираемся в ее жизни. Может, ты что-нибудь расскажешь? Ты ведь обычно знала обо всем, что творилось в городе.

— Не-ет, милая, сплетницей я никогда не была, — резко вставляет Элинор.

— Я просто подумала, что ты долго здесь жила и знаешь почти что всех. Наверно, и родителей Сюзанны знала.

— Конечно. Линдгрены всем были знакомы. Только ведь это не

означает, что все их знали. Они держались чуточку особняком. Приехали-то из-за границы и... ну, ты сама знаешь, как оно бывает.

— Из-за границы? Откуда же?

— Из Швеции, кажется. Но мать Сюзанны приходилась внучкой Ветле Гроо, помнишь его? Хотя нет, помнить ты никак не можешь, но разговоры о нем наверняка слыхала; земли у него было много. И лес, и пастбища. Словом, они унаследовали все владения старика, так что в известном смысле были как бы здешними. Иначе бы их вовсе не приняли, не признали, ведь на что они жили, я так и не поняла. Во всяком случае, ни скота не имели, ни рыбу не ловили.

— Зачем они вообще сюда приехали?

— Ну, первые годы они жили на холмах, в усадьбе Луторп, если не ошибаюсь. Линдгрены не одни приехали, а целой компанией, решили попытать счастья тут у нас. Но остались только Линдгрены.

Слова матери пробуждают далекое воспоминание. Молва о луторпской секте продолжала жить среди лангевикской ребятни. Замирая от восторга и страха, Карен в детстве слушала рассказы ребят постарше о том, что некогда происходило там, на холмах, — тайные ритуалы, принесение детей в жертву богам. А самое жуткое: все в секте померли и стали привидениями.

Сейчас, взрослая, она скорее удивилась. Господи, ну чем Лангевик мог привлечь каких-то “искателей счастья”? С чего бы кто-то вообще надумал добровольно сюда переехать?

— Но все это произошло, когда мы еще жили на Ноорё, — говорит Элино́р. — Когда мы перебрались в Лангевик, эти доморощенные крестьяне давным-давно бросили свою затею.

Разумеется, думает Карен. Хотя она ощущает себя коренной жительницей Лангевика, это не вполне правда. Пока ей не исполнился год, семья жила на исхлестанном ветрами западном побережье Ноорё, где родился и вырос ее отец. Сама она ничего об этом времени не помнит; все, что ей известно, основано на рассказах матери. Когда Вальтер Эйкен как старший из сыновей унаследовал лангевикский дом деда и бабки по матери, его жена наконец увидела возможность навсегда покинуть ненавистное побережье. Элино́р Эйкен, урожденная Вуд, дочка врача из Равенбю, не боялась испортить руки, занимаясь чисткой рыбы, или из вечера в вечер чинить порванные сети. Но вот с лицемерной смесью беззакония и религиозности обитателей Ноорё примириться не могла. Элино́р законы не нарушала, святошей не была и хотела, чтобы дочка брала пример с нее. Если мужнина родня окажется на порядочном расстоянии,

жизнь Элино́р Э́йкен решительно изменится к лучшему. Особенно со свекровью на расстоянии станет куда легче. И хотя на восточном побережье Хеймё тоже часто гостила суровая непогода, она не шла ни в какое сравнение с ненастьем на западном побережье северного Ноорё.

Все это она изложила мужу, добавив, что если он теперь, когда есть шанс уехать, упорно хочет остаться на Ноорё, то пусть ищет себе другую жену. Может, Вальтер Э́йкен поверил женину ультиматуму, может, сам хотел строить свою жизнь по-новому, — так или иначе, они перебрались в Лангевик. Шел 1972 год, Карен сравнялось три годика. И коммуна в усадьбе Луторп жила уже только в баснях местных ребятишек про привидения.

Первые годы, прожитые семейством Линдгрэн в Лангевике, прошли, стало быть, мимо них, но ведь ее мать все-таки может хоть что-нибудь рассказать о Сюзанне?

Как бы в ответ на безмолвный вопрос Элино́р добавляет:

— Честно говоря, я плохо помню Сюзанну ребенком. Детвора здесь кишмя кишела, да и задумываться о ком-то из них было недосуг. Но памятуя о том, как здесь смотрели на ее родителей, могу себе представить, что приходилось ей нелегко. Ты наверняка знаешь об этом больше меня. Вы же ходили в одну школу.

— Она на три года моложе меня и жила на другом конце городка, так что я помню ее весьма туманно. Ну а позднее, что ты помнишь о ней взрослой?

— В общем-то мало что. Она рано съехала от родителей, ну а потом вышла за Сме́еда. В те годы я совсем ее не видела. Хотя разговоры слышала.

— И что народ говорил?

— Что повезло ей с замужеством, ясное дело. Завидовали большей частью. Но как говаривали в моей молодости: “Выйдешь за богача — дорого заплатишь”. Н-да, пожалуй, не мешает прислушаться к старинным поговоркам, — смеется Элино́р. — Не то чтобы Харри ужас какой богач, я не это имела в виду. И мы не то чтобы планируем пожениться...

Карен отмечает, что мать как-то занервничала, а секунду спустя вдруг умолкла, будто сообразив, что легкомысленный тон резко контрастирует с темой их разговора.

— Потом она развелась и вернулась в Лангевик, и случилось это примерно в то же время, что и все другое... Нам своих бед хватало. Сама знаешь, — добавляет Элино́р.

Да, думает Карен. Мне ли не знать.

Когда они вновь собираются в комнате для совещаний, настроение у всех унылое.

Накануне вечером Карен позвонила жене Йоханнисена и выяснила, что у него не инфаркт, а тяжелый спазм сосудов. Врачи назначили покой и лекарства. Сейчас он чувствует себя сравнительно хорошо, сообщила жена. Точь-в-точь как Харальд Стеен, только вот Йоханнисен минимум лет на двадцать моложе.

Получасом раньше, когда она коротко доложила Вигго Хёугену, что Йоханнисен заболел и некоторое время пробудет на бюллетене, начальник полиции постарался напустить на себя еще более озабоченный вид, чем обычно.

— Вот уж некстати так некстати, придется взять людей из других отделов.

— Возможно, я обращусь к вам с такой просьбой, но не сейчас, в данный момент от лишнего народу пользы не будет.

Она упорно отвергала робкие попытки Хёугена расширить следственную группу. И снова удивилась его уступчивости.

— Что ж, в конце концов расследование ведете вы, Эйкен, вся ответственность на вас, — сказал он.

Все объяснилось четверть часа спустя, когда к ней в отдел зашел пресс-секретарь Юхан Стольт. Пресс-конференция явно разочаровала обе стороны. После ознакомления с фактами и нескольких вопросов, которые остались без ответа, интерес журналистов к разговору с начальником полиции иссяк, и они резко раскритиковали его за то, что на пресс-конференцию не пригласили никого из оперативников. Недовольно ворча, представители СМИ покинули зал и разочарованно побросали свои посетительские бейджики на стол дежурного. Все это они могли бы узнать из пресс-релиза. В результате ни тебе обеда, ни информации.

— В общем, будь готова, СМИ тебя в покое не оставят, — устало сказал Юхан Стольт.

Она недоверчиво смотрела на него, и не только потому, что нынче он вырядился в двубортный пиджак из клетчатого твида.

— Я? Хёуген же вполне четко сказал, что я вообще должна держать язык за зубами.

— Ну, он передумал. Я постараюсь брать на себя все, что можно,

поэтому нам надо поддерживать тесный контакт, чтобы говорить им одно и то же. Но если будут новые пресс-конференции, тебе придется выступить. У тебя есть опыт общения со СМИ?

Сейчас начальник полиции удалился зализывать раны после неудачной пресс-конференции, но это временная передышка. Он меня заменит, думает Карен. Если мы не разберемся с этим делом по-быстрому, Вигго Хёуген поручит руководство расследованием кому-нибудь другому, а я стану козлом отпущения.

Она останавливается на пороге комнаты совещаний, обводит взглядом стол, вокруг которого расселись сотрудники и пресс-секретарь. Несколько секунд медлит, потом проходит мимо стула на длинной стороне, где сидела вчера и сегодня утром.

Моя ответственность, мое расследование, думает она, усаживаясь у торца.

— Все на месте? — Она смотрит на собравшихся. — Корнелис, будь добр, закрой дверь.

Корнелис Лоотс закрывает дверь и садится рядом с Астрид Нильсен. Оба с сосредоточенным вниманием глядят на Карен, а Карл Бьёркен занят кофейными стаканчиками и термосами. Сегодня на столе тоже стоит блюдо черствых бутербродов. На сей раз с бужениной и паприкой, отмечает Карен, с содроганием наблюдая, как Бьёркен наливает себе стаканчик водянистого кофе.

Карен коротко сообщает все, что узнала от жены Эвальда Йоханнисена, и очень надеется, что на лице у нее никак не отражается облегчение, какое она испытывает оттого, что ей не придется иметь с ним дело в ходе расследования.

— Я, конечно, буду на связи с женой Йоханнисена, она обещала информировать меня о его состоянии, но, если не возникнет срочной необходимости, оперируют его только завтра.

— Может, пошлем ему цветы? — предлагает Астрид Нильсен.

Карен беззвучно вздыхает: она-то почему об этом не подумала?

— Хорошая мысль, вот и первое задание для Бьёрна Ланге, — быстро говорит она, кивнув Корнелису, который послушно делает пометку. — Проследи, чтобы он купил приличный букет и не забыл открытку, мы все на ней распишемся.

Теперь она оборачивается к Юхану Стольту. Они договорились, что сегодня пресс-секретарь присутствует на совещании, но впредь — только в случае необходимости или решающего прорыва.

— На пресс-конференции было что-нибудь, что нам следует знать? —

спрашивает она.

— Да, в общем, нет. Начальник полиции изложил факты, а больше рассказать было нечего. Затем, понятно, задавали вопросы, вполне ожидаемые: как все произошло, какое орудие использовано, считается ли Юнас Смеед подозреваемым, есть ли другие подозреваемые...

— И что вы ответили? — спрашивает Карл Бьёркен.

Юхан Стольт безнадежно вздыхает, улыбается:

— Что мы, к сожалению, ответить не можем — тайна следствия. Но ведь журналистов это не остановит, они попытаются найти ответы другим путем. Я целый день звонил Смееду, хотел узнать, нагрянули к нему журналисты или нет, но так и не смог с ним связаться. Надо бы и дочь предупредить, если еще не успели. Но тут необходима осторожность, — добавляет Стольт. — Чтобы не подумали, будто мы затыкаем рот людям не из полиции.

— С Юнасом я уже беседовала, — говорит Карен, — да он и без того знает правила игры. Дочь, правда, не предупредила, но она, кажется, вообще не больно разговорчива, не из тех, кто готов давать откровенные интервью.

— А вдруг ей деньги нужны...

— Что ж, помешать ей мы не можем. Но предупредить на всякий случай надо, ради ее же блага, чтобы уберечь девушку от травмы. Ведь если им вконец приспичит, они и засаду в подъезде устроят. Можешь послать ей эсэмэску, Карл? Сразу после совещания?

Карл молча кивает.

— Ладно, с этим все. А поскольку Эвальда нет, может быть, ты, Астрид, расскажешь о вашем визите в. — Карен заглядывает в свои записи, —центр обслуживания пожилого населения “Сульгорден”.

Астрид Нильсен без запинки докладывает о встрече с тамошней начальницей, Гуниллой Муэн, которая сообщила, что Сюзанна Смеед около четырех лет работала в центре административным помощником и отвечала прежде всего за выплату заработной платы и обработку закупочных накладных. Насколько известно Гунилле Муэн, ранее Сюзанна работала секретарем в архитектурном бюро, но, когда бюро переехало в Великобританию, ей пришлось уволиться. Правда, в этом начальница была не вполне уверена, так как сама пришла в “Сульгорден” всего год назад и Сюзанна Смеед, как она выразилась, “досталась ей по наследству”.

— У нас с Эвальдом сложилось впечатление, что Сюзанна определенно не вызывала у нее симпатии, хотя напрямую она ничего негативного не сказала, — рассказывает Астрид Нильсен. — Однако,

услышав, что произошло, она явно испытала шок и потому вообще не могла сообщить ничего мало-мальски полезного.

— Вы с кем-нибудь еще беседовали, помимо Гуниллы Муэн?

— Да, с несколькими сотрудниками, но, судя по всему, они не очень-то общались с Сюзанной. Похоже, она держалась особняком, кто-то даже дал понять, что она считала себя “лучше других” и не хотела знаться с народом в отделах. С другой стороны, она вроде бы и с Гунилой Муэн, и с остальным руководством тоже не общалась.

Надо наведаться туда еще раз, думает Карен. Хоть кто-то в этом центре наверняка может что-нибудь рассказать о Сюзанне. Астрид сообщила факты — всё от истории поступления на работу до бюллетеней по болезни, но хорошо бы узнать и впечатления Йоханнисена от визита в “Сульгорден”. Пусть он гнида, однако еще и опытный полицейский, а притом большой хитрец, думает она и, поблагодарив Астрид, оборачивается к Корнелису Лоотсу:

— Что нарыли криминалисты?

— Насчет автомобиля Харальд Стеен, по всей видимости, прав. Стартер явно в плачевном состоянии, так что, вполне возможно, он и соцработница действительно слышали автомобиль Сюзанны Смеед.

— О’кей, — говорит Карл. — Значит, Сюзанну убили в промежутке от примерно четверти девятого, когда ты, Карен, видела ее мимоездом, до без нескольких минут десяти, когда старикан Стеен услышал, как отъехала Сюзаннина машина.

— Это вполне согласуется с выводами Брудаля, — кивает Карен. — Есть еще что-нибудь? — Она снова оборачивается к Корнелису Лоотсу; тот бросает беглый взгляд в свои записи, потом смотрит на нее:

— В общем-то много чего. Мы не нашли компьютер, зато есть упаковка и квитанция на портативный “Хьюлетт-Паккард”, купленный три года назад. Так что, возможно, преступник унес его с собой, хотя по нынешним временам три года для компьютера изрядный срок.

— Может, он не заметил, что компьютер старый, — вставляет Астрид.

— Мобильник до сих пор не найден?

— Не-а, только зарядник для “Самсунга”, он лежал на столике в передней. А теперь самое интересное: геолокация зарегистрировала сигналы рабочего мобильного Сюзанны Смеед в точке к северу от Мурбека. Это я узнал от криминалистов только что.

Корнелис с надеждой обводит взглядом собравшихся, но встречает полное безразличие.

— Ты с Ноорё, да? — роняет Карл Бьёркен.

— Да... — неуверенно отвечает Лоотс, будто ответ рискует навлечь на него неприятности.

Корнелис Лоотс в самом деле родился и вырос на самом северном из Доггерландских островов. Но в отличие от Карла переехал в столицу на Хеймё всего полгода назад, когда получил повышение и стал ассистентом уголовного розыска. Почти три недели ушло на ежедневные уговоры, умасливания и, наконец, обещание отпраздновать и Пасху, и летнее солнцестояние, и Рождество у тещи и тестя — только тогда его жена Лиза согласилась на переезд.

“Максимум на пять лет. Наши дети не должны расти на Хеймё”, — заявила она.

Поселились они в Горде, в квартире, где под кухонным окном в развлекательном парке шла бойкая торговля наркотиками, а всего через два месяца Лиза обнаружила, что беременна, и поставила новый ультиматум:

“Либо мы купим где-нибудь дом, либо я уезжаю домой”.

Домик в Санде — две комнаты наверху и две внизу на солнечном участке — съедает всю прибавку, связанную с повышением Корнелиса, а к тому же начисто перечеркивает любые попытки завести сбережения, но Лиза была довольна. И каждый вечер, когда Корнелис Лоотс видит на диване беременную жену, которая с довольным видом поднимает над огромным животом чайную чашку, он знает: дело того стоило.

Сейчас он озадаченно переводит взгляд с одного коллеги на другого.

— В нескольких километрах к северу от Мурбека расположен большой гравийный карьер, — объясняет Карен. — Глубокий и заполненный водой, — добавляет она.

— И даже если, — вставляет Карл, — они исхитрятся выудить телефон до того, как он сдохнет, очень сомнительно, чтобы он нам чем-то помог.

— Но распечатку-то звонков мы можем получить от оператора, верно? — говорит Астрид.

Корнелис кивает.

— Прокурор уже сделала запрос, и “АО Тел” нам ее предоставит.

— Черт, пока эти лодыри раскачаются, несколько месяцев пройдет! — Карл в сердцах бросает ручку, которая катится по столу и с легким стуком падает на пол.

Все молчат, знают, что, по сути, Карл прав, хоть и слегка преувеличивает. Телефонная компания не горит желанием сотрудничать и оперативностью не отличается.

— Придется поднажать, — говорит Карен. — Еще что-нибудь есть?

Все качают головой.

— Ладно, тогда заканчиваем. Завтра в восемь утра у меня короткое совещание с Вигго Хёугеном и Динке Веген, но оно займет не более получаса. Встречаемся здесь в половине девятого. Если до тех пор всплывет что-нибудь новенькое, звоните.

Совсем стемнело, и лучи автомобильных фар блуждают по большой парковке, выискивая свободное место. Температура еще днем стремительно упала, почти летнее тепло сменилось мелким холодным дождем. Неподготовленные доггерландцы, замерзшие за день в чересчур легкой одежде, поспешили домой на чердаки и в подвалы за куртками и шапками.

За рядами машин высятся бетонные постройки торгового центра “Грено”. Помимо двух конкурирующих продовольственных супермаркетов, здесь размещаются большой магазин стройматериалов, мебельный универмаг, торговля растениями и все крупные сетевые магазины одежды, а также цель нынешней поездки Карен в “Грено”. Судя по забитой парковке, ни праздник в минувшие выходные, ни холод ничуть не умилили страсть доггерландцев к покупкам. Впрочем, на ее памяти в “Грено” всегда — независимо от дня недели и времени суток — очереди в кассу, детский гвалт и толпы недовольных людей, толкающих переполненные тележки. Здесь разыгрывается этаким современным эквивалент давней охоты на крупного зверя; потные и усталые, герои-победители возвращаются к семейному очагу с охотничьими трофеями в багажнике, роль которых исполняют сумки с продуктами или, после особенно удачного похода, телевизор с плоским экраном, куда больше купленного соседом в минувшие выходные.

Два неспешных круга по периметру парковки — и Карен наконец-то замечает “ниссан”, задним ходом освобождающий парковочное место. С невероятной ловкостью (водитель едущей следом машины воспринимает это скорее как беспардонную наглость) она умудряется резко затормозить, быстро сдать на пять метров назад и втиснуться на желанное место. В равной мере полная опасений и боевого азарта, Карен Эйкен Хорнби решительно направляется к самому дальнему из освещенных блоков.

Полчаса спустя, не без труда затолкав большущую коробку в багажник, она захлопывает крышку. Вздрагивает от холода и с тяжелым вздохом садится за руль. Ехать домой в такую погоду — удовольствие ниже среднего, видимость скверная, и стоит только съехать с магистрали, ни одной рытвины не разглядишь.

Иных оправданий не требуется, и она тянется к бардачку. Крышка застревает, Карен привычно наподдает ее снизу ладонью: память не

обманула, там лежит нераспечатанная пачка сигарет, которую она забыла выкинуть. Куплена вроде бы в прошлую пятницу? А кажется, целая вечность прошла.

Без особого усилия она заглушает укор совести, откидывается на спинку сиденья, делает затяжку. Минуту-другую неподвижно сидит в темноте, глядя на лучи фар, ищущие свободные места. Дрожащий от холода бомж бродит среди покупателей, уже загрузивших свои приобретения в машину, предлагает отвезти назад тележки — глядишь, залоговых монеток наберется на пиво. Большинство рады не тащиться с тележкой обратно в магазин, но одна женщина, похоже, упирается. В переднее стекло Карен видит их перепалку как пантомиму, но без труда представляет себе проклятия бомжа, который, подняв плечи под мокрой курткой, плетется прочь. Женщина провожает его взглядом и, когда он уже на порядочном расстоянии, отталкивает тележку, так что та врежется в фонарный столб, запрыгивает в свой “мерседес” и уезжает.

— Вот ведьма чертова! — бормочет Карен, последний раз затягивается, тушит окурок и сует ключ в замок зажигания. Вынимает из пачки несколько сигарет, осторожно кладет на сиденье.

Поравнявшись с бомжом, она опускает стекло и жестом подзывает его к себе. Сует ему пятьдесят марок и пачку с остатком сигарет.

— Больше не бродите под дождем, не то воспаление легких заработаете, — говорит она, вздрогнув от прикосновения его ледяной руки.

Перед тем как выехать с парковки, она быстро смотрит в зеркало — над спинками задних сидений торчит верх большущей коробки. Вигго Хёуген наверняка рассвирепеет, когда доставят счет, но она готова принять бой.

Сорок пять минут спустя она открывает дверь “Зайца и вороны”, где ее встречают знакомое тепло, негромкие голоса и легкий запах плесени. Этим вечером в единственном на весь Лангевик питейном заведении непривычно малоллюдно. Десятка два посетителей сидят за столиками, но у стойки бара, как обычно, восседает здешняя опора и надежда; во всяком случае, троица завсегдаев считает, что именно благодаря им “Заяц и ворона” держится на плаву. Эти трое — Эгиль Йенссен, Йаап Клус и Одд Марклунд, чьи весьма раздобревшие зады теперь едва уместаются на табуретах. Все трое родились и выросли здесь, все трое некогда трудились в рыболовстве: Йенссен и Клус ловили треску, а Марклунд работал мастером на фабрике “Локе”, отвечал за чистку креветок и пакетирование.

Помедлив, Карен подходит к стойке. Н-да, стоит только сесть рядом со стариками, придется, хочешь не хочешь, слушать жалобы на развитие городка, на закрытие очередного магазинчика да наплыв белых воротничков из Дункера, а заодно обычные излияния Марклунда по поводу фабрики “Локе” и горестного факта, что креветок теперь отправляют в Латвию, Польшу и Тунис, где их чистят и пересыпают солью. Но ведь именно эта задастая троица — неисчерпаемый источник информации обо всех и вся, и пришла она сюда как раз затем, чтобы узнать городские сплетни.

— Здорово, Арильд! — Она быстро барабанит ладонями по стойке. — Чем нынче угощаешь?

Арильд Расмуссен с кислой миной поднимает глаза от кассового аппарата. Ясное дело, шпилек насчет скудного ассортимента он не любит. Расмуссен не одобряет, что дункерские пабы кичатся теперь уймой разных сортов пива. Однако, хотя ассортимент в “Зайце и вороне” почти не подвергся влиянию бурного роста местных пивоварен в последние годы, он все же отражает демографический состав доггерландского населения, ведущего происхождение из Скандинавии, Англии и Нидерландов, и, на взгляд Расмуссена, этого вполне достаточно. Словом, посетители “Зайца и вороны” могут выбирать между “Карлсбергом”, “Хейнекеном” и “Спитфайром”. Или “Бишопс фингером” — но только одно из двух. Немногие посетители, случайно предпочитающие вино, могут заказать белое или красное. Возможности выбора Арильд Расмуссен излагает таким нетерпимым тоном, что никому в голову не приходит задавать щекотливые

вопросы насчет того, в какой стране и в каком году произведено это вино. Впрочем, мало кто приходит в “Зайца и ворону” выпить вина или закусить, хотя Арильд Расмуссен вообще-то может спроворить вполне приличное фрикасе из баранины.

Рецептом его снабдила жена, Рейдун, чьи громогласные шлягеры вперемешку с сочной руганью еще восемь лет назад доносились из кухонных палестин. Супруги Расмуссен не переставая ссорились все тридцать два года, что подавали в “Зайце и вороне” баранье фрикасе и пиво, иной раз под звон разбитых тарелок на кухне и выкрики “злобная тварь” и “никчемный старый козел”, заставлявшие посетителей неловко ерзать и поглядывать на часы.

И все-таки, когда однажды майским днем Рейдун хватил удар, местные забеспокоились, что в одиночку Арильд не справится. Неужто последний паб в городке ждет та же судьба, что и закрытый теперь портовый паб “Якорь”?

После того как с Рейдун случился удар, “Заяц и ворона” одиннадцать дней кряду стоял на замке, но однажды утром Арильд перевернул табличку и распахнул двери. Правда, с куда более скромным меню; помимо бараньего фрикасе, там значились только полуфабрикаты — рыбные крокеты с картофельным пюре да гамбургеры с картофелем фри, вот и весь выбор. Говорят, Рейдун по-прежнему командует с постели, из квартиры над “Зайцем и вороной”, где они с Арильдом проживают, но доподлинно никто не знает.

Как бы то ни было, пивные краны в “Зайце и вороне” всегда надраены, а цена за пинту до сих пор на несколько шиллингов ниже, чем в Дункере.

Арильд берет пинтовый стакан, поднимает бровь.

— Как всегда? — спрашивает он и берется за кран бочонка со “Спитфайром”.

Карен кивает. Но, вместо того чтобы взять стакан и сесть на привычное место справа от камина, выдвигает высокий табурет и вешает сумку на крючок под стойкой. Арильд Расмуссен кладет на стойку картонную подставку с логотипом “Шеперд ним” и ставит на нее стакан. Карин благодарит и широко улыбается. Есть лишь два способа разговорить Арильда Расмуссена: подольститься или угостить его самого стаканчиком-другим.

— Ты тут здорово красоту навел. — Она кивает на столики, снабженные дорожками из репсовой шотландки и зелеными стеклянными подставками для греющих свечек.

— Ишь ты, заметила, — ворчит Расмуссен. — Да, прикупил кое-что к

Устричному фестивалю, — добавляет он, пытаясь скрыть довольную улыбку.

— Выглядит уютно, прямо то, что надо, — говорит Карен, пригубив пену.

Трое завсегдаев с плохо скрываемым любопытством прислушивались к их короткому разговору. И теперь Йаап Клус обращивается к Карен:

— Вон как, жандарм в гости явился. Или лучше сказать — жандармиха, а?

Клус верен себе, думает Карен, умудрился втиснуть в одну фразу несколько хамских дерзостей. Но она не обижается; здесь важность собственной персоны выпячивают, принижая других, так уж издавна повелось. И если отбросить эту манеру, никакого особого злопыхательства нет и в помине.

— Н-да, мы уж лет тридцать, как сменили название, теперь мы полицейские. — Она сочувственно улыбается. — Но я понимаю, вам, дядюшка, трудно уследить за всей этой модернизацией, сперва избирательное право, а теперь вот женщины-полицейские. Чем все это кончится?

Клус что-то бормочет и торопливо нащупывает свой стакан, остальные хохочут.

— Один ноль, — говорит Одд Марклунд. — Ты нынче в хорошей форме, Карен. Чем все это кончится?

— Не бойсь, я ненадолго, — отвечает она. — Одно-два пива и немножко сплетен. К этому-то вы всегда готовы, а?

— Как я понимаю, ты насчет Смеедиhi?

Карен кивает, отпивает еще глоток. Тыльной стороной руки смахивает с верхней губы пену.

— Ну, что вы можете рассказать про Сюзанну? Я хочу знать все.

Полчаса спустя четверка мужчин в баре обрисовала портрет. Трое завсегдаев и хозяин паба полностью сошлись в оценке: Сюзанна была женщина обидчивая, зловредная и, как никто, умела в два счета рассориться со всеми вокруг. И хотя Карен раздражает осудительный тон мужского превосходства, она не может не согласиться, что услышанное подтверждает ее собственное мнение.

Возможно, Сюзанна была такой уже в детстве и отрочестве; Карен помнит ее по тем временам весьма и весьма туманно. Светловолосая девочка с другого конца Лангевика. Три года разницы в возрасте явились

эффективным водоразделом, по крайней мере в глазах Карен. Когда Сюзанна пошла в первый класс, Карен успела шагнуть на среднюю ступень, а пока Сюзанна еще находилась на средней ступени, Карен уже вкусила радости и печали старшей школьной ступени: новые задачи, новые учителя и — прежде всего — мальчишки-старшеклассники. Все проникнуто головокружительным ощущением, что наконец-то принадлежишь к миру взрослых. Ее помыслы были сосредоточены на собственных недостатках, на превосходстве других и на том, вправду ли Грэм из девятого симпатизирует ей или нет. Ей было не до соплячек из младших классов.

Хотя они с Сюзанной росли всего в нескольких километрах друг от друга, расстояние меж ними было бесконечно и с годами почему-то не сократилось. Они знали друг друга по имени и в лицо, здоровались, перекидывались словечком-другим, когда сталкивались уже взрослыми, но и только. До того случая четыре года назад.

Однажды в начале апреля, сразу после того, как Юнас стал начальником отдела уголовного розыска, Карен и Сюзанна, покупая в торговом центре растения, оказались рядом в очереди к кассе. Очередь продвигалась бесконечно медленно, волей-неволей надо сказать хоть слово. Крепко держа тележку с анютиными глазками, Сюзанна односложно отвечала на попытки Карен завести нормальный разговор. А потом, после долгой тягостной паузы, сказала:

— Ты поосторожней, Карен. Юнаса всегда тянуло к женщинам, которые... ну, в общем, к таким, как ты.

Она развернула тележку, сослалась на то, что якобы что-то забыла, и вернулась к стеллажам с саженцами и землей. Карен расплатилась и поехала домой с двумя сливовыми деревцами и неприятным ощущением, что догадывается, каких женщин имеет в виду Сюзанна.

Портрет Сюзанны Смед, общими усилиями нарисованный тем вечером в “Зайце и вороне”, таков: когда-то она, конечно, была “настоящей очаровашкой”, но вдобавок еще и обидчивой, злопамятной ведьмой и с годами стала для окружающих сущим кошмаром.

— По любому поводу затевала склоку, — говорит Йаап Клус. — То моторы у автобусов работают вхолостую, то отчеты дорожной компании ее не устраивают, то движение возле школы затруднено, то соседские ребята ей не по нраву. Жена говорит, она и на работе была такая же; никто ее не выдерживал, ни сотрудники, ни начальство. В защиту ее можно

сказать только одно: доставалось от нее всем, и наверху, и внизу. Сволочная баба, извините за выражение.

— Взять, к примеру, скандалы из-за ветровой электростанции, — добавляет Эгиль Йенссен. — Поначалу-то мы все были против, но в конце концов народ все же смекнул, что ничего не добьется.

Особенно те, кто получил за свою землю хорошие деньги и мог отложить кое-что в заначку, думает Карен, но вслух ничего не говорит.

— Понятно, что она расвирепела, когда они понастроили тут эти мельницы, — продолжает Клус. — Участок ее был ближе всех. Но она ведь никак не унималась! С ножом к горлу приставала, статьи в газеты, письма в городское управление. Неужто взаправду думала, что они разберут свои вертушки, едва построивши? Потому только, что они лично ей мешают?

— Вообще-то печально. Одинокая женщина против землевладельцев и энергетической компании, у нее не было ни шанса, — вставляет Одд Марклунд и медленно качает головой.

В отличие от Йенссена и Клуса, Марклунд говорит о Сюзанне с сочувствием. Карен это не удивляет. Одд Марклунд проявлял гражданское мужество и понимание, еще когда она сама впервые работала летом на чистке креветок на фабрике “Локе”, где он был мастером. В отличие от ретивого начальника смены, который ястребиным взором надзирал за очистным конвейером и с плохо скрытым злорадством постоянно требовал аккордных вычетов за небрежность, Одд Марклунд относился к недочищенным креветкам совершенно спокойно.

Поэтому Карен не очень-то удивилась, когда через несколько лет Марклунда уволили под предлогом рационализации производства. Интересы норвежских хозяев требовали повысить эффективность доггерландской фабрики, а все операции, производившиеся вручную, ставили доходы под угрозу. В пятьдесят шесть лет Одд Марклунд остался без работы.

Он прекрасно знает, каково это — бороться против того, что много больше и бесконечно могущественнее тебя, думает Карен. Ему ли не понять всю бесплодность схватки между Сюзанной Смеед, с одной стороны, и энергетической компанией “Пегас”, с другой!

И едва ли Сюзанна была так уж одинока в своей борьбе; последние годы явили много тому примеров. Двадцать лет назад дебаты по поводу решения доггерландского правительства спасти экономику и обеспечить на будущее постоянный ее прирост посредством масштабного строительства ветроэлектростанций и экспорт электроэнергии в Северную Европу бушевали до изнеможения.

Со временем протесты, апелляционные жалобы и затягивания пошли на убыль, ведь землевладельцам хорошо платили в обмен на их собственность, и они не могли не заметить, как растут их банковские счета.

Конечно, строительство имело свою цену. Количество птиц на значительных островных территориях резко сократилось, и до сих пор ходят слухи, что энергетическая компания специально держит людей, которым надлежит убирать погибших морских птиц с земли под турбинами. Но говорит об этом мало кто.

А ветровая энергокомпания действительно гребет деньги лопатой, но поскольку она наполовину принадлежит государству, экономическое развитие страны за два десятка лет сделало рывок вперед. И ввиду этого большинство, похоже, готово смотреть сквозь пальцы на то, что половина доходов уходит в карманы рискованных капиталистов.

Сюзанна Смедд, очевидно, не разделяла эту точку зрения, думает Карен, кивком показывая Арильду Расмуссену, чтобы он нацедил еще стакан. Она буквально заикнулась на ветровых турбинах. Хотя, судя по тому, что слышала Карен, не владела землей, за которую боролась.

— Вы говорите, она боролась против землевладельцев. Я-то думала, землей на холмах владела семья Сюзанны.

— Да, и не только. Всеми холмами и большим участком леса на другой стороне, — вставляет Арильд. — И все это принадлежало бы ей, если б ее папаша не распродал землю. Пер Линдгрэн все наследство женина деда распродал, гектар за гектаром.

Арильд вытирает стакан зеленым махровым полотенцем, ставит перед Карен.

— Началось это давно, еще при жизни его жены, — продолжает он. — Они ведь, должно, содержали весь тамошний коллектив, или как он там назывался. Во всяком случае, в старой усадьбе Гроо проживала целая куча бездельников.

В памяти Карен всплывает рассказ матери и крохи собственных детских воспоминаний про Луторп.

— Эти недоумки выдержали примерно год, а после разъехались кто куда, — говорит Эгиль Йенсен. — Но Линдгрены остались и знай продавали, вместо того чтоб работать как полагается. Линдгрэн только и делал, что картины малевал, которые никто не покупал, до самого конца. Черт его знает, как жена с Сюзанной терпели. Других доходов у них не было, а ведь пропитание да одежду надо как-то оплачивать, вот они и распродавали наследство, кусок за куском.

— Я сам прикупил полоску леса, что граничила с моим участком. Не

то в семьдесят четвертом, не то в семьдесят пятом, если не ошибаюсь. Отличная сделка, так я вам скажу. — Йаап Клус, явно оживившись от воспоминаний и сплетен, улыбается уголком рта, приподнимает стакан и пьет большими глотками, с выражением блаженства на лице. — Чокнутые шведы, — продолжает он, отставив стакан и утерев рот. — Помните, как они завели гусей? Думали, те могут гулять круглые сутки. В первое же лето лиса всех передушила. Но вы ведь знаете, как оно говорится: приправляй хоть бретонцами, хоть фризами, хоть фламандцами...

— ...а доггерландский супчик все равно скандинавами пахнет, — заканчивает Карен с усталой улыбкой.

Йаап Клус весело хихикает.

— Ну, в ихнем коллективе были, пожалуй, и англичане, и голландцы, — решительно заявляет Эгиль Йенссен и оборачивается к Карен: — Меня вот больше всего удивляет, что они пробыли здесь так долго. Твой отец ставил сотню шиллингов, что весь коллектив развалится еще до первой зимы. А в ту пору это были большие деньги.

— Мой папа? Почему?

— Не он один, насчет них почитай что все в “Якоре” ставки делали. Харальд Стеен букмекером был, и после долго судили-рядили при дележке денег, когда Линдгрены остались, а остальные укатили. В каком году они сюда приехали? В шестьдесят девятом?

— В семидесятом, — говорит Клус. — У нас тогда аккурат младшенький родился. Помню, явились они сюда в вышитых перуанских шапочках и толковали, что, мол, будут выращивать овощи без отравы, жить тем, что дает земля, и все такое прочее. Ну и делиться друг с другом всем что есть, так они говорили.

— Линдгренша с ума мою жену сводила своими лекциями насчет отсутствия токсинов, растительных красителей и черт знает чего еще, — говорит Йенссен. — И травку всюю курила, не иначе. Нет, не пойму я, чего они сюда приперлись.

— Зеленая волна, — замечает Одд Марклунд. — В те годы сюда многие приезжали. Особенно на Фрисель. Дескать, назад к природе. Иные тамошние крестьяне недурно на них заработали; продавали клочок неудобья да халупу за бешеные деньги, а обратно выкупали, считай, за бесценок, когда оказывалось, что житье на природе отнюдь не сахар. На то немного, что они умудрялись вырастить, не проживешь.

— Да, Линдгренам, по крайней мере, землю покупать не понадобилось. Жена-то — помнится, звали ее Анна-Мария — унаследовала имущество старика Гроо, деда своего, все получила, хотя до тех пор,

насколько мне известно, нога ее на остров не ступала. Прижимистый был мужик, Ветле Гроо, помнишь его, Карен? Согбенный, немощный, а ведь каждый день до самой смерти обходил свои владения. Два сына у него было, один спился, второй женился на шведке, ясное дело, старик осерчал, — вздыхает Йаап Клус.

— Стало быть, папаша Анны-Марии, — говорит Карен. — С ним-то что случилось?

— Не он ли упал на стройке в Мальмё и разбился? — спрашивает Одд Марклунд.

В ответ приятели согласно кивают.

— Ага. Несмотря на все диковинные законы об охране труда, какие у них там есть. Старик Ветле, хоть и скандинав, никакого возмещения от восточной братской страны не добился.

Карен качает головой. Она, понятно, слыхала разговоры про Ветле Гроо. Как и говорила мать, его имя жило еще долго после его смерти. Однако ее никогда не интересовали родительские разговоры за кухонным столом про то, кто владел какими участками и кто кого облапошил в бесконечной череде наследования, срочных продаж и обменов. Но что старик Гроо владел в Лангевике солидными участками, знали поголовно все, и стар и млад.

— Значит, Сюзаннина мама — внучка Гроо, — в раздумье произносит она. — И все-таки Сюзанне в наследство ничего не досталось, кроме дома, так вы говорите?

— От владений Гроо только и остался участок вокруг старого каменного дома, где жила Сюзанна; Линдгрены переехали туда, когда ихний коллектив развалился. Они тогда продали усадьбу в Луторпе и землю вокруг. А прочее, участки до самого Кваттле и лес, Пер Линдгрэн продавал помаленьку, год за годом, то есть когда он сыграл в ящик, ни полоски травы не осталось.

— Этот их коллектив, — задумчиво говорит Карен, — он вообще-то был большой? В смысле, сколько их там проживало?

— Ну, я, понятно, не считал, — отзывается Эгиль Йенссен. — Линдгрены, само собой, и еще одна семья из Швеции. И датчанка какая-то, кажись. Жена моя пару раз с ней разговаривала, и, по ее словам, та была вполне разумная, получше других.

— Кажется, были еще англичане, а может, ирландцы, во всяком случае, между собой они часто говорили по-английски, люди слыхали, когда встречали их в городе. Н-да, точно не скажу, но человек восемь-десять взрослых да ребятишки, само собой. А вот имен я не помню... — Одд

Марклунд с вопросительным видом оборачивается к собутыльникам, но и те тоже качают головой.

— А вторая-то шведка впрямь красotka была, — замечает Йаап Клус. — Мы обычно сидели в “Якоре”, в порту, и фантазировали насчет того, что у них там происходит, когда гасят свет. Любопытствовали маленько, тогда ведь много болтали про шведов да свободный секс, сами знаете.

— Ты за себя говори, мне вот недосуг было шастать вечерами вокруг Луторпа да вынюхивать. — Арильд Расмуссен уходит на кухню с пластиковым баком, полным пустых пивных стаканов.

Карин смотрит на стариков. Они рассказывают о событиях без малого сорокалетней давности, и, когда сюда явились Линдгрены со своим коллективом, было им лет по тридцать. Вероятно, ровесники, только из совершенно разных миров. Тридцатилетнему мужчине, уже отмеченному печатью пятнадцати лет профессионального рыболовства в Северном море, те, кто готов был отказаться от уютной жизни, чтобы растить овощи на истерзанном ветрами острове посреди моря, наверняка казались сущими психами. Сами они провели детство возле дровяных печей и керосиновых ламп и не видели в жизни без современных удобств ничего романтического. Какой резон добровольно отречься от всего того, ради чего другие трудились как проклятые. Обозы тогда, как говорится, тянулись в другую сторону, ни один нормальный человек не менял небось современную Швецию на Доггерланд?

Карен вполне может себе представить фантазии про коллектив; эти молодые женщины наверняка казались чуть ли не экзотическими существами по сравнению с безвременно постаревшими лангевикскими рыбаками. А вот местные женщины, по всей вероятности, были отнюдь не в восторге при виде батиковой свободы без бюстгальтеров. Впрочем, даже размякшим мужикам из “Якоря” приезжие, пожалуй, пришлись не ко двору. Невзирая на любопытство, они, похоже, смотрели на коллектив со смесью злорадства и зависти. И тем не менее Пер и Анна-Мария Линдгрэн остались. Что их удержало?

Теперь всей этой маленькой семьи не стало, и никто о них вроде бы не горюет, думает она с ощущением неловкости. Даже о Сюзанне, которая выросла в Лангевике, никто доброго слова не скажет. Каково же ей было расти в этом городишке?

— А известно что-нибудь о том, как они ладили у себя в коллективе? Ведь целый год тут провели, жили вместе, всем делились, как вы говорите. Не было слухов о раздорах или склоках?

Клус пожимает плечами, будто потерял интерес к этой теме.

— Ну, они ведь разъехались, стало быть, даже у них случился перебор со свободной любовью и этой ихней экологией, — говорит Йенссен. — Я бы вот женой нипочем делиться не стал. Ежели бы кто на нее позарился, — добавляет он со смешком, который тотчас переходит в хриплый кашель.

Одд Марклунд отставляет стакан, смотрит Карен в глаза.

— Многие в то время хотели попробовать другой жизни; одни новизны искали, другие, может, убежать хотели от чего-то. Сколько людей приезжало сюда и уезжало за минувшие-то годы, верно, Карен?

Он знает, думает она, глядя на его руку, крепко схватившуюся за барную стойку, видит влажный след на темном дереве.

— Ты как, девочка?

Одд Марклунд глядит на нее с огорченным видом, и она успокоительно улыбается ему.

— Голова немножко закружилась. С обеда маковой росинки во рту не было, так что пора мне двигать домой. — Она поворачивается к Арильду Расмуссену, который успел вернуться из кухни.

— Последний вопрос. Ты сказал, что земля, где стоят ветряки, Сюзанне уже не принадлежала. Но она все равно воевала с энергокомпанией?

— Да, так и было. Она не знала, что земля продана, думала, участок по-прежнему ее. Пока землемеры с инженерами не явились без приглашения на участок, который она считала своим. Случилось это вскоре после ее развода, когда она переехала сюда, видать, не успела еще выяснить, что да как. А вскоре папаша ее помер, вот тогда-то она и узнала, что все давным-давно продано.

— Не удивительно, что она чувствовала себя обманутой, — говорит Карен. — Она думала, земля ее, а все давным-давно было продано и теперь продавалось сызнова, и по соседству скоро поставят сорок два ветродвигателя.

— А вот и нет, — перебивает Арильд Расмуссен. — Владелец продавать не собирался. Этот проныра умудрился сдать землю “Пегасу” в аренду.

На пятьдесят лет, с дележом доходов и всем прочим. И волки сыты, и овцы целы. Черт его знает, как он умудрился.

В голосе Расмуссена сквозит презрение, но равно и уважение. Сама Карен главным образом досадует, что Сюзанне Смеед не повезло.

— Да, безусловно, ловко обтяпано, — сухо роняет она. — Кстати, кто он, этот “проныра”?

— Сынок Аксея Смееда, Юнас, ясное дело, кто ж еще?

— Погоди, я помогу!

— Нет, мне удобно, ты только дверь поддержи, будь добр.

Корнелис Лоотс выполняет просьбу и быстрым шагом идет к матовой стеклянной двери, ведущей в отдел уголовного розыска. С ощущением собственной бесполезности он наблюдает, как инспектор Карен Эйкен Хорнби, красная от напряжения, боком протискивается в дверь, сгибаясь под тяжестью здоровенной картонной коробки.

— Черт, — бормочет она, когда большая сумка сползает с плеча.

Корнелис Лоотс окончательно чувствует себя идиотом, поскольку, не придумав ничего умнее, подхватывает сумку и идет рядом с начальницей, которая, широко расставив ноги и откинувшись назад, тащит свою тяжелую ношу. Когда она сворачивает в буфетную, он не выдерживает. Общими усилиями они опускают коробищу на пол, обошлось без тревожных звуков. Карен одаривает его благодарной улыбкой, массирует натруженные ладони.

— Такая удача, что ты здесь, в одиночку мне бы дверь нипочем не открыть. Кстати, ты в этом разбираешься? Поможешь подключить ее, пока остальные не пришли?

Она жестом показывает на коробку, и только теперь Корнелис видит, что изображено на гладкой поверхности.

— Господи, вот это монстр, — говорит он. — И почему такой?

Карен пожимает плечами.

— Тебе и знать не надо. Но начальник полиции однозначно дал понять, что мы должны получить все необходимое.

— Тебе не кажется, что он имел в виду человеческие ресурсы?

— По моей профессиональной оценке, мы не можем продолжать расследование, получая в качестве единственного горючего эту бурду. — Карен кивает на коричневую кофеварку на столе. Кто-то оставил немытую стеклянную колбу на подогревателе, и буфетную переполняет знакомая кислая вонь вчерашнего кофе.

Двадцать минут спустя Корнелис Лоотс кладет гаечный ключ на стол и спускает рукава рубашки, а Карен обозревает результаты их общего труда. С уважением и удивлением она следила, как он присоединял машину к электричеству и водопроводу. Можно не звонить капитанармусу Кофсу и не слушать его нытье, что это вообще не входит в его служебные обязанности. Она делает шаг вперед, стирает отпечаток пальца с блестящей

хромированной поверхности и нажимает на изогнутый рычажок вспенивателя молока — слышится жужжание. В отделе закупок здорово засуетятся, думает она.

— Для нее не нужен особенный кофе?

Тридцать дней на случай рекламации... может, к тому времени Смедд вернется на службу. Она отбрасывает эту мысль и широко улыбается Корнелису. Потом достает из брошенной на стол сумки два полукилограммовых пакета кофейных зерен.

— Включай эту бандуру, а я пока сбегая через дорогу. У меня короткая встреча с Веген и Хёугеном. — Карен смотрит на часы, —уже две минуты как.

— Но в таком случае Смеда можно исключить из числа подозреваемых; и я более не вижу причин, мешающих ему вернуться на службу.

Вигго Хёуген быстро гасит легкую дрожь в голосе и заканчивает фразу басом. Они сидят в кабинете прокурора, в креслах.

Карен беззвучно вздыхает, быстро переглядывается с Динке Веген. Молодчина Веген — уголок ее рта легонько дергается, показывая, что она прекрасно понимает, что дело обстоит не так просто, как хочется начальнику полиции, но приподнятые брови намекают: она предпочитает, чтобы бой приняла Эйкен. У нее пока нет причин вмешиваться в расследование.

— Я понимаю, что вы имеете в виду. — Карен смотрит Хёугену прямо в голубые, как льдинки, глаза. — Разумеется, хорошо бы исключить Юнаса прямо сейчас, но прежде надо выяснить кое-какие вопросы.

Вигго Хёуген открывает рот, порываясь перебить, но снова его закрывает, когда Карен продолжает с уверенностью, какой вовсе не испытывает:

— Как и вам, мне не очень-то верится, что Юнас виновен в убийстве Сюзанны, но одной веры мало. У него нет твердого алиби на время убийства, и, к сожалению, некоторые обстоятельства можно истолковать не в его пользу. Недавно он побывал в доме Сюзанны, по его словам, за шесть дней до убийства, а взаимоотношения у них, мягко говоря, сложные.

— Господи, вряд ли стоит в этом копаться. Если автоматически записывать в подозреваемые всех, у кого “сложные” отношения с бывшей женой...

Вигго Хёуген пальцами изображает кавычки и разводит руками.

— Карен права. — Динке Веген прерывает его маленький спектакль.

Хёуген умолкает, меж голубыми глазами остается удивленная складка.

— Когда предварительное расследование станет достоянием общественности, — продолжает прокурор, — и, без сомнения, объектом пристального внимания каждого журналиста в стране, не должно возникнуть даже намек на то, что положение Юнаса каким-то образом повлияло на расследование. Напротив, мы должны действовать как никогда тщательно, полностью разобраться во всем, что можно истолковать не в пользу Юнаса.

Вигго Хёуген откашливается, лихорадочно размышляет. В отличие от Карен, Динеке Веген обладает именно тем женским авторитетом, какой внушает ему уважение. Больше образованности и элегантности, меньше от... язвительной тетки, думает Карен. Он с улыбкой поворачивается к прокурору.

— Я, разумеется, не имел в виду, что мы.

— Прежде всего, это необходимо самому Юнасу, — вставляет Карен. — Если не очистить его полностью от всех подозрений, по возвращении его ждет невеселая жизнь. Поверьте, я сделаю все, что в моих силах, чтобы снять все подозрения, — добавляет она.

Покосившись на Динеке Веген, Вигго Хёуген быстро отвечает:

— Вообще-то вам надо сосредоточиться на поимке настоящего убийцы. Для Юнаса так будет лучше всего.

— Именно это я и имела в виду, — бормочет Карен. — Просто выразилась неудачно.

— И не в первый раз. Ну что ж, я вас выслушал и непосредственно после этого совещания проинформирую Юнаса.

Динеке Веген опять поднимает ухоженные брови.

— Разумеется, лишь о том, что он по-прежнему отстранен. Да, так и сделаем, — подытоживает Хёуген и встает.

Карен еще раз бросает быстрый взгляд на Динеке Веген и замечает мимолетную улыбку.

Лангевик, май 1970 г.

— Мне и во сне не снилось, что к нам в город заявится этакий сброд. Бедняга старик Гроо в гробу бы перевернулся, если б увидел, что они творят в его усадьбе.

Продавщица скобяного магазина решительно, чуть не со злостью жмет на кнопки кассового аппарата, выбивая чек на два гросса шурупов, и поднимает глаза на покупателя, ожидая согласия.

Анна-Мария Линдгрэн стоит в проходе между стеллажами, где теснятся банки с краской, деревянным маслом и скипидаром. Она замерла, наклонясь к малярным кистям, да так и стоит, словно сгорая со стыда.

Они знают, что она здесь? Хотят, чтобы она услышала, или не видели, как она вошла? Щеки горят, слова будто пощечина.

Теперь до нее доносится невнятный ответ покупателя, а секундой позже по магазину опять разносится недовольный голос продавщицы:

— Ты их видал? Одеты все словно наркоманы, длинные платья, длинные волосы. Восемьдесят шиллингов, спасибо. И ребятишек маленьких у них несколько. Одному Богу известно, как уж о них там заботятся. Выходит, придет время, они в школу здесь пойдут? Будут играть с нашими мальцами? Нет, таким вообще надо запретить иметь детей. Знаю, звучит жестоко...

Мужчина, покупавший два гросса шурупов, явно что-то сказал, поскольку в следующий миг недовольная продавщица чуть понижает голос.

— Да, вот и Артур тоже так говорит, максимум полгода, — вздыхает она. — Двадцать шиллингов сдачи и чек, пожалуйста. Одно дело весной и летом, но, как нагрянут осенние шторма, они не выдержат, обратно домой укатят, помяни мое слово. Так Артур говорит, но я не знаю.

Новое бормотание покупателя, потом опять продавщица:

— Ах вон ты о чем. Ну что ж, будем надеяться на лучшее. Спасибо, приходи еще!

Анна-Мария молча выпрямляется, поворачивается и быстро выходит из магазина. Чувствует спиной их взгляды, когда треньканье колокольчика сообщает, что дверь открылась. Еще подумают, будто я что-то украла, мелькает в мозгу. Запишут в свой длинный список новые обвинения. И в

конце концов одержат победу. Не сможем мы здесь жить; я не выдержу.

Всю дорогу она почти бежала, чувствуя на себе неодобрительные взгляды всех встречных, и теперь запыхавшись входит в дом, раз-другой моргает глазами, чтобы сдержать жгучие слезы. Не хочет рассказывать, не хочет, чтобы они отмахивались и говорили, что она чересчур впечатлительна, что нечего обращать внимание — мало ли что народ болтает. Не хочет их тревожить, они ведь всегда за нее волнуются.

У кухонного стола сидят Пер и Тео, Диса стоит у плиты, красит простыню в большой кастрюле. Поварешкой приподнимает краешек ткани, рассматривает желтый цвет. Из другой кастрюли идет пар, пахнет бобами, луком и приправами, окно запотело. Брендон полулежит на кухонном диване, как всегда с гитарой на груди, Метта пытается вместе с ним перебирать струны. А по лестнице спускается Ингела с Орьяном на руках.

— Смотрите! — кричит мальчуган, крепко стиснув в кулачке надетый на шею длинный шнурок, на который нанизаны шуршащие ракушки. — У меня бусы!

Никто не слышал, как пришла Анна-Мария, и все-таки Пер инстинктивно оборачивается, будто почуял ее присутствие. Улыбка на его лице сменяется тревогой, когда он видит ее покрасневшие щеки и блестящие глаза, а секунду спустя видят и остальные. Волнуются, ведут ее к столу, подвигают стул, ставят чашку, наливают чай с медом. Она уверяет, что просто запыхалась, пока поднялась к усадьбе, дорога-то из городка крутая, и она просто очень устала, может, подхватила ту же простуду, что и ребятишки на прошлой неделе. И теперь она понимает, что Пер смотрит на нее с нескрываемой надеждой. Бессмысленной, безнадежной надеждой, что она забеременела.

Нет, она ни о чем не рассказывает. Ни слова о том, что услышала, когда ходила в город за кистями, чтобы покрасить оконные рамы. Ничем не выдает внезапной уверенности, что идиллия, которая сейчас царит в Луторпе, пойдет прахом. Опасность так ощутима, она здесь, дует в спину, будто первый порыв ветра ворвался в дом и предупреждает о надвигающейся буре. Она не знает, откуда берется это ощущение, не знает, близка ли опасность. Знает только, что это еще хуже языкастой тетки в скобяном магазине.

Она берется за дверную ручку, и внезапно ее одолевают сомнения. Может, зря она связалась с этой бандурой? Вдруг они подумают, будто она хочет подольститься, снискать популярность, подкупив их новой кофеваркой.

Несколько секунд Карен медлит, задумчиво стоя на лестничной площадке. Пожалуй, они правы. Может, это и правда подкуп? Отчаянная попытка привлечь группу на свою сторону.

Хорошо хоть Эвальда Йоханнисена нет, напоминает она себе и выпрямляется. Уже сама мысль о язвительных комментариях, какие он бы наверняка отпустил, вызывает у нее недовольную гримасу. Остальные, вероятно, поддержали бы его.

— Черт! — говорит она во весь голос, так что лестница гудит эхом.

Кроме того, за бандуру придется платить; через тридцать дней кислых мин еще прибавится. Через двадцать девять, поправляет она себя, открывая дверь.

Аромат кофе ударяет в лицо еще прежде, чем она переступает порог.

Дверь комнаты совещаний в дальнем конце коридора приоткрыта, оттуда долетают негромкие голоса. Она быстро проходит через пустой офис к своему столу, выуживает папку из верхнего ящика. Потом решительным, даже чуть сердитым шагом идет к комнате совещаний и распахивает дверь.

Черти неблагодарные, думает она.

Немного погодя она с горящими щеками садится на свое место, между тем как спонтанные аплодисменты затихают, а к ней подвигают блюдо с булочками.

— Отлично придумано, Эйкен, — говорит Карл. — Только, по-моему, ты наверняка заработаешь неприятности.

— Всеу свое время, — отвечает Карен с кривой усмешкой, вонзая зубы в большую булку с корицей. — Начнем? — Она слизывает с пальца сахарную пудру.

Коротко изложив, что узнала от мужиков в “Зайце и вороне”, она подытоживает:

— Итак, можно, пожалуй, сделать вывод, что Сюзанна Смедд со многими была в ссоре и отнюдь не считалась в округе приятной особой. То же говорят начальство и коллеги по работе.

— И дочь, — добавляет Карл Бьёркен. — Юнас, вероятно, тоже не очень-то хорошо о ней отзывался?

— Да, так и есть. До сих пор никто не отзывался о ней, мягко говоря, позитивно. Вопрос больше в другом: сумела ли она разъярить кого-то настолько, что он убил ее. Может, Сюзанна шантажом занималась? Она, конечно, злобная и неприятная, это известно, но из тех ли, кто вынюхивает, собирает компромат? Как думаете?

Все молчат, видимо, размышляют.

— Нет, она скорее непримиримая, — говорит Астрид Нильсен. — По крайней мере, судя по отзывам ее начальницы и коллег, с которыми беседовали мы с Йоханнисеном. Сюзанна Смеед, пожалуй, из тех, кто подмечает чужие ошибки и охотно их комментирует. Ну и отчасти сплетница.

— Корнелис и Астрид, вам надо сегодня еще раз навеститься в “Сульгорден” и выкопать там все, что можно. Сама я встречусь с Венке Хеллевик. Это сестра Юнаса, одна из немногих подруг, какие, похоже, были у Сюзанны, — добавляет она, подняв голову и увидев вопросительные взгляды коллег. — Пожалуй, тогда у нас будет о ней более детальное представление. Но мне надо взять с собой кого-нибудь. Карл, найдешь время?

Он кивает, и Карен опять оборачивается к Корнелису Лоотсу:

— Есть что-нибудь от криминалистов? И что ты сам выяснил?

— Утром я говорил с Ларсеном; ДНК и пальчики анализируются, результат, вероятно, будет уже сегодня. Ну, то есть помимо тех, что идентифицированы как отпечатки Юнаса Смееда, — смущенно добавляет он. — Ответов от банка Сюзанны и от круизного судна пока нет.

— Кстати, как там дела? Есть подвижки?

— Мы разослали запросы по всем пассажирам, то есть во все скандинавские страны, США, Нидерланды и Италию. А также в Германию, один из датчан оказался немецким подданным, — говорит Корнелис, справившись в своих бумагах.

— И?

— Пока что нет никаких сообщений о серьезных преступлениях, ну, которые караются тюремными сроками свыше года. Сроки, понятно, разнятся от страны к стране, но если взять вообще всех, кого наказывали лишением свободы, то таких двое. А именно... — Корнелис полистал свои бумаги. — Шведский бизнесмен, Эрик Бьёрнлунд, отсидевший восемнадцать месяцев за промышленный шпионаж, и американец, Бретт Клоуз, отсидевший шесть лет за убийство. Но когда мы копнули поглубже,

выяснилось, что речь идет о совершённом в пьяном виде наезде, в результате которого погибла трехлетняя девочка. Так или иначе, сейчас Бретту Клоузу семьдесят два года, а тот случай имел место в середине семидесятых. С тех пор он ведет безупречную жизнь и, по словам шефа судовой службы безопасности, и он сам, и его жена — люди глубоко религиозные. Епископальная церковь, так он вроде сказал.

— Ну, нам случалось видеть богобоязненных людей, совершавших жуткие преступления, — замечает Карен. — Вспомни пастора с Ноорё, который убил жену и четверых детей, чтобы спасти их от будущих прегрешений. Но я понимаю, что ты имеешь в виду, с Бреттом Клоузом можно и повременить. Еще что-нибудь?

— Нет, пока все, но мы еще не закончили, и от итальянцев вообще нет ответа. Я позвоню им еще раз после совещания.

Карен вздыхает. Надежда выявить что-нибудь полезное через круизное судно изначально была невелика, а теперь и вовсе почти растаяла. Пока поступят сведения от всех стран, Лоотс и Нильсен могут, пожалуй, сосредоточиться на другом.

Только вот на чем. Первые двадцать четыре часа расследования — критический срок; статистика раскрытий с каждым часом резко уменьшается. Но минуло уже без малого трое суток, а у них нет вообще никаких версий насчет преступника или хотя бы явного мотива. Согласно статистике, восемьдесят процентов тяжких преступлений со смертельным исходом раскрываются в течение первых трех дней.

Однако независимо от того, является ли случившееся с Сюзанной Смедд преднамеренным убийством или убийством по неосторожности, вероятность, что это расследование войдет в те самые восемьдесят процентов, все меньше и меньше. Все поочередно отчитываются, хотя ничего существенного при этом не обнаруживается, затем некоторое время, как обычно, строят предположения о возможном ходе преступления и возможном мотиве, а также распределяют задачи, после чего Карен закрывает совещание, но просит Карла Бьёркена остаться. Объясняет, что сейчас ей предстоит еще одно дело, поэтому поездка к Венке Хеллевик состоится попозже, и они договариваются встретиться на парковке в час дня.

Двадцать минут спустя она входит в дверь-вертушку гостиницы “Взморье”.

Карен смотрит на молодого портье и молча вздыхает. Трульс Исаксен, вполне заурядный парень лет двадцати пяти, глядит на нее с выражением надлежащей учтивости и затаенного превосходства, типичного для обслуживающего персонала его возрастной группы. Темные волосы аккуратно собраны в скромный хвостик, а маленькие вертикальные прорезы в мочках ушей выдают, что вне службы он обычно вставляет в них какие-то украшения.

Как только Карен представляется и излагает свое дело, улыбка с его лица исчезает, и вскинутые брови опускаются до более-менее нормального уровня. Должность, понятно, требует определенной вежливости по отношению к постояльцам, но никто не говорил, что он обязан лизать задницу полицейским.

Они сидят в маленькой буфетной позади стойки портье, и Трульс, сперва налив кофе себе, спрашивает, не хочет ли и она. Она не хочет. Уминая пончики с шоколадной начинкой, он достает пачку сигарет и нетерпеливо вертит ее в руке. Явно рассчитывает, что разговор кончится быстро и можно будет выйти на задний дворик и устроить себе заслуженный перекур. Карен размышляет, не составить ли ему компанию и не продолжить ли разговор на воздухе. Пожалуй, она бы так и сделала, если б настроение у нее было получше или Трульс Исаксен оказался посимпатичнее. Словом, она как бы не замечает пачку сигарет, которую он теперь положил перед собой на стол и принялся сосредоточенно щелкать красной пластмассовой зажигалкой — огонек то вспыхивает, то гаснет.

И вот начинается разговор; Карен задает вопросы, не раздражаясь, держа себя в руках, а Трульс Исаксен отвечает все более коротко и равнодушно. С каждым его “ведь” настроение у нее падает.

Нет, он понятия не имеет, в котором часу утром в воскресенье ушел постоялец из 507-го; номер ведь был оплачен заранее, а ключи ведь можно было положить на стойку когда угодно. Гостиница ведь не шпионит за постояльцами. Нет, он ведь не сидит на месте каждую секунду смены, имеет ведь право поесть и сходить в туалет. И у него ведь есть право на короткие перекуры, когда в холле все спокойно. Вдобавок ведь есть колокольчик, в случае чего всегда можно позвонить. Да, наверно, постояльца в номер 507 зарегистрировал он, ведь в полдвенадцатого ночи других дежурных не было. Нет, он его не запомнил. А что тут странного,

ведь аккуратно на Устричный нередко снимают на ночь номера; вот и ночью в субботу было этак человек пять случайных постояльцев. Ясно ведь, зачем их сюда несет.

— Похотливые мужики да какая-нибудь девица, которая стоит у лифтов, чтоб не маячить, — говорит Трульс Исаксен с пресыщенно опытным видом. — В обычные выходные такое тоже бывает, но на Устричный хуже всего, уйма пьяных, сексуально озабоченных пожилых мужиков.

В глубине души Карен замирает от неловкости, услышав из уст парня меткое описание. Внешне она ничем свои мысли не выдает; полицейский обязан держать лицо, и в ходе множества допросов это умение отработано до автоматизма. Но от следующей реплики Трульса Исаксена она невольно вздрагивает.

— А вас-то тут, случайно, не было? Вроде бы лицо знакомое.

Молодой портье внезапно оживился, и Карен недоверчиво присматривается к нему. Возможно ли, чтобы этот парень, который ничего не видел и не слышал, не помнит ни своих постояльцев, ни времени и, наверно, полсмены проспал, вдруг узнал именно ее? Ишь, глядит на нее с неожиданным и совершенно нежеланным интересом.

— Разве не вы ушли отсюда в воскресенье ни свет ни заря? Часов в семь? Я аккуратно вернулся из буфетной и видел, как вы прошмыгнули за дверь...

Карен глядит на него, подняв брови, и, возможно, он толкует это как удивление или неудовольствие: неужто он по дурости путает полицию с постояльцами? Да плевать он хотел на них на всех. Так или иначе, интерес в глазах Трульса Исаксена опять гаснет, с глубоким вздохом он откидывается на стуле, будто неожиданное воспоминание начисто лишило его сил. Следующие слова портье дарят ей толику облегчения:

— Нет, вряд ли это были вы. Вообще-то она выглядела как обычная поддатая дамочка, а не как полицейская. Хотя чем-то на вас похожа. No offence^[5], стало быть.

Карен кашляет и натянуто улыбается.

— Еще один вопрос — и можете идти на перекур, — говорит она, кивая на сигареты. — Значит, невозможно точно установить, когда постоялец покинул гостиницу, если номер оплачен заранее и портье не зарегистрировал, в котором часу вернули ключи? Камер слежения у вас нет?

— Только на парковке. Если он был на машине...

Трульс Исаксен явно жалеет о своих словах, едва они слетают с губ.

Того гляди, потребуют, чтобы он показал, где хранятся записи? Нет уж, черта с два. Пусть начальник отдувается.

— Увы, он был без машины, — говорит Карен. — Во всяком случае здесь, в гостинице.

Она встает, протягивает руку.

— Спасибо, что уделили мне время.

Одной рукой Трульс Исаксен пожимает руку Карен, а другой выуживает желанную сигарету. Отворачивается и быстрым шагом спешит из буфетной в коридор, видимо, ведущий к двери на задний дворик. Проводить Карен к выходу у него и в мыслях нет. Она смотрит ему вслед. Дверь во двор открыта, и на маленькой, выложенной плиткой площадке она замечает женщину с сигаретой. На ней тонкий голубой халат и ортопедические сандалии, и, по всей видимости, она мерзнет, потому что вроде как обнимает себя руками, чтобы согреться. Дверь захлопывается, Карен поворачивается к парадной двери. Но тут за спиной слышится голос Трульса Исаксена:

— Пойдите...

Дверь на задний двор опять открылась: он стоит на пороге, с наслаждением выпускает облачко дыма и машет Карен рукой, приглашая подойти.

— Я подумал, может, Росита что-нибудь знает.

— Росита?

— Она убиралась здесь утром в воскресенье.

Он отступает в сторону, и Карен видит ту женщину в голубом халате.

Через полчаса Карен получила всю информацию, какую только могла пожелать, и даже больше. Росита Альварес четко отчиталась о своей ежедневной работе, она, мол, всегда в точности записывает все по каждому номеру, где убиралась, особенно отклонения от обычной рутины, как, например, украденные полотенца или необходимость дополнительной уборки. Карен внимательно слушает, не торопит ее.

— Народ блюет, — сердито говорит Росита. — И не всегда в унитаз. Бывает, и на пол, но нипочем за собой не подотрут. Один всю ванну изгадил, ну, тогда я пошла к кастелянше и сказала, что мне требуется дополнительное время. Нам отводят всего четверть часа на номер, если это съезжающие.

— Съезжающие?

— Ну да, которые выписываются из гостиницы. Еще есть остающиеся, которые остаются больше чем на одну ночь; на такие номера у меня всего по семь минут.

Карен не спрашивает, понадобилось ли дополнительное время на уборку 507-го, не хочется ей об этом знать. С нарастающим испугом слушает отчет о рабочем дне гостиничной уборщицы. Будничным тоном Росита Альварес рассказывает про украденные полотенца, о которых надо обязательно сразу сообщить, иначе не поздоровится, ведь когда случаются фактические, мнимые или выдуманные кражи, подозрение первым делом падает на уборщиков, про разные виды запятнанных простынь, про недовольных постояльцев, про хамское отношение и постоянную спешку. Рассказывает, что начинает работу как можно раньше, чтобы успеть вернуться домой в Мурбек к мужу и тринадцатилетнему сыну.

— Начинаю я всегда с верхнего этажа и спускаюсь вниз. Второй заход снизу вверх, а третий опять вниз. Обычно трех-четыре заходов достаточно на все.

— Спасибо, почему бы и нет, — говорит Карен и берет сигарету из пачки, которую с приглашающим кивком протягивает Росита. — Значит, на каждом этаже по несколько раз бываете?

— Да, всегда есть такие, что подолгу спят, и такие, что завтракают в номере, а на некоторых дверях висит табличка “не беспокоить”. Так что приходится ждать.

— Может, вы помните, как было утром в прошлое воскресенье? Мне

бы надо узнать, когда съехал постоялец из номера пятьсот семь.

— Помнить я, конечно, не помню, — говорит Росита, решительно затягиваясь напоследок сигаретой. — У нас пятьдесят пять номеров, в голове все не удержишь.

Она наклоняется над садовым столиком, тушит окурок о перевернутый вверх дном глиняный горшок, который служит пепельницей.

— Но я могу заглянуть в свою книжку, — добавляет она с широкой улыбкой, глядя на огорченное лицо Карен. — Я все записываю с указанием точного времени, чтобы сразу было ясно, какие номера уже убраны. Мы ведь не молодеем, — говорит она, стукнув себя по лбу костяшкой пальца. — Как докурите, пойдемте со мной...

— Вы храните все записи? — Карен быстро гасит недокуренную сигарету и мысленно благодарит высшие силы.

— Ну, не скажу, чтобы очень долго, но примерно месяц, — говорит Росита, открывая дверь. — Если вдруг задним числом будут нарекания от постояльцев. Или от руководства, — хмуро добавляет она, смахивая с халата хлопья пепла.

Вот если бы все были как Росита Альварес, думает Карен, когда четверть часа спустя подъезжает к парковке напротив полицейского управления. Они с Карлом договорились, что встретятся здесь и вместе поедут к сестре Юнаса, Венке Хеллевик. Бросает взгляд на часы — еще семь минут. Осторожно садится на краешек пыльного газетного ящика возле табачного магазинчика на углу Киркегате и Редехусгате, смотрит на подъезд полицейского управления.

С улыбкой Карен мысленно возвращается к разговору с замечательной уборщицей гостиницы “Взморье”, Роситой Альварес. Эта женщина достойна медали, думает она.

Действительно, на двери номера 507 висела табличка “Не беспокоить”, когда тем утром Росита в самом начале десятого обходила коридор на пятом этаже. Поэтому сперва она занялась номерами 501 и 503, постояльцы которых уже выехали из гостиницы. А когда через полчаса там закончила, таблички уже не было, и Росита Альварес, согласно ее записям, убрала номер 507 в промежутке от 9.35 до 9.50.

Карен еще раз сверяет время. Утверждение Юнаса, что он ушел из гостиницы около половины десятого, пожалуй, соответствует действительности. Теоретически он, конечно, мог покинуть номер сразу после того, как Росита в девять с небольшим увидела табличку “Не беспокоить”; ведь по-прежнему существует полчаса промежуток, когда

она убирала другие номера. По оценке Кнута Брудаля, Сюзанна умерла самое позднее в десять, но скорее всего — до половины десятого. Допустим, Юнас вышел из гостиницы сразу после девяти, думает она. В таком случае он бы мог успеть доехать до Лангевика до десяти и убить Сюзанну в самое позднее время, указанное Брудалем.

Но ему бы пришлось сперва дойти пешком до парковки возле ратуши, чтобы сесть в машину, а это как минимум еще пять минут. Остается примерно сорок пять минут. Н-да, сама она, бывало, одолевала расстояние до Лангевика за полчаса, когда вправду спешила, но в таких случаях отнюдь не соблюдала ограничения скорости. Если бы он мчался на всех парах, то успел бы, но с какой стати Юнасу рисковать нарваться на контроль? У него же не было повода торопиться.

Черт, думает она, этого недостаточно.

Карен отводит взгляд от входной двери управления, поворачивается лицом к мягкому осеннему солнцу и закрывает глаза. Еще чуть-чуть, и она полностью исключит шефа из числа подозреваемых. Но то-то и оно, что “еще чуть-чуть”. Теоретически у него была возможность. Минуты, секунды говорят, что такая возможность была, а мотив? Что могло послужить толчком? Может, что-то произошло в гостинице после моего ухода, думает она. Телефонный звонок, СМС, мейл — что-то, что разбудило Юнаса и привело в ярость? Или напугало?

— Ага, сидишь загораясь. На твоей машине или на моей?

От голоса Карла она вздрагивает. На моей, конечно, думает она, но вслух не говорит. На пассажирском сиденье ей всегда неудобно, но как раз сегодня пусть лучше шоферит Карл.

— На твоей, — отвечает она. — Садись за руль. Мне надо подумать.

Магистральное шоссе Дункер — Равенбю разрезает поперек плоский ландшафт Сёрланда. Километр за километром с трудом окультуренные поля и лиственные леса перемежаются просторными верещатниками. Далеко на западе, где шоссе сворачивает на север, виден горизонт, и даже здесь, во внутреннем районе Хеймё, чувствуется, что с запада остров беззащитно и неумолимо обрывается прямо в море. Мало кто верит сейчас в легенду о великане Френдуре, который в гневе расколол Хеймё своим мечом и пощадил восточную часть, тогда как западную, где во грехе жили его изменница-жена и вероломный брат, поглотил Атлантический океан. Однако ж и земля в погожий летний день может показаться плоской, а небо выглядеть словно сырнй колокол из синего стекла, вот так и западное побережье Хеймё будто и впрямь отсечено ударом меча разъяренного великана.

Карл ведет машину на большой скорости, но хорошо, и примерно за час они одолели по магистрали сто десять километров, свернули на шоссе № 20 и теперь, руководствуясь указателями, направляются к Хеллевикнесу. Опять нахмуривает, думает Карен, наклоняясь вперед, чтобы глянуть на серые тучи, которые приползли с запада и сгущаются у них над головой.

— Это случайность? — спрашивает Карл, бросив взгляд на навигатор. — В смысле, фамилия у них Хеллевик, а живут они в Хеллевикнесе.

— Вряд ли. Я слыхала, муж Венке происходит из весьма солидного рода, говорят, когда-то они всем городком владели. Но это ведь не редкость.

— Здесь, может, оно и так, но не на Фриселе. Там у каждого только один собственный участок. И то не всегда.

— Да уж, вы, фрисельцы, манией величия не страдаете. Да и особым рвением в работе тоже не отличаетесь, — добавляет Карен, насмешливо взглянув на Карла.

Карл фыркает с наигранной горячностью. Он и раньше это слышал: чем дальше к северу живешь на Доггерландских островах, тем более работящим и порядочным тебя считают. Обитатели Ноорё, преимущественно люди с норвежскими и шведскими корнями, по сей день слывут усердными, немногословными и богобоязненными, тогда как обитатели самого южного острова, имеющие корни в Дании и

Нидерландах, считаются легкомысленными и ленивыми. Посредине расположен Хеймё с его злополучной смесью британских, скандинавских и континентально-европейских кровей. Народ стекался сюда с разных концов и по разным причинам. Вероятно, давным-давно Хеймё действительно служил убежищем для многих, кому по тем или иным причинам пришлось спешно покинуть родину, хотя вряд ли в таких масштабах, как повествуют побасенки. И пусть даже количество воров, убийц и прочих лиходеёв никогда не было так велико, как твердят рассказы, главный остров, по словам соотечественников с Ноорё и Фриселя, населяют в основном рыбаки-браконьеры, землевладельцы, судовладельцы и прочий люд, который ловко живет за счет других. И хуже всего, конечно, дело обстоит в столице, в Дункере.

Иными словами, Доггерланд придерживается той же иерархии козлов отпущения, что и большинство других стран: тяжкий труд на севере, лень на юге, а столица битком набита мошенниками да спесивцами.

— Ну понятно, — ворчит Карл Бьёркен, — дочке Аксея Смеда требовался муж под стать. Когда родилась и выросла с серебряной ложкой во рту, за голодранца замуж не пойдешь. Зуб даю, они тут в деньгах купаются.

— Давай спросим, — сухо роняет Карен.

Но как только они въезжают в ворота владений четы Хеллевик, становится ясно, что семейство впрямь купается в деньгах, если и не в буквальном, то по крайней мере в фигуральном смысле. Возле теннисного корта справа от подъездной дороги есть и раздевалка, и двухъярусные трибуны, а бассейн в форме боба по другую сторону — самый большой, какой Карен доводилось видеть на частной земле. При виде вышки для прыжков высотой с двухэтажный дом Карл что-то бормочет про дядюшку Скруджа. Они продолжают путь между внушительными усадебными постройками и паркуются у медного фонтана в конце дороги. Карл глушит мотор и, наклонясь вперед, через лобовое стекло окидывает взглядом фасад дома.

— Думаешь, тут можно стоять? Или нас с черного хода ждут, а?

Карен не успевает ответить, потому что из-за угла выходит высокая женщина, останавливается у подножия великолепной лестницы. Следом за нею бегут два мокрых йоркширских терьера; при виде посетителей обеих собачек мгновенно охватывает радостный восторг. Заливаясь счастливым лаем, они мечутся меж хозяйкой и Карловой машиной. Позади них Карен замечает еще одну собаку — столь же мокрого, но куда более спокойного ирландского сеттера. Он подбегает к хозяйке, садится рядом, а она

машинально кладет ладонь на его темно-рыжую голову.

Карл и Карен открывают дверцы и выходят из машины.

— Добро пожаловать! — кричит Венке Хеллевик. — Ну-ка, уймитесь!

Она не идет навстречу посетителям, но широко улыбается, и они спешат поскорее пожать ее протянутую руку. Карен старается украдкой рассмотреть сестру Юнаса Смееда. Очень светлые волосы аккуратно собраны на затылке в пучок, одета тоже аккуратно: белая водолазка, темно-зеленый жакет, зеленая клетчатая юбка чуть ниже колен, неброские жемчужные серьги в ушах, ногти покрыты бледнорозовым перламутровым лаком. Единственное нарушение стиля — ноги, тонкими стельками торчащие из свежесмытых резиновых сапог.

Они пожимают ей руку, представляются.

— То-то мне показалось, я слышу автомобиль. Мы только что вернулись с небольшой прогулки, пришлось отмываться в черной кухне. Ну, я же сказала, хватит скакать! Хотите кофе? Или, может, чаю? Вы наверняка жутко устали с дороги. Нет, фу!

Последний возглас, неожиданно энергичный, адресован ирландскому сеттеру, которому явно невдомек, почему именно сейчас нельзя стряхнуть с себя воду. Венке Хеллевик ведет их вверх по широкой лестнице, открывает украшенные богатой резьбой двойные двери из массивного дуба. Из-за контраста между осенним солнцем и сумраком внутри Карен лишь спустя несколько секунд видит, что весь огромный холл укрыт пластиком и картоном. Среди нагромождения стремянок, банок с малярной краской и шпаклевкой, валиков и кистей стоят двое мужчин в белых комбинезонах, что-то обсуждают с третьим, очень высоким мужчиной в синем костюме. Вид у всех троих огорченный, один показывает на потолок.

— Прошу прощения за беспорядок, у нас случилась протечка в одной из верхних ванн, поэтому приходится ремонтировать весь холл. Дорогой, полиция приехала, иди поздоровайся, прежде чем уезжать!

Разговор с малярами быстро заканчивается, высокий мужчина подходит к ним, с любезной улыбкой пожимает руку сначала Карен, потом Карлу.

— Магнус Хеллевик, — представляется он. — Если я правильно понял жену, вы здесь по поводу кошмара, случившегося с Сюзанной.

— Совершенно верно, нам необходимо поговорить с как можно большим числом людей, знавших ее, — говорит Карен.

— Не уверен, что от разговора со мной будет польза, но я к вашим

услугам и в таком случае прошу начать с меня. Мне нужно в Равенбю, по неотложному делу, вообще-то я давно должен был уехать, но, как видите, у нас тут возникли проблемы.

Жестом показывая на краску и стремянки, Магнус Хеллевик смотрит то на Карла, то на Карен, будто прикидывает, кто из них старше по званию, хотя они только что представились.

— Вы хорошо знали Сюзанну? — спрашивает Карен.

— Да нет. Мы, конечно, общались, когда они с Юнасом были женаты, но потом уже нет. А разошлись они много лет назад.

Карен кивает.

— Тогда не смеем вас задерживать, — улыбается она. — По крайней мере сегодня. Сегодня мы хотим поговорить прежде всего с Венке, но приедем снова, если понадобится задать несколько вопросов и вам тоже.

Магнус Хеллевик облегченно вздыхает и уходит, улыбнувшись им и чмокнув жену в щеку.

— Тогда мы, пожалуй... — Венке кивает направо, в сторону раздвижных дверей, направляется туда и раздвигает двери, которые тихонько шуршат. — Располагайтесь, я сейчас вернусь. Так чай или кофе?

Через несколько минут Венке вернулась с подносом, принесла три чайные чашки, термос и блюдо с лимонными маффинами. Она садится на диван цвета слоновой кости и обращается к гостям, которые устроились в креслах, обитых цветастым ситцем:

— Угощайтесь, пожалуйста, а потом скажете, чем я могу помочь. Молока?

Не похожа на брата, думает Карен. Пожалуй, тот же нос и телосложение, но в остальном они, слава богу, разные. Во всяком случае, пока что в лице сестры Юнаса нет и тени ожесточенности или заносчивости. Она перехватывает взгляд Карла и кивает: дескать, начинай ты.

— Можете немного рассказать о том, как вы с Сюзанной познакомились? Насколько я понял, вы учились в одном классе.

— Да, верно, но уже в гимназии, конечно. Ведь Сюзанна жила в Лангевике и посещала тамошнюю среднюю школу, а гимназия стала для нее желанной возможностью уехать из дома.

— Вот как, — вставляет Карен. — Значит, она не моталась каждый день в Дункер и обратно, как другие?

На миг она переносится на тридцать лет назад, в разболтанный желтый автобус “лейланд”, на котором ездила день за днем три года кряду.

Ей вспоминается вечная дурнота: не то от зубрежки уроков в автобусе, не то от выкуренных на остановке сигарет.

— Нет, не моталась, собственно, так мы и подружились, — продолжает Венке. — Папа владел доходным домом на Ньюгате, и я поселилась там в маленькой двушке, при условии, что платить за квартиру буду сама. В таких вещах он был педант. — Венке отпивает глоточек чаю, медленно отставляет чашку. — Я, конечно, получала пособие на учебу и подрабатывала по выходным, но долго этак не протянешь, ведь хочется и повеселиться, и наряды купить, поэтому через месяц-другой я повесила объявление, что ищу соседку. Сюзанна, наверно, первая прочитала его и, думаю, сразу сорвала. Во всяком случае, она в тот же день связалась со мной и... уже через несколько дней переехала.

— И вы подружились. Близко?

Карл тянется за маффином, и Карен видит, что первоначально желчная мина на его лице успела смягчиться. Должно быть, он одобряет, что папаша не оплачивал ей жилье и она послушно подрабатывала, думает она. Кроме того, Венке Хеллевик производит впечатление совершенно нормального, обычного человека, несмотря на бассейн и теннисный корт.

— Близко? Пожалуй. В юности близких друзей заводишь легко. Пока собственная личность еще не сложилась, если вы понимаете, о чем я. Определенный взгляд на все и вся формируется позднее, а у нас, тинейджеров, мир состоял главным образом из парней, нарядов, музыки и несправедливых учителей.

Карен согласно кивает. Именно об этом, вспоминается ей, шли разговоры в разболтанном автобусе.

— Вдобавок молодые люди жуткие конформисты, хотя и считают себя немислимыми радикалами. Большинство просто хочет любой ценой приспособиться, походить на приятелей. Но ответу на ваш вопрос: да, мы были настолько близкими подругами, насколько это возможно для двух молоденьких девчонок. Водой не разольешь, так сказать.

— Расскажите немного, какой была Сюзанна. Каким человеком она вам казалась?

Взгляд Венке Хеллевик становится отрешенным, она будто ищет в далеких глубинах памяти. И в конце концов говорит:

— Робкой. Порядочной, готовой помочь, и она всегда очень хотела угодить, прийтись ко двору. Вообще-то она была способная, но не проявляла особого интереса к учебе, скорее стремилась наладить социальные связи.

— Она пользовалась популярностью?

— Сюзанна была очень хорошенькая, так что парней у нее всегда хватало. Но девчонки ее не жаловали, да она и не старалась завести себе других подружек, кроме меня. Почему-то восхищалась именно мной; во многом мне подражала, стриглась, как я, осветляла волосы, как я. Правда, я всегда была натуральной блондинкой, — быстро поправляет себя Венке Хеллевик, — но вы понимаете, что я имею в виду. Она просто обезьянничала, покупала, по возможности, такие же платья, как у меня, и прочее.

— А как вы к этому относились?

Венке Хеллевик легонько пожимает плечами, и в этом движении перед Карен мелькают и Юнас, и Сигрид.

— Порой меня это немножко раздражало, — говорит Венке, — но разве что немножко. Наверняка еще и чуточку льстило. Точнее говоря, у меня было ощущение, что ей очень импонировала моя семья и она немного стыдилась собственного происхождения. Хотела распрощаться со своим прошлым.

— О своей семье она что-нибудь рассказывала?

— На первых порах крайне мало, но со временем у меня сложилось довольно четкое впечатление, что детство у нее было не очень счастливое. Не то чтобы дома с ней плохо обращались, вернее... как бы это сказать... я чувствовала, что она не уважает своих родителей. Они ведь были ужасно странные, а тем, кто выделялся, приходилось в то время нелегко, особенно в городишке вроде Лангевика.

— Вот как? А в каком смысле они были странные? — спрашивает Карл.

Он умудряется выглядеть искренне удивленным, будто знать ничего не знает, хотя Карен по дороге рассказала ему все, что узнала про луторповский коллектив от матери и от мужиков в “Зайце и вороне”. Мысленно она берет на заметку, что не мешает поторопить криминалистов и поскорее выцарапать у них фотоальбом, который они с Карлом нашли в Сюзанниной спальне, он ей нужен.

— По-моему, родители ее были из так называемых хиппи, — неуверенно говорит Венке Хеллевик. — Приехали сюда из Швеции и, если я правильно поняла, на первых порах жили этакой коммуной.

— Она рассказывала о том времени?

— Нет, она же была совсем маленькая и про коммуну наверняка мало что помнила. Ее тяготило совсем другое, и тогда, и позднее.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, например, что ни ее отец, ни мать никогда по-настоящему не

работали, и, как я понимаю, Сюзанну это очень раздражало. Другие ребята в городке в основном были детьми рыбаков, лоцманов и представителей иных почтенных профессий, а Сюзаннин отец знай малевал в саду картины.

Вполне совпадает с рассказом Йаапа Клуса и остальных, думает Карен. Если самым горячим желанием Сюзанны было приспособиться, вряд ли ей легко жилось в семействе Линдгрэн.

— Мама у нее умерла очень рано, — продолжает Венке, — и, наверно, нехорошо так говорить, но я знаю, Сюзанна ее стыдилась.

— Стыдилась? Почему?

В голосе Карла явно звучит нетерпеливое ожидание, потому что отвечает Венке Хеллевик сухо и слегка иронично:

— К сожалению, ничего сенсационно-скандального сообщить не могу. Просто мать Сюзанны была из тех, что привлекают к себе взгляды и плюют на условности; она и одевалась не так, как другие мамы, и занималась йогой, целительством и прочим. А Сюзанне наверняка хотелось, чтобы мама у нее была как у всех. А не притча во языцах. Но это, собственно, все, что мне известно, — добавляет она.

Улыбка дружелюбно-сожалеющая, но категоричность тона ясно показывает, что Венке Хеллевик больше нечего рассказать о детстве Сюзанны. Карен решает сменить тему:

— Как я понимаю, ее семья жила продажей земли. Ведь в наследство от одного из родственников Сюзанниной матери им досталась весьма значительная земельная собственность.

— Да, знаю, но Сюзанна тогда понятия об этом не имела, я уверена. Наверно, думала, что они живут на деньги, которые скопил старик Гроо. Но в банке у него ни гроша не было, как я поняла позднее, он все средства вкладывал в землю. — Венке делает паузу и отпивает глоток чаю. — Она, конечно, знала о своих островных корнях, знала и о том, что ее мать получила в наследство от своего деда много земли. Но что наследство распродалось, гектар за гектаром, и семья жила на эти деньги, она очень долго не догадывалась. Думаю, полное представление у нее сложилось только после смерти отца. Сама я, во всяком случае, много лет ничего не подозревала, узнала только, когда брат упомянул об этом в связи с разводом.

— Значит, Юнас узнал обо всем раньше Сюзанны?..

Венке Хеллевик как будто бы смутилась:

— Пожалуй, да. Ведь большую часть линдгреновской земли скупил наш отец. Стыдно сказать, но, думаю, по слишком низкой цене. Сюзаннин

отец в делах разбирался плохо и наверняка считал, что на родственника дочери можно положиться. А когда папа умер, всю землю унаследовал Юнас.

— Юнас, говорите. А вы?

— Да, Юнас. Отец разделил наследство так, что Юнасу отошла большая часть земельных владений, а мне — предприятия. Юнас полицейский, он не имел ни времени, ни интереса заниматься предприятиями, в отличие от нас с Магнусом.

Карин обдумывает услышанное от Венке. Выходит, старый Аксель Смеед продолжал покупать землю у родителей своей невестки и когда Сюзанна с Юнасом состояли в браке. Систематически скупал то, что могла бы унаследовать Сюзанна, скупал, чтобы передать своему сыну. Неужели Юнас, вопреки утверждению Венке, изначально знал об этом? Или Аксель действовал и за спиной родного сына?

Словно читая мысли Карен, Венке перехватывает ее взгляд.

— Папа был человек жесткий. Терпеть не мог, как он выражался, “бродяг, фризов и прочих бездельников” и был уверен, что мы, дети, разделяем его взгляды и пойдем по его стопам. Взбунтовался Юнас, а не я. Для папы стало тяжелым ударом, когда единственный сын пошел в полицейское училище, не пожелал управлять тем, что он создал. А когда Юнас потом женился на Сюзанне, с ее-то странным пришлым семейством, он, по-моему, оставил все надежды на сына. Перенес надежды на следующее поколение. У нас с Магнусом детей нет, единственной его внучкой была Сигрид.

— Значит, по сути, он думал не о сыне, а о внучке, — задумчиво произносит Карен.

— Мне кажется, он понимал, что, как бы там ни было, будет надежнее, если при возможном разводе земля останется в руках Юнаса, а не Сюзанны. Она авантюристка, говорил он, к тому же дочь шведских бездельников, которые не знали цены деньгам. По-моему, он рассчитывал, что они разведутся, и приготовился. И ведь оказался прав.

И у них был брачный контракт, думает Карен; Аксель Смеед и тут подстраховался. Ведь, по словам Юнаса, он согласился помочь сыну и беременной невестке с жильем, только если они подпишут брачный контракт. Все это вполне соответствует репутации Акселя Смееда: жесткий, готовый ради хорошей сделки идти по трупам. Без малейших колебаний он даже орудовал за спиной у невестки, скупил за бесценок ее будущее наследство и на время передал не оправдавшему надежд сыну, чтобы в итоге все оказалось там, где он хотел. У Сигрид, его единственной внучки и

кровной наследницы.

Перед глазами мелькает картина: Сигрид, с кольцом в носу, сидящая на диване, скрестив татуированные руки, встопорщив колючки, как еж. Едва ли олицетворение наследницы всего смеедовского состояния. Едва ли та внучка, какую желал себе Аксель Смеед, думает она. И едва ли та дочь, на какую возлагали надежды Юнас и Сюзанна, когда посылали ее в школу верховой езды и на уроки танцев. Интересно, каково чувствовать себя таким вот разочарованием?

— Вы видите с Сигрид? — спрашивает Карен.

— Я давно ее не видела. Она почти полностью порвала с родителями, как только уехала из дома. Можно сказать, порвала со всем своим окружением.

— Как же так вышло?

Секунду-другую Венке Хеллевик медлит.

— С моим братом не всегда легко. Он бывает жестким и непримиримым, и с Сюзанной был именно таким. Она же в свою очередь была ожесточенной и сварливой. Они постоянно конфликтовали и ссорились, а Сигрид использовали как курьера и давили на нее, тянули каждый на свою сторону. В конце концов у нее не осталось другого выхода, кроме как отмежеваться от обоих и сбежать.

Точно так же поступила и Сюзанна, думает Карен. При первой возможности обе покинули родительский дом. По крайней мере в этом они похожи.

— Давайте вернемся к вашим отношениям с Сюзанной, — вставляет Карл. — После гимназии ваша дружба продолжилась?

— И да, и нет, — отвечает Венке Хеллевик с некоторым облегчением в голосе, будто она рада сменить тему. — Мы не то чтобы рассорились, но я уехала учиться в Штаты, и мы просто потеряли контакт. Виделись, конечно, когда я приезжала домой на каникулы, но постепенно стало ясно, что наши дороги разошлись.

— Каким же образом?

— Для меня не подлежало сомнению, что надо учиться дальше, а Сюзанна сразу после гимназии пошла работать. Бездумно хваталась за все, что под руку подворачивалось, не ставила перед собой никакой конкретной цели, можно сказать. Несколько раз даже фотомodelью работала, она ведь была очень красивая и к тому же высокая.

— Вот как? — удивляется Карен. — Фотомodelью?

— Ну, серьезных предложений она не получала, снялась, по-моему, для нескольких репортажей о моде и для рекламы. Увы, заработки

случайные, но она заиклилась на этой карьере, потому-то, наверно, так и не приобрела никакой профессии. А возможностей работать моделью было крайне мало, пришлось браться за все, чтобы сводить концы с концами.

— А когда вы насовсем вернулись домой, вы опять стали встречаться? — спрашивает Карл.

— Временами, особенно когда и у меня, и у нее не было бойфренда. Год-другой, когда обеим было около двадцати пяти, мы частенько кутили, ходили по клубам и на вечеринки. Развлекались по полной, но, честно говоря, мне всегда казалось, что ей куда больше, чем мне, нравится быть на виду. Потом я познакомилась с Магнусом, и мне стало не до встреч с Сюзанной и другими приятелями, я ведь была влюблена. Она, помню, здорово сердилась.

— В чем это выразалось?

Взгляд Венке опять становится отрешенным, она вновь возвращается в глубь времен.

— Как раз тогда мое представление о Сюзанне стало всерьез меняться, — задумчиво произносит она. — Каждый раз, когда мы встречались, она вынуждала меня испытывать неловкость, едва ли не чувство вины, постоянно твердила, что у меня есть все, а у нее ничего. Со злостью упрекала, что я, мол, зазналась, пренебрегаю ею. Вдобавок моделью ее почти совсем не приглашали, и она чувствовала, что для нее все кончено, а я вот иду дальше.

— Вы перестали встречаться?

— Нет, меня грызла совесть, что я все свое время отдавала Магнусу, и я старалась приглашать Сюзанну на вечеринки или куда-нибудь в кафе, на бокальчик вина. Наверно, хотела показать ей, что она ошибается, что я отнюдь не зазналась. Через год Магнус сделал мне предложение, и мы, разумеется, пригласили ее на свадьбу. Юнас, вероятно, рассказывал, что познакомился с Сюзанной у нас на свадьбе?

— Да, — кивает Карен, — рассказывал. И уже через несколько месяцев она случайно забеременела.

У Венке вырывается ехидный смешок, который плохо вяжется с ее дружелюбным и сдержанным тоном. Секундой позже она встает, разглаживает несуществующие складки на юбке.

— Случайно? — сухо роняет она. — Я вот не уверена.

Она идет к серванту, заставленному бутылками и хрустальными графинами. Вскинув брови, оборачивается к Карен и Карлу, оба качают головой.

— Ну что ж, а мне самое время принять глоточек для бодрости.

Она берет одну из бутылок и, плеснув немного в стакан, отпивает глоток, потом возвращается на белый диван. Садится, уже с прежней любезной улыбкой. Отпивает еще глоточек, ставит стакан на журнальный столик.

— Значит, по-вашему, Сюзанна так быстро забеременела неслучайно? — спрашивает Карен.

— Да никто в это не верил. Простите, что я разволновалась, но фактически это выглядело... как вторжение, она словно бы сознательно втерлась в мою семью.

— Значит, вы не думаете, что они с Юнасом искренне полюбили друг друга?

Венке Хеллевик снова чуть пожимает плечами и вздыхает:

— Юнаса, конечно, тянуло к ней, но вряд ли он думал о женитьбе, его вынудила ситуация. А что касается Сюзанны, я готова согласиться с отцом: в первую очередь ее привлекали деньги и положение семейства Смеед. Возможно, она действительно была влюблена в Юнаса, но душевной близости между ними не было никогда. Ни искры глубокого чувства, ни спонтанных поцелуев, ни влюбленных взглядов. И все же она странным образом казалась довольной. Не упускала случая упомянуть, что мы с ней породнимся.

— А после их женитьбы. Как бы вы охарактеризовали их брак?

— Думаю, первые два года прошли относительно мирно, в особенности благодаря малютке Сигрид, которую оба, разумеется, любили. Но когда Юнас бросил юриспруденцию и вернулся в полицию, начался сущий ад. Папа рассвирепел, Сюзанна билась в истерике, Юнас уперся и никого не слушал. Это действовало на всех нас, чуть не рассорило семью. Все безвозвратно изменилось. Конечно, мы виделись по большим праздникам и дням рождения, но вообще Юнас и Сюзанна жили в изоляции от остальной семьи. Папа лишил их поддержки, и они были вынуждены съехать из шикарной квартиры на Фрейгате. Однажды я навестила их трешку в Одинсвалле и застала совершенно другую Сюзанну.

— Другую? — переспросила Карен.

— Обозленную, разочарованную. В ней это и раньше замечалось, но теперь словно бы полностью завладело ею и отняло всякую надежду, такой я никогда Сюзанну не видела. Мне прямо жалко ее стало. Юнас, честно говоря, вел себя как сущий мерзавец. Я понимаю, он хотел идти своим путем, не плясать под папину дудку, но ведь он ни с кем не считался, ни с кем не советовался, даже с женой. По иронии, стало ясно, что они с папой два сапога пара, абсолютно беззастенчивые, готовые идти по трупам, лишь

бы настоять на своем.

Когда полчаса спустя Карл и Карен опять сидят в машине, оба погружены в свои мысли. В конце концов Карл нарушает молчание:

— Тебе не кажется... В смысле, насколько мы можем быть уверены, что, когда убили Сюзанну, шеф действительно спал дома на диване?

— Не вполне.

— Что ты имеешь в виду?

Карен набирает побольше воздуха, медленно выдыхает.

— Ладно, только пусть это останется между нами. После Устричного фестиваля Юнас ночевал во “Взморье”.

Карл так резко поворачивает голову, что машину слегка заносит.

— Какого черта, Эйкен, почему ты сразу-то не сказала? Ты же сообщила группе, что он пошел домой.

— Я прекрасно помню, что говорила, и ты прав. Он пошел домой, но только утром.

— Ты нам соврала.

— Я сказала не всю правду, но напрямую не врала.

— Вон как, не напрямую. Мило с твоей стороны... в самом деле.

Голос коллеги полон сарказма; Карен быстро смотрит на него. Карл не отрывает взгляда от дороги, но стиснутые челюсти выдают, что он злится.

— Послушай, Карл. Я не хотела при всех рассказывать, что шеф провел ночь в гостинице, с женщиной. Но я проверила, когда именно он ушел из “Взморья”. У него было максимум сорок пять минут, чтобы дойти до ратуши, забрать с парковки машину, доехать до Лангевика и убить Сюзанну. Насколько это правдоподобно, как думаешь?

— Не особенно.

Оба молчат, меж тем как автомобиль одолевает еще несколько километров. И снова молчание нарушает Карл:

— Однако возможно.

Карен стоит у окна, смотрит на парковку через дорогу. Раскидистые кроны деревьев Голландского парка качаются на ветру, и все больше желтых листьев слетает на упавшие наземь каштаны. Уже почти семь, стемнело, но в свете уличных фонарей видно, что тротуар мокрый от дождя.

— Быть не может, — бормочет Карен, наклонясь ближе к окну.

В тот же миг на стекло падает маленькая белая снежинка, быстро тает и стекает вниз. Нет, это не обман зрения, дождь со снегом. В начале октября. Как минимум на месяц раньше обычного, даже по доггерландским меркам.

Чуть правее на парковке виднеется ее “рейнджер”, и она думает, что пора ставить машину в гараж под управлением. Садиться в выстуженный автомобиль очень скоро станет неприятнее, чем спускаться в унылый гараж с мигающими лампами дневного света. Да и парковка там для сотрудников бесплатная.

Поздновато уже, думает она, надо ехать домой, пока погода совсем не испортилась.

Но так и стоит у окна. Скользящая дорога привлекает ее так же мало, как и темный безмолвный дом. Лучше бы посидеть в ближайшем баре, в тепле, среди незнакомых людей, слушать гул голосов, хмелеть. Остаться в городе, завтра пораньше прийти на работу. Или, что более правдоподобно, проспать лишний часок.

Вообще-то ехать домой необязательно, думает она. Кухонное окошко приоткрыто, сухого корма и воды хватит, одну ночь кот прекрасно обойдется без нее. В тот же миг она думает, что в такую погоду оставлять окно открытым не стоит и, по правде говоря, надо поехать домой и установить эту окаянную кошачью дверку. Подавив укол нечистой совести, она достает мобильник. Вызывает один из тех номеров, с которыми общается чаще всего.

В ответившем голосе звучит неподдельная радость:

— Привет, солнышко! Стало быть, ты жива?

— Такое ощущение, что почти нет. Ты в городе?

— Увы. Сижу в машине, подъезжаю к дому. А ты где?

— Пока на работе, но как раз собираюсь заканчивать и надеялась на компанию.

— Могла бы объявиться чуть пораньше, — говорит Марике. — Я не в силах возвращаться в город в такую погоду. По радио сулят ледяной дождь. В октябре, с ума сойти!

— Тогда мне тем более неохота ехать домой. Можно я заночую в мастерской?

— Конечно, ключи у тебя есть. Там тепло и уютно; печи работали со вчерашнего дня, я отключила их перед самым отъездом. Что будет в субботу?

Секунду-другую Карен роется в памяти, наконец вспоминает. В минуту слабости она пригласила к себе кое-кого из друзей, чтобы отметить последний свой день рождения по эту сторону пятидесятилетия.

— Черт, напрочь забыла.

— Забыла?

— Думала совершенно о другом. Ты ведь читала газеты?

— Только культурные страницы, ты же знаешь. Но если честно, то даже я знаю, что в Лангевике убили какую-то бедняжку. Ты над этим работаешь?

— Не просто работаю, руковожу расследованием.

Марике присвистнула.

— Класс. Тогда в субботу мы услышим кучу интересных подробностей.

Карен чуть медлит с ответом:

— По правде говоря, не знаю, успею ли подготовиться. Да и праздновать в общем-то нечего. Зато на будущий год...

— Тогда смотри на это как на поминки. Ты обещала угостить мидиями.

— Выпивши была. Обещанное на Устричный не в счет.

— Кстати, Коре сказал, ты кого-то подцепила, когда я ушла домой. Кто это был?

— Никто. Ничего не вышло.

Очень уж быстро и резко, чтобы звучать убедительно.

— Вон как.

— Во всяком случае, сейчас я не в силах говорить об этом.

— Значит, обычный мерзавец. Ты никогда не думала переспать с человеком, который тебе действительно нравится?

Карен не успевает ответить, потому что Марике продолжает:

— Ну, мне пора сворачивать, так что я закругляюсь. Поговорим в другой раз. Но если ты правда передумала насчет субботы, обязательно позвони Эйрику и Коре; они ждут этого дня, я знаю.

Карен быстро прикидывает: мидии можно сварить с закрытыми

глазами, вино она успеет купить после работы. Если не случится ничего из ряда вон выходящего, можно и отпраздновать. К тому же ей не мешает развлекаться в компании.

— Нет, ты права, конечно же приезжайте. Только вот прибраться я не успею, а тебе придется захватить из города вкусного хлеба, в Лангевике больше нет приличной пекарни. А если меня вдруг вызовут на работу, вы и без меня справитесь.

Сорок девять, думает она, закончив разговор. Надо же, когда успела?

Двадцать минут спустя Карен протолкалась через шумную барную часть ресторана “Обитель”, села за двухместный столик. Бросив быстрый взгляд на грифельную доску, подзывает официанта и заказывает треску с топленным маслом и хреном.

— И полубутылку вашего фирменного красного, — добавляет она.

Окидывает взглядом зал. Над сплошной стеной спин в баре тянутся вверх руки — люди пытаются привлечь внимание бармена, чтобы сделать последний заказ по цене “веселого часа”. Ресторан же и наполовину не заполнен, и она рассматривает других посетителей и изучает обстановку.

“Обитель” расположена в двух шагах от городского театра, и кое-кто из посетителей, пожалуй, туда-то и собирается — возможно, вон та средних лет пара, которой подали десерт, и определенно эти четыре нарядные женщины лет шестидесяти пяти, которые, весело смеясь, заказывают еще бутылку белого и просят счет. А может, и вот эта пара лет тридцати, сидящая ближе всего к Карен, хотя и не обязательно. Женщина с жаром что-то рассказывает, меж тем как ее спутник старательно жует антрекот и тоскливо поглядывает на бар. Через равные промежутки времени он рассеянно, но привычно хмыкает в знак согласия. Карен охватывает то же ощущение, какое одолевает ее, когда она видит усталого родителя, который с отсутствующей улыбкой укачивает ребенка и словно бы думает: скоро ли он устанет? Или собачника, который на вечерней прогулке терпеливо ждет, когда пес кончит обнюхивать кусты и сделает свои делишки.

Женщина вправду не замечает безразличия спутника, или для нее это не имеет значения? Она довольна, что ее выгуливают, как собачку?

Свежесваренная картошка исходит паром, когда официант ставит на стол тарелку и медный соусник с растопленным маслом. Треска поистине хороша — поблескивающая, в меру соленая, при первом же прикосновении покорно рассыпается на пластинки. Карен чувствует под веками легкое жжение от хрена, ест рыбу и улыбается сама себе. Отвращение к одиноким походам в ресторан с годами сгладилось, и она не обращает внимания ни на любопытные, ни на сочувственные взгляды все более оживленных посетителей. Когда женщина за ближним столиком шлет ей слегка соболезнующую улыбку, Карен приподнимает бокал и улыбается в ответ, да так весело, что женщина сразу опускает глаза и что-то шепчет мужу. Тот

быстро поворачивает голову, меряет Карен взглядом, осматривает сверху донизу, потом со скучающим видом опять принимается жевать. Ну вот, сидим тут, две женщины, и жалеем друг дружку, думает Карен.

Потом ее мысли переключаются на Карла. Он разозлился, когда понял, что она была не вполне искренна насчет того, что делал Юнас ночью перед убийством, и, хотя злость улеглась, между ними все же закралась легкая отчужденность. Тон учтивой корректности сохранялся весь день, как небольшое наказание. А на вечернем совещании он был тревожно молчалив.

На работе Карл Бьёркен — ее ближайшее доверенное лицо. К нему она обращается, когда хочет что-нибудь обсудить, обменяться идеями или выпить пива после трудового дня. Он, правда, никогда открыто не протестовал против “свойской” мужицкой атмосферы, которая уже не один год царила в отделе, но сам подобный тон не поддерживал. Если я потеряю его доверие, думает Карен, работа вообще станет кошмаром.

Одолев половину трески, она вдруг цепенеет. В баре промелькнул знакомый профиль, и на миг она в панике отворачивается и размышляет, как бы скрыться. В следующую секунду он тоже обернулся и заметил ее. А теперь Йон Бергман решительно приближается, с широкой улыбкой. В обычных обстоятельствах она была бы рада видеть его, но сейчас необходимо, чтобы он убрался подальше.

— Здравствуй, Карен. Ты одна, можно присесть?

— Нет, — твердо отвечает она.

Он уже взялся было за спинку свободного стула, чтобы выдвинуть его. Но с недоверчивым видом замирает. Карен кладет прибор на тарелку, откидывается назад.

— Ты знаешь, я не могу с тобой разговаривать, пока идет расследование.

— Ладно. Но хоть что-нибудь можешь сказать? Смеед по-прежнему в числе подозреваемых?

— А кто сказал, что он под подозрением?

— Н-да, ведь когда убита женщина, в первую очередь подозрение падает либо на нынешнего, либо на бывшего мужа. Понятно, пока не найден настоящий убийца. Но вы, наверно...

Карен глубоко вздыхает.

— Йон, дорогой, зря стараешься, ничего ты из меня не вытянешь. Можно мне спокойно поужинать?

— Значит, есть что вытягивать? Я правильно понял?

— Я хочу доесть свою треску, пока она не остыла, и доесть в одиночестве, вот так и понимай.

Йон Бергман игнорирует ее кивок в сторону тарелки, отпивает глоток пива, ставит стакан на стол.

— Надо же, раньше ты была такая открытая, откровенно говорила, что думаешь.

— Пожалуй, слишком откровенно.

Она тотчас жалеет об этих словах, зная, что Йон Бергман в долгу не останется.

— Понятно, тебе заткнули рот, поручили руководить расследованием, но запретили высказываться. Вот почему “пресс-конференцию” проводил этот дуболом Хёуген.

Йон Бергман пальцем рисует в воздухе кавычки, а Карен думает, как ей не нравится этот жест. Потом она думает, что остатки трески явно успели остыть. Делает официанту знак принести счет.

Конечно, Йон Бергман — телерепортер, а не пишущий журналист, она не рискует прочитать в утренней газете переиначенные цитаты, однако аппетит пропал. Вдобавок она знает, через минуту-другую он обязательно припомнит то, что случилось четыре с лишним года назад. Короткий, но бурный летний роман, несколько недель, когда они почти не вылезали из постели, потом еще несколько месяцев, когда встречались время от времени, а потом все кончилось. Приятный пустячок, она редко о нем вспоминает, потому что они с Йоном возвращаются в разных кругах и теперь сталкиваются редко. Но хотя все это дела давно минувших дней, доверие к ней будет подорвано, если в коридорах полиции станет известно об их коротком романе. И без того слишком многое просачивается в СМИ, и вечно идут споры о том, кто же все-таки распускает язык.

Так что сидеть и пить вино с Йоном Бергманом в разгар расследования ни в коем случае нельзя. Скажешь еще слово — и он уже не отцепится, думает она. Нагибается к сумке на полу, достает бумажник.

— Раз ты не уходишь, уйду я, — говорит она и, чтобы подсластить пилюлю, добавляет: — Мне пора, спешу.

— Да ладно тебе, расслабься. Хоть чем-нибудь можешь поделиться, памятью о том, что было...

Не отвечая, она подает официанту банковскую карточку. Тот набирает на считывателе несколько цифр, ставит его на стол перед Карен, бросает взгляд на тарелку.

— Не понравилось? — Он смотрит на недоеденную треску и лужицу застывающего масла.

— Что вы, очень вкусно, просто я спешу.

Карен встает, быстро улыбается официанту. Йон Бергман отступает назад, смотрит, как она надевает пальто.

— Я не хотел портить тебе ужин. Может, выпьешь со мной в баре? Или где-нибудь в другом месте?

— Увы, времени нет.

Карен направляется к выходу, он идет следом и, когда она открывает дверь, громко восклицает:

— У тебя есть мой телефон. Звони!

Она с улыбкой оборачивается:

— О'кей, Йон, обещаю. Если когда-нибудь снова потеряю рассудок, непременно позвоню. Но после расследования.

Едва Карен переступает порог, ее охватывает тепло еще не остывших обжигательных печей. Выйдя из ресторана, она секунду-другую помедлила, прикидывая, не поехать ли все же в Лангевик, раз уж вечер так неожиданно закончился, но сообразила, что успела выпить почти все заказанное красное вино. Нечистая совесть — ведь утром в воскресенье она ехала домой в похмелье и, наверно, со слишком высоким содержанием алкоголя в крови — по-прежнему черной тучей висит над головой. Народ на островах, правда, ездит в изрядном подпитии; закон мягок, а штрафы — коль скоро не случается аварий — невысоки, проверки на дорогах бывают редко. Но Карен Эйкен Хорнби дала себе зарок: максимум один бокал. Ключи от дункерской мастерской Марики в Старом порту — часть клятвы.

Она бросает пальто и сумку на лавку в магазине и проходит в большое прямоугольное помещение в задней части дома, где бесценная глина превращается в искусство. Особенная сине-зеленая глина, ради которой Марики переехала из Копенгагена на Хеймё и купила участок в глубине острова. Кусок болотистой земли, где ничего не вырастишь, не построишь, его даже красивым не назовешь, но прямо под поверхностным слоем в нем скрыты тонны того, что в ее глазах — чистое золото.

Благодаря этому они и познакомились. Участок продавал кузен Карен, Турбьёрн, и однажды субботним утром без малого семь лет назад она как раз была у него в гостях, когда на крыльце неожиданно появилась высокая женщина с очень решительным взглядом.

У женщины была с собой карта местности, где красной тушью был помечен участок, который, как она объяснила на малопонятном датском, ей необходимо купить за любую цену. Так и сказала, *for enhver pris*, и, как только Турбьёрн смекнул, что означает это датское выражение, глаза у него аж загорелись.

Переговоры оказались сущей комедией. Оправившись от первоначального изумления, что кто-то вправду заинтересовался бесплодным юго-западным углом его владений, Турбьёрн смекнул: есть шанс набить кошелек. Вдобавок скоро выяснилось, что датчанка понятия не имеет ни о доггерландских ценах на землю, ни о возможностях постройки дома, который она тоже планировала. В довершение всего языковая путаница, в первую очередь из-за непостижимой датской системы числительных и доггерландской валютной системы, столь же

непостижимой для посторонних, привела к тому, что, несмотря на свое скандинавское родство, они в конце концов капитулировали и перешли на английский.

Поначалу Карен забавлялась, слушая, как ловко кузен вымогает деньги, но в конце концов не выдержала. Не обращая внимания на злобные взгляды Турбьёрна, она подчеркнула невысокую стоимость глинистого участка и объяснила, что для строительства дома он совершенно не годится. И добавила, что вполне логично включить в продажу и небольшой примыкающий участок возле реки Портландсо, который по давней традиции считался одним целым с первым участком; вот там датчанка может построить дом, к тому же и вид там красивый, по крайней мере с одной стороны.

Эта подсказка стоила ей полугода ледяных отношений с кузеном, зато привела к прочной дружбе с Мари́ке Э́strup.

Сейчас она приподнимает лоскут пластика, укрывающий одно из больших корыт в мастерской, отщипывает кусочек глины, упругий, мягкий, и вертит его между пальцами, рассматривая готовые обожженные скульптуры, выставленные в ряд вдоль длинной стены с окнами. Она видела весь утомительный процесс, от начала и до конца, видела, как Мари́ке, в высоких, до бедер, болотных сапогах, копает на участке за домом глину, как тщательно промывает ее в нескольких водах, терпеливо сушит, потом сильными руками разминает и наконец отвозит в свою дункерскую мастерскую. А там начинается превращение. Карен завораживает сила и целеустремленность творчества; формы, возникающие словно из ничего, краски, меняющиеся от тысячеградусного жара. Сгорая от напряжения, она ждала, когда откроются печные дверцы, следила за тревожным взглядом Мари́ке, придирчиво оценивающим результат трудов.

И все равно трудно понять, что скульптуры, выставленные у престижных галеристов по всему миру, ведут начало от такого же липкого комка, какой сейчас у нее в руке.

В следующий миг ее снова настигает реальность, и она думает, что расследование убийства Сюзанны Смед — ее собственный липкий комок, который, может статься, никогда не обретет форму. Встреча с Венке Хеллевик, пожалуй, уточнила портрет Сюзанны Смед; детство в Лангевике едва ли было легким для девочки из семьи, которая выделялась, точно павлины в стае серых индюшек. Вероятно, этим — по меньшей мере отчасти — объясняются неустанные попытки Сюзанны приспособиться, стать своей, втереться в семью, столь отличную от ее собственной. Отсюда и злость, когда все рухнуло. Злость на развод, на то, как ее буквально

вытолкали, принудили снова вернуться в Лангевик и в довершение всего уже там выяснить, что земля, изначально предназначенная в наследство ей, продана и принадлежала теперь человеку, которого она ненавидела. Юнасу Смееду. Кто бы удивился, если бы Сюзанна разбила ему голову кочергой, думает Карен. Но наоборот? Нет, у Юнаса не было ни малейшего мотива. Однако теоретически была возможность. Досадная математическая возможность говорила, что по времени он мог это сделать. Если не он, то кто?

Отчет Корнелиса Лоотса и Астрид Нильсен на вечернем совещании был образцово четким и вполне подробным. Они побеседовали как с ближайшими коллегами Сюзанны, так и с вспомогательным персоналом и уборщиками, а кроме того, еще раз поговорили с начальницей “Сульгордена”, Гуниллой Му-эн. Примерно половина опрошенных вообще ничего о Сюзанне Смеед сказать не могла, знала ее только по имени да в лицо, но общалась с ней очень мало. Вторая половина в один голос твердила, что Сюзанна, отвечавшая за обработку накладных, заработную плату и заявления об отпуске, выполняла свои обязанности тщательно и организованно, однако страдала полным отсутствием гибкости и желания пойти навстречу, даже при очень серьезных обстоятельствах не выказывала готовности хоть немного помочь кому-либо выбраться из тяжелого положения. Заявление об отпуске, попавшее на стол Сюзанны с опозданием на минуту, она не подписывала, пусть даже претендентов на временную работу было хоть отбавляй. Аванс в счет заработной платы всегда отклонялся, независимо от причин. Вдобавок у нее была неприятная привычка во все вмешиваться, выискивать у других недостатки и постоянно подвергать сомнению данные о сверхурочной работе или потребность в новой рабочей одежде. Короче говоря, как выразилась одна из уборщиц, Сюзанну Смеед считали сущей гнидой.

Мало-мальски полезных деталей частной жизни Сюзанны никто не сообщил. Непонятно почему, по словам Нильсен и Лоотса. Либо ничего интересного они рассказать не могли, либо никого в “Сульгордене” не интересовало, как Сюзанна проводит свободное время. Большинство знало, что она в разводе и живет в Лангевике, старшим коллегам было также известно, с кем она в разводе и что у нее есть дочь. Некоторые знали, что в отпуск Сюзанна обычно ездила за границу, но с годами все реже; много времени минуло с тех пор, как она возвращалась на работу со средиземноморским или тайландским загаром.

“Думаю, ей не хватало денег на поездки, что не удивительно, учитывая

здешние заработки”, — заметила Гунилла Муэн.

Выяснились и еще кое-какие факты. Примерно год назад Сюзанна подавала заявление, но не получила место заместителя заведующей, хотя несколько раз замещала Гуниллу Муэн, когда та была в отпуске или отсутствовала по другим причинам. По словам Гуниллы Муэн, отказали ей как раз из-за сложностей в отношениях с персоналом и из-за нехватки гибкости, которую засвидетельствовали многие сотрудники. После этого Сюзанна Смеед окончательно обособилась, обедала всегда в одиночестве, не участвовала ни в каких общих мероприятиях, если они не имели непосредственного отношения к работе, приходила ровно в восемь и уходила ровно в пять. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Но минувшей весной, когда руководство запретило пользоваться рабочим мобильником в личных целях, Сюзанна забыла привычную сдержанность и неожиданно рассвирепела. Согласно показаниям четырех свидетелей, она кричала Гунилле Муэн, что “у нее вообще-то найдется, что рассказать об этой лавочке” и что им “не мешает остерегаться”. Что она имела в виду, ни Гунилла Муэн, ни другие якобы понятия не имели. Саму же вспышку ярости одни относили за счет вероятных проблем с алкоголем, тогда как другие уверяли, что она просто-напросто “обыкновенная ведьма-климактеричка”.

Никаких действий со стороны Сюзанны не последовало, и она никогда не упоминала о случившемся, но этот тягостный инцидент еще усилил напряженность в отношениях с коллегами. В конце концов кто-то доложил “наверх” о сложившейся ситуации как о проблеме климата на рабочем месте, и Сюзанну вызвали на ковер к начальнику головного отдела кадров компании “Эйра” для беседы о возможном переводе в один из восьми других ее центров. Сюзанна отказалась и после серьезного нагоняя вернулась в “Сульгорден”.

Последние месяцы Сюзанна так часто отсутствовала на работе, что Гунилле Муэн пришлось вновь связаться с головным отделом кадров, однако пока что никакой реакции не последовало. Как раз в понедельник перед убийством Сюзанна позвонила и сказала, что не придет. Причину она не назвала, просто оставила сообщение на общем автоответчике. И на работе больше не появлялась.

Полицейские айтишники закончили изучение рабочего компьютера Сюзанны, правда, с ничтожным результатом. Когда в “Сульгордене” запретили частные разговоры по рабочим мобильникам, Сюзанна заодно прекратила электронную переписку и интернет-трафик частного характера с рабочего компьютера. А до тех пор речь шла в основном о заказах

одежды и косметики, нескольких обстоятельных жалобах на ветроэлектростанции, обжаловании нескольких штрафов за просрочку платежей, а также о спорадической и зачастую односторонней переписке с дочерью.

За одним исключением: мейл частного характера был получен, но остался без ответа. В конце мая некая Диса Бринкманн прислала мейл по адресу susanne.smeed@solgdrden.dg. Письмо было написано на смеси шведского и датского. Карен пустила распечатку по кругу.

Дорогая Сюзанна!

Ты, наверно, не помнишь меня, мы виделись много лет назад, когда ты была совсем маленькая. Но, возможно, ты слышала обо мне от родителей. Несколько лет мы жили коммуной в Лангевике. У меня есть информация, которая может оказаться для тебя важной, поэтому я бы хотела как можно скорее с тобой связаться.

С сердечным приветом,

Диса Бринкманн

Тел.: +46 40 682 33 26

Мейл был отправлен с адреса dbrmkmann@gmail.com, но ответа не последовало, во всяком случае с электронной почты Сюзанны в “Сульгордене”.

— Может, у нее есть частный электронный адрес, и она ответила с собственного компьютера, если он у нее был, — предположил Карл. — Или позвонила по телефону. Мы проббили номер?

— Он зарегистрирован в Мальмё, — ответила Карен и добавила: — Это на юге Швеции.

— Спасибо, мы знаем, где находится Мальмё.

— Я пробовала позвонить, — продолжила Карен, пропустив мимо ушей замечание Карла, который явно до сих пор таил обиду. — Но трубку никто не берет, и автоответчика нет, сообщение не оставишь. Будем, конечно, звонить дальше, однако, учитывая, насколько необщительна была Сюзанна и насколько не одобряла образ жизни родителей, вероятность, что Диса Бринкманн получила ответ на свою попытку связаться, крайне невелика.

Закончилось совещание в миноре. Слабый, но явственный душок безнадежности впервые закрался в группу, словно вонючая рыбешка, о которой все знают, но упорно делают вид, будто ее нет. Голосом, полным бесосновательной уверенности, Карен попробовала взбодрить людей: ведь,

как бы то ни было, разговор с Дисой Бринкманн может оказаться небесполезным, а кроме того, надо бы обязательно выяснить, вправду ли Сюзанна знала что-то опасное для Гуниллы Муэн, “Сульгордена” или его владельцев. И подчеркнула, что расследование только началось, прошло едва трое суток. Но все знали, что как раз эти первые трое суток должны были привести к подвижкам. Вслух никто ничего не сказал, может, ей просто показалось, что все думают об одном? “Будь здесь Смеед, мы бы продвинулись дальше”.

Карен кладет кусочек глины обратно в корыто, вытирает руки о джинсы. Идет на кухню возле мастерской, открывает холодильник. Марике оправдывает ее надежды. На самой верхней полке, правда, только полголовки сыра, несколько бананов, пакет молока с просроченной датой, несколько катушек с пленкой и банка оливок, зато ниже гордо уложены добавления к оливкам: три бутылки джина и бутылка вермута, который, по мнению Марике, относится к категории товаров первой необходимости. Карен открывает морозилку, достает бокал для мартини.

Забрав с лавки в магазине свою сумку, она возвращается в мастерскую и с полным до краев бокалом садится на диван. Уже после первого глотка жутко хочется закурить, и она с досадой понимает, что на сей раз клятву в самом деле нарушить не удастся — последние сигареты отданы бомжу возле торгового центра “Грено”. Минуту-другую она прикидывает, не выйти ли на улицу, не пройтись ли на Варвсгате, до ближайшего дежурного магазина, но, быстро глянув в окно, отбрасывает эту мысль. Открывает сумку, вынимает большой тяжелый пластиковый пакет и, прислонясь к спинке дивана и подобрав под себя ноги, кладет пакет на колени. Осторожно расстегивает пластиковую молнию и вытаскивает толстый фотоальбом, который они с Карлом нашли в комодке Сюзанны Смеед и который криминалисты наконец-то ей вернули.

Секунду Карен рассматривает альбом, осторожно проводит ладонью по переплету; он удачно имитирует голубую кожу, но потрепанные углы открывают взгляду прессованный картон. Карен открывает альбом, от страниц которого веет знакомым запахом пыли и старого клейстера.

У нее самой дома есть три-четыре фотоальбома разного времени; здесь же как будто бы собраны под одной крышкой все фотографии семейства Линдгрэн, относящиеся к разным десятилетиям. Наверно, перед отъездом из Швеции они захватили с собой наиболее важные снимки. Самые старые — побуревшие студийные фотографии начала минувшего века, вероятно, портреты предков Анны-Марии или Пера. Карен читает шведские имена, вместе с датами аккуратно выведенные под снимками: Августа и Густав, 1901 г., Ёта и Альбин, 1904 г.; на обоих женщины в черных платьях, с тугими пучками стоят за спиной мужей, а те в выходных костюмах оцепенело сидят на стульях. Имена и годы, но никаких более подробных сведений об изображенных людях.

На следующих страницах — экспозиция родни и друзей семейства Линдгрэн на протяжении нескольких десятилетий XX века, и с каждым десятилетием сюжеты все меньше привязаны к торжественным случаям, скорее будничны: мужчина по имени Рудольф в костюме и тяжелых башмаках с гордым видом стоит, прислонясь к “форду-Т”, 1927 г.; смеющаяся грудастая женщина в цветастом платье тридцатых годов и белых туфлях в саду — Анна-Грета, а год 1933-й. На третьей фотографии, сделанной, вероятно, тогда же и там же, молодой человек в студенческой фуражке, Ларс-Эрик, обнимает ту же женщину на крыльце желтого деревянного дома. Мать и сын, думает Карен.

Через год после гимназического выпускного некая Улла выполняет гимнастические упражнения на бревне, а следующая фотография изображает мальчиков Карла-Артура и Эскиля: в 1935 году вместе с несколькими другими детьми, чьи имена не указаны, они прыгают с мостков в воду. На двух групповых фото времен мобилизации — молодые люди в военной форме, с серьезными лицами. Несколько женщин, одетых по моде сороковых, явно мерзнут на зимнем железнодорожном вокзале; одна машет рукой фотографу, а вторая, похоже, раздает суп выстроившимся в очередь мужчинам в военной форме. Подпись гласит: Катринехольм, 1943 г.

Среди предков обнаруживается и малюсенькая фотография на фоне как будто бы знакомого пейзажа; снято, кажется, возле одного из лодочных сараев в Лангевике, на фото чета стариков, они сидят на стульях, чинят сети: Ветле и Альма Гроо, 1947 г.

К своему удивлению, Карен растрогана. Иные фотографии вполне могли бы находиться в ее собственном семейном альбоме, и от внезапного ощущения сопричастности и бессмыслицы брэнности перехватывает горло. Женщины, мужчины, дети с серьезными лицами или радостными улыбками, свидетели разных десятилетий, теперь никого из них, верно, уже нет в живых. Поколение за поколением они боролись за собственное выживание и продолжение рода — а наверно, и за крупицу счастья. Все эти предки, о чьих печалях и радостях теперь можно лишь догадываться по нескольким поблекшим снимкам. Люди, некогда бывшие для кого-то всем, и, тем не менее, через несколько поколений большинство из них уже забыто.

А кого-то из нас забудут еще быстрее, думает Карен, допивая бокал.

Снова ее волной захлестывает желание покурить, и в порыве внезапного озарения она идет на кухню, открывает подвесной шкафчик. Марике до сих пор временами покуривает. И подобно Карен, постоянно нарушает обещания бросить, слишком охотно сдается, если что-то не выходит; последний раз Карен видела, как она дымила на Устричном фестивале, сетуя на неудачную глазуровку.

Карен пробегает взглядом по полкам с чашками, бокалами, тарелками и мисками. Щупает пальцами там, куда не заглянешь, и за громадной чашей из красной глазурованной глины натывается на нечто знакомое. С ощущением победы и слабым уколom совести она извлекает оттуда полпачки “Кэмела”.

Смешав себе еще один сухой мартини и надев кофту, она снова садится на диван и посылает Марике эсэмэску, что намерена прикончить ее сигаретный НЗ. Снова кладет на колени тяжелый альбом и продолжает изучать фотографии. Ларс-Эрик, вероятно, отец Пера, думает она. На каких снимках — если они вообще существуют — изображены родственники Анны-Марии, вычислить труднее. Не указаны ни имена, ни родственные связи, и она листает дальше с убывающим интересом — анонимные лица, упорядоченные сюжеты.

Теперь ей навстречу брезжит осторожная надежда послевоенного времени. Снимки по-прежнему черно-белые, но по мере того, как сороковые годы сменяются пятидесятыми, сюжеты все больше напоминают нынешние: дети, играющие в пригородных фонтанах, три молоденькие девушки с тонкими талиями и высокими прическами соблазнительно выпячивают губки, молодой парень в джинсах и кожаной куртке сидит на корточках возле мопеда. Пер, 1957 г. — написано под мопедом. Еще

несколько извещений о смерти; грудастая Анна-Грета Линдгрэн, очевидно, умерла в 1955-м, в возрасте 74 лет, оплаканная “супругом, детьми и внуками”. Еще несколько выпускных фотографий; улыбающаяся девушка с аккуратной прической и неуверенной улыбкой: Анна-Мария, 1959 г. На соседнем снимке — такой же аккуратный молодой человек с зализанными белокурыми волосами и несколькими шрамами от залеченных угрей на скулах.

Карен закуривает новую сигарету, потягивает мартини, переворачивает страницу. Шестидесятые годы — память о семействе Линдгрэн расцветается яркими красками с характерным желтоватым налетом, словно легкое марево на снимках. Похоже, фотоаппараты есть теперь у всех; спонтанность придает снимкам живость, но качество ухудшается. Фокус зачастую смещен несколько вперед, назад или вообще вбок от объекта, половина людей выглядывает из-за краев снимка. И, возможно, в силу той же нехватки тщательности, не указаны ни имена, ни даты. Однако, вне всякого сомнения, начались шестидесятые. Большинство людей постарше по-прежнему в одежде, которая была в моде на одно-два десятилетия раньше, но тем отчетливее идеал нового времени налагает отпечаток на молодое поколение. Теперь на фото главным образом два персонажа — обоим, судя по всему, уже под тридцать, Карен узнает их по выпускным фото. Явно по уши влюбленные друг в друга, Анна-Мария и Пер позируют в разных ситуациях, она в мини, он в узких костюмных брюках, иногда одни, но чаще в компании друзей. Кто-то в этой компании явно старается увековечить каждую встречу — праздники, обеды, коллективные поездки в отпуск. На снимках все больше беременных женщин, а постепенно и малышей. Молодая пара за руки поднимает в воздух маленького мальчонку, так что он, смеясь, висит меж ними, молодая женщина с длинными волосами кормит младенца, сидя на одеяле в зеленой траве. Хотя лицо наполовину скрыто, видно, что она улыбается.

Карен отрывает взгляд от альбома, закрывает глаза. Она тоже улыбалась таким неожиданно блаженным образом? В ту пору, когда колики, простуды, ветрянки и отиты еще не примешали к блаженному восторгу толику постоянной тревоги. Когда разбросанные детальки “Лего” еще не впивались в босые ноги, когда кризис трехлетнего возраста еще не превратил любое одевание в войну. Когда дом еще не наполнился ее собственным занудным ворчанием. Постоянным ворчанием про варежки и шарфы, про уроки и просмотр телевизора и всякими там “ради бога, не ешь хлопья прямо из пачки”, и “Джон, научи ты его в следующий раз отключать звонок”, и “проследи, чтобы он пристегнулся в машине, знаешь ведь, он

отстегивает ремень, когда никто не видит”.

Неужели она глядела на маленький сверток у себя на руках с печальной, почти скорбной улыбкой, будто уже тогда предчувствовала, что случится? Что случится, если она всего лишь на один злосчастный миг потеряет бдительность. Если на секунду уговорит себя не беспокоиться обо всем. Если не успеет избежать опасности.

Машинально, толком не замечая, что по щекам текут слезы, она тыльной стороной руки смахивает их с подбородка и шмыгает носом. Рука дрожит совсем чуть-чуть, когда она подносит зажигалку к очередной сигарете, а когда поднимает бокал, дрожь совсем стихает. На сей раз миновало. По-прежнему часто, думает она, но уже не подолгу. Уже лучше.

Глубокий вздох, и она опять возвращается к Сюзаннинному собранию фотографий, переворачивает страницы, разглядывает снимки с новой дистанции. Деловито констатирует, что теперь, когда конец шестидесятых крепко зацапал семейство Линдгрэн, мода определенно предписывает брюки-клеш, рубашки в обтяжку, длинные платья, окрашенные в технике батика, и прически на прямой пробор. Кадр за кадром смеющаяся молодежь на фоне синего кодаковского неба.

Может, кто-нибудь из них переехал с Линдгрэнами в Доггерланд? Может, кто-нибудь из них — те самые, о ком с таким презрением отзывались мужики в “Зайце и вороне”? Она быстро листает дальше — и вот он, снимок, который наконец-то связывает шведскую жизнь Пера и Анны-Марии Линдгрэн с их новым бытием в коммуне далеко-далеко оттуда.

Групповой снимок на борту автомобильного парома. Карен сразу узнаёт зеленый логотип пароходства, что виднеется на заднем плане; стилизованная рыба над волнистой линией до сих пор украшает суда, курсирующие меж Дункером и Эсбьергом.

Три женщины, двое мужчин, трое детей. Девочка лет пяти цепляется за руку одной из женщин и улыбается в объектив. У одной из двух других женщин в длинной шали, обернутой вокруг тела, помещается младенец, а один из мужчин придерживает детскую коляску. Ребенку в коляске на вид примерно год. Длинные волосы женщин развеваются на ветру, платья липнут к ногам.

Наверно, они попросили кого-то из попутчиков сделать снимок, думает Карен, или в их компании был еще один человек. Она всматривается в полные надежд улыбающиеся лица и вздрагивает. Меньше чем через два года некоторые вернутся в Швецию, а тех, что остались в Лангевике, нет в живых.

На следующей странице — всего одна фотография. Над ней полусантиметровыми цифрами и буквами оранжевой тушью выведено: Лангевик, 1970 г. Вокруг снимка — разноцветные цветы и символы мира. Сам снимок — групповой. Восемь человек взрослых, женщин и мужчин поровну, теснятся в два ряда на ступеньках, ведущих к двустворчатой зеленой двери большого дома. На траве у подножия лестницы сидят ребяташки.

Под фотографией аккуратно выписаны имена: Диса, Тумас, Ингела, Тео — видимо, те, что стоят на верхней ступеньке. Карен наклоняется, разглядывает крайнюю слева женщину. Диса Бринкманн. Вот, стало быть, какая она. Вернее, какая она была без малого пятьдесят лет назад. Сейчас ей изрядно за семьдесят. Карен скользит взглядом по тем, что стоят ступенькой ниже, читает имена: Пер, Анна-Мария, Джанет и Брендон.

Пер и Анна-Мария Линдгрэн, родители Сюзанны, думает она, с ощущением неловкости рассматривая улыбающиеся лица. Снимок сделан, когда Сюзанны еще не было на свете, и запечатленные на нем люди, слава богу, никогда не узнают, как закончится ее жизнь.

Имена в самом нижнем ряду такие: Орьян, Метта и Лав. Орьян — это, видимо, годовалый мальчуган, Метта, которой лет пять, сидит по-турецки, скрестив ноги, на коленях у нее Лав, мальчик это или девочка, понять невозможно.

Три женщины, двое мужчин и трое детей, очевидно, те же, что и на снимке с парома, остальные лица совсем новые. И, конечно, никаких фамилий, разочарованно отмечает Карен.

Оставшихся фотографий в альбоме немного, они даже не вклеены. Просто засунуты между последними страницами. Несколько видовых снимков лангевикской гавани и усадьбы Луторп: большой дом и два садовых домика, надворные постройки, курятник и вроде как участок с только что посаженной картошкой. Фото длинноволосого молодого мужчины в круглых очках с обнаженным торсом, он стоит на крыше, замахнувшись молотком. Карен сравнивает с групповым фото и констатирует, что, скорее всего, это Брендон.

Она берет следующую фотографию. На слегка расплывчатом снимке изображена женщина, пожалуй, чуть старше других, она стоит у плиты, помешивает в большом котле. Длинные пепельные волосы заплетены в толстую косу, переброшенную через плечо, платье до щиколоток. Со смущенной улыбкой она обернулась к фотографу, не выпустив из рук деревянную мутовку. Еще раз сравнение с групповым снимком: да, это Диса.

Новый снимок: беременная женщина с крашеными хной волосами и огромным животом под длинным батиковым платьем держится обеими руками за спину, вид у нее усталый. Должно быть, та же, что и на пароме из Швеции, с ребенком в шали, думает Карен, сравнивая с групповым снимком. Ингела. По меньшей мере один из ребятишек ее, а тут она опять на сносках, неудивительно, что выглядит усталой.

Самая последняя фотография — две женщины на ступеньках крыльца. И хотя прошло четыре с лишним десятка лет, Карен угадывает дурное настроение. Анна-Мария сидит, подперев подбородок рукой, полотвернувшись, а рыжая Ингела протестующе тянет руку к объективу: мол, не снимайте.

Другая жизнь, думает Карен, вероятно, они мечтали только об этом. Новые времена, новые идеалы, новая страна.

Наверно, как и другие, они искали лучшей жизни, общности, полной счастья, каким они его себе представляли. И отправились в далекий край, чтобы найти это счастье, рискнули всем, чтобы найти то, что искали. Имели мужество и волю самим построить существование, которого желали. И все-таки уже через год мечте пришел конец.

Что-то в Луторпе явно пошло совсем не так, думает Карен. Только вот что. Ей вдруг кажется как никогда важным разыскать Дису Бринкманн.

Лангевик, август 1970 г.

Угрызения совести сдавливают грудь, отдают под ложечку. Пер Линдгрэн наклоняется вперед, дышит часто и коротко, чтобы спазм отпустил. Немного погода выпрямляется, идет дальше вверх по тропинке, не в силах утереть слезы, бегущие по щекам. Как он мог? Как, черт побери, он мог?

Но он знает ответ — все лето было сплошной долгой прелюдией. Смеющийся рот Ингелы с пухлыми красными губами, такой непохожий на печальную улыбку Анны-Марии. Ингела — руками, черными от земли картофельной делянки, — зачерпывает ковш воды из бочки на углу дома и смывает пот со лба и спины. А он вбирает взглядом всю эту цветущую щедрость, проступившую под мокрой тканью платья. Беспечная радость Ингелы, такая непохожая на вечную опаску Анны-Марии.

Глаза Ингелы, когда она встречается взглядом с ним. Ее руки, как бы невзначай гладящие его по спине каждый раз, когда она проходит мимо, ее бедро, прижимающееся под столом к его бедру, язык, соблазнительно слизывающий капли вина с верхней губы, меж тем как она глядит ему в глаза.

А он. Каждую минуту он знает, где находится Ингела. Его взгляд каждую минуту ищет ее взгляд, ищет подтверждения и всякий раз его получает. А в тот вечер несколько недель назад он, смеясь, взъерошил волосы Анны-Марии, когда она опять подступила к нему с обвинениями. Почему он так смотрит на Ингелу? Думает, она не видит? Он спал с ней? С женой Тумаса. С женой своего лучшего друга. Отвечай честно, спал?

“Нет, Амми, — сказал он с удивленным смешком, так убедительно, что уже тогда понял, как легко ее обмануть. Уже тогда, до того как все случилось по-настоящему. Назвал ее ласкательным именем и говорил так нежно, что ее злость сменилась слезами. — Ты ревнуешь?”

“Просто скажи правду”, — попросила она.

А он нагло отперся, даже сам напустился на нее. Между ним и Ингелой, разумеется, ничего не было и нет, это плод ее воображения. Да если бы что-то и было, Анна-Мария не вправе обвинять его. Они же решили: никто никем не владеет. Не от подобных ли мелкобуржуазных претензий они как раз и хотели избавиться здесь, в усадьбе?

“Ты можешь честно сказать, как обстоит дело?” — опять взмолилась она.

В ответ он сказал, что она, мол, норовит удушить его. И в конце концов Анна-Мария отступилась, сдалась, вроде как поверила ему. Но он видел тревогу в ее глазах и поклялся себе больше не глазеть на грудь и губы Ингелы. Она ведь, черт побери, жена Тумаса, жена его лучшего друга. И Анну-Марию он любит. По-настоящему любит.

Да, я ее люблю, думает он, глядя на море. Люблю. Анна-Мария не должна узнать, иначе я ее потеряю. И Тумаса тоже потеряю. Потеряю все, что построено общими усилиями. А в следующую секунду в нем вскипает беспричинная злость. Почему надо так сурово осуждать именно его? Брендон, бабник хренов, тоже пялил глаза на Ингелу, когда Джанет не видела. И черт его знает, чем он занимался с сестрой Тео, когда та неделю-другую назад приезжала погостить.

И не сам ли Тумас больше всех ратовал за свободную любовь, что никто, мол, никем не владеет, что любовь не знает границ? Не он ли снова принял Ингелу после того, как они почти три года жили врозь, когда она приползла назад, в защищенность. Снова стал любить ее, хотя дети у нее от другого. Сказал, что все дети общие. Заботился о детях Ингелы как о родных, кормил их, тетешкал, менял пеленки и все такое.

Ведь они так и решили: у нас все общее — вещи, еда, питье, работа, радость и печаль. Общность, свобода и честность — вот основа их жизни в усадьбе. И любовь. Остальное неважно.

Проблема в том, что никто не был вполне честен. Ни Брендон, который обманывал Джанет, ни Тео, прятавший лучшую травку в матрасе. Ни даже Анна-Мария, которая сказала, что верит ему, хотя глаза говорили о другом.

И меньше всех он сам. Трусливо, как вор, он дождался, пока Тумас уедет домой в Швецию.

Лучший друг оставляет семью в моей усадьбе, едет на похороны матери, а я, пользуясь случаем, трахаю его жену, думает Пер, сгорая от стыда. Причем не один раз; они продолжали и по возвращении Тумаса, хихикая, находили время и место, наслаждались своим секретом, переглядывались за столом, когда никто не видел.

Ведь никто, наверно, не видел?

Никогда больше, клянется он себе. Повторяет вслух: никогда больше.

Остальным не надо знать, что ребенок, которого ждет Ингела, не от Тумаса. И на этот раз тоже.

Ребенок твой, Пер, сказала она. Я совершенно уверена.

Во всяком случае, он не намерен признаваться ни Анне-Марии, ни

Тумасу. С какой стати именно ему быть честным, остальные-то не больно честны? И Ингела не должна рассказывать. Знает ведь, для Анны-Марии это будет сокрушительный удар.

А Тумас. На сей раз он вряд ли так легко простит, сказал ей Пер. Если мы признаемся, все полетит к чертям собачьим, сказал он. Усадьба, дружба, его отношения с Анной-Марией. Все рухнет, все, что они начали строить, развалится, если сказать правду.

В конце концов Ингела обещала молчать. Правда обещала.

Только вот она крайне... непредсказуема.

Пер поворачивает, идет к усадьбе. Надо еще раз поговорить с ней, думает он. Сейчас, пока не поздно.

— Кто, черт побери, путешествует по Испании пешком? Это что, нелепый шведский прикол?

Карен с такой силой откидывается на спинку кресла, что оно отъезжает назад и врезается в пустой письменный стол Йоханнисена.

Телефонный номер, зарегистрированный в Мальмё по адресу Дисы Бринкманн, не отвечает, но Астрид Нильсен сумела выяснить, что Метта Бринкманн-Гран, дочь Дисы Бринкманн, проживает со своим двадцатитрехлетним сыном Йеспером также в Мальмё, только в районе Ломма. И когда Карен позвонила туда, к телефону подошел сын.

Южношведский диалект понять трудно, но она все-таки уразумела, что Йеспер Гран ничего не знает о возможных контактах своей бабушки с некоей Сюзанной Смеед из Доггерланда. Йеспер Гран вообще не очень-то интересовался бабушкиными делами. Предположил, что она в Испании:

— Совершает какое-то дурацкое паломничество, или как там они это называют. Вы лучше у мамани моей спросите, она через час будет дома.

И когда часом позже Карен действительно удалось связаться с Меттой Бринкманн-Гран, та подтвердила: Диса Бринкманн отправилась в Сантьяго-де-Компостела и вернется, вероятно, дней через десять-двенадцать.

— Мама увлекается духовными практиками, по-моему, она уже третий раз идет этим маршрутом, так что это не коллективный тур; обычно она отсутствует недели две, максимум три. Но, помнится, в следующие выходные она хотела пойти на концерт здесь, в Мальмё, стало быть, к тому времени должна вернуться.

— О'кей, а мобильник у вашей мамы есть? Мы не сумели найти номер.

— Мобильник-то есть, но зарегистрирован он на меня, поскольку плачу за него я. Это был мой подарок на Рождество. Только он у нас на кухне. Когда я отвозила ее в аэропорт, она отдала его мне.

— Почему?

— Не хотела иметь его при себе во время паломничества. Оно ведь основано на идее молчания и размышления. К тому же она боялась потерять телефон. Я тоже спросила, как же с ней связаться в случае чего, а она сказала, что звонок мобильного выбьет ее из колеи. Да и вообще, нечего, мол, ей надоедать. Все-таки дать вам номер? Ведь мама скоро

вернется.

Карен тихонько вздохнула, записала номер и сменила тему:

— В начале семидесятых вы с мамой действительно жили в коммуне в Лангевике?

Несколько секунд Метта Бринкманн-Гран молчала, а когда ответила, в ее тоне сквозил легкий холодок.

Насторожилась, подумала Карен.

— Да, это правда, только ведь прошло сорок с лишним лет. Мы вернулись домой, когда настала пора отдать меня в школу. А в чем, собственно, дело?

Карен коротко рассказала, что убита некая Сюзанна Смедд и что, по данным доггерландской полиции, несколькими месяцами ранее Диса пыталась с ней связаться. И теперь они обязаны задать несколько стандартных вопросов всем, кто в последнее время контактировал с Сюзанной.

— У вас нет никаких соображений насчет того, почему ваша мама хотела связаться с Сюзанной?

На этот раз Метта Бринкманн-Гран ответила быстро:

— Понятия не имею. — Но, поскольку Карен на другом конце линии молча ждала, все же добавила: — Наверно, хотела поговорить с кем-нибудь из тех времен и думала, что Сюзанна может посодействовать. Мама немножко... как бы это сказать... она до сих пор накрепко застряла в семидесятых. Словом, когда она вернется, вы можете сами у нее спросить.

Метта обещала проследить, чтобы ее мать связалась с Карен, как только вернется домой или даже раньше, если Диса вдруг позвонит из Испании. На этом разговор закончился.

Карен закрывает глаза, вспоминает слова Йеспера Грана. “Дурацкое паломничество”.

Она смеется. Н-да, можно и так сказать. Она тоже читала о паломничествах в Сантьяго-да-Компостела, видела потрясающе красивые фотографии разных паломнических маршрутов, но ее никогда не тянуло участвовать. Малая толика веры, какой ее снабдили в детстве — летом, когда она обычно несколько недель проводила с кузенами на Ноорё, отцова родня делала вялые попытки привлечь ее на эту узкую стезю, — рассыпалась прахом в декабрьский вторник одиннадцать лет назад.

Так что пешие паломничества на стертых ногах для Карен Эйкен Хорнби неактуальны. И как только женщине, которой уже за семьдесят, хватает сил неделями бродить пыльными испанскими проселками? — И

как, черт побери, можно стать на ноги всего через несколько дней после инфаркта, — раздраженно бормочет она, мрачно глянув на стол Йоханнисена и отъезжая к собственному столу.

Эвальд Йоханнисен сообщил через жену, что завтра его выпишут и что на работу он вернется в лучшем случае уже через неделю-другую.

— Спазм сосудов, — поправляет Карл. — Не инфаркт. Мой папаша тоже принимает нитроглицерин и средства, понижающие уровень кальция...

— Да, но он-то, черт побери, дантист, а не полицейский, — сердито перебивает Карен. — Йоханнисену пора думать о пенсии. Он явно был не в лучшей форме, когда его скрутило, и как он теперь думает справляться?

— Вопрос скорее в том, как справляться тебе. Мягко говоря, вид у тебя усталый, — негромко замечает Карл. — Ты обедала?

— Я не голодна, — отмахивается Карен и продолжает: — Неудивительно, что у меня усталый вид, мы же топчемся на одном месте. Почти неделя прошла — и ни единой зацепки.

— Прошло пять дней, — уточняет Карл и встает. — Еще много чего может случиться, как ты сама говорила вчера на совещании.

— Я врала, — мрачно отвечает она.

— Да, я понял, с тобой такое бывает.

— Я думала, мы разобрались, — ворчит Карен.

Наверно, Карл прав, думает она. Голова немножко кружится, значит, сахар где-то на уровне плинтуса.

— Брось, Эйкен.

— Извини. Но отсутствие подвижек все силы выматывает. Куда ни сунемся, везде тупик. Сюзанна Смедд убита, а мы понятия не имеем, кто это сделал и почему.

— Всеобщей любовью она, мягко говоря, не пользовалась, так что у кого-то наверняка был мотив.

— Я тоже не всеобщая любимица, но мне-то никто башку не пробивал.

— Пока что... — ухмыляется Карл. — Йоханнисен был бы не прочь. Да и я иной раз тоже.

— Черт меня побери, Хёуген наверняка перепоручит расследование кому-нибудь еще, если мы в ближайшее время не додумаемся до хотя бы мало-мальски внятной версии. Да и группа, по-моему, начинает выдыхаться.

— Ну, лично я проголодался и хотел двинуть в “Магазин”. Ты со мной? У них там сейчас отличная килька.

Карен со вздохом встает, снимает со спинки кресла куртку.

Через четверть часа они устроились за столиком у окна. Время близится к половине второго, обеденный час пик уже миновал. Карен отпивает глоток пива, смотрит на гавань.

Крупные рыболовные суда теперь швартуются в Равенбю, но мелкие траулеры, широкие сейнеры и легкие алюминиевые лодки ловцов устриц по-прежнему здесь. Кучка ныряльщиков толпится на краю пристани и словно бы что-то обсуждает, возбужденно размахивая руками. Наверно, как обычно, бранят конкурентов с устричных банок на Фриселе. Чуть дальше идет, наклонясь вперед, мужчина с магазинной тележкой, высматривает залоговые банки. Карен вспоминает, что видела его утром после Устричного фестиваля, когда стояла у ограды приморского бульвара, а он спал на пляже.

С тех пор как она проснулась в гостиничной постели рядом с начальником, столько всего случилось, что ей было недосуг предаваться раскаянию и угрызениям совести. Сейчас вместе с воспоминанием о случившемся ее пронизывает неприятное ощущение, и она быстро переводит взгляд на Карла.

— Ну вот, — удовлетворенно роняет он, когда официантка ставит на стол тарелки и корзинку с хлебом.

В животе сосет, когда Карен чувствует ароматы хрустящей жареной кильки, чесночного масла, лимона и петрушки. И свежего горячего хлеба. Чеснок — недавняя добавка; старшее поколение по-прежнему ест кильку с топленным салом, капелькой уксуса и рубленой черемшой, когда позволяет сезон. Подцепляя вилкой первую рыбку, она с удовлетворением отмечает легкий хруст и с улыбкой встречает взгляд Карла.

— Ты был прав. Я проголодалась.

Оба жуют в тишине, но вот Карл наконец подбирает кусочком хлеба последние капли растопленного масла. Отпивает глоток-другой пива, откидывается назад и глядит на Карен, из-за отрыжки прикрыв рот ладонью.

— Ты правда думаешь, что это мог сделать Юнас? По-моему, все спрашивают себя, вправду ли ты так думаешь или просто злишься на него.

— Я? Злюсь? Не я же, черт побери, отстранила его от работы, даже Хёуген и тот понимал, что иначе нельзя.

— Знаю, — спокойно отвечает Карл. — Но ты говорила со Смеedom наедине, только ты можешь решить, твердое у него алиби на воскресное утро или нет. А ты вроде как сомневаешься, насколько я понимаю.

— Если б я могла не сомневаться. Поверь, я вовсе не горела желанием

попасть в такую ситуацию.

— Значит, ты не претендуешь на должность начальника уголовного розыска? Признайся, все-таки в глубине души ты бы не прочь, Эйкен.

Она без улыбки смотрит ему в глаза.

— Не таким способом. Либо Юнас вернется и устроит мне веселенькую жизнь, либо не вернется, но тогда мне все равно вряд ли светит постоянное назначение на эту должность.

— Почему? Потому что транжиришь деньги на дорогушие кофеварки?

— Потому что в таком случае получится, что я содействовала осуждению Юнаса Смеда за убийство. И потому что Смеды влиятельны даже в высших полицейских кругах. Ты разве не знаешь, дядя Юнаса женат на сестре Хёугена?

— Вот, значит, почему он стал нашим начальником, да?

— Нет, не только. Юнас — хороший полицейский. Самодовольный, неприятный, но чертовски хитрый, ты же знаешь. И парням он по нраву. Йоханнисен башмаки ему вылизет по первому слову.

— О'кей, но в чем заговздка с его алиби? Что не так? Давай еще раз сверим по минутам.

— Я проверила в гостинице, где ночевал Юнас, там подтвердили, что он покинул номер самое раннее в пять минут десятого. Уборщица тогда по-прежнему видела на двери табличку “Не беспокоить”. — Карен отпивает глоток пива. — Его машина была запаркована возле ратуши, и он мог дойти туда максимум за шесть-семь минут. Тогда у него есть сорок пять минут, чтобы доехать до Лангевика и убить Сюзанну. По словам Брудаля, ее могли убить самое позднее в десять, хотя, скорее всего, это случилось раньше. Ты сам слышал, что точнее время указать невозможно. У меня самой дорога из Дункера в Лангевик занимала иной раз чуть меньше получаса. Обычно же — сорок минут.

— Стало быть, десять минут. Заговздка в них.

— Угу.

— Что говорит Хёуген?

— Он раздосадован, но прокурор Веген, к счастью, женщина умная. Она понимает, что мы не можем исключить Смеду, пока эта заговздка не разъяснится.

— А сам Юнас что говорит?

— Что вышел из гостиницы в половине десятого и сразу пошел домой. В гостинице никто не видел, как он уходил, и это вполне возможно. Портье не сидел на месте как приклеенный.

— Ну а как насчет до девяти, об этом ты думала? Согласно Брудалю,

убийство могло произойти уже около восьми. Юнас мог покинуть гостиницу раньше и успеть в Лангевик и обратно. Раз так легко прошмыгнуть мимо портье, это вполне возможно. Ты говорила с той особой, с которой он был в гостинице?

Карен — в этот миг она подносит к губам стакан — разом цепенеет, пиво выплескивается на руку. Она отчаянно старается замаскировать все это кашлем. Карл, вскинув брови, смотрит на нее с недоверием. А секундой позже она видит, что он догадался.

— Не может быть, — говорит он. — Черт, не может быть.

— Что ты имеешь в виду? — Она ставит стакан на стол, однако в глаза Карлу не смотрит.

Голос ровный, но щеки горят, и она знает, он все видит. Карл раскусил ее за долю секунды. Тоже хитрый полицейский, думает она.

Он молча смотрит на нее, и она напрягается, готовая к шквалу сарказмов. Сплетничать он не станет, в отделе не узнают, но достаточно и того, что Карл теперь в курсе. Карен Эйкен Хорнби переспала с шефом.

На признании он не настаивает, знает, что допытываться, прав ли он, незачем. Только коротко спрашивает:

— В котором часу ты ушла из “Взморья”?

— В двадцать минут восьмого, — тихо отвечает она.

— Ладно, тогда этой версии каюк, — сухо роняет Карл. — Еще пива? Я, во всяком случае, закажу.

Он подзывает официантку, заказывает еще два пива, потому что Карен в ответ вяло кивает.

— Н-да. — Он опять оборачивается к Карен. — Боишься?

— Угадай.

— Я не собираюсь спрашивать, как оно было. Полагаю, ты не слишком отчетливо помнишь.

— Устричный... — Она тщетно пытается улыбнуться. — Ты ведь не скажешь.

— Ну конечно же, я двину прямоком к Хёугену и все ему выложу. А потом позвоню Юнасу и спрошу, какова ты в постели. Хорошо же ты обо мне думаешь!

— Спасибо. Прости.

Новая попытка улыбнуться, щека дергается. Она благодарно смотрит на стакан пива, который официантка ставит перед ней на стол. Оба молча пьют, потом Карл говорит:

— Н-да, если бы мне платили пять марок за каждый паршивый секс, я бы разбогател. Но, если серьезно, Эйкен, ты и Смедд... я бы никогда не

поверил. Хорошенькое воскресное похмелье, а? — В тот же миг он смекает кое-что еще. — И как раз тогда звонит Хёуген, сообщает, что жена Смеда убиита.

— Бывшая жена, — поправляет Карен.

Карл Бьёркен наклоняется вперед, в кривой усмешке сквозит легкое злорадство:

— Понятно. Вот почему ты хотела сама допросить его. А я-то, дурак, поверил, сказал Йоханнисену: “Это из уважения к Юнасу”.

Карен молча смотрит в стол.

— Да, Эйкен, попала ты. И поделом.

Уже почти три, когда они возвращаются в управление. Карен изо всех сил старается заглушить стыд, снова тщательно изучает письменные отчеты, поступившие в течение дня. Ответы из разных стран касательно возможных судимостей пассажиров круизного судна. К тем, о ком ранее сообщили, что они имеют отсидки, добавился лишь еще один. Итальянец, который неоднократно занимался эксгибиционизмом на школьных дворах и игровых площадках. Последний раз его на восемь месяцев упрятали в психушку, после чего он вернулся к жене и детям на виллу под Палермо. Сейчас он, правда, страдает тяжелым ревматизмом и временами передвигается в инвалидном кресле, отметил Корнелис Лоотс.

Несколько часов спустя Карен бросает взгляд на часы — через шесть минут надо начинать вечернее совещание. В полном унынии она встает, идет к кофеварке. И пока наблюдает, как черный кофе льется в кружку, в голове вертится какая-то мысль. Она пытается поймать ее, но безуспешно. Смутно чувствует, что слышала или видела что-то, но не обратила внимания. Что-то, возможно, важное.

— В общем, среди входящих и исходящих звонков повторяются всего пять номеров. Прямой номер Гуниллы Муэн, прямой номер шефа отдела кадров, коммутатор “Сульгордена”, мобильник Юнаса Смеда и мобильник Сигрид Смед. Само собой, несколько звонков разным продавцам и поставщикам. Кроме того, один звонок с авторизованного шведского номера и три по карточке с неавторизованного номера.

Большими веснушчатými руками Корнелис Лоотс еще раз перелистывает скотые листы распечатки звонков с и на рабочий мобильник Сюзанны Смед за последние шесть месяцев. Когда несколько часов назад поступила эта информация, даже Карл Бьёркен не мог не признать, что на сей раз “АО Тел” проявила необычайную оперативность.

Корнелис Лоотс кладет бумаги на стол, смотрит на коллег, которые с надеждой глядят на него, и медленно, словно наслаждаясь, что в кои-то веки оказался в центре внимания, добавляет:

— А карточка эта была продана в Швеции. Точнее, в Мальмё.

— Угу. Дисе Бринкманн, спорим на десять марок. — Карл со вздохом откидывается на спинку стула.

Карен придвинула к себе распечатку Корнелиса. Листает свои записи, находит искомое и качает головой:

— Нет, это не мобильник Дисы Бринкманн. А вот авторизованный номер принадлежит ей. Выходит, она все-таки связалась с Сюзанной. Двадцать первого июня они проговорили почти час.

— А кто же тогда второй звонивший? Который тоже живет в Мальмё, с этим-то как быть? Нет, я думаю, по карточке тоже звонила Бринкманн.

— Сюзанна не могла пользоваться рабочим телефоном в личных целях, значит, по логике вещей, у нее был и личный мобильник, — говорит Астрид Нильсен. — Вот в нем-то наверняка и находится все, что может представлять для нас интерес.

— Да, это был не просто алиби-мобильник, — кивает Карл.

Карен смотрит на него, вскинув брови:

— “Алиби-мобильник”?

— Ну да, показной, для начальства. Необязательно же использовать его для чего-то другого, кроме поисков порнушки и шантажа.

— У тебя тоже есть такой? В смысле, показной.

— На фи́га? Я всегда на службе, — смеется Карл. — А за немногие

частные звонки пусть платит государство.

— У меня, по крайней мере, есть личный мобильник, и я им пользуюсь, — говорит Астрид. — У нас семейный абонемент на несколько номеров.

Конечно, со вздохом думает Карен. Семейка Пчелки всегда делает правильный выбор: пробежки, здоровое питание и семейный абонемент. Небось и в церковь ходят. Одновременно она отмечает, что Астрид необычно бледна. Прядка волос выбилась из хвоста, усталым жестом она отводит ее со лба.

— Во всяком случае, на рабочий мобильник Сюзанны было в общей сложности три входящих звонка по карточке, — терпеливо продолжает Корнелис Лоотс. — Два в конце июня, первый разговор длился почти полчаса, а второй — всего две минуты. Потом почти три месяца ничего и — входящий звонок с того же авторизованного номера, но он, похоже, прошел прямо на ответчик. — Корнелис делает многозначительную паузу и продолжает: — Этот звонок поступил двадцать седьмого сентября в десять пятнадцать.

— Двадцать седьмого? Черт, в прошлую пятницу!

Ровно четыре секунды за столом царит молчание. Кто-то звонил Сюзанне за два дня до ее убийства. Четыре секунды тишины — и Корнелис Лоотс опять откашливается.

— С помощью “АО Тел” удалось также установить, откуда прошел звонок, и, судя по всему, звонивший находился в районе одной из вышек в центре Копенгагена.

— Н-да, тогда это наверняка не Диса Бринкманн. Она улетела в Испанию... — Карен справляется в своих записях, — как раз двадцать седьмого. Вряд ли у нее было время махнуть в Копенгаген в тот же день, когда она улетела в Бильбао.

Астрид Нильсен молча тыкалась в свой телефон. Теперь она одной рукой тянется к графину с водой, а другой выковыривает из блистера таблетку от головной боли. Вид у нее и правда усталый, думает Карен, пододвигая графин поближе к Астрид. Надо бы, пожалуй, поговорить с ней, спросить, как она себя чувствует. Астрид незаметно сует в рот таблетку, запивает двумя глотками воды и говорит:

— Она вполне могла успеть. На поезде из Мальмё до Копенгагена всего полчаса. А из копенгагенского Каструпа рейсов куда больше, чем из Мальмё. Дисе было намного удобнее вылететь в Бильбао оттуда.

— Если она вообще в Испании, — сказал Карл. — Может, она вместо

Бильбао двинула сюда. У нас есть все списки пассажиров за двадцать седьмое? Вдруг среди пассажиров самолета из Каструпа в Дункер обнаружится Диса Бринкманн?

Корнелис кивает и встает.

— Пойду проверю прямо сейчас.

В мгновение ока комната для совещаний наполняется тем, чего Карен не ощущала уже несколько дней. Надеждой. Может быть, наконец-то найдена ниточка, за которую стоит потянуть.

Восемнадцать минут спустя, когда Корнелис Лоотс возвращается, надежда тает.

— Двадцать седьмого ни на одном рейсе в Дункер Диса Бринкманн не числится, — сообщает он, чуть ли не с виноватым видом.

— Она могла приехать и раньше, надо проверить еще несколько дней.

— Боюсь, в этом нет смысла, — говорит Корнелис Лоотс. — По информации “САС”, некая Диса Бринкманн действительно вылетела из Мальмё в Бильбао двадцать седьмого сентября рейсом девять сорок.

Снова повисает молчание.

— Значит, ко времени того звонка старушенция точно была на пути в Испанию, — глухо говорит Карл, облекая в слова то, о чем думали все. Ладно, стало быть, не Диса Бринкманн. Но кто же тогда?

Карен сворачивает с шоссе к торговому центру “Грено”. Почти полседьмого, но в “Теме” все еще длиннущие очереди. Уже который год вечерами в пятницу толчея в магазинах настолько невыносима, что все больше людей ездят за покупками на выходные по четвергам. А теперь вот и в четверг не протолкнешься, закупки сдвигаются на вечер среды. Если так пойдет дальше, мрачно думает Карен, глядя на свой квиток из алкогольного отдела, мы станем запасаться на выходные еще вечером в воскресенье.

Но что касается закупок спиртного, доггерландцы чрезвычайно дисциплинированы и организованы. В отделе деликатесов покупателям еще дозволено подумать, выбирая между паштетами и ветчиной, в рыбном вообще предусмотрен тщательный отбор и выбраковка, то есть покупка требует времени. В отделе же спиртного каждый знает, что ему нужно, быстро и четко излагает свой заказ, проводит карточку, берет квиток и через несколько минут забирает бутылки в окошке выдачи. Своего рода конвейер, очередь движется быстро. Кое-что из вина и пива можно приобрести в “быстрой покупке”, но там ассортимент невелик, более крупные закупки делают в супермаркетах “Тема” или “Фрейя”. Карен предстоит крупная закупка. Еда в субботу будет самая непритязательная, но хотя бы напитков должно быть вдоволь. И вообще, пора пополнить запасы.

Двадцать минут спустя она везет тарахтящую тележку по неровному асфальту парковки.

Загрузив в машину два ящика вина, большущую упаковку пива, две бутылки джина, бутылку виски и сумку с луком, чесноком, сливочным маслом и сливками, она откусывает солидный кусок шоколадки, прихваченной на выходе, и с пустой тележкой направляется обратно к магазину.

Мидии она успеет купить в порту в пятницу, Марике обещала привезти из города свежий хлеб, но какой-нибудь десерт, наверно, все-таки предложить надо. Почему она раньше-то не подумала? Возвращаться в магазин и снова стоять в очереди неохота.

Молодой парень в красном комбинезоне “Темы” отцепил длинную вереницу тележек и толкает их ко входу. Яблочный пирог, думает Карен, дома полно яблок, вот и отлично.

— Эй, не прихватишь еще тележку?

Парень останавливается, оборачивается, но задержка явно его не радует. Со вздохом он забирает у Карен тележку, прицепляет ее к остальным. Чтобы длинный “поезд” снова пришел в движение, ему приходится здорово поднатужиться, Карен провожает взглядом его склоненную вперед фигуру, а в голове кружат мысли о субботе. Классический пирог с корицей или, может, французский перевертыш...

Внезапно она замирает. А секундой позже достает из кармана куртки мобильник, торопливо ищет нужный номер.

Юнас Смеед отвечает после пятого сигнала:

— Привет, Эйкен, что у тебя на сей раз?

Слова безукоризненно дружелюбны, но, судя по тону, он отнюдь не рад ее звонку. Она оставляет его тон без внимания и, не здороваясь, сразу переходит к делу:

— Тот малый, с которым ты, по твоим словам, столкнулся утром в воскресенье. Ну, тот, что просил сигарету. Можешь что-нибудь еще сказать о нем?

— Смирись, это пустой номер. Я же сказал: не помню. Знаешь, сколько алкашей болтаются тут, в городе? Я слышал от Хёугена, что вы топчетесь на месте, но неужели у тебя в самом деле нет ничего получше?

— Ты правда ничего не помнишь? — настаивает она. — Ну вспомни хоть что-нибудь. Попытайся.

— В смысле, кроме вони пота и перегара? Карен, милая, ты недостаточно хорошенькая, чтобы быть *такой* дурехой.

Он издает смешок, явно довольный своей двойной наглостью, а она борется с желанием оборвать разговор. Ведь так просто плюнуть на это дело. Но она пытается еще раз, и не ради Юнаса.

— Ты говорил, что столкнулся с ним на набережной. Может, видел, откуда он шел?

— Да почему я знаю. Он торчал в конце улицы, на самом верху съезда к берегу. Собственно, к чему ты клонишь?

В голосе Юнаса что-то изменилось; в наигранном равнодушии сквозит едва заметное любопытство. Прежде чем задать вопрос, она медлит, не хочет ничего подсказывать. Соломинка такая тонкая.

— Ну, например, у него что-нибудь с собой было?

Досадливый вздох выдает, что слабая искра интереса вмиг погасла.

— Да черт его знает. Кажется, у него была такая большая магазинная тележка, они часто воруют их в супермаркетах, но я понятия не имею, что он туда напихал. Нет, серьезно, Эйкен...

Все, больше ни слова, она прекращает разговор.

Спиннхусгате с виду безлюдна, когда Карен медленно огибает Ратушный парк и едет вверх по Валгаллагате в сторону многоэтажного гаража за старым рыбозасолочным заводом. Она чуть наклонилась вперед и внимательно смотрит в боковые окна и лобовое стекло, по которому каждые четыре секунды, сметая мелкие дождинки, с монотонным шорохом скользят дворники. Поравнявшись с гаражом, на задворках крытого рынка она замечает то, что искала. Быстро тормозит, перегибается через пассажирское сиденье и опускает боковое стекло.

Женщина — она как раз собирается поднырнуть под желтый шлагбаум у выезда — замирает, услышав звук тормозов, и поспешно оборачивается. Инстинктивно выпячивает грудь и губы. Но, разглядев, кто за рулем, прекращает спектакль.

— Привет, Гро, — окликает Карен, — залезай погреться, а? Хочу спросить тебя кое о чем.

Гро Аске секунду медлит, потом, в сапогах на высоком каблуке, семенит к краю тротуара. С кривой улыбкой, обнажая дырку в верхнем ряду зубов, наклоняется к машине:

— Черт, ты прямо как клиент.

Крашенные светлые волосы, темные у корней, намокли от дождя, короткая жакетка из белого искусственного меха явно не годится для такой погоды.

— Может, найдется чего глотнуть? — с надеждой спрашивает Гро Аске, усаживаясь на сиденье и согревая дыханием замерзшие руки. — Озябла очень.

По крайней мере, ей хватило ума оставить миниюбку дома, думает Карен, глядя на джинсы, плотно обтягивающие тощие бедра Гро Аске.

— Извини, — говорит она и, доставая из кармана куртки недавно купленную пачку, добавляет: — Но сигаретой угостить могу.

Знала бы ты, что у меня тут есть, думает она, вспомнив о ящиках с вином, пивом и виски в багажнике. В следующий миг ее аж передернуло: Гро Аске затягивается сигаретой и, закашлявшись, чертыхается, а в груди у нее все хрипит. Карен видела Гро на улицах уже лет десять, но только сейчас, глядя на нее вблизи, впервые осознает, до какой степени истощена эта женщина — худущая, с запавшими глазами и землисто-серой кожей. А ведь ей, наверно, и тридцати нет, думает Карен, стараясь не выдать своих

тягостных ощущений.

— Не пора ли тебе завязать с этим делом? — говорит она.

— В смысле, с куревом? — саркастически усмехается Гро.

— Ты знаешь, о чем я.

— А что тогда делать?

— Откуда я знаю, ну, хотя бы просыпаться без страха. Не превращаться в дерьмо. Может, получить разрешение видеться с дочкой. По-моему, в “Линдвалле” тебя сразу же примут, если ты обратишься за помощью.

— Знаю. Вообще-то каждое утро об этом думаю, как только первый раз ширнусь, а вечером опять на улице, и все по новой. Да ты сама знаешь...

Знаю? — думает Карен.

Что она, собственно, знает об этих женщинах и молоденьких девчонках в непомерно коротких юбках, с посиневшими от холода ногами, что наклоняются к опущенным окнам автомобилей? Что она знает о неспящих матерях, которым все время представляются холоднящие наркоманские притоны и которые в глубине души страшатся последнего сообщения о передозе? Что она вообще знает о том, насколько высоки барьеры для тех, кто хочет выбраться из трясины?

Может, ее неспособность навести порядок в собственной жизни не так уж отличается от неспособности Гро, как она себе воображает?

Карен решает перейти прямо к делу:

— Мне нужна твоя помощь. Ты ведь знаешь большинство местных бомжей?

Гро выпячивает губы — мол, так оно и есть — и молча глядит на огонек сигареты.

— Бродит тут один малый, таскает с собой большую магазинную тележку, — продолжает Карен.

— Их много таких, с тележками. С бродунками, как они их называют.

Карен невольно смеется.

— Этот держится, похоже, в районе приморского бульвара, собирает на пляже пустую тару.

Гро делает глубокую затяжку, задерживает дым, потом с шумом выпускает.

— Я не стучу. Ты же знаешь.

— Знаю, но я вовсе не собираюсь брать его под арест. Иначе бы не стала у тебя спрашивать.

— Тогда зачем он тебе?

— Он может подтвердить алиби одного человека, вот и все. Клянусь, Гро.

— У тебя правда нечего выпить?

Карен берет за ключ зажигания.

— Ну, так сможешь или нет? Иначе поеду искать дальше.

Гро Аске в последний раз глубоко затягивается, открывает дверцу, бросает окурок на тротуар. И снова закрывает дверцу.

— Наверно, тебе нужен новенький, — говорит она. — Лео Фриис. Он обычно держится сам по себе, но иногда в “Рикси” подсаживается к другим мужикам. Хотя в такую погоду он вряд ли там.

Лео Фриис, думает Карен. Имя кажется ей знакомым. Наверно, сидел в СИЗО за пьянство, и не раз.

— Ты знаешь, где он обычно обретается?

— А он правда ничего не натворил?

— Клянусь. Честное благородное слово.

Карен опять достает сигареты, предлагает Гро, и та протягивает посиневшую от холода руку.

— Он вроде как малость ку-ку по части закрытых помещений. Ты не смотрела в Новой гавани, под грузовыми причалами?

Звонок раздается как раз в ту минуту, когда Карен сворачивает с дункерского шоссе. Она приглушает звук утренних новостей, которые передают в полвосьмого, нажимает кнопку приема.

Попытка разыскать Лео Фрииса вчера вечером с самого начала была обречена на провал. Двадцать минут она, подсвечивая себе фарами, медленно разъезжала среди пакгаузов и грузовых причалов, потом сдалась. Старая портовая территория с обманчивым названием Новая гавань по нынешним меркам невелика, но обыскивать ее трудновато. Если Лео Фриис скрывался где-нибудь в несчетных помещениях, то вероятность заметить ее первым значительно выше, нежели ее шанс заметить его. А уж если он, как и остальные бомжи, чует полицейского за сто метров, то нипочем не высунет носа.

Зато мысль позвонить на мобильник Саре Ингульдсен оказалась удачной. Нет, ответила Сара, сейчас она дома, собирается спать, но утром они с Бьёрном дежурят с половины шестого. И ясное дело, постараются высмотреть этого бомжа, который шляется с магазинной тележкой в окрестностях старой Новой Гавани.

“Брать его не надо, — под конец лишний раз повторила Карен. — Держитесь неподалеку и просто сообщите мне, где он, а я его проведу”.

И как раз сейчас Сара Ингульдсен доложила, что они аккуратно приметили человека, похожего на Фрииса, на склоне между гаванью и Гаммельгордсвег.

Через шесть минут она обнаруживает его. Лео Фриис бредет вверх по отлогой Гаммельгордсвег к центру, ссутулив спину, накинув на плечи серо-бурое шерстяное одеяло. Карен обгоняет его, останавливается чуть дальше по улице. Выходит из машины, достает пачку сигарет и делает вид, будто роется в сумке. Здорово, что я не сумела бросить, думает она, можно, пожалуй, записать сигареты в счет служебных расходов.

— Извините, — говорит она, когда Лео Фриис подходит ближе. — Зажигалки, случайно, не найдется?

Он приостанавливается, растерянно глядит по сторонам, будто высматривая, кому адресован вопрос.

— Ой, вот же она! — восклицает Карен; актриса из нее никакая. — Хотите сигаретку?

Она протягивает пачку, Лео Фриис медлит. Черта с два, таких, как он, женщины не останавливают и сигаретами просто так не угощают, наверняка тут какая-то западня.

— Чего надо? — коротко спрашивает он.

— Лео Фриис?

— А вы сами-то кто?

— Карен Эйкен. — Она протягивает руку.

Он ее руку не пожимает. Разрываясь между здоровым стремлением убраться отсюда и желанием покурить, которое терзало его со вчерашнего вечера, неотрывно глядит на сигареты в другой руке Карен. Она пробует еще раз:

— Я из полиции... нет-нет, не волнуйтесь, вы ничего плохого не сделали, просто у меня есть к вам вопрос.

— Мне нечего сказать.

Лео Фриис пытается сдвинуть с места тяжелую тележку, и Карен заглядывает туда: пакеты с пустыми банками и бутылками, что-то вроде свернутого спального мешка, пара зимних башмаков и какие-то узлы неизвестно с чем. Карен не препятствует, делает шаг в сторону, но так, что ему, хочешь не хочешь, придется объехать ее.

— Даже если вы можете помочь нам избавить человека от подозрений в преступлении, которого он, вероятно, не совершал? — говорит она.

Лео Фриис не отвечает.

— Хотите позавтракать? Кафе вон там уже открыто, как я вижу, — быстро говорит она, тоном продавца телефонов. — Я угощаю. Кофе с бутербродами. И сигаретка после. Всю пачку получите.

Она кивает на кафешку через дорогу и отмечает, что Лео Фриис прослеживает ее взгляд.

— Думаете, меня туда пустят? Забудьте.

— Если я скажу, то пустят.

Он ест с аппетитом, то и дело поглядывая на тележку, оставленную под окном. Одеяло он, слава богу, тоже оставил на улице, и Карен отметила, что, прежде чем войти в кафе, он пальцами пригладил волосы. Решительность, с какой она усадила своего гостя у окна, а затем заказала большой кофейник кофе, стакан молока, два бутерброда с сыром и один с холодной бараниной, заставила девушку за стойкой воздержаться от комментариев. С подозрительными взглядами Карен ничего поделать не может, но Лео Фриис их, похоже, не замечает или ему просто наплевать. К счастью, народу в кафе мало, а немногочисленные новые посетители выбирают столики подальше от странной пары у окна.

Пока Лео ест, она не задает вопросов, только рассматривает его под прикрытием кофейной кружки. На первый взгляд ей показалось, ему лет шестьдесят, а то и больше. Но сейчас, глядя на него с близкого расстояния, она понимает, что ему вряд ли сильно за сорок. Руки грубые, красновато-лиловые, вероятно оттого, что он провел на улице слишком много холодных ночей. Лицо наполовину заросло бородой, но морщин вокруг глаз сравнительно немного. Каждый раз, когда он поворачивает голову и проверяет, на месте ли его драгоценное барахло под окном, от него тянет слабым запахом пота и плесени.

— Утром после Устричного, — наконец говорит она, когда он дожевывает последний кусок баранины и запивает его молоком. — Вы ночевали на берегу, да?

— Разве это запрещено?

— Да нет, насколько мне известно. По-моему, я вас видела, когда в самом начале восьмого стояла напротив гостиницы “Взморье” и глядела на берег. Верно?

Секунду Лео Фриис поверх кофейной чашки смотрит ей в глаза. Отпивает глоток, потом коротко кивает.

— Вполне возможно. Я там все лето ночевал. Погода скурвилась всего несколько дней назад.

— Да, помню, уже с утра было тепло, и я подумала, что тот, кто там ночевал, проснувшись, будет чувствовать себя не очень-то хорошо. Сказать по правде, я и сама чувствовала себя не больно хорошо, — добавляет она.

Лео Фриис не комментирует ни теплую погоду, ни то, что женщина напротив по какой-то причине сообщает о своем самочувствии в то утро.

— Так или иначе, через час-другой вы, наверно, проснулись и направились вверх по склону к бульвару. Я хочу узнать, так ли это, и если да, то помните ли вы, что столкнулись там с кем-то. С человеком, у которого попытались выпросить сигарету.

Лицо бомжа выражает полное безразличие. Он глядит перед собой пустым взглядом, будто вовсе не понял вопроса. Конечно, я далеко замахнулась, думает она, вернее ткнула пальцем в небо. Как ей могло прийти в голову, что человек, ведущий такую жизнь, как Лео Фриис, способен вспомнить, где был или с кем разговаривал четыре дня назад? Он небось рад, если вспомнит, что делал час назад.

— А если я помню... — неуверенно говорит он.

— Так вы столкнулись с ним или нет?

— Я пока что не совсем сбрендил. Пока нет. Да, я помню, что разговаривал с каким-то мужиком.

— Вы уверены? Как он выглядел, помните?

— Да обычный мужик. Ну, пижон какой-то в костюме, шастал по городу не в то время суток. Но, если не считать прикида, выглядел он, можно сказать, хреново. Ненамного лучше меня.

— В костюме, говорите?

— Правда, насчет фирмы ничего не скажу. Может, Арма-а-ни или Хуго-наци-Босс.

Лео Фриис выговаривает имена в нос, и Карен удивляется, что ему вообще известны названия домов моды. С другой стороны, почему бы и нет, что-то подсказывает ей, что Лео живет на задворках общества не особенно давно. Пьянство еще не оставило глубоких следов.

— Ладно, — с улыбкой говорит она. — Без этой детали мы обойдемся. Зато мне интересно, не помните ли вы, в котором часу это было. Понимаю, точно вы сказать не можете, но...

— Без двадцати десять, — перебивает он.

Карен недоверчиво смотрит на него.

— Без двадцати десять? Вы так точно помните?

— Да, помню. Вот так точно помню. Вы сами-то прикиньте, сыщица.

Что-то в его голосе заставляет ее проглотить следующий вопрос и задуматься. Каким манером мужик, спьяну ночевавший на берегу и проснувшийся в поту и похмелье, может точно помнить, сколько было времени, — секундой позже она знает ответ.

— “Нерчѐп”. По воскресеньям они открывают в десять.

— Бинго! Четыре пива и маленькая пачка сигарет. Плюс пачка сосисок. В то утро я здорово разбогател; пустых банок на пляже навалом, собирай — не хочу. Только вот когда проснулся, везде было еще закрыто.

Лео тянется за кофейником, наливает себе еще чашку, потом продолжает:

— Пока собирал пустую тару, я все время проверял, который час, по башенным часам церкви Девы Марии. А когда объявился тот мужик, аккуратно подумал, что еще двадцать минут, и я куплю себе сигареты, но мне ужас как хотелось курить, вот я и рискнул спросить, не найдется ли у него сигаретки.

— Замечательно! Прямо сейчас позвоню Юнасу, сообщу радостную весть. Хорошая работа, Эйкен, просто отличная!

Вигго Хёуген сияет и порывается вскочить с кресла в кабинете прокурора Динеке Веген. Но, спохватившись, снова опускается на мягкое сиденье. Оборачивается к соседнему креслу, чуть склоняет голову набок и с сочувственной улыбкой смотрит на Карен.

— Н-да, это, конечно, означает, что Юнас Смеед может незамедлительно вернуться на службу. Большое спасибо вам, Эйкен, за помощь, но теперь ничто не мешает Смееду взять на себя руководство расследованием. Вы же отдавали себе отчет, что исполняете обязанности временно, да?

Карен удивленно смотрит на него. Разумеется, совершенно ясно, что ей не придется больше замещать начальника отдела, но она никак не рассчитывала, что и руководство расследованием тоже перейдет к Смееду.

Динеке Веген откашливается:

— Погоди, Вигго. Замечательно, что можно исключить Юнаса из числа подозреваемых, но я не думаю, что он должен возглавить расследование.

Вигго Хёуген хочет возразить, но она останавливает его таким жестом, что он поневоле закрывает рот.

— Даже если он как частное лицо теперь вне подозрений, он очень близко связан с жертвой. Насколько я понимаю, у вас все еще нет ни подозреваемого, ни даже версии или мотива?

Карен неохотно кивает. К сожалению, Динеке Веген совершенно права, это она прекрасно понимает. Вигго Хёуген пользуется случаем и раздраженно вставляет:

— Но ведь как раз поэтому нам и нужен Смеед. Не обижайтесь, Эйкен, но прошло почти пять дней, а мы топчемся на месте.

— Нет, Вигго, как раз поэтому Юнас *не будет* участвовать в расследовании, — терпеливо говорит Динеке Веген. — Нужно провести дополнительные допросы и расширить круг. Едва ли допустимо, чтобы он допрашивал своих родных, например дочь.

— Дочь, — фыркает Вигго Хёуген. — Вы ведь уже беседовали с ней, а? И с ее бойфрендом тоже, как я понял из утреннего отчета.

— Верно, вчера вечером Карл Бьёркен разыскал Самуэля Несбё, и тот

сообщил в целом то же, что и Сигрид, они, мол, допоздна играли в баре, а потом поссорились. Кстати, это не обеспечивает ни ей, ни ему алиби на утро воскресенья, даже если Сигрид не врала насчет того, что делала субботней ночью. Или они оба врут, — добавляет Карен и краем глаза отмечает злой взгляд Вигго Хёугена.

— Как бы то ни было, мы пока не можем сбросить со счетов ни дочь, ни ее бойфренда, — подытоживает Динеке Веген.

Вигго Хёуген не сдается:

— Но каков тогда мотив, как по-твоему? Денег Сюзанна не оставила. А дом...

— Речь сейчас не об этом, — перебивает прокурор, уже чуть более резким тоном. — Совершенно ясно одно: Юнас даже и участвовать в этом расследовании не может, ни под каким видом. Ты знаешь, я не люблю вмешиваться в будничную работу полиции, хотя как прокурор имею полное право взять на себя ответственность и руководство расследованием. Однако на сей раз при необходимости не замедлю вмешаться.

— Ну хорошо, надеюсь, этого не потребует. Мы ведь обычно приходим к согласию, не правда ли?

Карен избегает смотреть на начальника полиции. Когда человека его положения ставит на место лицо еще более высокого ранга, свидетель-подчиненный ни к чему. И ведь он сам, абсолютно непрофессионально, создал ситуацию, мучительно-неловкую для всех троих. Он не преминет сорвать зло на мне, думает она. Рано или поздно.

— Предлагаю вот что: Карен продолжит работать с той же группой, как сейчас, и докладывать непосредственно нам двоим. Юнас вернется на пост начальника отдела, но от этого расследования будет держаться подальше. Договорились?

Хёуген все же наполовину прав, думает Карен, когда четверть часа спустя садится в свое конторское кресло. Лучше бы расследование возглавил кто-нибудь другой. Не Смеед, конечно, но кто-нибудь, у кого достаточно драйва. Сама она вконец опустошена. В свое время она бы мертвой хваткой вцепилась в это расследование, как терьер в мясную косточку. Мечты о карьере были тогда и мечтами о роли начальника, о возможности работать действительно, перспективно, что называется “делать погоду”. Теперь-то она лучше знает, поумнела.

Уже одна мысль о том, что Юнас Смеед вернется, парализует ее. И то, что она остается руководителем расследования и будет отчитываться непосредственно перед начальником полиции и прокурором, через голову шефа, едва ли ослабит напряженность между нею и Юнасом. Его

отсутствие обеспечило временную передышку, позволило глотнуть воздуха, просто ощутить, как возвращается давняя радость от работы. Но глоток иссяк. Случившееся во “Взморье” всегда будет рядом, как грозная туча. Если раньше Юнас питал к ней хоть немного уважения, то уж теперь он его потерял, но хуже всего, что он может проговориться, что узнают другие. Сможет ли она работать под дамокловым мечом, подвешенным над головой на тоненькой ниточке?

Нет, я определенно не гожусь в руководители этого расследования, вздыхает она про себя. Возможно, прокурор сумела бы взбодрить группу, посмотреть на дело под другим углом. Или Карл, думает она, так или иначе, он по-прежнему рвется в бой. В тот же миг Карл вырастает рядом.

— Что они сказали?

— Юнас возвращается командовать отделом, но в расследовании участвовать не будет. Хёуген наверняка уже звонит ему.

Карл кивает.

— Н-да, этого следовало ожидать. Хотя я думал, Хёуген попробует добиться, чтобы Юнас возглавил расследование, раз уж он свободен от подозрений.

Карен медлит. Рассказать, как было, или оставить Карла в неведении, пусть думает, что Вигго Хёуген принял разумное решение?

— Нет, мы продолжим работу, — говорит она, — и я, и вся группа.

— Отлично. Вдобавок ты теперь можешь забыть, — он озирается по сторонам и, понизив голос, продолжает: — про ту ночь в гостинице, ведь алиби Юнаса подтвердилось другим способом, а? Так почему у тебя такой унылый вид?

Карен медленно поворачивается в кресле, смотрит Карлу Бьёркену в глаза.

— Потому что я, черт побери, понятия не имею, в каком направлении нам надо двигаться.

В ту же секунду звонит телефон.

Кнут Брудаль коротко сообщает, что результаты анализа ДНК готовы и подтверждают: покойная действительно Сюзанна Смедд.

— Коль скоро идентификация завершена и касательно причины смерти нет никаких сомнений, тело можно, стало быть, отдать родственникам для захоронения, — говорит он деловым тоном, который никак не выдает, что он лично знал покойную.

Н-да, “родственникам”, думает Карен и видит перед собой Сигрид. Официально Сюзанна других родственников не имеет. Как девочка справится с организацией похорон? О бдении возле покойной нет и речи;

вряд ли Сигрид станет соблюдать давние традиции. Но, вероятно, для нее будет достаточно сложно организовать и сами похороны. Надо надеяться, ей хватит ума обратиться за помощью к отцу. Юнас, конечно, сволочь и к бывшей жене добрых чувств не испытывает, но дочери поможет, стоит только попросить, думает Карен. Так или иначе, им надо торопиться, чтобы соблюсти семидневный срок: покойник должен упокоиться в доггерландской земле до истечения недели. На Фриселе срок короче, пять дней, хотя поколения помоложе все больше перенимают скандинавские традиции. Точнее, норвежские и датские. Во избежание риска, что покойника, как в Швеции, могут продержать в холодильнике до двух месяцев, был принят новый закон. Если у родственников нет времени обеспечить похороны в течение максимум пяти рабочих дней и двух выходных, социальное ведомство берет это на себя и погребение происходит в их отсутствие.

Похороны Сюзанны, наверно, состоятся в субботу, думает Карен. Попрошу Карла пойти, если сама не успею. Хотя вряд ли убийца, как в телефильмах, станет прятаться в кустах на кладбище, поприсутствовать все же любопытно. Вдруг объявится некто, с кем интересно поговорить; например, какой-нибудь старый друг Сюзанны, которого они упустили из виду.

В пятницу без двадцати четыре группа снова оживляется.

Всю рабочую неделю они топтались на месте, словно готовые к старту гончие, а часы неумолимо тикали. И мало-помалу лай в загоне утих. Один за другим проходили критические моменты — первые двадцать четыре часа, когда, как правило, выявляли девяносто процентов всех неуклюжих, опрометчивых преступников, трое суток, в ходе которых преступникам похитрее еще удавалось обманывать следователей. Теперь, на шестой день расследования, угасла и надежда, что ДНК или какая-нибудь другая улика сдвинут расследование с мертвой точки. Все, чем они располагают, уже изучено. И никто не надеется, что еще поступят какие-нибудь интересные свидетельские показания и сыграют роль *deus ex machina*^[6]. Похоже, из того немногого, что им удалось нарыть, ничто их вперед не продвинет. Разве только Диса Бринкманн. Состоялся первый контакт с испанской полицией, но, судя по прохладному ответу, Диса, видимо, улетела домой самолетом скандинавской компании, так что испанские коллеги успели установить ее местонахождение. Вопрос в том, какое касательство семидесятилетняя женщина может иметь к убийству. Сама она его не совершала, это ясно; вся надежда на то, что она может что-нибудь рассказать о Сюзанне. Что-нибудь им неизвестное.

И вот тут Корнелис Лоотс жестом просит Карен подойти.

Отчет о краже со взломом на севере Хеймё, в летнем домике под Турсвиком, прошел мимо внимания группы. Корнелис обнаруживает его более-менее случайно, в очередной раз просматривая внутреннюю информацию по всем преступлениям в стране за последние три недели. Случилась эта кража восточнее паромной пристани в субботу 21 сентября, то есть за неделю до убийства Сюзанны Смеед, а равенбюская полиция задним числом перевела ее в категорию злостных преступлений с попыткой поджога. Именно перевод в другую категорию и привлек внимание Лоотса.

Попытку преступника поджечь дом пресек сосед: учуяв запах дыма, он решил пойти к границе участка и посмотреть, какой идиот из этих хозяев-отпускников разводит огонь в такую погоду. Однако вместо отпускника, расчищающего участок от хвороста, увидел, как из соседского дома вышел молодой парень с рюкзаком на плече и бросил взгляд через другое плечо,

будто удостоверяясь, что зажженный им огонь разгорится как следует.

Сосед, некий Хадар Форрс, хоть и скрепя сердце, сделал единственно правильное. Не стал преследовать молодого пиромана, скрывшегося, как он сообщил, на желтом мотоцикле, позвонил в службу спасения, а затем сам решительно разбил окно, сунул туда садовый шланг и сумел потушить огонь еще до приезда пожарных.

Хозяин дома, Давид Сандлер, который рассчитывал провести последние выходные в летнем домике, чтобы собрать добрый урожай лисичек, укатил на машине в центр Турсвика, в “Квик”, за маслом и сливками, вот тогда-то и случилась кража со взломом. Вернувшись из полуторачасовой отлучки, он обнаружил, что новые полы на кухне пропитаны водой, а запах гари от подпаленных кухонных штор, наверно, не выветрится и через недели. Новый ноутбук и старые отцовские часы “Ролекс”, лежавшие на ночном столике, пропали, а вдобавок он еще и в долгу перед занудой-соседом. Как явствовало из полицейского отчета, Давид Сандлер был отнюдь не доволен.

— С другой стороны, окажись он дома, наверняка получил бы кочергой по голове, — говорит Карл Бьёркен, озвучивая мысли всей группы.

Карен созвала экстренное совещание, и информация о краже со взломом, похоже, пробудила новую надежду. Сейчас все сидят выпрямившись, смотрят на нее, ждут распоряжений.

— Не стоит, конечно, слишком обольщаться, но, пожалуй, надо копнуть насчет других подобных случаев. Давайте сообща детально проанализируем все отчеты о кражах со взломом. Начнем с сегодняшнего дня и двинемся вспять. Я составлю список ключевых слов, чтобы облегчить поиски.

Обычно такая работа вызывала массу вздохов и стонов, но сейчас Карен едва успевает закончить совещание, как все поспешно рассаживаются по местам и берутся за дело.

Через час тридцать пять минут Астрид встает и подзывает остальных к себе. Сперва никто не понимает, что вызвало ее интерес. Еще одна кража со взломом, на сей раз на Ноорё, чуть севернее паромной пристани, между 17 и 20 сентября, когда хозяин был в отъезде. Однако поджечь дом не пытались. Пропали, в частности, два портативных компьютера и некоторое — вероятно, весьма преувеличенное жертвой — количество золотых украшений. Что на Но-орё народ ворует почему зря, в полиции прекрасно известно; взломов много, а раскрываемость крайне невысока. Так что

ничего сенсационного в этом отчете нет. Кроме одной маленькой детали.

К числу украденного относится желтый мотоцикл “хонда” модели “CRF 1000L Africa Twin”.

И снова Карл Бьёркен подытоживает очевидное:

— Тот же парень. Стырил мотоцикл на Ноорё и использовал его в Турсвике. На пароме есть камеры слежения?

Словно незримый газ, всю команду пронизывают одни и те же мысли: может, убийство Сюзанны Смедд — просто взлом, который пошел наперекосьяк? Может, парень, подпаливший дом в Турсвике, неделю спустя проделал то же самое в Лангевике? Может, он следил за хозяйкой дома и знал, что на Устричный Сюзанна обычно уезжала из страны? Может, убил ее со страху, неожиданно застав дома? Может, теперь они выяснили, как и почему была убита Сюзанна Смедд? В таком случае поимка злодея лишь вопрос времени.

Вигго Хёуген — вот кто определенно воспрянул духом. Карен совершенно в этом уверена, когда через полчаса выходит из кабинета начальника полиции.

— Прекрасные новости, — повторяет он и хлопает ладонью по столу. Закрывая за собой дверь, она слышит, как он берет за телефон.

Кондиционер в комнате, где проходят совещания опергруппы, отключается в 20.00, и, когда гул стихает, Карен чувствует, как у нее опускаются плечи. Коричневый картонный стаканчик с глотком виски, которое она стащила из кабинета Юнаса Смеда, — маленькая, но странно приятная отместка в этот последний ее день как врио начальника отдела уголовного розыска. В понедельник Смед после недельного отсутствия вернется к своим обязанностям.

Скоро она встанет и заберет из буфетной два пластиковых пакета с мидиями, которые умудрилась затолкать в холодильник. И ведь успела второй раз забыть, что пригласила домой гостей, но несколько часов назад получила эсэмэску от Эйрика, он спрашивал, надо ли им завтра что-нибудь прихватить с собой. “Ничего! Жду!” — ответила она и как раз успела смотаться в порт до закрытия ларьков. А потом вернулась на работу.

Сейчас она в кабинете одна, положила ноги на стол и разглядывает большую доску у противоположной стены. На самом верху — ряд фотографий Сюзанны Смед. Слева — относительно недавний портретный снимок, предоставленный компанией “Эйра”; все сотрудники их центров носят фотоудостоверения на виду, на рабочей одежде, и всего за четыре минуты Гунилла Муэн сделала распечатку. Справа от серьезной Сюзанны, которая смотрит прямо в объектив, — подборка фотографий убитой на кухне, а также фотографии самой кухни, сделанные с разных ракурсов.

Под этим аккуратным рядом снимков Карл начертил вертикальную линию, указав на ней время немногих известных событий.

Пятница 21 сент., 16.30: Сюзанна покидает рабочее место в “Сульгордене”.

Понедельник 24 сент., 07.45: Сюзанна звонит в “Сульгорден”, сообщает, что плохо себя чувствует и не придет.

Пятница 27 сент., 07.15: входящий звонок на рабочий мобильник Сюзанны, из Копенгагена.

Суббота 28 сент. Информации нет.

Воскресенье 29 сент., 08.30–10.00: возможный промежуток времени, когда произошло убийство, согласно Кнуту Брудалью.

Воскресенье 29 сент., ок. 09.45: Ангела Новак приезжает к Харальду Стеену.

Воскресенье 29 сент., ок. 09.55–10.00: Харальд и Ангела слышат, как от дома Сюзанны отъезжает автомобиль.

Воскресенье 29 сент., 11.49: Харальд Стеен звонит по 112.

Воскресенье 29 сент., 12.25: Сара Ингульдсен и Бьёрн Ланге прибывают к дому жертвы.

Как и положено, на доске записаны также имена немногочисленных людей, которые имели более-менее близкое отношение к Сюзанне: Юнас Смеед, дочь Сигрид и ее бойфренд Самуэль Несбё, Венке и Магнус Хеллевик, Гунилла Муэн. Рядом с именем Дисы Бринкманн стоит знак вопроса. Больше на доске ничего нет; наверно, поэтому ее отодвинули подальше от стола.

Теперь можно вычеркнуть из списка подозреваемых еще два имени.

Несколько часов назад Карл Бьёркен доложил, что Сигрид Смеед рассказала не всю правду. И по-видимому, поступила так в своих собственных интересах.

При поквартирном обходе подъезда Сигрид Смеед в Горде, Карл наконец все же застал дома одного из жильцов (до сих пор очень хмурого), тот занимал квартиру рядом с Сигрид и в воскресенье, без малого в восемь утра, был разбужен скандалом на лестнице. По словам этого соседа, мужчины лет пятидесяти, от которого разило перегаром и рыбой, Самуэль Несбё заявился домой крепко навеселе и обнаружил, что дверь закрыта на цепочку.

Бойфренд Сигрид — сосед узнал его, посмотрев в глазок, — долго и упорно звонил в звонок, потом звал ее, а потом принялся орать, чтобы она открыла.

В итоге она, очевидно, впустила его, потому что, по словам соседа, скандал продолжался уже в квартире, они кричали друг на друга, пока этак через час бойфренд не ушел, совершенно разъяренный.

“Вам не показалось, что они дерутся?” — спросил Карл, мысленно удивляясь, что никто не вызвал полицию. С другой стороны, он вообще-то знал почему: квартирные скандалы в Горде обычное дело, а народ предпочитал держаться от полиции подальше.

“Пес их знает, но, когда он ушел, она была жива, по крайней мере я слышал, как она ревмя редела”.

Карен вообще-то не рассматривала дочь Сюзанны как вероятную преступницу, но теперь, стало быть, и ее, и бойфренда можно решительно вычеркнуть из списка подозреваемых. Осталось всего две тонкие ниточки

— надо установить личность мотоциклиста на желтой “хонде” и связаться с Дисой Бринкманн. Может, кто-нибудь из них выведет расследование из тупика, только вот до возвращения Смееда уже не успеть. Неделя без конкретных подвижек — это он мне не раз припомнит, мрачно думает она, глядя в окно, где по стеклу бегут струйки дождя. Люди уже устали обсуждать резкую перемену погоды — от летнего тепла Устричного фестиваля до раннего наступления ночей с нулевой температурой и нескончаемого дождя. И прогнозы метеорологов неутешительны: с Атлантики надвигается циклон, только и ждет, чтобы накрыть Доггерландские острова и сделать свое дело.

Карен рассматривает калейдоскоп серых оттенков на оконном стекле, мысленно перепроверя свои записи. Она уже наизусть их выучила, так что открывать черную папку совершенно незачем.

Про себя она перелистывает страницы, добирается до заметок о личности Сюзанны, где слово “конфликт” повторяется фактически всюду: множество конфликтов с Юнасом в браке и после развода, прежде всего из-за денег и земельной собственности. Конфликты с дочерью из-за постоянных стычек с отцом и разочарования Сюзанны по поводу того, что балерина-дочь в тюлевой пачке превратилась в молодую девушку с пирсингом в носу и татуированными руками. Конфликты с работодателем по поводу использования рабочего мобильного в личных целях и по поводу должности, которой Сюзанна не получила. Конфликты с энергетической компанией “Пегас” по поводу земельного права и шума от ветровых турбин возле ее дома. Конфликты с Венке Хеллевик, когда Сюзанне не понравилось, что та не уделяет ей достаточно времени.

Никаких конфликтов с Самуэлем Несбё не выявлено, хотя вполне допустимо, что ввиду весьма прохладных отношений Сигрид с матерью бойфренд тоже вряд ли питал к Сюзанне теплые чувства. Случались ли конфликты между Сюзанной Смеед и Дисой Бринкманн, пока что неизвестно.

На полях есть и заметки о целом ряде мелких конфликтов с коллегами по работе, с автобусной компанией и поставщиками товаров и услуг, которыми она по разным причинам была недовольна. Судя по всему, Сюзанна Смеед конфликтовала едва ли не со всеми, с кем имела дело.

Со мной тоже, думает Карен, с неудовольствием вспоминая стычку у кассы в магазине. Сюзанна явно имела зуб на Карен Эйкен Хорнби задолго до того, как у нее появился повод. Но о случившемся во “Взморье”, в номере 507, она никогда не узнает.

Вопрос в том, есть ли тут достаточно серьезная причина, чтобы убить

Сюзанну. Неужели она до такой степени отравила кому-то жизнь, что человек полностью потерял рассудок? Или ей были известны факты, представлявшие для кого-то опасность? Без всяких конкретных оснований у Карен сложилось впечатление, что Сюзанна была из тех, кто мог бы опуститься до подобной низости. Неужели она занималась шантажом?

Однако, думает Карен, потягивая виски, все эти размышления не играют никакой роли. Судя по разгоряченному голосу Вигго несколько часов назад, убийство Сюзанны Смеед, считай, раскрыто.

“Даже вы не можете не видеть, что дело предстает в совершенно ином свете, — сказал он. — Вся эта печальная история получает вполне логичное объяснение”.

Н-да, почему бы и нет, думает Карен, отпивая еще глоток, вполне возможно, что кражи со взломом на Ноорё и в Турсвике совершил один и тот же парень. По какой-то причине он добавил себе адреналина, попытавшись при втором взломе еще и поджечь дом. И отнюдь не исключено, что он же затем продолжил свое турне в Лангевике. Возможно, Сюзанна его застучала или ему приспичило зайти еще дальше. Он взлома через поджог к убийству. Классический случай притупления, феномен далеко не редкий, потребность в усилении стимуляции, особенно распространенная среди преступников с психопатическими наклонностями. Однако, думает она, обычно процесс эскалации все же занимает не неделю, а значительно больше времени.

— Приятных выходных.

Голос доносится от двери, Карен невольно вздрагивает, и остатки виски выплескиваются из стаканчика.

— Ты еще здесь? Я думала, все уже ушли, — бормочет она, вытирая руку о джинсы.

— Я не хотела тебя пугать. — Астрид Нильсен застегивает молнию на парке.

Вид у нее в самом деле усталый, думает Карен, чувствуя укол совести. Ввиду обнаруженных фактов возникла необходимость просмотреть записи камер слежения по всем рейсам паромов и постараться выявить все преступления, возможно, связанные с двумя взломами. А учитывая упорное нежелание местных полицейских участков использовать новую внутреннюю систему оперативно-розыскной отчетности, которая, по отзывам айтишников, через одиннадцать месяцев после внедрения по-прежнему страдает “детскими болезнями”, придется обзванивать участки и выяснять все по телефону. Астрид Нильсен получила задание свести всю информацию воедино.

— Надеюсь, не мои рабовладельческие замашки держат тебя вечером в пятницу вдали от мужа и детей, — с улыбкой говорит Карен.

Секунду Астрид медлит, потом собирается с силами:

— Нет, ты ни при чем. Дети у моих родителей, а Ингемар... наверно, лучше сразу сказать, вы ведь все равно узнаете. Мы с Ингемаром разводимся.

Карен снимает ноги со стола, наклоняется вперед.

— Зайди-ка, — говорит она. — Можешь присесть на минутку?

Астрид опять медлит, потом медленно расстегивает молнию. Ни слова не говоря, садится в кресло, и Карен видит, как она сжимает губы.

— Рассказывай, что стряслось.

В течение следующего получаса Карен понимает, что в жизни Астрид Нильсен все отнюдь не гладко и что муж у нее не такой уж и набожный, как она воображала.

Церковь не сказать чтобы переполнена, но все же Карен удивлена, сколько народу собралось этим субботним утром в Лангевике на похороны Сюзанны Смеед.

Впереди вместе с Венке и Магнусом Хеллевик сидят Сигрид и Юнас. Словно из уважения к скорбящим близким, ряд скамей у них за спиной пуст, но на остальных местах Карен узнает Гуниллу Муэн в обществе какой-то женщины, видимо, тоже сотрудницы “Сульгордена”. На жестких скамьях расселись и соседи из городка; даже Харальд Стеен притащился, как и Одд Марклунд, Йаап Клус и Эгиль Йенссен с женой. Можно только гадать, кто пришел из уважения к покойной, а кто исключительно из любопытства. Сама Карен сидит в одном из задних рядов по левую сторону, надо полагать, ни Сигрид, ни Юнас ее не видели. Венке Хеллевик, правда, узнала ее, кивнула и легонько улыбнулась.

Сигрид вошла в церковь чуть впереди отца, бледная, замкнутая. Сейчас, когда говорит священник, она сидит, опустив голову, и Карен видит, что Юнас пытается что-то сказать дочери, а она сразу же отворачивается.

Псалмы обычные, священник, к счастью, говорит недолго, лишь самое необходимое. Но сквозь шорох земли, падающей на крышку гроба, Карен слышит в первом ряду сдавленное всхлипывание. Она уже не видит Сигрид и лишь через несколько секунд понимает, что та наклонилась вперед, сложилась чуть не вдвое. Юнас Смеед тревожно ерзает, Венке Хеллевик касается ладонью спины Сигрид, но тотчас снова убирает руку.

Через полчаса все заканчивается. Когда Карен в числе последних выходит из церкви, она видит, что Юнас и Сигрид уже стоят на маленькой парковке, тогда как Венке с мужем задержались на церковном дворе, разговаривают со священником. Юнас и Сигрид явно о чем-то спорят. Он открывает дверцу машины, вроде как уговаривает ее сесть, но дочь качает головой. Он жестом показывает на автомобиль, на сей раз с досадой, но она, скрестив руки на груди, упрямо не двигается с места. Потом вдруг резко поворачивается и идет в сторону кладбища, Юнас что-то кричит ей вдогонку.

Потом он садится в машину, с силой хлопает дверцей, так что все невольно оборачиваются, а Венке Хеллевик, бросив в сторону брата

встревоженный взгляд, быстро заканчивает разговор со священником и вместе с мужем спешит к парковке.

Они уже почти у цели, но Юнас задним ходом вырывается с парковки и мчится прочь, только гравий из-под колес брызжет на соседние машины.

Секунду Венке стоит в нерешительности, смотрит то на отъехавший Юнасов автомобиль, то на Сигрид, которая через кладбище идет в противоположную сторону. Венке раздосадованно качает головой, что-то говорит мужу, и оба садятся в машину. Спокойно, вовсе не рывком, Магнус Хеллевик выводит с парковки свой “вольво” цвета синий металлик и уезжает прочь.

Последнее, что видит Карен, садясь в свой “форд”, — узкая спина Сигрид, исчезающая в тисовых зарослях.

Шуршащий перестук мидий, сыплющихся из ведра в мойку, заставляет Руфуса поспешно ретироваться из кухни на диван в гостиной. Ничего, скоро вернется, думает Карен и, точно хирург перед важной операцией, не спеша натягивает резиновые перчатки, глядя на блестящие черные ракушки. Потом берет ножик с коротким лезвием и принимается за дело. Пять кило мидий надо очистить от грязи и водорослей, времени уйдет много, но гости приедут лишь через несколько часов. Человек восемь или девять: Коре с Эйриком и Марики будут точно; Эйлин сперва сомневалась, удастся ли найти приходящую няню, но потом сообщила, что они с Бу тоже приедут. Черт, подумала Карен. Бу наверняка не обрадуется, узнав, что придется провести вечер в компании теток и двух геев. И не столько ради Бу, сколько ради Эйлин и ради общей атмосферы она вдобавок пригласила своего кузена Турбьёрна и его жену Веронику. Это изрядно поднимет Бу настроение. Выдающийся юрист, с недавних пор начавший политическую карьеру, он наверняка уже обзавелся широкой сетью контактов, однако они с Вероникой состоят в одной партии, а планы у Бу весьма амбициозные. Ради Эйлин, внушает она себе.

Если она вообще хочет повидать подругу, никуда не денешься — надо пригласить и ее мужа и проследить, чтобы он пребывал в добром расположении духа. Только бы Марики держала язык за зубами, тогда все пройдет хорошо. Ведь Марики считает, что муж у Эйлин “полное дерьмо” с “нездоровой потребностью все контролировать”.

“Я совершенно уверена, что он ее бьет. Почему она всегда носит длинные рукава?” — сказала Марики прошлым летом.

И Карен спросила напрямик. Заехала, когда точно знала, что Бу нет дома. И после двух чашек кофе наконец кое-как выложила свои опасения, а Эйлин в ответ рассмеялась. У Бу, конечно, свои тараканы, но он никогда пальцем ее не тронул. Конечно же, нет.

До сих пор неловко.

Мобильник на кухонной лавке звякает, Карен вытирает руки. Эсэмэска от Астрид: *К сожалению, сегодня вечером прийти не смогу. Всю ночь не спала, да и дел полно. Но за приглашение спасибо, и с днем рождения тебя!*

Внезапная идея пригласить коллегу была вызвана и ее неожиданным признанием, и симпатией. Барышня Пчелка и ее лощеный муж-айтишник

Ингемар разводятся, а повод — измена. Астрид узнала о ней случайно, так она сказала. Классический расклад — по ошибке вскрытый конверт, адресованный мужу, проверка состояния счета и внезапное озарение, от которого мир остановился, а она сама заледенела. Три ужина в ресторане и ночь в отеле. В Париже.

Черным по белому Астрид прочитала, что в эти выходные Ингемар вовсе не ездил с приятелями в Лондон на матч Премьер-лиги.

Он сознался сразу. Предыдущая футбольная поездка тоже обман, но остальные — чистая правда. Последнее он прочувствованно подчеркнул, будто по крайней мере это можно засчитать в его пользу.

“У него с той женщиной действительно все всерьез?” — спросила Карен и тотчас пожалела о своих словах.

“По-твоему, это имеет значение? Мне что же, дожидаться, пока он выпустит сексуальные пары, а после, когда устанет, приползет обратно?”

Нет, Карен так не считала, хотя с годами все меньше верила в вечную верность. Неужели вправду нельзя простить и идти дальше? Любовная интрижка вряд ли наихудшее, что может постичь семью. Не то что дальнбойщик, который без предупреждения идет на поворот.

Вслух она сказала:

“Ясное дело, нет. И давно ты узнала?”

“Вечером во вторник. Мы собирались отправить мальчиков к матери Ингемара, чтобы поговорить в эти выходные, но я не хочу. Только что забронировала по телефону номер в «Ривале». Возьму с собой бутылку и буду сидеть в номере, но лучше, наверно, в гостиничном баре. Подцеплю кого-нибудь, в отместку”.

На миг у Карен мелькнула мысль сходить в кабинет Юнаса за бутылкой виски и отдать ее Астрид, но она тотчас передумала. Сидеть в одиночестве гостиничного номера ей, пожалуй, совершенно ни к чему. Бар в “Ривале” не лучше, но там хотя бы не так одиноко; вряд ли будет сложно подцепить кого-нибудь.

Тут ее и осенило:

“Если можешь повременить с отместкой, буду рада видеть тебя у меня дома”.

Получив приглашение, Астрид не сказала ни да, ни нет. Может, она все-таки махнет к сестре в Равенбю, хоть это и требует сил, а Карен сказала, чтобы она просто приезжала, если захочет.

Пожалуй, для нее разумнее не приезжать, думает Карен и осторожно стучит ножом по открытой мидии. Сегодня у Астрид наверняка есть дела поважнее — обдумать, как сообщить детям, например. И родителям

хлеба на закваске. — Во всяком случае, выпечены нынче утром, по словам продавца. И вот это тоже прямо из печи.

Марике осторожно ставит на стол вторую сумку и вытаскивает большое керамическое блюдо, голубое с зеленым. Краски перетекают одна в другую, как бы несколькими слоями, толстая глазурь создает ощущение трехмерной глубины, словно заглядываешь в мелководный морской залив.

У Карен нет слов. Она молча обнимает Марике и долго не отпускает.

— Ну-ну, хватит. Вино у тебя найдется?

Через полтора часа Карен Эйкен Хорнби стоит в лодочном сарае, созерцая преобразование. Необдуманного слова насчет лодочных сараев, переоборудованных в дополнительные помещения, оказалось достаточно, чтобы Марике немедля взялась за дело. Звонок Коре и Эйрику, которые как раз садились в машину и, безусловно, могли заехать в мастерскую. Быстрый обход дома и визит в сарай. Сама Карен тем временем порубила и поджарила лук, чеснок и морковь, подлила вина и сливок, а в конце концов расплавила большой кусок овечьего сыра. Потом почистила яблоки и запекла их в сливочном масле с сахаром, достала из холодильника слоеное тесто, выстлала противень бумагой, а Марике, уже вместе с Коре и Эйриком, оттащила к морю две старые двери, четверо козел и две старые простыни.

Благодаря удлинителю, который змеей протянулся от заземленной розетки в садовом домике наискось через дорожку до лодочного сарая и обогревателя, температура там поднялась по меньшей мере градусов на десять.

Длинный стол устроили вдоль длинной стены; танцев импровизированная столешница, пожалуй, не выдержит, а тем, кто будет сидеть спиной к огромному дубу, придется соблюдать осторожность, чтобы не плюхнуться в воду. Но при свете множества стеариновых свечей и фонариков, какие они сумели тут разыскать, не видны ни остроги, ни лопаты, ни вилы, ни рваные сети, ни желтые дождевики, ни старая ржавая железная койка из двух частей, которую ее отец когда-то затащил сюда, потому что жена сказала, что в дом она попадет только через ее труп.

На садовых стульях, на кухонных стульях и лавке, которая с недавних пор стояла в сарае, лежат свернутые пледы. Стол накрыт двумя белыми простынями, и кто-то — Карен подозревает, что Эйрик, — соорудил из сетки для курятника, из можжевельника и рябиновых ягод, уцелевших после налета свиристелей, столовый декор, вьющийся среди тарелок и бокалов. — С годовщиной! — Коре улыбается, прочитав на ее лице удивление. — Не так уж глупо дружить с парочкой энергичных геев и маньячкой-датчанкой, а?

Спустя несколько часов компания пребывает в сытом и уютном подпитии. Вот такие вечера надо запоминать, думает Карен, обводя

взглядом всех и каждого за столом. Рядом с ней сидит Коре, он наклонился к Марике, и оба судачат о чем-то, что вызывает у них взрывы громкого смеха. Коре не иначе как выболтал какую-нибудь нескромную подробность вчерашней записи в студии “КГБ-Продакшнз”, которой он владеет на паях с двумя шведами и которая, по непонятной Карен причине, невероятно популярна у артистов со всей Европы. Пока Марике разговаривает с Коре, можно особо не опасаться, что она затеет конфликт с Бу.

Турбьёрн и Бу в самом деле, как говорится, нашли друг друга, кузен внимательно рассматривает что-то, что Бу чертит вилкой на скатерти. Турбьёрн заинтересованно кивает, тянется за бутылкой вина, наполняет их бокалы. На другом конце стола Эйрик с серьезным видом что-то обсуждает с Эйлин, которая выглядит озабоченной и рассеянно крошит ломтик хлеба. Она единственная нынче вечером абсолютно трезва, оттого-то и выглядит так серьезно, ведь сегодня ей, разумеется, предстоит сесть за руль. Или, может, все дело в том, что муж у нее хреновый, думает Карен. Хорошо хоть сегодня Бу не проявляет несдержанности и пока что не отпустил ни одного пренебрежительного комментария по адресу жены.

Астрид не приехала; будем надеяться, что она у сестры, а не торчит в баре гостиницы “Риваль”, думает Карен и встает: надо убрать со стола. Потом она сварит кофе и подогреет яблочный пирог.

— Сиди! — Коре опять усаживает ее на стул.

Она оборачивается к Веронике, которая молча наблюдает за остальными. По всей видимости, ей тоже выпала роль шофера, она лишь чуточку пригубливает вино. На полицейскую проверку Турбьёрн и Вероника определенно не нарвутся, для них самый быстрый путь домой — узкая дорога через Лангевикскую грядку, а там последние три десятка лет ни один полицейский патруль не появлялся, но Вероника заседает в парламентской комиссии по здравоохранению и рисковать никак не может. Встретившись взглядом с Карен, она приподнимает бокал:

— Твое здоровье, Карен, до по-настоящему круглой даты всего год остался! Как бежит время. Мне уже страшно, хотя пока что год-другой есть в запасе.

— Н-да, на будущий год мне только и остается, что в омут с головой, — криво улыбается Карен и отпивает два больших глотка вина. — Как дела в парламенте, есть подвижки с новыми гарантиями социального обеспечения?

Еще не договорив, она жалеет, что спросила. Предвыборные обещания Прогрессивной партии предоставить место в интернатах всем, кому за восемьдесят, бесплатное лечение у стоматолога всем моложе восемнадцати,

а также место в наркологической клинике и гарантированное жилье всем, кто согласен подписать так называемый договор о свободе от наркотиков, разумеется, обеспечили им голоса, необходимые, чтобы разделить власть с либералами, но тем труднее их сдержать. После образования правительства прошло уже два года, а газеты все еще полнятся сообщениями о стариках, которым отказывают в местах в интернате, а число наркоманов, готовых принять договорные условия реабилитации, крайне невелико. Вдобавок, судя по утренним новостям, статистика свидетельствует, что развитие идет не в том направлении.

Вероника Бреннер отвечает как политик, с улыбкой:

— Спасибо, думаю, родители наших тинейджеров рады, что им не нужно оплачивать высокие счета стоматологов.

Вероятно, думает Карен. Газеты писали, что рекомендации стоматологов выправить прикус прямо-таки хлынули лавиной. Скоро каждый кривой зуб на Доггерландских островах будет искоренен. Жаль только, на две более достойные внимания реформы денег не нашлось.

Вслух она говорит:

— Да, пожалуй, требуется еще немного времени.

— Кстати, о времени, — говорит Вероника, — как там ваше расследование? Неужели до сих пор топчетесь на месте? — Не дожидаясь ответа, она продолжает: — Я слыхала, Юнас Смеед в понедельник выходит на работу. Радуетесь небось?

— Как ты узнала?

Секунду Вероника Бреннер выглядит озадаченно.

— Ну... — неуверенно говорит она, словно размышляя, не будет ли в ее ответе чего-нибудь компрометирующего. — Кажется, об этом упомянула Аннике Хёуген, жена Вигго. Мы с ней знакомы еще по молодежному союзу партии, ты же знаешь. Да, точно, именно она упомянула, что Юнас, так сказать, вновь принимает бразды правления.

— Верно, в понедельник Юнас выходит на службу, — говорит Карен. — Но в расследование убийства бывшей жены он, разумеется, вмешиваться не будет. Наша группа продолжит работу, как раньше.

Вероника смеется.

— Ну, пожалуй, все же не как раньше, будем надеяться. Пора бы установить, кто убил бедняжку Сюзанну.

— Ты ее знала?

— Я бы не сказала, но, пока она была замужем за Юнасом, мы встречались на разного рода общественных мероприятиях.

— А позднее, после их развода, ты встречала ее?

Вероника удивлена.

— Да нет. — говорит она, будто вопрос кажется ей странным. — Нет, точно не встречала. Видела ее в городе, конечно, и, возможно, мы перекидывались словечком-другим, особенно на первых порах, сразу после развода, но не в последние годы. Однако я с ней всегда здоровалась, — добавляет она.

Как мило с твоей стороны, думает Карен. У нее никогда не было тесного контакта с единственным кузеном по матери, хотя жили они с Турбьёрном довольно близко друг от друга. Встречались, понятно, на семейных торжествах, свадьбах и похоронах, но в общем-то и все.

Уже взрослой она предприняла несколько попыток сблизиться с Турбьёрном, заезжала на кофе, раз-другой приглашала его и Веронику к себе. Старалась не обращать внимания на его чванливое отношение к окружающим и поистине неиссякаемую потребность подзаработать. Так или иначе, есть в этом неотесанном кузене что-то, вызывающее у нее симпатию. Может быть, то, что Турбьёрн никогда не притворяется, признает и свои предрассудки, и свою скупость. И в отличие от жены особо не стремится в социальные верхи. Да и дальновидностью не отличается; после того как приезжая Марикике благодаря Карен купила глинистый участок по сходной цене, он несколько недель вообще с кузиной не общался, но позднее никогда об этом не заговаривал и косо на нее не смотрел.

Вероника совсем другая. В отличие от мужа Вероника Бреннер всегда норовит подколоть исподтишка и с улыбкой. Она никогда не комментировала тот факт, что, не вмешайся Карен, они бы выручили за глинистый участок вдвое больше, однако, хотя они уже почти семь лет живут по соседству с Марикике Эструп, Вероника именуется долговязую (метр восемьдесят!) и всемирно известную художницу то Марита Эструп, то Марикике Эрнструп или — в разговорах с Карен — просто “твоя датская подружка”.

Выражение лица Карен, вероятно, побуждает Веронику продолжить:

— Вообще-то я бы и в прошлую субботу раскланялась с Сюзанной, только, по-моему, она меня не видела. И потом... ну...

— Что ты сказала? — Карен отставляет бокал. — Ты видела Сюзанну?

— Да, видела, за день до убийства, — подтверждает Вероника. — Когда услышала о случившемся, я подумала, что это был последний раз. Ужасно: никогда не знаешь, что видишь кого-то в последний раз.

— Когда в точности это было и где?

Приказной тон заставляет Веронику неодобрительно нахмурить брови,

но она беспрекословно отвечает:

— В субботу утром, на парковке возле глубоководной гавани. Алиса приехала ранним паромом из Эсбьерга, надо было ее встретить. Она ведь учится в Копенгагене, но на Устричный фестиваль приехала домой. И мама, понятно, ждет с машиной, хотя на часах всего семь утра и очень не мешало бы поспать после шестидесятичасовой рабочей недели.

Последние слова Вероника произносит громким голосом и многозначительно смотрит на мужа, который спокойно разговаривает с Бу, как бы и не слыша ее упрека.

— Ты не видела, она кого-то встречала или сама приехала на пароме?

Карен задает вопрос, хотя совершенно уверена в ответе. Сюзанна сказалась больной и вполне могла куда-то собраться, но ее имя не значится ни в одном из проверенных списков пассажиров.

— Я об этом как-то не думала, — говорит Вероника. — Над крышами автомобилей я видела только ее голову, и, судя по всему, припарковалась она совсем неподалеку. Но вряд ли она оставила бы машину на неохраняемой парковке, если б ездила в Данию. Ты же полицейская и знаешь, чем это грозит: к твоему возвращению все шины будут изрезаны в ключья.

Пожалуй, она права, думает Карен. С тех пор как возле терминала построили парковочный гараж, бесплатной стоянкой в восточной части гавани пользуются только те, кто кого-нибудь встречает или, наоборот, провожает на паром, да работники гавани. Но если Сюзанна сама не приехала на пароме, значит, она кого-то встречала. С весьма большой вероятностью, того человека, который позвонил ей в пятницу в 07.15 и известил о своем приезде.

— Ты не видела, с ней кто-то был?

Вероника медлит.

— Не знаю. В смысле, я никого не видела, но, помнится, мне показалось, будто она с кем-то разговаривала.

Звук от падения пустых бутылок в зеленый контейнер перерабатывающего завода режет уши, и Карен стискивает зубы, когда последняя винная бутылка падает в стеклянную кучу. Хотя она и отнеслась к этому спокойно, вчера они здорово засиделись. Спать улеглись лишь около половины четвертого, но несносный жаворонок Эйрик накрыл завтрак и ароматом свежесваренного кофе умудрился в половине десятого поднять всех с постели.

Она отклонила предложения остальных помочь с уборкой; Марики, Эйрик и Коре поработали вчера более чем достаточно, к тому же все они были явно не в силах заниматься уборкой. Да и она рассчитывала побыть в одиночестве и вздремнуть еще часок-другой.

— Поезжайте домой, — сказала Карен за завтраком, обведя взглядом своих похмельных гостей. — Купите пиццу и ложитесь на диван. А посуду я вечером перемою.

Но когда последняя автомобильная дверца захлопнулась, она вернулась на кухню и принялась за дело, на удивление энергично. Посуду перемыла за полчаса, да и уборка в лодочном сарае заняла примерно столько же времени. Столы и садовые стулья пока побудут там, а вот кухонные стулья она занесла в дом. Потом зашла в садовый домик, сняла белье с постели Коре и Эйрика и сунула в стиральную машину, после чего собрала пустые бутылки и газетный урожай нескольких недель, загрузила в машину и поехала к мусоросборнику в конце дороги. В городе до сих пор так и говорили: конец дороги. Для других это место было ее началом.

Сейчас она сворачивает последние бумажные сумки, заталкивает их в контейнер для бумаги и садится в машину. Опять подкрадывается усталость, после перетаскивания стульев и пустых бутылок она чувствует себя разгоряченной и потной. Вдобавок эта противная морось, думает она, глядя на свинцово-серое небо. Пока они сидели вчера в лодочном сарае, дождь после короткой передышки зарядил снова, так что они сновали в дом и из дома за кофе, вином и в туалет, укрываясь куском брезента.

Стакан пива в “Зайце и вороне” был бы очень кстати, думает Карен. В баре можно просмотреть и вечернюю газету; в эту пору года местные мужики с “Квелльспостен” под мышкой обычно появляются там уже часиков в двенадцать. На улице тоскливо и мрачно, но внутри есть то, что ценится превыше всего, — свет и компания. В ближайшие месяцы многие

владельцы пабов, а не только Арильд Расмуссен, будут потирать руки и с удовлетворением слушать звон марок и шиллингов в кассовых аппаратах, писк считывателей карт и шорох отрываемых листков с заказами.

Карен смотрит на часы — почти полвторого. Включает зажигание, бросает взгляд в зеркало заднего вида и разворачивается.

Через восемь минут она сбрасывает скорость и перегибается через пассажирское сиденье, чтобы лучше видеть. Внезапное ощущение дежавю охватывает ее и на миг приводит в замешательство. Но сгорбленная фигура, бредущая по лужайке, на сей раз не Сюзанна Смеед. Там кто-то другой. И этот кто-то вытаскивает из дома хлам и кучей сваливает на участке.

В следующую секунду Карен останавливает машину у обочины. Она слышала, как Карл по телефону сообщил Сюзанниной дочери, что криминалисты закончили с домом и полиция в доступе туда более не нуждается. Но почему-то ей в голову не приходило, что Сигрид отправится в Лангевик. Несколько минут она наблюдает за худенькой фигуркой, которая села на ступеньки крыльца, очевидно, не в силах продолжать свое занятие. Похоже, девушка здесь одна, и немного погодя Карен кладет руку на рычаг скоростей. Но опять замирает; что-то в облике этой одинокой фигурки не позволяет ей уехать. Чертыхнувшись про себя, она вынимает ключ из зажигания и открывает дверцу машины.

Сигрид сидит, наклонясь вперед, подперев голову руками, и не замечает Карен, пока та не подходит ближе. Поднимает голову и пробует встать, но не может.

— Привет, Сигрид, это всего лишь я. Карен.

Сигрид молча кивает. Лицо у нее бледное как мел, глаза блестят. Скорбь, думает Карен. Вот как выглядит скорбь. Быстрым шагом она подходит к одинокой девушке, садится рядом. Сигрид медленно поворачивается к ней лицом, смотрит в глаза, закашливается и отводит взгляд. По хриплому кашлю Карен догадывается, что глаза у девушки блестят не только от слез. У Сигрид жар.

— Девочка, что с тобой такое?

По крайней мере, ей хватило ума надеть дождевик, думает Карен, глядя на длинные мокрые волосы, облепившие лоб и щеки. Она осторожно отводит волосы, щупает ладонью лоб Сигрид.

— Сигрид, ты же больна. Тебе нельзя здесь сидеть.

Она решительно берет худенькую девушку за плечи, поднимает на ноги и ведет в дом. Не на кухню, а в гостиную, сажает на диван. Останутся грязные пятна, думает Карен, смотрит на ручейки, стекающие с плаща на светлую обивку.

— Давно у тебя температура?

— Только сегодня поднялась, по-моему.

Голос слабый, в нем нет и следа заносчивости, с которой она держалась, когда Карл и Карен навещали ее на квартире в Горде.

— Ты принимала жаропонижающее?

Сигрид кашляет и мотает головой.

— Подожди здесь.

В четыре прыжка Карен взбегаёт на второй этаж. Надо полагать, у Сюзанны в аптечке найдётся что-нибудь, помимо снотворного.

Несколько минут спустя Сигрид послушно сует в рот таблетку парацетамола и запивает водой из стакана, который ей протягивает Карен. С гримасой глотает.

— Горло болит?

Сигрид кивает.

— Ты давно здесь?

— Со вчерашнего дня. Думала посмотреть... надо ведь заняться.

Голос срывается, и она не заканчивает фразу. Ложится на бок, кладет голову на подлокотник дивана, ноги в резиновых сапогах стоят на полу. Карен видит, как вода с длинных черных волос пятном расплзается по декоративной розовой подушке.

Сама она садится в одно из кресел напротив дивана, не сводит глаз с хрупкой фигурки. Должно быть, Сигрид пришла сюда сразу после похорон; именно сюда она направилась, когда оставила Юнаса на парковке и зашагала через кладбище. Карен быстро прикидывает, что делать. Оставлять Сигрид здесь нельзя, она слишком больна, чтобы находиться в одиночестве. Сама же она вовсе не намерена торчать в доме Сюзанны и присматривать за трудным подростком. Мало того что это неловко, но, пожалуй, еще и этически неправильно, чтобы она, руководитель расследования, ночевала в доме жертвы, пусть даже криминалисты и закончили свою работу. Звонить Юнасу и просить его позаботиться о дочери тоже неприемлемо, по многим причинам; Сигрид, похоже, не хочет контактировать с отцом, а сама она даже думать не желает о разговоре с ним. Остается бойфренд Сэм Несбё, если они не разругались вконец, но у нее нет его телефона, а имена других приятелей Сигрид ей вообще неведомы. Она быстро перебирает оправдания, мелькающие в голове. Наверно, Сигрид сама справится, если я помогу ей лечь в постель. А утром вполне могу заехать и глянуть, как она. Да, она больна, но ведь не смертельно. Не случись мне проезжать мимо, ей бы пришлось справляться самой.

Чего ради мне тут оставаться?

Карен встает.

— Сигрид, здесь ты лежать не можешь, поедем ко мне домой.

Ответ, каков бы он ни был, тонет в приступе кашля.

— Можешь встать и дойти со мной до машины? Она стоит на дороге.

К своему удивлению, она видит, как Сигрид медленно садится и кивает.

— Я видела в передней твой рюкзак. Еще что-нибудь хочешь взять с собой?

Сигрид молча качает головой.

Ключи от дома лежат на столике в передней, и Карен, быстро проверив, выключены ли плита и кофеварка, гасит свет и запирает дверь. Обводит взглядом двор. Прямо на глинистой лужайке кучей свалены одежда, декоративные подушки, шторы и цветастые простыни. Рядом стоит большая картонная коробка, промокшая от дождя. Карен узнает некоторые Сюзаннины безделушки; из коробки, которая грозит вот-вот развалиться, торчат подставка лампы и рамки с фотографиями. Секунду Карен размышляет, не прикрыть ли все это брезентом, ведь кто-нибудь из любопытных соседей может позариться на вещи, но от нового приступа кашля Сигрид буквально сгибается пополам, и Карен отбрасывает эту мысль. Главное сейчас — быстро обсушить девушку и уложить в постель.

Через полчаса она стоит на пороге гостевой комнаты, смотрит на спящую девушку. Волосы по-прежнему влажные, попытка высушить их феном, пока Сигрид нехотя пила горячий отвар из шиповника, удалась только наполовину. Перестилать постель было некогда, ну да ничего, обойдется простынями Марике, по крайней мере до утра. Температура у нее 39,8, и это после нескольких глотков горячего отвара и жаропонижающих таблеток. Через час-другой надо измерить температуру еще раз, однако сейчас больше ничего, пожалуй, сделать нельзя. Она тихонько закрывает за собой дверь, но, передумав, оставляет ее приоткрытой и спускается вниз.

Вот уж две недели то морось, то пролитье. Почва пропиталась водой, и полевые дороги начинают принимать все более бурый глинистый оттенок, распространяющийся от переполненных канав. Люди закутались в водонепроницаемые коконы — некрасивые, зато практичные куртки и пальто.

Месяцы борьбы с погодными стихиями пройдут под качающимися уличными фонарями, на опустевших игровых площадках и в безмолвных пустых парках. Резкие ветра и дождь со снегом исхлещут всю страну от горных кряжей Ноорё до просторных верещатников Фриселя. Шторма будут налетать и утихать, срывать с трудом возведенные загородки и стены, которые мужчины станут без протестов чинить окоченевшими руками. Много лиственных и хвойных деревьев будет сломано, суда поневоле останутся в гаванях, а рыбаки с нетерпением и опаской будут ждать очередной возможности выйти в море.

Женщины облегченно вздохнут, поскольку суда на приколе, а с другой стороны, встревожатся: как прожить, если нет улова. Будут шагать против ветра, таская тяжелые сумки с провизией, молча проклиная повышение цен и выплату кредитов и вознося молитву, чтобы денег хватило до следующей зарплаты.

Но в потемках возникнет и кое-что другое. Черные окна доходных домов засияют электрическими венками, звездами и полумесяцами. Балконные решетки обовьют сосновыми веточками и гирляндами лампочек, возле каждого дома выставят фонарики с сальными свечками, достанут с чердаков и сметут с полок магазинов подсвечники и подставки для греющих свечек, в пожарную сигнализацию вставят новые батарейки, в печах и каминах будут, дыша теплом, потрескивать березовые дрова.

Она завела будильник на шесть, но просыпается за полчаса до звонка. В глубины сна проникает звук шагов, в конце концов подступает совсем близко, уколов испугом. В следующую секунду из соседней комнаты доносится хриплый кашель — и память оживает. Сигрид. Карен быстро проходит в гостевую комнату, останавливается на пороге, смотрит на Сигрид, сидящую на краешке кровати.

— Доброе утро. Как ты себя чувствуешь?

— Что я здесь делаю? Это твой дом?

— Да, ты у меня, в Лангевике, всего в нескольких километрах от дома твоей мамы. Ты не помнишь, что вчера я привезла тебя сюда?

Сигрид качает головой, морщится от боли.

— Тебе было очень плохо. Да и сейчас не лучше. — Карен хмурится, когда очередной приступ кашля сотрясает худенькое тело девушки.

— Я смутно помню, что мы ехали на машине, — говорит Сигрид, когда кашель утихает. — И отвар из шиповника помню, я терпеть его не могу.

— Ладно, обойдемся без него.

— Есть что-нибудь от головной боли? Голова раскалывается.

— Вероятно, от температуры. Ты не ставила градусник?

Девушка опять качает головой, на сей раз осторожно. Карен кивает на ночной столик, где лежит градусник.

— Померяй-ка температуру, а я схожу за таблеткой и питьем.

Через час, уложив Сигрид в постель, Карен садится в машину. Температура сейчас 39,2 и упадет еще, ведь девушка приняла тайленол, запив его чашкой чая с медом, но к бутерброду не притронулась.

“Звони в любое время. — Карен записала свой мобильный номер на листочке и положила рядом с чашкой. — Рюкзак твой стоит возле кровати. На кухне бери все, что хочешь, но главное — лежи и отдыхай”.

Она не успела договорить, как Сигрид уже уснула.

Ровно в 7.20 Карен выходит из лифта на третьем этаже полицейского управления в Дункере, значительно раньше обычного. Как раз этим утром ей хочется быть на работе пораньше. Хочется с легким удивлением взглянуть на начальника, который, наверно, явится, как всегда, около девяти. Она и сама обычно приходит в это время. После недельного отсутствия Юнас Смеед вернется к работе.

Через две минуты она, чертыхаясь, швыряет сумку на письменный стол.

Он уже сидит за столом. Сквозь стеклянную дверь Карен видит, что он сварил себе кофе и что-то сосредоточенно штудирует на экране компьютера. Судя по всему, Юнас Смеед на месте уже довольно давно, но, похоже, не замечает, что она тоже здесь. Еще раз молча чертыхнувшись, она вешает пальто на крючок позади письменного стола.

Давай-давай, говорит она себе. Он никуда не денется, как бы тебе ни хотелось. Со вздохом она направляется к кабинету начальника. Несколько секунд стоит за стеклянной дверью, ждет. Потом трижды быстро стучит по косяку, ждет еще несколько секунд, и вот наконец Юнас Смеед с изощренной медлительностью поворачивается лицом к двери и только после этого отрывает взгляд от экрана.

Смотрит на нее с тем легким удивлением, с каким она сама рассчитывала взглянуть на него, потом чуть кивает головой. Карен толкует это как знак открыть дверь и войти.

— Привет, Эйкен, садись.

Карен садится.

— С возвращением.

Не отвечая, он кивает на компьютер.

— Ты видела оперативные сводки?

— Сегодня? Нет, я только пришла.

— Дежурный позвонил мне около пяти. Ночью кое-что случилось.

Хотя и сознает, насколько это непрофессионально, но реагирует она прежде всего на факт, что из дежурной части позвонили Смееду, а не ей:

— Тебе? Почему? Ты же на службе только с сегодняшнего утра.

Смеед смеется, поднимает руки.

— Конечно-конечно, успокойся. Наверно, ребята прослышали, что я выхожу, вот и решили, что лучше позвонить прямо мне. А тебе, считай, выпала возможность утром поспать.

Да уж, поспать, думает она с горечью. Я на ногах с половины шестого, заботилась о твоей больной дочери, тебе-то она бы вряд ли позволила. Эта мысль слегка ее ободряет.

— Так что случилось-то?

— Двух молодых женщин жестоко избили и изнасиловали, одну еще вчерашней ночью в кустах возле пешеходной дорожки от автобусной остановки в центре Мурбека, вторую — в подвальном помещении для

велосипедов на Карпвег, сто двадцать два, нынешней ночью.

— Черт. Но все-таки немножко странно, что тебя разбудили из-за двух изнасилований.

В тот же миг она понимает, почему позвонили начальнику уголовного розыска. Юнас Смеед видит выражение ее лица и кивает.

— Из-за убийства. Девушка на Карпвег умерла в скорой от тяжелых повреждений.

Он откидывается на спинку кресла, берет кружку с логотипом тингвалльского футбольного клуба.

— Вкусно, — говорит он, отпив глоток. — Полагаю, придет счет, который, как ты думаешь, я оплачу.

— Мне казалось, это удачное вложение. Если ты другого мнения, я всегда могу забрать кофеварку домой и оплатить ее сама.

— Кстати, — говорит Юнас, не комментируя ее предложение, — ты наверняка понимаешь, что с учетом случившегося в Мурбеке нам придется произвести переоценку приоритетов. Я уже вызвонил по телефону группу, с которой намерен работать. Корнелис Лоотс и Астрид Нильсен переходят ко мне; женщина в таких ситуациях отнюдь не мешает. Разумеется, тебе понятно, что это значит для твоего расследования, но нам придется поделить наличные ресурсы.

Стало быть, Карла ты не забираешь, думает Карен, скрывая удивление. Ну да, Карл будет со мной, еще остается Эвальд Йоханнисен как обладатель большого опыта. Тебе не нужен никто, у кого может быть собственное мнение. Особенно сейчас, когда здесь нет подлизы Йоханнисена.

Вслух она говорит:

— Итак, со мной останется один Карл. И как нам, по-твоему, работать? Расследование только-только началось.

— Ну, у тебя была целая неделя. И дело шло не сказать чтобы блестяще, хотя в твоём распоряжении были все ресурсы. И, как я уже говорил, ты прекрасно понимаешь, без приоритетов не обойтись. Особенно сейчас, когда Эвальд отсутствует, но я говорил с ним, к счастью, он скоро вернется, и тогда мы еще раз поглядим, как распределить сотрудников.

Если ты скинешь на меня Йоханнисена, я уйду, думает она, но быстро говорит:

— Ладно. Но что скажет Хёуген? По данному делу я отчитываюсь непосредственно перед ним и Веген, а не перед тобой.

— Что ж, спроси у него. Он собирался позвонить тебе, так он сказал, когда я недавно говорил с ним по телефону.

Вигго Хёуген звонит через одиннадцать минут. Ничего нового для Карен начальник полиции не сообщает, она тоже так думала и в глубине души считает, что все правильно. Переоценка приоритетов необходима, и на сей раз прокурор Динеке Веген поддерживает начальника полиции. Все оперативные силы будут сосредоточены на Мурбеке.

— Кроме того, вы согласились, что во взломах отчетливо просматривается связь с убийством Сюзанны Смеед, — говорит Вигго Хёуген, видимо, не догадываясь, что в его голосе сквозит облегчение.

После неудачной пресс-конференции СМИ усиленно критиковали полицию за отсутствие подвижек в деле об убийстве Сюзанны Смеед. То, что вся информация идет через пресс-секретаря, отнюдь не смягчило их раздражение, и на самого Хёугена сыпались резкие нападки как в газетах, так и по телевидению. Теперь внимание переключится на совсем другое, и на сей раз вести расследование будет Юнас Смеед. Вигго Хёуген может облегченно вздохнуть.

— Я сказала, что связь *возможна*, — говорит Карен, — но на самом деле это не столь уж очевидно. И даже если так, преступник пока что не установлен и тем более не взят под стражу.

— Верно, однако теперь, когда с большой вероятностью известно, как все произошло, вы можете сосредоточиться на этой версии. Вряд ли потребуется много времени, чтобы установить его личность. Конечно, вы и впредь получите доступ к дополнительным ресурсам, когда придет время брать преступника. Или если вы вдруг отыщете другого возможного преступника, но тогда вам придется запросить поддержку. Приоритет есть приоритет, — говорит Хёуген, подчеркивая каждый слог.

Разумеется, она все понимает. Ресурсы невелики, и вполне правильно отдать приоритет изнасилованиям, особенно ввиду серьезного риска, что преступник совершит новое нападение. Сказать по правде, она бы много дала, чтобы отвязаться от семейки Смеед, злостных преступлений и краденых мотоциклов и заняться поимкой мерзавца, который бесчинствует в Мурбеке.

И Бьёркен, и Карен присутствуют на первом совещании по поводу изнасилований. Весь отдел всегда должен быть в курсе самых серьезных расследований. Пусть на начальном этапе ничто на это не указывает, не исключено, что обнаружатся связи с другими делами или что лица, опрошенные по одному делу, оказывается, располагают информацией по другому. В криминальных кругах передача внутренней информации

действует намного эффективнее, чем полицейская электронная система, а главное — быстрее. И полиции не раз удавалось воспользоваться этим в своих интересах.

Новость потрясла всех. Пока Кнут Брудаль излагает подробности, в комнате царит мертвая тишина. В обоих случаях орудием преступления была разбитая бутылка; жертвам порезали лицо и грудь, а затем злодей вбил разбитые бутылки им в промежность. Окровавленные осколки 350-граммовой бутылки “Гротс олд стоун селекшн” валялись на том месте, где собачник, выгуливавший в воскресенье около четырех утра своего питомца, случайно наткнулся на обезумевшую от ужаса Сандрину Бру, которая топталась там вся в крови. Сейчас она в больнице “Тюстед”, в тяжелом состоянии, но живая.

Второй жертве, Луа Марклунд, не посчастливилось. В воскресенье, в половине восьмого утра, один из жильцов дома 122 по Карпвег и его восьмилетний сын, вооружившись спиннингами, спустились на лифте в подвал. Хотели взять велосипеды и напоследок в этом году съездить к Черному озеру порыбачить. Согласно предварительным выводам судмедэксперта, когда потрясенный отец позвонил по 112, минуло уже более шести часов, с тех пор как кто-то вбил Луа в промежность и провернул разбитую бутылку из-под “Будвейзера”. Когда приехала скорая, девушка, несмотря на огромную потерю крови, была еще жива. Но до “Тюстеда” ее живой не довезли.

— Сперма? — тихо спрашивает кто-то.

Кнут Брудаль отрицательно качает головой:

— Пока что вообще неясно, совершал ли преступник изнасилование. Многие указывает на то, что он удовольствовался бутылками. Извращенец. А к тому же импотент, я так считаю.

Карен обводит взглядом бывших членов своей группы, меж тем как чудовищные подробности мало-помалу полностью проникают в сознание. Точно так же было, когда все впервые увидели фотографии Сюзанны Смедд, — сперва в комнате царит оцепенелое молчание. Потом настрой меняется, словно что-то медленно поднимается, встряхивается и глухо ворчит. Охотничий инстинкт вновь проснулся, только жертва другая, и взгляды направлены в другую сторону, на другую добычу. Будем надеяться, что это расследование пойдет куда быстрее, чем ее собственное.

Карен хватает мышку, останавливает просмотр. Откидывается на спинку кресла, замуривает глаза. Под закрытыми веками продолжают мелькать кадры — словно бы неиссякаемый поток всевозможных автомобилей, которые в одном окошке въезжают на борт, а в другом выезжают.

Автомобильный паром Ноорё — Турсвик с 6.00 до 23.50 ходит каждые десять минут, а после полуночи — каждые двадцать минут. Желтый паром грузно пытит через пролив независимо от того, есть пассажиры или нет. Критические голоса постоянно растущего числа людей, желающих налоговых послаблений, неоднократно предлагали, чтобы паром ходил по требованию, хотя бы ночью, однако наталкивались на громкие протесты, и до сих пор обитателям Ноорё удавалось отразить эту угрозу.

Однако хотя количество ночных пассажиров парома едва ли мотивирует движение с двадцатиминутным интервалом, поток автомобилей в другое время суток порой весьма и весьма бурный. Большие и маленькие автомобили, светлые и темные — записи черно-белые, вечная серая шкала. Преобладают “вольво”, а также “БМВ”, “форды” и кроссоверы всех моделей. 78-й рейсовый автобус следует на пароме раз в полчаса, легковушки, фургоны, два трактора, фуры с логотипом равенбюской скотобойни, служебные машины с персоналом “Ноор-Ойл” из глубоководной северной гавани, усталыми мужчинами и женщинами, закончившими трехнедельную вахту на одной из нефтяных платформ, велосипеды, мопеды, квадроцикл. И несколько мотоциклов. К сожалению, “хонды” модели “CRF 1000L Africa Twin” среди них нет. Для сравнения у нее на столе лежит фотография такого мотоцикла.

Взгляд Карен регистрирует всех, кто приезжает паромом в гавань Ноорё, а через несколько секунд ускоренной перемотки — тех, кто отбывает в Турсвик. На пароме две камеры слежения, направленные каждая в свою сторону. На экране оба изображения демонстрируются параллельно, и взгляд следит то за погрузкой, то за разгрузкой. Уже после двух просмотров, проморгав один мопед, она поняла, что придется внимательно следить за обеими записями. Мотоцикл тоже могут с легкостью заслонить фуры, грузовики или рейсовый автобус.

Кража со взломом произошла на Ноорё между 7.30 утра вторника 17

сентября и 16.45 пятницы 20 сентября. Трое суток с половиной, сотни паромных рейсов, когда молодой человек на краденом мотоцикле мог быть зафиксирован одной из двух бортовых камер слежения.

Она открывает глаза, бросает взгляд вбок. Карл Бьёркен за соседним столом только что отложил телефон, жмет на кнопку шариковой ручки и с усталым видом что-то вычеркивает на бумаге. Должно быть, очередной полицейский участок, который ни о чем сообщить не может, думает Карен.

— Поменяемся? — спрашивает она. — Я больше не в силах просматривать эту хренотень.

— А чего ты жалуешься, — криво усмехается Карл Бьёркен, — подумай, всего-то сотня рейсов за день.

— Сто двадцать два, — уныло уточняет Карен.

— Много успела просмотреть?

— Только что закончила с рейсом девять сорок восемнадцатого сентября. Тоже никакого “Africa Twin”. Вообще ни одного мотоцикла с тех пор, как в семь двадцать на борт заехал “Кавасаки”. А у тебя как?

— Ну как ты думаешь? Если я вдруг что-то найду, утаивать не стану. Но вообще-то я собирался потихоньку слинять домой; Арне и Фруде температурят, а малышка Сара отказывается спать в своей кроватке. Ингрид грозит разводом, если я не явлюсь домой к шести. “И детей я с собой *не* возьму”, — передразнивает жену Карл.

— Да уж, тогда лучше поторопиться, — улыбается Карен. — Кстати, ты вроде скоро идешь в отпуск по уходу?

— С первого ноября. Нет-нет, охота на куниц тут ни при чем.

Значит, Карл исчезнет уже примерно через месяц. Так-так, думает она, лишний повод для Смеда не брать его в свою команду.

— Да мы наверняка покончим с этим делом куда раньше, — говорит Карл, выключая компьютер. — А в случае чего тебе в помощь назначат Йоханнисена. И в итоге он впрямь заработает инфаркт.

— Или инфаркт заработаю я. Просмотрю еще последние рейсы за среду, а потом тоже двину домой, — говорит она и потягивается.

Двадцать четыре минуты спустя, когда Карл Бьёркен открывает дверь двухквартирного дома в Санде, где его встречает рев троих ребятишек, Карен замирает перед экраном и тотчас выпрямляется. Быстро прокручивает запись на несколько секунд назад, просматривает еще раз.

— Ну вот, — медленно произносит она. — Вот, значит, каков ты с виду.

Когда Карен входит, Сигрид сидит за кухонным столом. Перед нею на столе кот дошибает остатки из тарелки, где, судя по всему, был йогурт с мюсли. Интересно, в каком шкафу она их отыскала, думает Карен, я уже сколько лет не ем мюсли. В голове тотчас мелькают картины прерванного завтрака Сюзанны Смедд. Она поспешно отгоняет неприятное ощущение.

— Ну-ну, ты уже на ногах. Как самочувствие?

Сигрид смотрит на нее и вроде бы улыбается. Карен даже вздрагивает от такого преобразования, ведь она впервые видит Сигрид не фырчащей, как кошка, и не ослабевшей от температуры. Девушка все еще бледна, и в глазах болезненный блеск, но лихорадочные пятна на щеках пропали, а волосы собраны в конский хвост.

— Спасибо, лучше. Ничего, что я?.. — Она кивает на тарелку.

— Ты имеешь в виду йогурт или Руфуса? Спокойно, — с улыбкой добавляет Карен, — он делает, что хочет, даже когда я дома.

Она ставит сумку с продуктами на мойку и краешком глаза видит, как Сигрид бережно опускает Руфуса на пол.

— Я прихватила из города кой-какую индийскую еду. Конечно, все остыло, но можно разогреть в микроволновке. Ты сыта или не прочь закусить по-настоящему?

Карен берет с сушилки тарелку, осторожно вынимает из сумки алюминиевые контейнеры.

— Вряд ли я осилю. Но все равно спасибо, — отвечает Сигрид.

Некоторое время она сидит молча, наблюдает, как Карен выкладывает на тарелку порцию карри-масала и ставит в микроволновку.

— Вообще-то мне, наверно, пора домой, — говорит она, вставая. — Или, по крайней мере, вернуться в мамашин дом.

Карен замирает, положив руку на завод таймера.

— Почему? Ты, безусловно, останешься здесь, пока не поправишься. Кстати, ты мерила температуру?

— Полчаса назад. Тридцать восемь и шесть.

— Послушай меня, Сигрид. Не знаю, что ты подхватила, но совершенно ясно: это какая-то острая респираторная зараза. Сама видишь, — добавляет она и умолкает, меж тем как Сигрид сгибается пополам в очередном приступе хриплого кашля. — Словом, никуда я тебя не отпущу, пока ты совсем не выздоровеешь. Как с работой, ты им

позвонила?

— Утром послала эсэмэску.

— А твоему парню, Сэму?

— Бывшему парню, — поправляет Сигрид.

— Стало быть, вы по-прежнему в ссоре. Ладно, тогда не пойму, отчего тебе так не терпится уехать отсюда.

Микроволновка звякает, Карен вынимает тарелку.

— Точно не будешь? — Она кивает на тарелку.

— Точно.

Карен открывает дверцу кладовки, достает бутылку.

— Вина я тебе не дам, хотя сама думаю выпить бокальчик.

— Мне уже восемнадцать.

— Отлично, тогда получишь бокал, когда выздоровеешь. Ну как, остаешься?

На сей раз на бледном лице Сигрид, вне всякого сомнения, проступает улыбка.

Через час она уснула на диване, укрывшись пледом. Не захотела подняться наверх и лечь в постель, видимо, предпочла остаться в обществе Карен, которая после ужина устроилась в кресле с кроссвордом. Сейчас слышно только поскрипывание дивана, да временами Сигрид кашляет во сне. Карен опускает журнал на колени, смотрит на девушку.

Ровесники, думает она. Родились в один год, хотя он на несколько месяцев моложе. Ему бы в декабре тоже исполнилось восемнадцать. Ходил бы по клубам, добыл бы себе фальшивое удостоверение, чтобы покупать пиво в пабе. Наверно, тоже бы односложно отвечал на ее вопросы и пытался спрятать улыбку, которой не хотел поделиться. Ее сын. Матис.

Может, он бы и с Сигрид познакомился во время отпуска, приехав с нею и Джоном в Доггерланд. Они бы могли столкнуться где-нибудь в Дункере летним вечером, может, он бы зашел в тот самый бар, где она работала. Послушал, как она играет.

Довольно, кончай.

Она снова устремляет взгляд на кроссворд.

Но мысли не остановишь. Может, они с Джоном в самом деле перебрались бы сюда, став старше, ведь иной раз говорили об этом. Хотя ей не верится.

Она любила Лондон, ей нравилось жить там, и тоска по острову накатывала лишь временами, ненадолго. И тогда всем своим существом чувствовала, что чего-то недостает. Моря. Оно было так далеко.

“Но ведь у нас превосходный вид на всю Темзу”, — сказал Джон.

Сказал один-единственный раз.

“Давай съездим на побережье, — сказал он в другой раз, когда ее опять грызла тоска. — Соберем вещички и махнем на выходные к сестре в Маргит. Там моря сколько угодно”.

“Маргит. Брось ты, Джон”.

Она не умела объяснить. Но эти приступы всегда проходили. И ей вправду нравился Лондон, она полюбила его, еще когда делила квартиру в Клапаме со Скоттом, Элиной и Ульрихом. Хоть им и пришлось тогда в зимние холода конопатить окна ее и Элиными колготками. Любила пабы, универмаги и парки. Любила университет Метрополитен, где изучала ужасные вещи, какие люди иногда вытворяют друг с другом. Любила сидеть в суде и слушать. Любила Джона, а потом и Матиса. Да, она действительно любила город, подаривший ей мужа и сына. Город, подаривший ей жизнь.

И однако, ни секунды не сомневаясь, бросила все декабрьским днем почти одиннадцать лет назад.

Карен встает, откладывает кроссворд. Поэтому мне хочется, чтобы она осталась? — думает она, глядя на Сигрид, спящую на диване. Потому что ее линия жизни продолжается, а линия Матиса оборвалась? Потому что она заставляет меня вообразить его будущее? Помогает мне вспомнить?

Через систему оперативной отчетности парень был объявлен в розыск. Она сама разослала ориентировку, как только нашла наконец то, что нужно, в видеозаписях с ноорёского паромы. Кадры с изображением молодого человека, прибывшего 18 сентября рейсом 23.20 были хорошей четкости, и номер мотоцикла совпадал с номером украденного при взломе. Одно плохо: шлем с забралом скрывал лицо. Парень почему-то слез с мотоцикла, прошел к борту, перегнулся через перила. Но его наполовину закрывал фургон, и, несмотря на все старания, так и не удалось рассмотреть, бросил ли он что-то в море или просто хотел размять ноги и вдохнуть свежего воздуха. Шлем он не снимал.

Карен удалось определить, что ростом он примерно метр семьдесят пять и что он худощавый, едва ли не тощий, в затрепанных джинсах и тонкой курточке. Но вообще-то примет маловато. Поэтому главное место в ориентировке занимал мотоцикл. Мотоциклов этой модели много, однако цвет нестандартный. Правда, на черно-белых кадрах цвет не видно, и она загрузила в систему еще и фото желтого мотоцикла “хонда” модели “Africa Twin”, найденное в интернете, так что, может, кто-нибудь из коллег откликнется. А может, и нет.

— Рано или поздно парень сделает ошибку, и мы его возьмем, — говорит Карл на следующее утро и дует на кофе, нагнувшись к компьютеру Карен. — Черт, на вид совсем молокосос, лет шестнадцать-семнадцать?

— Верно, на вид и впрямь молокосос. Думаешь, он правда мог убить Сюзанну? Ну, в глубине души, а, Калле-малец?

Карл морщит лоб, так что темные брови изгибаются. Отчасти из-за ненавистного прозвища, отчасти оттого, что сомневается, как и сама Карен. В убийстве Сюзанны чувствуется ярость, которая никак не вяжется с версией о связи со взломами. Хотя для Хёугена эта связь очевидна, а для прокурора, по крайней мере, вполне возможна. Но Карл далеко не уверен.

Однако через несколько часов Карл Бьёркен тоже начинает менять позицию.

Коллега из участка в Грундере звонит сразу после обеда, всего через три минуты после того, как Карен оставила на автоответчике раздраженное сообщение, что им надлежит срочно с ней связаться. Они разослали

запросы во все участки, и в списке осталось всего три не удосужившихся пока дать ответ насчет мелких преступлений, которые можно связать с расследованием. Злость, что в полностью укомплектованном грундерском участке никто не отвечает, определенно отразилась на тоне сообщения и наверняка только укрепит представления провинциальных коллег о “столичном начальстве”.

Когда раздается звонок, она откидывается на спинку кресла и, вежливо скрывая нетерпение, слушает оправдания начальника участка Гранта Хогана: мол, людей не хватает, а он в туалет отлучился; затем следуют всенепременные жалобы на новую оперативную систему, а заодно путанные отчеты обо всех мелких преступлениях, совершенных за лето в северо-восточном углу Хеймё. Стараясь не подчеркивать дистанцию между центром и местной полицией, она нет-нет да и вставляет по ходу “угу” и думает, что надо бы позвонить Сигрид, узнать, как она. Но через несколько минут Грант Хоган произносит фразу, которая заставляет ее наострить уши и снять ноги со стола. Она подзывает Карла Бьёркена и кладет мобильник на стол.

— Включаю громкую связь, Грант, Карл Бьёркен тоже слушает. Будь добр, повтори, что ты только что сказал.

Оба слушают, не перебивая, Карен делает Карлу знак не торопить обстоятельный рассказ. И из массы отступлений от темы в конце концов вырисовывается то, что приведет Карла Бьёркена к мысли, что в данном случае Вигго Хёуген, вероятно, все-таки прав.

Полусгоревший деревянный дом в Рамсвикене в Грундерском полицейском округе, всего в тридцати километрах к северу от Лангевика. Случилось это еще за два дня до Устричного фестиваля; хозяева были в отпуске, в Лондоне. Грант Хоган так и сыплет словами: ‘походы в театр и шопинг, недавно на пенсии, пропали компьютеры и драгоценности’, “уникальное местоположение с изумительным видом”, “рост цен на недвижимость”, “пожар, видимо, начался с кухонных штор”, “были в шоке, когда вернулись”, “страховки хватит”... и наконец, “никаких свидетелей”.

Карл поднимает голову и смотрит на Карен, меж тем как коллега на другом конце линии переводит дух и продолжает:

— Вообще-то я и сам собирался вам позвонить. Не из-за пожара, но вчера я разговаривал с председателем одного из охотничьих обществ. С Ингве Лингваллем, мы с ним давние знакомцы. Я ведь и сам охочусь, в свободное время, само собой. Потому он и позвонил в разгар охоты, иначе нипочем бы не стал.

— Из-за чего позвонил-то? — Карл нетерпеливо барабанит по столу и

умолкает, перехватив взгляд Карен.

— Ну, вчера один из охотников обнаружил километрах в трех к югу, в овраге, разбитый мотоцикл. Он интересуется мотоциклами и хотел забрать его себе, но Ингве решил сперва позвонить нам. Молодец, ничего не скажешь. Я съездил глянуть, все так и оказалось. Мотоцикл лежит в гравийном карьере возле Телячьего перекрестка, всего в нескольких километрах к северо-западу от нашего участка.

— Какого он цвета? — спрашивает Карл. — В смысле, мотоцикл, — уточняет он, чтобы не выслушивать рассказ об окраске полицейского участка.

— Желтый, кажись, только лежит он глубоко внизу и жутко грязный. И хоть я не очень-то разбираюсь в мотоциклах, но мужик, который его нашел, сказал, что это “хонда” модели “Africa Twin”. А я видел ориентировку и аккуратно собирался позвонить вам, но сперва отлучился в клозет.

Карен знаками просит Карла сходить за кофе и еще некоторое время слушает Гранта Хогана. Что ни говори, коллега проявил определенную долю бдительности, хотя и предпочел сперва наведаться в туалет. А теперь у Гранта проснулось любопытство. Вроде бы случился какой-то пожар, связанный с лангевикским делом? По крайней мере, он слышал что-то такое от шурина, который состоит в добровольной пожарной дружине. Еще говорили про признаки взлома, хотя, судя по всему, замок действовал... Да-да, он, разумеется, понимает, что рассказывать они не могут. Да, конечно, надо сделать все, чтобы сцапать негодяя, который убил жену Смееда. Хоть и бывшую. Они вместе учились в полицейском училище.

— Со Смеedom, а не его женой, — уточняет Грант Хоган.

Карен заканчивает разговор с чувством смирения. Молча берет протянутую Карлом чашку кофе. Теперь даже она не может не видеть, что здесь, возможно, скорее связь, а не совпадение. Простые кражи со взломом, все совершены в отсутствие владельцев. И в Лангевике тоже? Задуманный обычный взлом по какой-то причине пошел кувырком? Одинокий преступник, сосредоточенный на компьютерах и драгоценностях, которые легко унести с собой в рюкзаке. Карен слышала эти аргументы еще до разговора с Грантом Хоганом и поневоле вынуждена признать, что данная версия не лишена оснований. Ей незачем смотреть на карту, чтобы увидеть всю картину: время соответствует, а места взломов показывают, как преступник в ходе своего “турне” переправился с Ноорё на пароме в Турсвик, на северное побережье Хеймё. Оставшись без мотоцикла, он вполне мог добраться до Лангевика.

— Надо связаться со СМИ и объявить, что мы ищем свидетеля,

который мог подвезти кого-то по дороге на юг из Грундера, — говорит она. — Вряд ли парень проделал всю дорогу пешком. А сведений об угнанных автомобилях в той округе к нам по-прежнему не поступало?

— Нет, я только что проверял.

— Но почему он выбрал именно дом Сюзанны Смедд?

— А почему нет? — Карл дует на кофе. — Дочь Сюзанны сказала, что на Устричный та обычно уезжала. Может, преступник каким-то образом знал об этом и озверел от злости, когда застал ее дома. Понятия не имею, как уж он там наводил справки, но ведь есть миллионы возможностей.

— Но как он мог подумать, что ее вправду нет дома? По словам Харальда Стеена, из трубы шел дым, — возражает Карен.

— Так ведь Стеен заметил дым, когда она уже была мертва. Может, плиту растопил преступник, а не Сюзанна.

— Господи, да с какой стати ему делать такие глупости? Если он хотел спалить дом, мог бы и не растапливать старую дровяную плиту. Куда проще и быстрее поджечь шторы, что он и сделал в Турсвике.

Карл пожимает плечами.

— К тому же на участке стояла Сюзаннина машина. Уж это-то могло предупредить его, что она дома, а?

— Не обязательно, — вставляет Карл. — Уезжая в отпуск, люди часто оставляют машину либо на долговременной парковке, либо дома, а в аэропорт или к парому их кто-нибудь подвозит. Вдобавок автомобиль, возможно, и был главной приманкой; ему срочно требовалось новое средство передвижения. Может, он и в дом полез за ключами от машины.

— И рассчитывал, что человек, проживающий в доме, еще спит. Чертовски большой риск, по-моему. Он ведь не знал, сколько в доме народу.

— Если не наводил справки, как я уже говорил.

Карен слушает доводы, мысленно взвешивает каждый по отдельности и все разом. Пока что Карл ее отнюдь не убедил, но, видимо, всерьез взялся защищать простенькую версию, которая по душе Вигго Хёугену и остальным.

— Не забудь, Сюзанна сидела за кухонным столом, — говорит она. — По-твоему, преступник мог пробраться в дом настолько бесшумно, что сумел застать ее врасплох за чашкой кофе? Прокрался через двор так, что она не увидела его в окно?

— Или прошмыгнул с заднего фасада, от шоссе. Он наверняка не хотел попадаться на глаза соседям, ведь окна Харальда Стеена выходят на подъездную дорожку. Зачем рисковать?

— Согласна. И все-таки. Слышно же, когда кто-то входит, а ты сидишь и пьешь кофе.

— Радио было включено. Причем громко, по словам Сёрена Ларсена.

Карен молча качает головой, отпивает глоток кофе. Сама она наверняка бы заметила, если б кто проник к ней в дом, даже если бы работало не только радио, но и телевизор.

Вправду бы заметила?

— Может, она впустила его добровольно, — помолчав, говорит Карл.

— Это с какой же стати?

— Почем я знаю, может, он придумал какой-нибудь убедительный предлог. Ремонт радио- и телекабеля, например, или еще что...

— Утром после Устричного? Ну, ты даешь.

— Или сочинил какую-нибудь аварийную ситуацию. Ворье частенько проникает в дома жертв именно таким манером.

— Да что ты, Калле-малец, мы же говорим о Сюзанне Смеед. Уж кто-кто, а она бы мигом выставила этакого бедолагу за дверь.

— Или, может, он попросту наставил на нее оружие, — продолжает Карл, пропуская мимо ушей и свое прозвище, и возражения Карен.

— После чего Сюзанна тихо-мирно села за кухонный стол?

— Да, лично я именно так бы и поступил, если б кто наставил на меня оружие, — говорит Карл. — А ты нет?

Сомневаться не приходится, осень мертвой хваткой вцепилась в Доггерландские острова. Ветер воет во весь голос, куражится, возвещает, что скоро разгуляется не на шутку. Морось и пролитье сменились резкими шквалами, налетающими с запада и предупреждающими, что зима не за горами. Метеорологи тоже предупредили: в ближайшие сутки в прибрежных районах ожидается шторм.

Когда Карен сворачивает с шоссе к Лангевеку, ненастье бушует уже в полную силу. Дождь заливает лобовое стекло, дворники не успевают смахивать воду. Она едет медленно, наклоняясь вперед и прищурив глаза, и, когда ветер ударяет в бок, мгновенно выравнивает машину поворотом руля. Если ночью температура упадет ниже нуля, завтра будет сущий ад, думает она, чувствуя, как колеса скользят по глине, стекающей с крутых склонов.

Вообще-то надо бы ехать прямо домой, пока дороги не стали вконец непроезжими. Сигрид полегчало, хотя до выздоровления еще далеко. С другой стороны, короткий визит к Харальду Стеену вряд ли займет больше получаса. Конечно, придется выпить кофе, посвятить некоторое время учтивой болтовне и лишь потом перейти к делу. Обольщаться, конечно, не стоит, в последнее время Стеен при встречах выказывал явные симптомы маразма. Правда, на предыдущем допросе он в конце концов выдал правильную информацию — Ангела Новак подтвердила все, что он рассказал, — но понадобилась уйма времени, пока он вспомнил, что случилось утром того же дня. А теперь она попросит его вернуться аж на сорок лет назад.

Хочешь не хочешь, в глубине души она уже стала соглашаться, что изложенные Карлом версии вполне могут соответствовать действительности, хотя кой-какие детали пока плохо вписываются в общую картину. В ворохе совпадений начали проступать контуры взаимосвязи. Бесспорно, случались и более странные вещи, чем серия краж со взломом, совершенных одним и тем же преступником, который по неведомой причине перешел от взлома к попытке поджога, а затем к убийству. Возможно, непреднамеренному.

Так или иначе, фрагмента пазла, только что полученного из Грундера, от Гранта Хогана, хватило, чтобы убедить и начальника полиции, и прокурора, что теперь надлежит бросить все ресурсы на поимку мотоциклиста. Хёуген, чующий возможности быстро закрыть

расследование, наверняка бы сразу отстранил ее, если б знал, куда она направляется и зачем.

Очередной порыв ветра толкает машину, колеса скользят в глиняной жиже. Все-таки надо было ехать прямо домой, думает она, сворачивая к дому Харальда Стеена.

— Угощайся, девочка, выпечка, ясное дело, не домашняя, но уж чем богаты, тем и рады.

Они сидят на кухне Харальда Стеена, и Карен, ощутив легкий укол совести, позволяет себе угоститься кофе из термоса и одной из двух булочек, которые Ангела Новак выложила на тарелку и прикрыла пленкой — Харальду на ужин.

— Она вроде бы неплохо о тебе заботится, — говорит Карен, откусывая кусочек мягкой булочки.

— Ну, пожалуй что так. Да ведь ей за это и платят. Хорошо платят, ежели сравнить с тем, сколько в свое время зарабатывал я. Четыреста двадцать марок сорок шиллингов в месяц — вот на эти деньги мы с женой и жили.

— Она давно у тебя работает? Ангела, я имею в виду.

— Ну, не больше года. Или от силы два. А все это окаянное сердце, доктора говорят, не может оно качать кровь, как положено, вот у меня и кружится голова. Не то бы я сам отлично справлялся, хотя Харри мне теперь вовсе не доверяет. Он и настоял, чтоб ко мне приставили эту бабенку. Договорился с социальным ведомством, не спрося у меня.

Карен думает, что скорей всего до сына Харальда Стеена дошли разговоры об эксцессах, раз-другой случавшихся с его отцом. Она пробует новую стратегию:

— Стало быть, у тебя вроде как собственная экономка, Харальд. И ты это бесспорно заслужил. Я бы и сама не отказалась, чтобы за мной дома маленько поухаживали.

Льстивые слова она сопровождает самой обворожительной улыбкой. Надо хорошенько поднять старикану настроение.

— Вон как ты говоришь? Экономка...

Харальд Стеен прячет довольную усмешку за кофейной чашкой и задумчиво прихлебывает кофе, осмысливая новую точку зрения. Явно воспрянув духом, он наконец решительно, со звоном отставляет чашку на блюдец.

— Ну что ж, выкладывай, зачем пришла, полис-менша, ведь не затем же, чтобы просто выпить кофейку, а?

“Полисменша”. Карен передергивает плечами, стряхивая с себя это слово, и наклоняется к сумке, поставленной на пол. Надежды мало, так что лучше поскорее с этим покончить.

— Вообще-то я хотела кое о чем тебя спросить. Подумала, что если кто и способен мне помочь, так это ты. Вряд ли в Лангевике происходили события, о которых тебе неизвестно?

Карен быстро смотрит на фото, которое достала из сумки. 1970 год, улыбающиеся молодые женщины и мужчины на каменных ступеньках и дети, играющие в траве. Перевернув фото, она кладет его на стол перед Харальдом Стееном.

— Не помнишь, кто здесь на снимке, а, Харальд?

Она терпеливо наблюдает, как он медленно тянется за очечником, расправляет дужки, надевает очки. Не берет фотографию в руки, наклоняется и изучает ее, нахмутив брови. Секундой позже он смеется. Сухим безрадостным смешком. Потом глубоко вздыхает.

— Боже милостивый, где ты ее взяла?

— В фотоальбоме Сюзанны. Насколько я понимаю, люди на фото жили в коммуне, которую организовали здесь ее родители. Проблема в том, что в альбоме не указаны фамилии, только имена. Я написала их на обороте.

Не переворачивая снимок и даже не беря его со стола, Харальд Стеен продолжает молча его рассматривать. Надежда Карен тает, она смотрит на его лицо, в котором не читается ни тени узнавания. Почти пятьдесят лет минуло, думает она, он, должно быть, не помнит и что ел нынче на завтрак.

Харальд Стеен поспешно отодвигает от себя снимок, снимает очки, откидывается на спинку стула.

— А какой тебе прок от фамилий, позволь спросить?

— Может, и никакого, — искренне отвечает она. — Я просто пытаюсь составить себе картину Сюзанниной жизни и подумала, вдруг есть хотя бы маленькая вероятность, что она поддерживала связь с кем-нибудь из тех, кто жил здесь в ту пору. Может, с кем-нибудь из детей.

Харальд Стеен хмыкает.

— Вряд ли, она ведь даже с родной дочерью связь не поддерживала. Да и мне редко когда словечко скажет, хоть и жили мы по соседству. Сюзанна была тяжелым человеком, вот что я тебе скажу. Чердак у нее был не в порядке, по-моему.

Харальд Стеен стучит себя по голове, и Карен маскирует разочарованный вздох еще одной улыбкой.

— Н-да, зря я надеялась... На днях в “Зайце и вороне” говорила с

Йаапом Клусом, Эгилем Йенссеном и Оддом Марклундом, и из них тоже никто не мог вспомнить фамилии, так что ты в хорошей компании. Да ведь и прошло уже без малого полвека, в общем-то я другого и не ожидала.

На сей раз Харальд Стеен хмыкает сердито, да так энергично, что из носа вылетает капелька, прямо на вязаную скатерть.

— Клус и Йенссен! Да они никогда ничего толком не знали. Сидят в кабаке да хвастают, всю жизнь только тем и занимались. Я тебе вот что скажу: коли у них и есть мозоли, то вовсе не от весел. Марклунд, тот получше, но как уж он умудряется общаться с остальными двумя, один Бог ведает. “Хорошая компания”. как тебе не стыдно этак говорить.

Он крепко сжимает ручку чашки, Карен видит, что рука его дрожит, когда несет чашку к губам. Только бы не случился сердечный приступ, думает она. У меня нет ни времени, ни сил. Что мне тогда делать?

Харальд Стеен со стуком ставит чашку на стол.

— Выходит, ты перво-наперво у них спросила и только потом, не получив от них помощи, пришла к старику Стеену. Хорошо же ты обо мне думаешь.

Карен отвечает инстинктивно, как двенадцатилетний ребенок, которому сделали выговор:

— Так случайно получилось, когда я зашла в паб выпить пива. А то бы, само собой, первым делом пришла к тебе, — добавляет она в надежде, что эти слова прольют бальзам на душу возмущенного старикана.

Не отвечая, Харальд Стеен наклоняется вперед. Тычет желтым ногтем в пару на краю лестницы, в верхнем ряду.

— Диса Бринкманн, Тумас и Ингела Экман и Тео Реп, — говорит он, медленно скользя пальцем по снимку. Переводит палец на нижний ряд и громко провозглашает: — Джанет и Брендон Коннор, Пер и Анна-Мария Линдгрэн.

Произнеся последнее имя, он выпрямляется, сдвигает очки на лоб. На этот раз он сидит, скрестив руки на груди, с улыбкой, выражающей и негодование, и триумф.

— Как звали ребятишек, я не помню, ты уж извини, — ворчит он. — А Сюзанны еще и в завету не было. Она родилась только через год, если не ошибаюсь.

Карен молча смотрит на старика напротив. Даже если старый Стеен не помнит, что ел на завтрак, сейчас он, без сомнения, говорил совершенно уверенно. Как такое возможно — помнить имена и фамилии людей, с которыми совсем недолго жил в неблизком соседстве, вдобавок сорок с лишним лет назад? Сама Карен нипочем бы не запомнила. Она надеялась,

что Харальд Стеен в лучшем случае вспомнит хоть одну из фамилий или что-нибудь, что позволит ей отыскать информацию другим способом. А он, без малейшего сомнения в голосе, назвал имена и фамилии всех взрослых на снимке.

— Как такое возможно? — повторяет она. Теперь уже вслух.

Харальд Стеен спокойно встречает ее взгляд и тянется за кофейной чашкой.

— Я сам сделал этот снимок.

Обычно дорога от дома Харальда Стеена до ее собственного занимает минут десять, не больше. Но нынешним вечером на нее уходит целых тридцать две минуты. Пока машина медленно ползет по глиняной каше, мысли крутятся вокруг рассказа Стеена.

“Помню, наши городские косо смотрели на молодежь из Луторпа, но сам-то я от них ничего плохого не видел. И все больше нашего брата не ленилось завернуть туда, чтоб хоть одним глазком глянуть на ихние красоты”.

Харальд Стеен заговорщицки подмигнул, и все же ей понадобилось несколько секунд, чтобы представить себе двадцатипятилетнего парня и сообразить, что манили их прелести женщин без бюстгалтеров и провинциальные фантазии насчет шведских грехов.

“А они как относились к тому, что вы шныряли в кустах?”

“О нет, девочка, в отличие от остальных лично я прошел прямым двор и представился. Меня пригласили на чай, кофе-то они не пили, Боже упаси, и вообще были странноватые. А потом спросили, не помогу ли я им сделать снимок, вот так все и пошло, слово за слово...”

И Харальд Стеен рассказал, что дал им несколько полезных советов, поделился тем, что слышал про усадьбу от старика Гроо, для чего тамошняя земля годится, а для чего нет. Раз в неделю он захаживал в усадьбу, помогал им сажать картошку и кой-какие другие овощи. Они даже вроде как подружились; Стеен был немного постарше остальных, однако ж в начале семидесятых отнюдь не относился к числу пожилых, напомнила себе Карен.

На отлогом подъеме к северу от гавани она застревает. Колеса буксуют в глине — ничего не поделаешь, надо подложить что-нибудь под задние колеса, для опоры. Со вздохом она открывает переднюю дверцу, вылезает из машины. Дождь хлещет в лицо, пока она опускает борт и окоченевшими пальцами открывает зеленый железный ящик, который всегда стоит в кузове “рейнджера”. Секунду смотрит на инструмент и достает пилу. Ледяная глиняная жижа заливается в берцы, когда она спускается в кювет, чтобы добраться до можжевельниковых кустов на другой стороне.

Слова Харальда Стеена гудят в голове, меж тем как она, злобно чертыхаясь, пилит неподатливые ветки.

“Куда подевались остальные, я понятия не имею, знаю только про

Анну-Марию, которая померла еще в восемьдесят шестом, да про Пера, он долго еще жил тут как бирюк, пока сам не загремел в больницу. Первые годы мы иной раз встречались, играли в картишки, а потом и он, и я стали тяжелы на подъем. Говорят, он коротал время с бутылкой, что вполне возможно. Ах да, чуть не забыл: Брендон и Джанет тоже тут живут, в Йомсе”.

“В Йомсе? Здесь, на Хеймё? До сих пор?”

Карен и сама услышала, как голос едва не сорвался от волнения.

“Спокойно, девочка, тебе только сердечного приступа не доставало. Ну, во всяком случае, они жили там еще прошлым летом, потому что я столкнулся с ними на рынке в Дункере, когда ездил к зубному. Дорого дерет, но жевать-то надо”.

Когда Карен наконец открывает входную дверь последнего серого каменного дома на севере Лангевика и в берцах, насквозь пропитанных серой глиной, входит в переднюю, мысли ее заняты тем, как она завтра доберется до Йомса, если дождь будет лить всю ночь. Или как ей вообще удастся выехать из Лангевика.

Поэтому она сперва не замечает аромат, доносящийся из кухни. Только разувшись и сняв мокрые носки, она понимает, что не придется лезть в морозилку и разогревать еду в микроволновке. Сигрид стоит возле мойки, с дуршлагом в руках.

— Спагетти под мясным соусом — это примерно все, что я умею готовить, — говорит она. — Услышала автомобиль и сунула пасту в воду, так что минут через десять будет готово.

Карен чувствует, как по телу растекается тепло, хотя промокшая одежда липнет к коже.

— Ты не представляешь себе, как мне хочется как раз спагетти под мясным соусом. Я только по-быстрому приму душ. Кстати, как ты? Выглядишь куда лучше.

— Немножко устала, но температуры нет, поэтому могу выпить вина. Откупорить бутылку?

— Один бокальчик, но не больше.

— Ты решила, как быть с домом? — спрашивает Карен немного погодя, когда, сидя за кухонным столом, уплетает макароны. — Он ведь теперь твой.

Сигрид пожимает плечами. Карен уже начинает привыкать.

— Продам, наверно. Если найдется покупатель.

— С этим проблем не будет. Дом хороший, а Лангевик в последние годы — место привлекательное. Значит, предпочитаешь жить в Горде?

— Нет, там я остаться не могу. Мы снимаем через вторые руки, у брата Сэма, он и будет там жить. Звонил сегодня, напомнил, чтобы я забрала свои вещи. Он наверняка ютился на диване у кого-то из приятелей и решил, что теперь мой черед. Завтра позвоню ребятам, расспрошу.

— А ты не хочешь сама перебраться в мамин дом? В *твой* дом, то есть.

— Не прокатит. Как мне добираться до работы и с работы, без машины? И опережая твой вопрос: нет, просить денег у папаши я не собираюсь.

— А права у тебя есть?

— Права есть, машины нет, говорю же.

— Вообще-то машина тоже есть, мы ведь нашли машину твоей мамы. Там, правда, не все в порядке с коробкой передач, но мы успеем починить, пока ты не вышла на работу.

— Правда?

Сигрид оживляется, но тотчас ее снова одолевают сомнения. Быстрые перепады, думает Карен.

— Не знаю, хочу ли я там жить. С прошлого раза вроде как ничего приятного не осталось. Теперь даже на кухню зайти боюсь, хотя там все убрали. Ты ведь все видела, да?

Карен молча кивает, подыскивая нужные слова. Взгляд Сигрид говорит, что она хочет знать, но вместе с тем умоляет о молчании. Секунду она выглядит совершенно растерянно. Потом быстро встает, подходит к мойке. Что-то там делает, откашливается и продолжает:

— Вдобавок меня воротит от всего этого барахла, которое она накупила. Везде подушки да чуть не сотня пар обуви.

Карен смотрит на щуплую фигурку. Слышит, как она старается держать под контролем и голос, и вообще все непонятное.

— Горевать не зазорно, Сигрид.

— У нее, черт побери, всюду столько всего понатыкано. Ты знала, что у нее в спальне целый домашний спортзал? И машинка, чтобы отпаривать лицо, и еще одна, для массажа стоп, по крайней мере, мне кажется, она для этого... Я не смогу жить среди этого хлама.

Карен кивает, думая о куче декоративных вещей, сваленных Сигрид на лужайке. Вот, стало быть, почему она отправилась в дом своей матери, знала, что Сэм вышвырнет ее из квартиры. Наверно, поняла, что придется пожить там, хотя бы временно. Гордая девочка, думает Карен, меж тем как

Сигрид встает, чтобы убрать со стола. Не хочет ни о чем просить отца, хотя денег у него предостаточно и он бы, верно, с радостью помог ей, если б она только разрешила. Интересно, из-за чего она так злится на отца. И из-за чего злится на мать.

— Может, здесь останешься? Поживешь у меня недельку-другую, пока не приведем дом в порядок. Выкинем все, что тебе не нравится, перекрасим, сделаем его таким, как ты хочешь. А тем временем ты спокойно поразмыслишь, хочешь ли жить там сама или лучше продашь и купишь что-нибудь другое.

Сигрид молчит, вроде бы обдумывает предложение.

— Мне нечем платить за жилье, ведь я только на следующей неделе снова выйду на работу.

— Для меня сегодняшний ужин стоит недельной платы.

Сигрид смотрит на Карен с легкой недоверчивостью:

— Почему ты так добра ко мне? Мама вечно говорила о тебе гадости. Что ты, мол, жила в Англии, но муж тебя бросил, и поэтому ты вернулась сюда.

— Вот, значит, как она говорила.

Сигрид медлит, потом выпаливает:

— Она говорила, ты из тех, кто охотится на чужих мужей, раз со своим не вышло.

Карен тянется за бутылкой, наливает себе бокал, рука легонько дрожит.

— В этом есть доля правды, — говорит она. Голос, слава богу, звучит совершенно спокойно.

Сигрид сидит молча, вроде как обдумывает ответ. Когда она в конце концов открывает рот, Карен вздрагивает как от удара.

— У тебя есть сын, да?

Дождь перестал. В просвет среди туч тускло светит луна, озаряет спальню, и большая липа под окном бросает тени на стены.

Карен понимает, что сон придет еще не скоро.

В этот вечер выплеснулось все. Все, что она держала в себе долгие годы затаенной печали. Вся правда, известная только ее матери, даже самые близкие друзья знают об этом лишь отчасти, догадываются об остальном, но никогда не задают вопросов. Слова хлынули потоком, хотя слушала ее восемнадцатилетняя девочка, которая была в отчаянии от того, что спровоцировали ее собственные слова.

Все началось, когда двое полицейских и врач произнесли непостижимое, и Карен Эйкен Хорнби перестала жить. Перестала существовать, меж тем как обрывки фраз о “massive collision”, и “M-25”, и “Waltham Abbey”, и “one truck and five cars”^[7] проникали в ее сознание.

Матис и Джон погибли, сказали они. Не мучились, сказали они. Она знала, что это неправда.

Мгновенная смерть, шепнул полицейский одной из медсестер, дальнобойщик взрезал полмашины, словно консервную банку. Четверо погибших и еще шестеро с тяжелыми травмами.

Просто чудо, что женщина в той машине не пострадала, сказал врач и тотчас же добавил: физически не пострадала, но не произнесла ни слова с тех пор, как ее вытащили из автомобиля.

Потом врач обратился непосредственно к Карен. Есть кто-нибудь, кому можно позвонить? Она не ответила. Наверно, они позвонили Эллисон и Киту, которые возникли рядом, бледные, с красными глазами, в шоке.

Первые сутки помнятся как в тумане, обрывочно — шепоты, безмолвные слезы. Валиум. Сон. Тревожные взгляды, когда она просыпалась.

Потом еще день. Наступил совсем новый день, будто ничего не случилось. Будто мир не понял, что теперь все кончено.

Совсем новый день. И морг.

Два тела, два погибших солдата, руки по швам; один высокий, другой маленький под своими простынями. Наверно, ее матери тоже позвонили. Мама была там, когда Карен отвернулась и оставила Джона и Матиса в холоде кафельных стен. Мама молча сидела на заднем сиденье

полицейской машины, которая везла их из морга домой, и так крепко сжимала руку Карен, что та даже чувствовала пожатие. Мама нашла в сумке Карен ключи, отперла дверь, велела ей войти. Мама была с нею каждую минуту невыносимо тяжелой вереницы дней, сменявших друг друга.

Днем мама заставляла свое горе молча держаться на расстоянии, а ночью, когда думала, что Карен не услышит, выпускала его на волю и бродила по нижнему этажу, из кухни в гостиную и обратно. Часами плакала навзрыд обо всем, что тоже потеряла. О Джоне, которого со временем полюбила. И о Матисе, единственном сыне своей единственной дочери.

У мамина горя не было места, она ни с кем не могла его разделить. И все же она продолжала существовать, а Карен нет. Улаживала все на ломаном английском, руками, дрожащими от горя, делала все, что нужно.

Церковь. Гробы. Пустота.

Каждая минута в доме была нестерпима; это был их общий дом, не ее. Без них он стал лишь тюрьмой воспоминаний. Лондон. Каждая улица — напоминание, каждый сосед, пытавшийся что-нибудь сказать, каждый ребенок, которого она видела, каждый звук, каждая телепрограмма. Все напоминало о жизни, которая у нее была. Впереди путь оборвался; ничего — ни завтра, ни через неделю, ни на Рождество, ни летом, ни через несколько лет, и Матис никогда не станет старше. Нет жизни, нет у нее впереди ничего.

Только позади покачивалась одна-единственная льдина, за которую можно уцепиться. Ей надо домой. Домой, на родину.

Сигрид слушала, бледная, не говоря ни слова, меж тем как Карен выплескивала из себя слова, отрывистые, соединявшиеся во фразы; выплескивала всю окаянную правду о том, как в тот день кончилась ее жизнь. Все, о чем поклялась никогда не рассказывать, выложила молоденькой девушке.

“Прости меня, — сказала Сигрид. — Я не собиралась вынюхивать, просто увидела у тебя в спальне фотографию, когда искала таблетки”.

Карен задерживает дыхание, прислушивается к звукам из комнаты Сигрид, но слышит лишь стук собственного сердца, где-то в горле. Поворачивает голову и смотрит на фотографию на ночном столике, которая побудила Сигрид задать вопрос. “У тебя есть сын, да?”

Джон и Карен на критском пляже, а между ними дочерна загорелый

хохочущий Матис с волосами, полными песка. Джон наотрез отказался просить кого-нибудь сделать фото, поставил камеру на лежак и включил автоспуск. После бесконечного множества неудачных попыток в конце концов сумел настроить фокусировку и успел добежать до них и сесть. Матис прямо давился от смеха над папиной неловкостью, и Карен смеялась звонкому смеху сынишки, а Джон смеялся над ними обоими.

В итоге снимок получился превосходный, решили они, а потом пошли в пляжное кафе и ели там кальмара. Последнее их лето. Последняя семейная фотография.

Тело кажется странно тяжелым, руки и ноги на матрасе словно свинцовый груз, а мысли все кружат, кружат. Почему она не убрала фото, как всегда при гостях? Сигрид расскажет отцу? А Юнас — всем остальным? Теперь правда будет разбегаться вокруг нее кругами сочувствия? И ей придется улыбкой утешать всех, кто теперь узнал и почитает своим долгом сочувствовать горю? Коллеги будут говорить о ней и умолкать, когда она войдет в комнату? Все станут обсуждать ее горе? Говорить о Джоне. О Матисе.

Сколько сил она потратила, чтобы этого никогда не случилось. Потому что иначе бы не выдержала. *Тогда*, которого больше нет. И *Сейчас*. А между ними ничего. Она закрылась в доме, который в ту пору принадлежал матери, а теперь принадлежит ей. Недели за задернутыми шторами, нетронутые тарелки с супом. Потом недели безумного хождения к морю, когда она часами тупо смотрела на горизонт и ее все время тянуло к краю скалы.

В конце концов ее мать взяла все в свои руки.

“Я поговорила с Вильгельмом Касте, — сказала она. — Им нужен ассистент в отдел уголовного розыска, и он обещал встретиться с тобой в четверг, в десять утра. Я тебя отвезу”.

Почему-то Карен даже не попыталась протестовать. И там, в кабинете Вильгельма Касте, начался для нее новый этап.

“Твоя мама рассказала, что случилось, и я сразу скажу, что очень тебе сочувствую. Никто больше не знает, и я никогда не упомяну об этом, если ты сама не пожелаешь. Коль скоро ты согласна работать, место твое, не из сочувствия и не потому, что мы с твоей мамой друзья детства, а потому, что из всех наших соискателей у тебя самая высокая квалификация. Вернее даже, слишком высокая для ассистента, но пока что ничего другого мы предложить не можем. Ты согласна?”

Она согласилась, и в первый же день службы Касте вызвал ее к себе:

“Поскольку доступ к твоему личному делу будут иметь и некоторые другие сотрудники управления, я позволил себе кое-что подправить. Речь идет только о местном архиве, поэтому вышестоящее начальство при необходимости найдет верные данные, но я думаю, вряд ли кто станет вникать. Стало быть, для всех здесь ты в разводе после недолгого брака в Великобритании. Детей нет, — добавил он, коротко кашлянув. — Твоя мама сказала, что ты так хочешь, но мне нужно услышать это и от тебя”.

“Да, я так хочу”, — ответила она.

Так все и осталось. Правда была слишком жестока, чтобы говорить о ней, а вина так мучительна, что ее необходимо было заморозить, иначе бы она, Карен, не смогла существовать.

В щели под дверью гостевой комнаты виден свет, Карен тихонько стучится. Сигрид в одежде лежит на кровати, рядом рюкзак. Глаза у нее опухли от слез, она поспешно садится, когда Карен отворяет дверь.

— Как только рассветет, я уйду, — говорит она.

Карен опускается на край кровати, накрывает ладонью руку Сигрид.

— Не уходи. Ты ни в чем не виновата, Сигрид.

— Не надо было спрашивать. Если б знала, я бы слова не сказала.

— Ты ни в чем не виновата, — повторяет Карен. — Просто я никогда никому здесь не рассказывала. Это был мой способ выжить.

— Понимаю. Тебе и со мной говорить незачем.

— Но я говорила. И тебе пришлось выслушать. Мне очень жаль.

Обе молчат, Карен поглаживает пальцем руку Сигрид.

— Я не сказала только одного.

И она громко произносит:

— Это я была виновата. Я была за рулем.

Хотя дождь перестал без малого восемь часов назад, на второстепенных дорогах проблем хватает. На Турсбюской магистрали движение без препятствий, а вот проезд под железнодорожным мостом в Вестерпорте перекрыли — надо подождать, пока сойдет вода.

Карен ведет машину, неотрывно глядя на дорогу, и через наушник мобильного слушает доклад дежурного о транспортной ситуации нынешним утром. Судя по всему, в Йомс можно добраться без особых сложностей, главное — соблюдать осторожность и не пытаться форсировать возможные большие лужи.

— Нынче им уже пришлось вытащить девятнадцать застрявших машин. — В голосе Турстейна Клоккаре сквозит безнадежность пополам со злорадством. — Хуже всего дело обстоит в глубине страны и на равнине. Кстати, как обстановка в Лангевике?

Карен поправляет наушник.

— Вчера было скользко, но к утру вода в основном сошла. Не знаешь, какие у нас перспективы насчет погоды, я не успела перед отъездом послушать сводку?

— Дождя синоптики не обещают, но над Северным морем опять собираются циклоны.

— Стало быть, как обычно.

— Точно, — подтверждает Турстейн Клоккаре.

Они заканчивают разговор, Карен бросает взгляд на навигатор. Если дежурный не ошибается, через полчаса она будет в Йомсе.

Полчаса спустя она тормозит на разворотной площадке в конце асфальтированного шоссе. Наклоняется вперед и в лобовое стекло смотрит в сторону дома, на узкую гравийную дорогу, ведущую в гору. Заглушает мотор, открывает дверцу, вылезает из машины. С виду дорога вполне проезжая, но она чувствует, как хлюпает топкая почва под резиновыми сапогами. Есть большой риск, что гравий просядет, если она попытается заехать наверх. У спасателей дел и без того выше крыши, думает она и начинает взбираться по крутому склону.

Когда Карен позвонила по телефону, Джанет Коннор, видимо, только что проснулась. Вернее, ее разбудил звонок, хоть она и уверяла, что они с Бренденом уже на ногах. Карен, разумеется, может заехать, правда, она,

Джанет, толком не понимает, чем они с Бренденом могут помочь полиции.

Сейчас она открывает дверь еще прежде, чем Карен подходит к веранде.

— Добро пожаловать! — восклицает она уже совершенно бодрым голосом. — Кофе или чаю?

Высокая, стройная фигура Джанет Коннор закутана в длинное кимоно, которое придает ее облику величавость. Седые волосы подобраны с помощью тонкого зеленого шарфа, искусно обернутого вокруг головы, только вот грубошерстные серые носки на ногах до некоторой степени смягчают величавость. Ей лет семьдесят, но, несмотря на седину, сейчас, с улыбкой стоя на пороге, выглядит она молодожаво.

За спиной Джанет виднеется мужчина того же возраста. Он слегка запыхался и вроде бы застегивает гольфик. Карен старается не думать о том, чему она помешала, и поднимается на крыльцо.

— Спасибо, на ваше усмотрение, — с улыбкой говорит она и протягивает руку: — Карен Эйкен Хорнби. Очень мило, что вы согласились принять меня, хоть я и не предупредила заранее. Надеюсь, я не слишком помешала вашим утренним занятиям, — добавляет она и тотчас сожалеет об этих словах, заметив, что Джанет и Брендон быстро переглянулись.

— Ну что вы! Заходите!

На кухне жара, как в инкубаторе, и сильно пахнет тмином, краской на льняном масле и свежеспеченным хлебом. Должно быть, здесь нередко варят чечевицу, думает Карен, снимая куртку и глядя на Брендона. Если у нее было какое-то свое представление, как должен выглядеть сейчас уцелевший член коммуны семидесятых годов, то оно подтвердилось, даже более чем. Брендон Коннор, как и его жена, очень высокий, наверно, метр девяносто с лишним. На вид он в хорошей форме, хотя она замечает, что плечи немного сутулятся, когда он достает из холодильника молоко и сыр. Тонкие широкие брюки, вероятно, пижама, но что-то подсказывает ей, что они, как и застиранная футболка с портретом Фрэнка Заппы, вполне могут быть и обычной одеждой Брендона. Как и у Джанет, на ногах у него грубошерстные носки, но если ее связаны из обычной серой шерсти и, вероятно, местного производства, то на Брендоне, похоже, перуанские — там любят буйство красок. Жидкие седые волосы собраны в тонкий хвостик, подбородок украшен длинной узкой бородой.

— Хлеб с грецкими орехами, — говорит он. — У вас нет на них аллергии?

— Насколько я знаю, нет, — отвечает Карен. — На вид хлеб потрясающий, сами пекли?

Брендон поднимает взгляд от ножа, глядит с искренним удивлением.

— Да... — помедлив, отвечает он. — Черт побери, не выбрасывать же деньги на ту дрянь, какую продают в “Квике”. А вы там покупаете?

— Иногда, — признается она и, чтобы не выглядеть совсем уж конченным человеком, добавляет: — Или в какой-нибудь пекарне.

Поговорив о выпечке хлеба и качестве сетевых магазинов, Карен подводит разговор к своей подлинной цели.

— Полагаю, вы слышали об убийстве в Лангевике. И, по всей вероятности, понимаете, что имеете отношение к Сюзанне Смеед? — добавляет она, вопросительно глядя на них.

— Да, — кивает Брендон, — весть об убийстве дошла и до нас. Но мы не читаем вечерние газеты, а дневные назвали имя лишь через несколько дней, так что мы не сразу сообразили, что это их дочка. Пера и Анны-Марии то есть.

— Верно. Сюзанна Смеед — урожденная Линдгрэн. И, как вы понимаете, именно поэтому я к вам и приехала. Вы действительно какое-то время в самом начале семидесятых жили в одной коммуне с Пером и Анной-Марией Линдгрэн и еще несколькими людьми?

— Да, конечно. С марта семидесятого до конца февраля семьдесят первого, если точно. Ровно год.

— И с тех пор все время жили на острове?

— Не совсем. Сперва мы перебрались в Копенгаген, тогда все так делали, но пробыли мы там всего месяц-другой, после чего уехали в Швецию. Там мы несколько лет прожили в другой коммуне, в Худдинге под Стокгольмом. А сюда переехали... когда, собственно?

Брендон вопрошающе смотрит на жену.

— В мае семьдесят шестого, — говорит она. — С тех пор безвылазно сидим здесь.

— Вы поддерживали контакт с Пером и Анной-Марией после возвращения? Или с кем-нибудь еще из тогдашней луторпской коммуны?

— Только с Тео Репом. Если вы имеете в виду регулярный контакт. Все разъехались кто куда, а ни мобильников, ни Фейсбука тогда не было, какая уж тут связь. Но, когда вернулись сюда, мы иной раз сталкивались с Пером и Анной-Марией, в Дункере.

— Однако не общались?

— Мне казалось, они не хотят. Во всяком случае Анна-Мария, — сказала Джанет. — Она была немножко... как бы это выразиться? Ранимая, что ли.

— Скажи, как есть, странная она была, — резко перебивает Брендон, и

Джанет бросает на него вроде как предостерегающий взгляд.

— В каком смысле странная?

— Вы уж извините, — говорит Джанет, — но я что-то не пойму, какое это имеет отношение к убийству Сюзанны. Анны-Марии и Пера давно нет в живых.

Секунду Карен медлит. Потом решает сказать все начистоту:

— Откровенно говоря, я и сама не уверена. Видите ли, мы пытаемся составить себе представление о жизни Сюзанны и о том, что она была за человек. Вроде как складываем пазл, первоначальный кусочек которого — усадьба Луторп. Что вы можете рассказать о том времени? Как вышло, что вы вообще там очутились?

И опять супруги Коннор переглядываются, словно в поисках безмолвного согласия.

— Н-да, — в конце концов роняет Брендон. — Пожалуй, все началось, когда я решил, что Дядя Сэм обойдется во Вьетнаме без моей помощи.

— Брендон был дезертиром, — поясняет Джанет.

— Значит, вы американец. — Карен удивлена.

Почему-то она воображала, что и он, и Джанет из Великобритании. Оба свободно говорят по-доггерландски, а американский акцент от английского отличить трудно.

— А вы? Откуда вы родом?

— Из Саутгемптона, — отвечает Джанет. — Мы познакомились на острове Уайт тридцать первого августа шестьдесят девятого года. Я была там вопреки категорическому запрету родителей.

— А я находился там нелегально, приехал на частном судне из Амстердама, вместе с Тео и компанией хиппи. Поскольку по понятным причинам я несколько недель назад пропустил Вудсток, мы решили махнуть на Уайтский фестиваль. Он, конечно, масштабом поменьше, но я видел Дилана, а вдобавок познакомился с Джанет, так что не жалею.

Брендон тянется к чайнику и вопросительно смотрит на Карен, она качает головой. Ее разрывают противоречивые чувства: с одной стороны, она бы с радостью просидела тут весь день, угощаясь хлебом с грецкими орехами и слушая рассказы о том времени, когда сама была младенцем в пеленках. С другой же — надо быть разумной, поднажать на них.

— И через год вы, стало быть, приехали сюда.

— Да, Тео, не помню уже, каким образом, познакомился с Дисой, которая еще раньше познакомилась с Тумасом и Ингелой. Думаю, они встретились, когда Диса училась в Копенгагене на акушерку. Тумас ведь по матери наполовину датчанин. В свою очередь они с Пером друзья детства.

Словом, так или иначе, прошел слух, что Анна-Мария получила в наследство усадьбу в Доггерланде и что они подумывают создать коммуну.

— Как я понимаю, были и дети? В смысле, с самого начала.

— Верно. У Ингелы были двое мальчишек, с небольшой разницей в возрасте, Орьян и Лав. А у Дисы — дочка лет пяти, по-моему. Метта.

— А у вас есть дети?

— Да, сын. Но он родился гораздо позже. Дилан — биржевой маклер в Лондоне, — говорит Брендон с безнадежной миной, которая свидетельствует, что он желал сыну другой карьеры. — Мы делали, что могли, — добавляет он с кривой усмешкой.

— А Сюзанна, стало быть, родилась лишь через год?

— Да, но уже после нашего отъезда, так что об этом мы ничего не знаем.

Карен вскидывает брови:

— Об этом?

Джанет кладет руку на плечо мужа.

— Брендон имеет в виду, что атмосфера в усадьбе ухудшилась, мы чувствовали, что пора двигаться дальше. К тому же слыхали, что в Копенгагене происходят разные интересные события, вот и решили двинуть в Данию.

Джанет говорит быстро, и Карен вполуха слушает про то, как они поселились на старой армейской базе в Христиании, но выдержали там всего несколько месяцев, а потом опять уехали в Швецию. И догадывается, что Джанет в душе чертыхается, понимая, что Карен намерена сосредоточиться на Луторпе.

— Вы сказали, атмосфера ухудшилась. Что вы имели в виду?

Джанет встает с раздраженным видом.

— Это личное. Я в самом деле не понимаю, как это может быть связано с вашим делом.

— Может, вы и правы, но позвольте мне самой разобраться, — спокойно говорит Карен. — Прошло почти пятьдесят лет, никого из Линдгренов в живых не осталось, так что ваш рассказ ничем им не повредит.

— Он изменил жене, — коротко сообщает Брендон. — Пер завел роман с Ингелой, пока Тумас находился в отъезде. Пер был в отчаянии, а Анна-Мария просто чокнулась.

Джанет Коннор вернулась к столу с полным чайником, села с тяжелым вздохом.

— Она не чокнулась, Брендон. Просто впала в то, что сейчас назвали

бы глубокой депрессией. В общем-то неудивительно, Луторп принадлежал ей, и, вероятно, она чувствовала, что все ее использовали и предали.

— Когда это случилось?

— В конце лета, в тот год, когда мы там поселились. До тех пор все было замечательно, но резко изменилось, когда Анна-Мария захворала.

Август или сентябрь семидесятого, а ведь как раз в то время Анна-Мария ждала Сюзанну, думает Карен. Узнать, что муж тебе изменил, когда ты сама ждешь ребенка, тут кто угодно потеряет самообладание. Особенно если приходится делить кров с этой другой женщиной. Кров, который принадлежит тебе самой.

— Брендон верно сказал, атмосфера стала крайне тягостной, и никто из нас не знал, что делать с депрессией Анны-Марии и с отчаянными попытками Пера вывести ее из этого состояния. Но далеко не все придавали случившемуся серьезное значение. В те годы многие считали неверность типичной мелкобуржуазной выдумкой.

— Как реагировали Тумас и Ингела?

— Ингела с самого начала смотрела на жизнь просто. Да в общем-то все мы приехали в усадьбу с несколько наивным представлением, что будем делить всё и избавимся от буржуазных условностей, однако в решающий момент все спасовали. Даже Ингела. Она плохо себя чувствовала, оттого что Анна-Мария захворала, но не думаю, будто она считала, что они с Пером поступили неправильно.

— Пожалуй, лучше всех отнесся к этому Тумас, хотя Пер был его близким другом, — вставляет Брендон. — Собственно, он единственный из нас действительно жил так, как учил. Live and let live^[8], все мое — твое, ну, вы знаете. Именно они с Ингелой и были самыми отъявленными хиппи, понимаете? Шли на все, а вот мы, остальные... н-да...

Брендон умолкает, берется за чайную чашку.

— Так или иначе, они выдержали дольше нас, — говорит Джанет. — По-моему, оставались там еще несколько месяцев, а потом вернулись в Швецию. Они и Диса. Но у нас, в сущности, с тех пор не было с ними никакой связи.

— И с Пером и Анной-Марией тоже, хотя вы все жили на Хеймё?

— Я же говорил, несколько раз мы сталкивались с ними в Дункере, обещали как-нибудь заехать в Лангевик, но так ничего и не вышло. Воспоминания-то невеселые.

— Вы не знаете, что случилось с Ингелой и Тумасом, после того как они уехали?

— Их дороги разошлись. Она так и не бросила наркоту, а он коренным

образом изменился, надел костюм и галстук. Мало-помалу возглавил отцовское предприятие. И старый хиппи Тумас Экман разом превратился в записного капиталиста. К сожалению, несколько месяцев назад он умер.

— Вот оно что. А как вы узнали о его смерти? Вы же говорили, что не поддерживали связь.

— Нам рассказал сын, Дилан, когда приезжал летом погостить. Он слышал на работе. Видимо, Тумас был известной фигурой в деловых кругах, а Дилан знал, что в молодости мы были с ним знакомы. Ему куда больше нравился Тумас Экман, чем родной отец. — Брендон криво усмехается. — Порой яблоко все же падает далеко от яблони.

— Ну а Ингела? Она жива?

— Понятия не имеем, — коротко бросает Джанет. — Контактвов не поддерживаем.

— А Диса?

— Сожалею, но для нас все это в прошлом.

И словно подчеркивая, что больше им рассказать нечего, Джанет встает и начинает убирать со стола.

Пожалуй, надо кончать, думает Карен, когда полчаса спустя выезжает на шоссе, направляясь в Дункер, в управление. Пора мне оставить в покое давнюю коммуу хиппи и сосредоточиться на кражах со взломами.

Легкая солнечная дымка пробилась сквозь тучи, и дорога кое-где уже начала подсыхать. Глянув на часы, Карен прибавляет скорость и пытается стряхнуть досадное ощущение, что Брендон и Джанет Коннор рассказали не всю правду.

Она поправляет кипу бумаг, наклоняется и включает звук.

— Допрос Линуса Кванне, подозреваемого в кражах со взломом, попытках поджога и убийстве, возможно, по неосторожности. Присутствуют Линус Кванне, а также адвокат Гэри Братос и инспекторы уголовного розыска Карл Бьёркен и Карен Эйкен Хорнби.

— Я, черт побери, никого не убивал. Нечего вешать на меня то, чего я не совершал.

Голос неожиданно низкий, резко контрастирующий со щуплой мальчишечьей фигурой. Карен вспоминает кадры паромных камер слежения; они с Карлом думали, ему лет шестнадцать-семнадцать. Однако Линусу Кванне уже двадцать четыре, и он успел отсидеть три срока в тюрьме Кабаре. Первый за непреднамеренное убийство.

Инцидент, стоивший жизни Ларсу Хайдену, известному полиции двадцативосьмилетнему наркоману и алкоголику, адвокат Линуса Кванне представил тогда, шесть лет назад, как суший подвиг. Новогодний праздник, который чуть не с самого начала пошел наперекосяк, бесповоротно закончился, когда Кванне застал свою тогдашнюю подружку в одной из спален. На ней лежал Хайден, в спущенных штанах, приставив ей к горлу нож. Приговор суда гласил, что первый ножевой удар действительно мог быть нанесен в порядке самообороны, когда Линус Кванне пытался разоружить Ларса Хайдена. Однако последующие четыре ножевых удара признали “превышением самообороны”. Но юный возраст Кванне и тот факт, что ранее он судимостей не имел, обеспечил ему мягкое наказание. Отсидев пять из назначенных девяти месяцев, Кванне с учетом хорошего поведения был выпущен на свободу, так как, по совокупной экспертной оценке, риск, что он совершит повторное преступление, был невелик.

Однако Линус Кванне решил не ударить в грязь лицом и отсидел несколько более коротких сроков за хранение наркотиков и один за довольно крупную кражу цветного металла. Последний раз он откинулся из Кабаре в июле.

Сейчас он непринужденно развалился в кресле, нахально закинув одну ногу на колено другой.

Гэри Братос успокаивающе кладет руку на плечо клиента.

— Разумеется, ты никого не убивал. Сейчас мы спокойно слушаем,

что имеет сказать полиция. Будет очень интересно, — добавляет он, усмехаясь уголком рта.

— О'кей, Линус, — говорит Карен. — В десять сорок пять тебя взяли в твоей квартире на Талльвег в Лемдале. При аресте произведен обыск и, помимо значительного количества наркотиков, обнаружены также предметы, обозначенные в списках украденного при взломах домов на Ноорё и Хеймё. Как ты это объяснишь?

Линус Кванне подавляет притворный зев, слегка выпрямляет спину, сцепляет руки на затылке.

— Как объясню? Что ищейки вышибли мою входную дверь и ворвались в квартиру, когда я спал, да? Никак не объясню.

Карен быстро смотрит на Карла. Скептически вскинув брови, Карл надул щеки и теперь выпускает воздух, недвусмысленно иллюстрируя их общие мысли: “Н-да, хорош фрукт, такого быстро не расколешь”.

Не позволяя себя спровоцировать, Карен повторяет вопрос:

— Я имею в виду, как ты объяснишь наличие краденого у тебя в гостиной и под кроватью.

Линус Кванне пожимает плечами и ухмыляется во весь рот, так что снюс под верхней губой грозит выпасть на колени.

— Ну... думаю, кто-то его туда положил. Такой вывод напрашивается, не так ли?

— И кто же это мог быть, по-твоему?

На сей раз Линус Кванне смеется и разводит руками:

— Почему я знаю. Мало ли кто приходит и уходит. Мой дом открыт для всех.

— Знаешь, что я думаю? — спокойно говорит Карен. — Я думаю, это ты стырил вещи при нескольких взломах. Думаю, что на Ноорё ты украл еще и мотоцикл модели “Africa Twin” и через Турсвик махнул на нем в Грундер.

— Да неужели?

— А совершив кражу со взломом в Грундере, ты отделался от мотоцикла, либо по своей воле, так как боялся, что он в розыске, либо просто вылетел с дороги. Как оно было?

Линус Кванне медленно качает головой и, словно ища мужской поддержки, пытается перехватить взгляд Карла Бьёркена.

— Понятия не имею, о чем вы толкуете. Скажете что-нибудь еще, пока я не ушел?

— Увы, старичок, — спокойно говорит Карл Бьёркен. — У нас есть фото, твои и твоего байка, когда ты уезжал на пароме с Ноорё. К тому же

нам известно, что вчера вечером ты был в “Гротте” и хвастал обо всем об этом.

Руки резким движением падают вниз, Кванне наклоняется над столом.

— Это кто же натрепал?

— Мой клиент не обязан...

Карен перебивает Гэри Братоса:

— Глупо все ж таки хвастать своими преступлениями, а? Особенно спьяну и тем более в таком месте, где полно народу и столы стоят чуть не вплитирку. Рискуешь ведь, что кто-нибудь настучит. Но, — добавляет она, — ты, Линус, похоже, впрямь глуповат. Согласен?

Кванне кидается вперед, его физиономия теперь всего сантиметрах в двадцати от Карен.

— Ах ты, падла...

Он аж брызжет слюной, прямо ей в лицо. Не подавая виду, до чего ей противно, Карен ждет; Линус Кванне отодвигается и снова прислоняется к спинке кресла. Только тогда Карен стирает его слюну с нижней губы и подбородка.

Затем она совершенно спокойно продолжает:

— Поэтому ты решил поджигать дома? Малость струхнул и подумал, что, несмотря на перчатки, мог оставить следы? Волосок или там чешуйку кожи, по которой криминалисты тебя вычислят. Н-да, не так уж и глупо, верно? — Карен смотрит на Карла, тот задумчиво кивает:

— Даже умно. Жаль только, что перед отъездом он не дал огню разгореться как следует. У криминалистов есть все возможности задним числом идентифицировать его ДНК в каком-нибудь из домов. Теперь-то мы знаем, что искать.

Карен согласно кивает, наблюдая за Линусом Кванне, который барабанит пальцами по подлокотнику. Улыбка сменилась напряженной складкой у рта, он орудует языком под верхней губой, пытаясь выжать еще капельку никотина.

— Вопрос в том, почему на сей раз он пошел еще дальше, — продолжает Карен, не спуская глаз с Кванне.

— И поступил чертовски глупо, — вставляет Карл. — Я к тому, что у нас не хватит людей посылать криминалистов на рядовые взломы, другое дело — когда речь идет об убийстве. Как я понимаю, криминалистов там сейчас полным-полно.

Тут Гэри Братос сдержаться никак не может:

— Если у вас есть улики против моего клиента касательно убийства, предлагаю предъявить их и закончить спектакль.

— Н-да, удачный был допрос, ничего не скажешь! — десять минут спустя говорит Карл в лифте, на обратном пути в отдел из СИЗО, расположенного через дорогу.

Вид у Карла усталый, думает Карен, глядя, как он роется сначала в одном кармане брюк, потом в другом.

— В смысле, расследуй мы просто кражи со взломом, допрос можно бы считать очень удачным, — добавляет он и сует в рот никотиновую жвачку.

По совету адвоката, Линус Кванне признал четыре кражи со взломом: одну на Ноорё, вторую — под Турсвиком, третью, еще не отмеченную в сводках, — в летнем домике в Хавене и, наконец, ту, что в Грундере. Но всякую причастность к убийству Сюзанны Смед он в течение всего допроса категорически отрицал, твердил:

“Я в Лангевике вообще не был”.

И штука в том, что они ему верят.

— Выйдешь покурить?

Коре протягивает пачку сигарет и делает жест в сторону двери. Карен согласно кивает.

— Эйрик бы озверел, — сдавленным голосом произносит Коре несколько минут спустя, с наслаждением выпуская дым. — Наверняка почует дым даже в Германии, — добавляет он и снова затягивается сигаретой.

Они сидят за уличным столиком бара-ресторана “Репетиция”, где на удивление многочисленная компания храбрецов сидит наперекор осеннему холоду, согреваясь тепловой пушкой и пледами. Коре охотно просидел бы тут весь вечер; Эйрик укатил на открывшуюся во Франкфурте выставку цветов, и его бойфренд, пользуясь случаем, наслаждается пивом и сигаретами.

Неравная пара, думает Карен и рассматривает серебряный перстень с черепом на его татуированной руке. Что ее давний школьный приятель Эйрик — гей, она поняла задолго до того, как он доверился ей однажды вечером двадцать два года назад, взяв с нее слово, что она будет молчать. Никто другой об этом узнать не должен, особенно его отец, для которого это был бы смертельный удар.

И она молчала, только бессильно следила, как Эйрик старался оправдать надежды окружающих. Как он насиловал себя, играя роль “настоящего парня” — в школе, на футбольной площадке, в семье. Как все чаще проводил выходные в Лондоне, Копенгагене, Амстердаме и Стокгольме. Лишь вдали от родителей, футбольной команды и парней в пабе Эйрик осмеливался показать, кто он на самом деле. Когда сама жила в Англии, она видела вблизи его двойную жизнь. В конце концов Джон стал называть гостевую комнату возле кухни Эйриковой. Он никогда не понимал, почему Эйрик ведет двойную жизнь. Чего проще — назвать вещи своими именами, ведь уже девяностые, черт побери, даже в Доггерланде. Not a big thing nowadays^[9], говорил он. А Карен с Эйриком согласно переглядывались: англичанину никогда не понять.

Когда Эйрик наконец раскрыл свой секрет, то поступил так не из уверенности в себе, а от отчаяния и злости. Случилось это декабрьским днем почти одиннадцать лет назад, когда звонок матери Карен разрушил все стены. Джон погиб. Матис погиб. Карен как неживая. В тот день Эйрик

осознал эфемерность жизни, она взяла его за горло и больше не отпускала. В тот день Эйрик Фром поставил точку и в ярости крикнул отцу и всему свету, чтобы они катились к чертовой матери. И ни на каких внуков, пропади они пропадом, не рассчитывали.

Он был рядом, когда Карен приехала домой. Она поняла это лишь задним числом. Сквозь толстые пласты горя тревожные голоса мамы и Эйрика проникали из кухни в ее спальню. Она слышала его неловкие попытки утешить маму, слышала, как он сам плакал и пытался снова. И снова. И думала: хорошо, что у мамы хотя бы есть Эйрик, а у Эйрика — мама. Раз ее самой уже нет.

Только спустя месяцы, когда по-прежнему оцепеневшая от горя вышла из своей комнаты, она увидела, что ее друг изменился. Преображение началось.

Теперь Эйрик был типичным геем: хорошо одетый, с прекрасным маникюром, слегка женственный в жестикуляции и манере вести разговор. А что он к тому же профессиональный флорист и владелец сети цветочных магазинов по всей стране, только подчеркивает этот образ. Эйрик определенно не скрывает своей ориентации.

За минувшие годы он не раз знакомил ее со своими бойфрендами; в большинстве они очень походили на самого Эйрика и редко задерживались надолго, она даже не успевала запомнить имена. А потом появился Коре.

Возможно, оттого, что он был полной противоположностью Эйрику, Карен сразу, как только преодолела первоначальный шок, поняла, что это имя надо запомнить. Два человека не могут быть более непохожи — и внешностью, и темпераментом, и интересами, и обхождением. Коре, музыкальный продюсер с черным ирокезом, татуированными руками и золотыми кольцами в ушах. И Эйрик, флорист в отутюженных рубашках и начищенных ботинках. Если Эйрик — теза, то Коре — антитеза. Или наоборот. Они вместе уже шесть лет.

Сейчас Коре проводит пальцами по волосам, не замечая, что столбик пепла сломался и белые хлопья сыплются на черную гриву.

— Я чувствую себя цыпленком на гриле. — Карен прижимает ладонь к пылающей щеке. — Как у народа хватает терпения сидеть в такой жарнице?

Она кивает на узкую улочку, где вдоль кирпичных построек старой промзоны тянутся друг за другом застекленные уличные кафе. В этих постройках раньше помещались канатная фабрика, старая ланолиновая фабрика, прядильня и ряд других предприятий, которые давно закрылись или переехали в современные помещения. Теперь промзона превратилась в

район с множеством ресторанов, дизайнерских бутиков, кафе и баров. Изобретательные рестораторы из всех сил старались и угодить никотинозависимым посетителям, и не нарушать новое законодательство. Каждый владелец с инстинктом самосохранения непременно предлагает курильщикам места под защитой плексигласа и тепловой пушки.

— Последняя пачка, — говорит Коре, взмахнув сигаретой. — Утром в полдевятого встречаю Эйрика в аэропорту, а у него, черт побери, нюх как у ищейки. Ба, вот так фунт!

Карен вздрагивает, когда Коре издает резкий свист. Звук отдается от стеклянных стен, но вроде как не выходит за пределы инкубатора, в котором они сидят. Секундой позже Коре встает и энергично машет рукой:

— Фриис, черт, иди сюда!

Еще секунда — Коре выскакивает наружу, перебегает через дорогу и заключает в объятия какого-то мужчину. Карен видит, как они что-то говорят друг другу и Коре показывает на столик, где сидит она. Мужчина оборачивается, и, узнав его, она тоже машет рукой. Это Лео Фриис, который явно неуверенно идет вместе с Коре в сторону “Репетиции”. На сей раз у него нет ни тележки, ни бурого одеяла на плечах. Но вид по-прежнему запущенный, и во взгляде, какой он бросает на ресторан, Карен читает нерешительность. Музыка и гул голосов в зале достигли оглушительного уровня и выплескиваются за дверь. Лео останавливается.

— Там тихо, мы сидим снаружи. — Коре ловко втаскивает его в застекленный отсек. — Это Карен. А это человек-миф, человек-легенда — Лео Фриис.

На долгий миг их взгляды встречаются. Она быстро прикидывает: сказать, что они встречались, или не подать виду? Решает оставить вопрос открытым и протягивает руку:

— Привет, Лео. Садитесь.

Лео пожимает ей руку, коротко кивает.

— Привет, Карен.

Ничто в их приветствиях не выдает, что они встречались раньше, а тем паче, что она допрашивала Лео Фрииса как свидетеля. А Коре, похоже, ничуть не обеспокоен потрепанным видом друга. У Карен тотчас возникает подозрение: а знает ли он вообще, что Лео бомж и ночует под погрузочными пристанями в Новой гавани? Вместе с тем Коре определенно взволнован больше обычного.

— Что будешь? Я угощаю, — говорит он, подзывая официантку. — Тебе повторить, Карен?

Он делает заказ и снова оборачивается к Лео:

— Черт, Лео, клево увидеть тебя снова. И давно ты дома?

— Все лето. С мая, кажется.

— Ну надо же, все лето дома и не удосужился дать о себе знать? Что делал? Как твои дела?

— Пожалуй, будет легче ответить, если ты задашь вопросы по очереди, — спокойно вставляет Карен, освобождая на столе место для заставленного подноса официантки.

Лео быстро смотрит на нее.

— Sorry, sorry, я прямо как мамаша, — говорит Коре. — Просто я ужасно рад тебя видеть, — добавляет он и поднимает стакан. — Чин-чин!

— Чин-чин! — в один голос отвечают Лео и Карен.

Поднимают свои стаканы до уровня глаз, опускают и пьют.

— Мы с Карен вообще-то уже встречались, — говорит Лео, отставляя стакан и тыльной стороной руки смахивая пену с бороды. — Завтракали вместе.

Коре переводит взгляд с одного на другую. Нервозный поток слов прерывается.

— Что-что? Выходит, вы знакомы? — недоверчиво спрашивает он.

— Встречались однажды. Лео был свидетелем по делу, над которым я работаю.

Коре смотрит на них во все глаза, и Карен понимает, что он тревожится о своем друге, только не хочет этого показывать.

— Так ведь ты расследуешь убийство в Лангевике? Черт, неужели ты все это видел, Лео?

Карен протестующе вскидывает руки, когда громкий голос Коре заставляет посетителей за соседним столиком посмотреть на них. Она отвечает вместо Лео:

— Если бы. Нет, Лео просто обеспечил одному человеку алиби на время убийства.

— Как интересно. Кому же? — Тревога Коре разом сменилась любопытством.

— Кончай. Думаешь, я отвечу? Но мы получили ценную информацию и сэкономили массу времени.

Она улыбается Лео, а он снова поднимает стакан и пьет. Он не улыбается в ответ, однако напряжение во взгляде и в позе как будто бы отчасти слабеет. Коре, кажется, тоже успокоился и снова обращается к Лео, уже нормальным, почти что тихим голосом:

— Я слышал, тебе туго пришлось, когда ты ушел. Разговоры-то идут, сам знаешь. Но за последний год я ничегошеньки не слышал. Ты как сквозь

землю провалился.

Под бородой Лео впервые проглядывает улыбка.

— Так оно и было. Пока ты меня не разоблачил.

— Серьезно? — Коре обводит взглядом ближайšie столики и наклоняется ближе. — Непохоже, чтобы кто-то узнал тебя, — тихо говорит он. — И честно говоря, в таком прикиде это не мудрено. No offense, но выглядишь ты паршиво.

На сей раз Лео смеется. Быстрым, резким смешком, который свидетельствует, что он вполне сознает и принимает свое падение.

А у Карен сводит под ложечкой — она начинает догадываться, кто такой Лео Фриис на самом деле.

Сигрид ведет машину раздражающе медленно и осторожно. А чего ты хотела? — думает Карен, откидываясь на спинку пассажирского сиденья. Неопытный водитель вместе с полицейским в автомобиле, выдавшем лучшие времена. Ребята в мастерской, по крайней мере, починили стартер; когда Сигрид десятью минутами раньше подхватила ее на Репслагарторг, автомобиль шумел не больше, чем обычная “тойота” модели того года.

— Ты все забрала из квартиры? — спрашивает Карен, поправляя ремень, который норовит врезаться в шею.

— Все, что хочу сохранить, — отвечает Сигрид, кивком показывая на заднее сиденье, где бумажные сумки с одеждой теснятся рядом с несколькими синими матерчатыми чемоданами. — И еще кое-что в багажнике, — добавляет она, смотрит в зеркало заднего вида и включает навигатор. — Хорошо провели время? Ну, судя по запаху, хорошо. Сколько ты выпила, а?

Карен поворачивает голову, с улыбкой смотрит на Сигрид:

— Три пива, мама. Да, всегда клево повидать Коре. Очень мило, что ты за мной заехала. Диван в мастерской Марике особым удобством не отличается.

— Симпатичный. Ну, тот, что в кожаной куртке.

Сигрид пытается выдержать невинный тон. Но безуспешно.

— Его бойфренд тоже вполне симпатичный, — роняет Карен. — И приятный.

— Черт. Жаль.

— Мы с Эйриком школьные друзья, через него я и познакомилась с Коре.

— А второй мужик? С ним ты тоже знакома сто лет?

— Я вообще его не знаю. Но с Коре они, по-видимому, давние приятели.

— Вид у него несколько... потрепанный. Какой-то несвежий, что ли.

Карен не отвечает.

— Ты знаешь группу “*The Clamp*”? — спрашивает она немного погодя.

Сигрид удивленно смотрит на нее.

— Ясное дело, знаю, кто они. Вернее, кто они были. Почему ты спрашиваешь?

— Просто мы говорили о них нынче вечером. Группа, похоже, не из рядовых.

— Да, но они уже несколько лет не выступают. Кое-кто жалеет, но я не знаю. По-моему, стоит закончить, когда ты на вершине.

Карен отмечает мудрость Сигрид и бросает на нее веселый взгляд:

— А как узнать, что ты на вершине?

— Да никто и не знает, пока не становится поздно, тогда только люди понимают, что надо было вовремя уйти. В смысле, они были о'кей, но не вполне в моем вкусе.

— Ну а что в твоём вкусе? Хип-хоп? Парни в детсадовском прикиде и крупных побрякушках?..

Сигрид смотрит на нее.

— Да ладно, тебе что, сто лет? Не любишь рэп?

— Почему. В восемьдесят четвертом я видела Джона Купера Кларка^[10] в Лондоне. Мы с приятелем два дня прогуляли, на пароме ездили, мама была в ярости.

— А кто это, Джон Купер Кларк?

— *“Fancy Cuba but it cost me less to Majoorca”*.

Сигрид опять недоверчиво косится на нее:

— Ты о чем?

— Забудь. Давно это было.

— Крейвинг, — вдруг говорит Сигрид. — Ну, такая смесь из рэпа, джаза и африканских ритмов, а вообще куда больше. Искусство, и театр, и... в общем, всё. Грандиозно.

— Крейвинг? Вроде как... страстное желание, тоска?

— Ну да. Это целая концепция. В смысле, не ограничивать себя, не ждать чего-то еще. Все прямо сейчас. Сечешь?

Нет, Карен не сечет.

Обе молчат, меж тем как под автомобилем бежит асфальт, километр за километром. Карен закрывает глаза, отпускает мысли на волю. Приятно иметь компанию, просто молча сидеть с кем-то рядом. Хоть Сигрид и не знает, кто такой Джон Купер Кларк. Он ей наверняка понравится, надо будет разыскать старые диски, думает она. И дома тоже приятно иметь компанию — во всяком случае некоторое время. Сигрид обещала пожить у Карен, пока не отремонтирует дом, полученный в наследство.

Они уговорились не обсуждать расследование. Сигрид не станет спрашивать, а Карен не станет рассказывать больше того, что Сигрид может прочесть в газетах.

И все же странно, что она никогда не спрашивает, думает Карен. Ей

неинтересно, кто убил ее мать? Или она просто послушная дочь полицейского, которая научилась не задавать вопросов? И почему она так непримиримо настроена к своим родителям? Спрашивать Карен не собирается; если Сигрид захочет, пусть сама расскажет.

Мысли сонно возвращаются к вечеру в обществе Коре. И Лео Фрииса. Она оставила их, когда Сигрид посигналила с другой стороны улицы. Они договаривались, что она подберет Карен около девяти, и клаксон загудел так пунктуально, что Карен заподозрила, уж не сидела ли она какое-то время в машине, наблюдая за ними, прежде чем дала о себе знать.

Потолковать с Коре наедине не получилось. У Карен тысячи вопросов про Лео Фрииса, но в отличие от Коре ей не хотелось выказывать излишнее любопытство. Что Фриис был гитаристом в группе “*The Clamp*”, она, во всяком случае, поняла. Даже обрывки мелодий смутно вспоминает, но почему-то всегда считала, что эти парни либо британцы, либо американцы. Их взлет совпал с тем периодом, когда вся ее энергия уходила на то, чтобы вообще встать утром.

Конечно, с годами она поняла, что Доггерланд или по меньшей мере Дункер по неведомой причине стали для музыкальной индустрии этаким вспомогательным двигателем, чьими колесиками были успешные композиторы и продюсеры, но сама она никогда этим не увлекалась. Шестью годами раньше Коре со вздохом перебрал ее диски и сказал, что коллекционеров винила тут мало что заинтересует.

Потом он буквально утопил ее в хитовых чартах. Ох уж эти ненавистные эпигоны претенциозных смешанных бэндов, какими друзья бомбардировали ее в годы школьных свиданий.

“Ты просто должна послушать” — эта фраза до сих пор заставляла Карен немедля заткнуть уши.

В свои чарты Коре включал записи собственной студии в “КГБ-Продакшн” и многое другое, что, по его мнению, должно ей понравиться. Конечно, иногда она слушает, но отнюдь не так часто, как воображает Коре. Наоборот, зачастую она ищет тишины. Ее утомляют рекламные клипы, музыкальное сопровождение каждой сцены в каждом фильме, заполняющая паузы музыка в любой телепрограмме, неумолчная фоновая музыка в магазинах, ресторанах и барах.

Но праздники в “КГБ” обычно проходят весело; благодаря Коре она познакомилась с артистами, которые, пожалуй, заставили бы очень многих достать альбом для автографов. Лео Фриис, помнится, не из их числа. С другой стороны, всего год-другой назад он наверняка выглядел совершенно иначе. По крайней мере, сейчас никто не узнаёт в бородатом бомже

прежнего рок-идола. Взгляды, какими смерили его на днях посетители кафе, а нынче вечером — клиенты “Репетиции”, были явно неодобрительны.

Он и сегодня прямо из инкубаторной жарницы “Репетиции” пойдет ночевать под грузовую пристань? — думает Карен. Долго ли еще он сможет ночевать под открытым небом? Температура пока около нуля, но уже через считанные дни морозы убьют в саду последние растения. И, вероятно, иных бедолаг, по-прежнему ночующих под открытым небом, а не в ночлежках.

“Он держится сам по себе, — сказала Гро Аске. — Малость ку-ку по части закрытых помещений”.

Интересно, он преследует какую-то цель или просто пережил нервный срыв? — думает Карен, но тотчас отвлекается от своих бессвязных мыслей, когда Сигрид сворачивает с главной дороги и автомобиль подпрыгивает на первом ухабе лангевикского шоссе.

— Ты ведь не скажешь папе, что я живу у тебя?

Она выпрямляется на сиденье, быстро смотрит на Сигрид.

— Не скажу, если ты не хочешь. Ты же совершеннолетняя. Хотя, по моему, лучше бы тебе поговорить с ним. Особенно теперь, когда твоя мама...

— А тебе охота с ним говорить? — перебивает Сигрид. — По-твоему, с моим папой приятно разговаривать?

Голос у нее жесткий, ироничный, и Карен вспоминает первый допрос в Горде. Контакт, который они сумели выстроить за последние дни, еще очень хрупок, стену легко возвести снова. Сигрид по-прежнему все время начеку, держит наготове и кирпичи, и мастерок.

— Нет, — честно отвечает Карен, — по-моему, неприятно.

Но мне придется с ним говорить, думает она. Завтра же. О совещании сообщили как раз, когда она уходила с работы: в кабинете прокурора в ратуше в девять утра. Начальник полиции Вигго Хёуген прислал уведомление и Юнасу Смееду, и ей.

Она прекрасно знает, о чем пойдет речь.

— Вчера вечером я видел тебя в “Репетиции”.

Совещание у Вигго Хёугена закончилось. Сказано было именно то, чего она хотела. Они с Юнасом спустились на лифте в подвал и, не замочив ног, прошли по подземному переходу под Редехусгате, чтобы не бежать под дождем через парковку. Сейчас оба стоят в гараже управления, ждут лифт, который доставит их в отдел.

Она не отвечает, и Юнас Смеед продолжает:

— Проходил мимо и видел тебя за уличным столиком, ты уж прости, в весьма сомнительной компании.

Не отвечая, она раздраженно жмет на кнопку лифта, хотя та уже светится.

— Да, твоего приятеля-гея, пожалуй, упрекнуть не в чем, но второй выглядел ужасно, — непринужденно продолжает Смеед. — Вроде тех типов, что болтаются возле рынка. Кажется, я даже узнал его.

— Мог.

Юнас Смеед вопросительно смотрит на нее, и она решает не говорить ему, что Лео тот самый бомж, который в конце концов обеспечил ему алиби.

— У тебя на людей глаз-алмаз, — вкрадчиво говорит она. — Сразу видишь, что перед тобой за человек.

— Брось, Эйкен. Ты ведь полицейская, так неужели вправду считаешь допустимым, чтобы тебя видели в городе с подобными типами?

— А что, расту над собой. После Устричного.

Секунду-другую Юнас Смеед молчит, словно затаив дыхание. Потом шумно выпускает воздух и с сожалением цокает языком.

— Карен, Карен. Какая ты злюка. Вечно все колючки наружу. Вообще-то это становится проблемой.

— Пожалуй, у меня есть причины.

Лифт наконец-то звякает. Она входит в кабину и молча наблюдает, как блестящие стальные двери медленно сдвигаются.

— Понимаю, ты разочарована, что расследование отложено, но я тут ни при чем. Так решила прокурор, она и Хёуген полностью согласны, мы взяли того, кого надо, он сидит в СИЗО.

— Мы взяли парня, который признался в четырех взломах и двух попытках поджога. Сюзанну убил не он.

— Откуда, черт побери, такая уверенность?

— Н-да, похоже, мы теперь никогда не узнаем кто, а?

Ей совершенно ясен их посыл: полиция раскрыла убийство Сюзанны Смеед. Все попытки искать альтернативные мотивы и преступников надлежит прекратить.

— Наверно, — говорит Смеед. — С другой стороны, ты за все время не представила ни одной конкретной версии.

— Ты имеешь в виду, за целую неделю?

— Так или иначе, мы наконец взяли Кванне, и не благодаря тебе, должен сказать. Если б он не болтал языком, сумел бы взломать и поджечь еще пару-тройку домов. А то и убил бы каких-нибудь бедолаг, на свою беду случившихся дома.

Лифт снова звякает, они выходят. И в ту самую минуту, когда она хочет открыть матовую стеклянную дверь с логотипом полиции и уже полустертой надписью, знаменующими территорию уголовного розыска, Юнас Смеед берет ее за косяк, не давая ей пройти.

— Ты знаешь, что теперь надо делать, Эйкен. На ближайšie недели, пока не отправится домой менять пеленки, Бьёркен переходит в группу расследования по мурбекским преступлениям. Ты прекратишь все активные розыски по лангевикскому делу и сосредоточишься на заключительном отчете по делу Кванне. И сделаешь хорошую мину. Очень хорошую.

Карен Эйкен Хорнби действительно делала хорошую мину. Целых двое суток держалась, не поддавалась соблазну сказать, что думает. Ни единым словом не критиковала решение.

— Прокурор действительно считает, что в суде это прокатит? — спросил Карл.

— Похоже на то.

Или, может, ей вообще наплевать, подумала Карен, но вслух ничего не сказала. На очереди другие дела: тяжкие телесные повреждения, торговля наркотиками, проституция. И Мурбек. На расследование брошены все силы, но никаких подозреваемых найти не удалось. Мало того, теперь уже три женщины изнасилованы и получили тяжкие телесные повреждения; третья — вчера утром. Смертельный исход только один, однако последняя жертва, двадцатисемилетняя мать двоих детей, возвращавшаяся домой после ночной смены в больнице “Тюстед”, лежит сейчас в реанимации, в том же отделении, где всего несколько часов назад отработала смену.

С температурой и болью в горле Грета Хансен ушла с работы в половине пятого утра, старшая медсестра отослала ее на такси домой в

Одинсваллу, где она проживала на улице Атласвег. Разозлившись, что ему попалась насквозь простуженная клиентка, причем аккурат накануне отъезда из этого дождливого ада на три заслуженные недели в Таиланд, таксист, едва высадив Грету, рванул прочь. Ее муж, Финн Хансен, редактор в “Нюа дагбладет”, крепко спал в недавно отремонтированной и красиво обставленной квартире на третьем этаже, не подозревая, что в кустах за домом преступник как раз вонзает в его жену разбитую бутылку.

Смекнув, что преступник покинул социально неблагополучный Мурбек и явно расширил свое поле деятельности территорией среднего класса в Одинсвалле, СМИ наперебой кричат о страхе, панике и терроре.

И на вчерашней пресс-конференции журналисты в один голос критиковали полицию: все патрулирование и все облавы явно производились не там, где надо. Неужели нельзя было предвидеть, что преступник поменяет место своих злодеяний? Может ли полиция гарантировать безопасность? Что полиция скажет всем встревоженным женщинам? Удовлетворен ли сам Хёуген действиями полиции? Он не думал уйти в отставку? Что сказала министр внутренних дел?

Коллеги ворчат друг на друга, вид у всех бледный и усталый, сведения о сверхурочных весьма тревожат отдел кадров. Полицейское управление Дункера пропитано разочарованием и безысходностью: еще одна женщина пострадала, ресурсов недостаточно, все улицы подряд патрулировать невозможно, а эта сволочь по-прежнему на свободе. Вдобавок постоянная тревога, что это случится снова. Может быть, уже сегодня ночью.

Весть о том, что по лангевикскому делу наконец-то произведен арест, на первые полосы не попала, однако малейший намек, что за решеткой сидит не тот человек, поднял бы в СМИ огромную шумиху. Линуса Кванне просто необходимо признать виновным. Вдобавок надо учитывать и жестокую реальность. Ни доггерландская полиция, ни прокуратура не располагают ресурсами более чем на одно серьезное дело.

Правда, скорее всего, в том, что Хёуген увидел в мурбекском расследовании возможность реабилитироваться. Именно то, что им нужно: вполне ясный случай, компетентный руководитель расследования и немного честной пешей полицейской работенки. Скоро порядок будет восстановлен.

Теперь он вряд ли так в этом уверен, думает Карен.

Однако молчит. Карен Эйкен Хорнби в самом деле умеет держать хорошую мину.

Тем не менее два часа спустя, бросив взгляд на кабинет шефа, она

берется за телефон.

— Нет, мама пока не вернулась, — говорит Метта Бринкманн-Гран, уже с легким раздражением в голосе. — Сколько можно спрашивать?

— И она по-прежнему не давала о себе знать?

Метта Бринкманн-Гран вздыхает.

— Позавчера она звонила из Бильбао и сказала, что вернется, как только найдет рейс подешевле. Но я ведь уже говорила об этом вашей коллеге.

Карен прокликает свой плохой шведский. Наверно, она ослышалась.

— Как вы сказали? Кому вы об этом говорили?

— Другой полицейской, которая звонила сегодня утром. Мамин мобильник зазвонил, и в конце концов я ответила, подумала, вдруг что-то важное. Но она задавала те же вопросы, что и вы. Хотела связаться с мамой и узнать, когда она вернется домой. Вы что, не общаетесь друг с другом в полиции?

На миг голова у Карен идет кругом. Коллега-полицейская? Может, Астрид Нильсен пыталась связаться с Дисой, не предупредив ее? Нет, Астрид подключили к смеедовскому расследованию, вряд ли у нее есть время на что-то еще. И она бы определенно сообщила, если бы по какой-то неведомой причине так поступила.

— Та другая женщина, с которой вы разговаривали, она действительно представилась полицейской? Я имею в виду, четко и ясно.

Несколько секунд Метта молчит, потом с искренним удивлением в голосе произносит:

— Нет, сейчас, когда вы спросили, до меня дошло, она не говорила, что из полиции. Но представилась честь по чести, назвала фамилию, держалась официально. И говорила примерно как вы.

— Как я? Что вы имеете в виду?

— Ну, “л” и “р” у нее такие же твердые, как у вас там. И вопросы задавала те же. Вот я и решила, что она из ваших. — Метта Бринкманн-Гран опять умолкает. — Вообще-то она бы вполне могла быть англичанкой. Или американкой. Да и имя подходящее. Ее звали Энн Кросби.

— Энн Кросби. Вы совершенно уверены?

— Я записала имя, вместе с телефоном и прочим. Она просила позвонить, как только мама вернется. И я обещала.

Карен крепко зажмуривается, потом задает следующий вопрос:

— И вы позвонили? Позвонили этой Энн Кросби и сказали, что ваша мама на пути домой?

— Конечно! Я и вам хотела позвонить, но подумала, что достаточно

одного звонка в полицию. Подумала, что Энн Кросби наверняка сообщит вам, что мама возвращается домой. Я ей так и сказала.

Только в эту минуту Метта Бринкманн-Гран, похоже, осознает свою оплошность.

— Я ведь думала... Даже не сомневалась... Так или иначе, это не имеет значения, — добавляет она, упрямо стараясь оправдаться. — Словом, мама пока до дома не добралась.

Черт, кто же такая эта Энн Хорнби, думает Карен, когда после восьми гудков безнадежно жмет на кнопку и бросает мобильник на стол.

Метта Бринкманн-Гран, весьма любезно и без возражений, цифру за цифрой продиктовала мобильный номер Энн Кросби — по-шведски и по-английски, во избежание языковых недоразумений. Закончив разговор, Карен тотчас набрала этот номер. Десять гудков, без ответа, без автоответчика. Новая попытка пять минут спустя — восемь гудков, безрезультатно.

Карен берется за мышку и видит, как пугающе бесконечные движения экранной заставки сменяются логотипом доггерландской полиции. Два быстрых поиска удостоверяют, что в республике не зарегистрировано ни одной Энн Кросби, однако в остальном мире число женщин с таким именем просто безгранично. Третий поиск, на сей раз по мобильному номеру. Ничего. Вероятно, карточка, пополняемая наличными, разочарованно думает она.

Она встает, собираясь окликнуть Карла Бьёркена, но, передумав, опять садится в кресло. Торопливо, с отчетливым ощущением, что за ней наблюдает шеф, открывает папку с материалами по убийству Сюзанны Смедд, кликает резюме Корнелиса Лоотса насчет выводов криминалистов и листает, пока не доходит до данных айтишников. Сорок пять секунд спустя она смотрит то на дисплей мобильного, то на экран компьютера.

Новая попытка, еще восемь безуспешных сигналов. Она раздосадованно набирает номер супругов Коннор и после четырех гудков слышит голос Брендона:

— У нас с Джанет есть дела поинтереснее, чем отвечать по телефону. Оставьте сообщение, мы перезвоним.

Она так и делает.

Еще один взгляд в сторону Смедда; он разговаривает по телефону и, судя по выражению лица, слышит отнюдь не приятную весть.

Да пошли они к лешему, и Смедд, и Хёуген, думает Карен, берет куртку и идет к Карлу Бьёркену.

— Пообедаем? Я угощаю.

Четверть часа спустя Карл, нацепив на вилку картофелину, приставляет к ней нож и с помощью большого пальца снимает тонкую

кожуру. Они сидят в одном из приличных ресторанов на Парквей в Норребру. На почтительном расстоянии без малого двух километров от полицейского управления. Бумажник изрядно похудеет, думает Карен.

— Последние келпи в этом году, — говорит он, с видом знатока глядя на невзрачный шарик. — Дорого, но, на мой взгляд, стоит каждого шиллинга.

— Первые в году куда лучше, — замечает Карен, снимая куртку. — Правда, вкус у них не такой, как раньше. Теперь все поставлено на промышленные рельсы, целыми фурами разбрызгивают по полям какие-то зеленые водоросли. Ты бы попробовал те, какие мой дед выращивал на Ноорё. Только на фукусе, растил в затишье, в скальных расселинах.

— Лучше любые келпи, чем ничего, — говорит Карл, выуживает из морковок еще одну картофелину, кладет подле толстого куска камбалы. — Ясное дело, надо пользоваться случаем, раз тебя пригласили. Кстати, можно спросить почему? Выиграла на скачках?

— Я подумала, так будет проще всего поговорить с тобой, — сухо роняет она. — Ты ведь не из тех, кто задает вопросы, когда кто-то машет чековой книжкой?

Карл довольно улыбается и отправляет в рот полкартофелины с изрядным куском камбалы и коричневым маслом.

— Да, Смеэд бы не обрадовался, если бы знал, что у меня затяжной обед, — с полным ртом говорит он. — Я ведь должен работать над его расследованием, а не рассиживаться тут с тобой. Как раз начал вникать в материалы, когда ты подошла. Черт меня побери, невеселое чтение, в самом деле.

— Что ж, тогда ты заслужил перерыв. Дружеский обед, двое коллег. Что он тут может возразить?

— Да ладно, Эйкен, ты бы никогда не пригласила меня на обед просто так. Выкладывай, в чем дело.

Карен быстро оглядывается по сторонам в битком набитом ресторане и наклоняется к нему.

— Я еще раз позвонила Метте Бринкманн-Гран.

— Мне казалось, ты должна сосредоточиться на Кванне, а? Держать хорошую мину и не скандалить.

Пропустив его реплику мимо ушей, Карен продолжает:

— Я хотела на всякий случай проверить, не слышно ли чего от ее мамы. Диса должна была вернуться на этой неделе.

— О'кей. Ну и как? Она что-нибудь слыхала от матери?

— Да, та и правда наконец возвращается домой. Но она сказала, что я

не единственная, кто пытался связаться с Дисой Бринкманн.

— Так ведь у старушенции, надо полагать, больше связей с внешним миром, чем у доггерландской полиции.

Карен игнорирует саркастический тон.

— С тем же вопросом звонила еще одна женщина. Представилась как Энн Кросби и оставила телефон. У дочери сложилось впечатление, что она из полиции. Хотя фактически та этого не говорила, хотя и про недоразумение не упомянула. Метта Бринкманн-Гран явно злилась, что приходится рассказывать одно и то же нескольким полицейским, так она сказала.

— Баранина остынет. — Карл кивает на нетронутое мясо на тарелке Карен.

Она покорно отрезает кусочек, отправляет в рот. Жует, ожидая, как он отпаривает ее мяч.

— Ну-ну, — произносит он немного погодя. — Энн Кросби, говоришь. И кто же она такая?

— Видишь ли, мне тоже интересно. Я пробовала позвонить, но никто не отвечает.

— Любопытно. В самом деле. Неизвестная нам женщина звонит человеку, который, судя по всему, не имеет касательства к расследованию.

Карл Бьёркен скептически смотрит на нее поверх стакана, прихлебывая свое пиво. Не сводя с него глаз, Карен наклоняется вбок, роется в сумке, достает листок бумаги. Не говоря ни слова, расправляет его, кладет возле тарелки Карла.

— Н-да, — говорит он, просмотрев запись. — Даже если это ни к чему не привело, можно сказать, Корнелис поработал тщательно. Надеюсь, он проявит такое же рвение и в мурбекском деле. Надо поскорее поймать этого подонка.

Карл опять сосредоточивает внимание на тарелке.

Карен молча кладет рядом свой мобильник. На дисплее последний набранный номер.

Четыре секунды — и Карл Бьёркен перестает жевать. Откидывается на спинку стула, смотрит ей в глаза.

— Вот чертовщина, — говорит он. — Значит, таинственный карточный номер получил объяснение. Что будешь делать?

— Не знаю. Но мне надо каким-то образом продолжить. Во-первых, эта Энн Кросби, стало быть, дважды звонила Сюзанне в июне, а потом двадцать седьмого сентября. Всего за два дня до убийства. Теперь она пытается связаться с Дисой Бринкманн. Вряд ли случайность, что она

искала контакт с двумя фигурантами расследования.

— Или как раз чистейшая случайность, — спокойно говорит Карл.

Карен недоверчиво смотрит на него.

— Если уж говорить точно, — добавляет он, — Диса Бринкманн, собственно, не фигурант расследования. Просто случайно всплывшее имя.

— Имя, всплывшее в связи с изучением прошлого убитой.

— И как раз поэтому, вероятно, вполне естественно, что одно и то же лицо искало контакт и с Сюзанной, и с Дисой. Эта Энн Кросби, должно быть, попросту знакома с обеими. Все расследования кишат совпадениями, которые никак не связаны с самим делом.

— Вообще-то совпадение весьма странное. Ведь Диса и Сюзанна незнакомы. Сюзанна только-только родилась, когда Диса уехала с острова.

— Ладно, но Диса знала ее родителей. И Энн Кросби, вероятно, как-то связана с той коммуной, знала кого-нибудь из них или, может, сама жила там одно время. Наверняка ведь приходило и уходило множество народу. Ты спрашивала у Брендона и Джанет Коннор?

— Пока нет, но оставила сообщение на их автоответчике. И собираюсь послать эсэмэску на мобильник Энн Кросби. Попрошу ее связаться со мной.

— Да, почему бы и нет? Ведь дочь Дисы сказала ей, что полиция тоже ищет Дису. Странно, что Энн Кросби не сказала Метте Гран, что произошло недоразумение, тут я с тобой согласен. С другой стороны, может, она не поняла, о чем говорила Метта; сконский диалект, черт побери, без пол-литра не разберешь.

— Значит, по-твоему, надо послать ей эсэмэску? Хоть мне и приказано целиком сосредоточиться на Кванне?

Карен кладет палец на кнопку отправки.

— Почему ты спрашиваешь у меня? Ты ведь уже решила.

Раздается сигнал — сообщение отправлено. Карен поворачивает мобильник, чтобы Карл прочитал короткое сообщение, что уголовный розыск Дункера просит Энн Кросби незамедлительно связаться с ними по указанному номеру. Он медленно качает головой.

— Смеет до потолка подпрыгнет, когда поймет, что ты не бросила это дело.

— Так ему знать необязательно. Или?

— От меня он в любом случае ничего не узнает. Оставляю за тобой удовольствие лично рассказать ему обо всем. Если Энн Кросби объявится, тебе от этого не уйти. Хотя, с другой стороны, она может позвонить и в случае, если *не* имеет отношения к убийству.

Лангевик, 1971 г.

— Так нельзя, она не выживет, если не удастся наладить грудное вскармливание.

Диса отставляет бутылочку с ненавистным искусственным питанием, утирает ладонью лоб, прикладывает ребенка к плечу.

Уже на вторые сутки она поняла, что смесь из молока, муки и капельки масла не работает. На этот раз не работает. И видела их взгляды, видела, как у них в глазах блеснуло сомнение, когда она послала Пера в Дункер, в аптеку, за заменителем грудного молока. “Нестле”. Это название издевательски кричало о своих злоупотреблениях в третьем мире, о своем бесстыдном жульничестве. Главный символ капиталистического хищничества. Но он поехал и купил. И теперь они продали душу дьяволу, и спасения им нет.

Уже трое суток. В глазах и под ложечкой у Дисы свербит от тревоги и недосыпа. Уже трое суток Ингела лежит в постели. Тихая, с закрытыми глазами, даже когда не спит. А вокруг снуют остальные, неуклюжие, неподготовленные, совершенно бессильные.

Неожиданно Дису захлестывает гнев. Они все как дети. Глупые дети в телах взрослых. Целиком доверились ей, думали, она обо всем позаботится, решит все проблемы. Диса, спокойная, надежная. Сохранившая давние знания о том, как выжить, старинные домашние способы лечения, старинные рецепты. Диса, акушерка, повитуха. Да, собственно говоря, кому требуются больница и врач, чтобы рожать детей?

Биение двух сердец она услышала еще на девятнадцатой неделе. А что отец не Тумас, поняла много раньше. Наверно, когда сама Ингела еще не хотела посмотреть правде в глаза. Диса видела Ингелу и Пера, поняла то, на что Тумас закрывал глаза. Она знает, когда дети были зачаты и что именно тогда Ту-маса в Лангевике не было.

“Ты должна рассказать, — сказала она. — Тумас и Пер вправе знать. И Анна-Мария тоже”, — добавила она, понимая, что отныне все изменится.

И в конце концов Пер открыл жене печальную правду. Что он ей изменил. Что дети, которых ждет Ингела, от него. Что он станет отцом, ведь у Анны-Марии, вероятно, никогда не будет детей. Пожалуй, уже тогда,

услышав наверху душераздирающие рыдания, все они поняли: это начало конца. Поняли еще до того, как слезы и крики сменились ледяным молчанием. Или понимание пришло к ним лишь в следующие недели, когда тревога за Анну-Марию медленно обернулась злостью?

Может, как раз тогда они, один за другим, пришли к весьма неприятному осознанию, что идея делить всё хороша в теории, но ужасна в реальности. Может быть, как раз когда они втайне думали, что реакцию Анны-Марии все-таки легче понять, чем безразличие Тумаса. Когда восхищение его способностью всегда прощать и идти дальше мало-помалу сменилось презрением к его мягкотелости. Почему он не разозлился? В самом деле сумел простить Ингелу и Пера? Он что же — эта мысль была под запретом, но неудержимо напрашивалась, — не настоящий мужчина?

Один за другим они отказались от мечты. Тео вернулся в Амстердам всего через несколько недель после крушения идиллии. Брендон и Джанет продержались чуть дольше. Сопережили скорбь Анны-Марии и боязливое пьянство Пера. Сопережили непонятно спокойное отношение Тумаса ко всему, что бушевало вокруг него. Смотрели, как у Ингелы растет живот, словно постоянное напоминание, что ничто не уладится. На сей раз проблема не исчезнет.

И однажды студеным февральским утром Брендон застал Джанет в гавани, она в одиночестве сидела на причальной тумбе.

— Завтра я уезжаю, — сказала она. — Поедешь со мной?

— Куда? — спросил он.

— Куда глаза глядят.

И они тоже все бросили, покинули коммуну.

Но Диса осталась. Она исполнит свой долг, как и обещала им, дождется, когда родятся дети. А потом — так она обещала себе — она тоже уедет из этого ада.

И когда роды наконец начались, по какому-то природному инстинкту надежда вернулась. Может быть, как только родятся дети, все опять станет хорошо. Как только жизнь вернется в дом. Ингела механически выполняла ее указания: дыши, не тужься пока, подожди, подожди... Давай!

А Тумас все время сидел подле нее. Тумас, не Пер. Может, несмотря ни на что, это и была его месть. Единственная маленькая демонстрация власти, которую он себе позволил, — выставить Пера за дверь. Он, Тумас, первым увидит детей, хоть они и не его.

Все произошло на удивление быстро; уже через несколько часов после

первых схваток родился первый ребенок. Здоровая девочка, получив легкий шлепок полотенцем, тотчас закричала. А потом Диса поняла: что-то не так. Ингела вдруг обессилела и впала в апатию. Минул почти час, пока все наконец завершилось и родилась вторая девочка. Слабенькая, вялая, вполовину меньше сестры. Когда училась, Диса слышала о таких случаях: один близнец может забирать в утробе матери столько питания, что второй отстает в развитии. И, разумеется, она читала о матерях, у которых не возникало привязанности к своим детям, о женщинах, которые вместо счастья материнства испытывали глубокую депрессию. Слышала и читала, но никогда не видела.

Уже трое суток. Трое суток тревоги. О детях, которые не едят, об Ингеле, которую ни одна из дочек словно бы не интересуется. И впервые с тех пор, как она решила принять эти роды, Дисе Бринкманн хочется, чтобы Ингела была в больнице.

— Так больше нельзя, — повторяет она. — Нам нужна помощь.

Она поднимает голову, видит их глаза. Безднадежные у Тумаса, испуганные у Пера. И глаза Анны-Марии, которая держит на руках вторую девочку. Диса смотрит на нее, и на миг у нее мелькает мысль: понимает ли она, что ребенок не ее. Когда Ингела погрузилась в апатию, Анна-Мария тотчас же словно пробудилась к новой жизни. Принялась ухаживать за здоровой девочкой, качала ее, кормила и успокаивала, присматривала за ней, как за собственной плотью и кровью. Сейчас она недоуменно смотрит на Дису, вновь переводит взгляд на ребенка, крепче прижимает его к себе и с улыбкой наблюдает, как он насасывает резиновую соску на бутылочке.

— Она ест. Когда я даю ей рожок, — говорит она.

— Мелоди ест, — говорит Диса, — но Хэппи весит слишком мало. Я больше не могу брать на себя ответственность, нужно отвезти ее к врачу. Ингеле тоже нужна помощь. Вы же видите, что-то не так, она даже не в силах держать детей.

Пер встает так стремительно, что стул с грохотом опрокидывается.

— Это мои дети, — говорит он. — Вы не можете просто забрать их.

На кухне воцаряется мертвая тишина. Бесконечные секунды, тревожное дыхание, невозможные мысли. Потом Диса наклоняется над столом.

— Выбирай, Тумас: либо я везу Ингелу и Хэппи в Дункер, в больницу, либо мы сегодня же вечером уезжаем на пароме домой, в Швецию.

Не говоря ни слова, Анна-Мария встает, оставляет рожок на стол и уходит с Мелоди на руках.

Тумас смотрит ей вслед, потом переводит взгляд на Дису.
— Мы едем домой, — тихо говорит он.

Стиснув зубы, Карен выходит из “Зайца и вороны”, садится в машину, кладет голову на руль. Она ошиблась.

Чертовски ошиблась.

Последние сутки были заполнены бумажной работой, телефонными переговорами с прокуратурой и частыми поглядываниями на мобильник. Энн Кросби не объявилась. Диса Бринкманн тоже.

Карен еще раз безрезультатно допросила Линуса Кванне, который упорно стоял на своем. Да, он признает в общей сложности четыре кражи со взломом. Да, он пытался поджечь домишки в Турсвике и Грундере, но с какой стати называть их поджогами с целью убийства? Там ведь никого не было, он знал, когда поджигал. Да, но тогда, черт побери, самое время изменить законы...

О нет, Сюзанну Смеед он не убивал, он вообще не был в этом чертовом Лангевике или как его там.

Последнее будет опровергнуто — всего через полчаса после того, как Карен покинула допросную. Звонок от криминалистов поступил в четыре часа дня и начался с извинений: дескать, завал работы по мурбекскому расследованию, поэтому Карен пришлось долго ждать результатов.

Она выслушала Сёрена Ларсена без комментариев.

— Мобильник Кванне находился в зоне действия вышки в южном Лангевике примерно одиннадцать часов, с двадцати двух тридцати одной до девяти двадцати четырех, — сказал Ларсен с плохо скрытым злорадством в голосе. — Этот хмырь провел весь Устричный фестиваль в забытой богом дыре. Что там можно делать, а? Уж ты-то знаешь?

— В общем-то особо нечего, — ответила Карен. — Увы.

— Да, он точно был здесь, — сказал Арильд Расмуссен, когда несколько часов спустя она показала ему в “Зайце и вороне” тюремную фотографию Линуса Кванне. — Сидел вон там, в углу, и весь вечер болтал по мобиле. Торчал в зале, хотя вечер был теплый и все остальные сидели на улице. Напился, как последний алкаш, скажу я тебе, пришлось собственноручно вышвырнуть его за дверь около трех. То есть нет, само собой, около двенадцати...

— Да мне плевать, до которого часа у тебя было открыто, Арильд. Но само время важно.

— Ладно, он ушел последним, сразу после трех. Было четверть четвертого, когда я поднялся в квартиру.

— Не знаешь, куда он направился?

— Понятия не имею. Парень спросил, не сдаю ли я комнаты, но я давно с этим завязал. Небось в машине заночевал.

— Он был на машине? В смысле, ты видел машину?

Арильд Расмуссен призадумался.

— Нет, не видел, но машина у него, скорее всего, была. Иначе как бы он сюда добрался?

Да, это вопрос, думает она сейчас, уткнувшись головой в руль. Как Линус Кванне проделал почти три десятка километров от гравийного карьера, где был найден краденый мотоцикл, до “Зайца и вороны” в Лангевике? По крайней мере, с величайшей вероятностью, когда он покинул Лангевик, машина у него была, “тойота” с трескучим стартером.

“Я, черт побери, вообще не был в этом чертовом Лангевике”. Гаденыш врал на голубом глазу, и она поверила. Действительно поверила. Карен громко стонет.

Придется проверить все его звонки и опросить всех, кто был там в тот вечер, думает она, поднимая голову. Кто-то ведь должен был видеть, куда он двинул, когда паб закрылся.

Черт бы побрал этого Сёрена, ну что бы ему чуть поторопиться со своей информацией. И в тот же миг она понимает, как нелепо сваливать вину на другого. Ее собственное упрямство и нежелание принять факты — вот что привело к нынешней ситуации. Вместо того чтобы просветить Линуса Кванне до мозга костей, она полтора суток теряла драгоценное время, копаясь в давней коммуне хиппи семидесятых годов.

С очередным тяжелым вздохом она пристегивает ремень безопасности, поворачивает ключ зажигания и трогает с места.

Когда она переступает порог старого каменного дома, навстречу вновь веет приятными ароматами. Сигрид сбегает по лестнице, волосы обернуты полотенцем.

— Черт, как же здорово, — говорит она. — Надеюсь, я не очень наследила в ванной. Ты знала, что в скобяной лавке продают краску для волос?

Она резко наклоняется вперед, полотенце разматывается, она подхватывает его и вытирает мокрые угольно-черные волосы.

Карен устало смотрит на пятнистое полотенце.

— Ой! — вскрикивает Сигрид. — Но ты можешь получить взамен мамино, у нее их полно.

— Забудь. Что на ужин? Пахнет фантастически.

— Кок-о-вен^[11]. Ну, вроде как. Я стащила из кладовки бутылку. Ты знала, что у съезда на Грене один крестьянин продает экологически чистых цыплят?

Карен фыркает:

— Ты имеешь в виду Юхара Иверсена? Он и слов-то таких не знает — “экологически чистый”. Его капусту гусеницы и те стороной обходят.

Сигрид разочарована.

— Куры на экологических кормах и на свободном выгуле, так он твердил. Я и яиц купила.

— Верно, куры у старика Юхара всегда ходят на свободе. По всем дорогам там шастают. Я за эти годы штук трех задавила... Спокойно, — добавляет она, заметив испуг на лице Сигрид, — я несколько преувеличиваю. Просто день на работе был плохой.

— Из-за мамы? Знаю, мы не должны говорить об этом, но ведь даже в газетах писали, что вы взяли подозреваемого.

Карен медлит. Уговор о проживании Сигрид здесь целиком основан на том, что они будут старательно избегать двух тем: ее матери и ее отца.

— О’кей, это правда. И очень многое подтверждает, что он действительно тот самый, это я тебе могу сказать. Но пока стопроцентной уверенности нет, не могу рассказать ни кто он, ни почему сидит в СИЗО.

Надеюсь только, что ты его не знаешь, думает она в следующую секунду. Линус Кванне, конечно, на несколько лет старше Сигрид, и непохоже, чтобы они вращались в одних кругах, но живет он в Гор-де,

всего в квартале-другом от квартиры Самуэля Несбё.

Сигрид истолковала название “кок-о-вен” вполне рационально. Цыпленок в вине. Такие детали, как свиная грудинка, шампиньоны и лук, заменены банкой белой фасоли и несколькими зубчиками чеснока, которые она добавила под конец. Неожиданно вкусно, если добавить изрядную щепотку соли и перца. А главное, совсем не то, что готовила сама Карен. Я бы, наверно, и сено съела, лишь бы его поставили на стол, думает она, собирая остатки кусочком хлеба.

— Свари кофе, а я тогда помою посуду, — говорит она, делая поползновение встать.

В ту же секунду звонит мобильник.

Карен вытирает пальцы о джинсы, выходит в переднюю, достает телефон из кармана куртки. Не глядя на дисплей, коротко отвечает, словно на другом конце линии ждет продавец телефонов:

— Эйкен.

— Это Брендон Коннор. Думаю, нам надо поговорить.

Так же явственно, как и прошлый раз, пахнет тмином, кухня такая же уютная, стол такой же заманчивый. Джанет и Брендон выглядят так же непринужденно, как и тогда, однако теперь на кухне явственно чувствуется напряжение. Карен видит, как они, расставляя на столе чашки и чайник, нервно переглядываются.

Зря она сюда поехала, надо было прямо по телефону объяснить, что полиция более не интересуется тем, что произошло в коммуне полвека назад. И сейчас она не тратит время на предисловия:

— Вы хотели о чем-то рассказать.

Еще один взгляд, будто они последний раз договариваются друг с другом. Потом Джанет кивает, предоставляя слово Брендону.

— Прошлый раз мы были с вами не вполне откровенны, — говорит он. — Но решили нарушить обещание и рассказать все, что знаем.

— Обещание? Кому вы его давали?

— Дисе. Она все эти годы молчала, вплоть до смерти Тумаса.

— Значит, вы все же поддерживали связь с Дисой Бринкманн.

Брендон кивает.

— Изредка, можно сказать. Но, конечно, поддерживали. Она была здесь минувшим летом. Тогда-то все и рассказала. Не могла больше держать это в себе, так она говорила.

Карен молча ждет, Брендон отпивает глоток чаю и словно бы обдумывает, с чего начать. Отставляет чашку, набирает в грудь воздух и продолжает:

— Так вот, это случилось уже после того, как мы с Джанет уехали из усадьбы. Я просто перескажу, что мы услышали от Дисы. Больше нам ничего не известно.

Карен кивает.

— Как вы знаете, Диса была акушеркой, а Ингела уже в Луторпе снова забеременела. И Диса помогала ей, когда пришла пора родить. О больнице, понятно, речи не было, по многим причинам.

— По каким именно?

— Ну, отчасти вся коммуна считала, что рожать надо дома, естественно и без обезболивающих, которые могут повредить ребенку. К тому же мы были здесь посторонними, чужаками, корней на острове никто из нас не имел. Кроме Анны-Марии, но, поскольку она выросла в Швеции

и никогда не видела своего деда, ее тоже считали приезжей. В общем, связей со здешними властями у нас не было, и, честно говоря, я не знаю, приняли бы Ингелу в больницу или нет, если бы они ее туда отвезли.

Приняли бы, думает Карен. Никто бы не отказался принять роженицу, даже в те времена. Вслух она говорит:

— В таком случае Диса, верно, принимала роды и у Анны-Марии? Сюзанна родилась в апреле семьдесят первого, они вынашивали детей примерно в одно время?

— Анна-Мария никогда не была беременна, — говорит Брендон. — Сюзанна — дочка Ингелы.

С тяжелым вздохом он откидывается на спинку стула и жестом просит Джанет продолжить. Она ласково проводит рукой по щеке мужа, облокачивается о стол.

— Мы ведь знали, что Пер и Анна-Мария не могут иметь детей. В Швеции у нее случилось несколько выкидышей, последний едва не стоил ей жизни. Это была одна из причин, по которой они перебрались сюда; попытка начать сначала, найти общность, в центре которой не семейная ячейка.

Джанет тянется к банке с медом, зачерпывает полную ложку, смотрит, как мед змейкой стекает в чашку. Карен от чая отказалась, сказала себе, что визит затягивать нельзя. Теперь она понимает, что сделала ошибку. Опять.

— И на первых порах все складывалось удачно, — продолжает Джанет. — Анна-Мария была второй матерью и для Метты, дочки Дисы, и для мальчишек Тумаса и Ингелы, но явно страдала от того, что дети не ее собственные.

Джанет умолкает, пьет чай.

— По иронии судьбы, из всех нас именно Анна-Мария, если не считать Дису, очень любила детей. По правде говоря, она куда больше занималась мальчиками, чем сама Ингела, играла с ними, утешала, вставала к ним по ночам. Ингела рожала и кормила, но и только. Обо всем прочем заботился Тумас, а помогала ему Анна-Мария.

— И тут Ингела опять забеременела, — говорит Карен. — А у Анны-Марии детей по-прежнему нет. Оттого и депрессия.

— Боюсь, не только от этого. — словно в поисках поддержки, Джанет бросает быстрый взгляд на мужа. Но Брендон неотрывно смотрит на стол. Джанет вздыхает и безнадежно разводит руками. — На сей раз отцом был Пер.

Карен чувствует, как внутри что-то переворачивается и на нее накатывает дурнота. Сердце щемит печаль о детях, которым не дано

родиться, о детях, которые родятся на свет нежеланными, о чужих детях. И о детях, которые умирают. Детях желанных и любимых, но внезапно отнятых. Одни совершенно естественно заводят детей, одного за другим, и ничуть не удивляются такому дару. А другие этого лишены.

Анне-Марии пришлось не только осознать, что муж изменил ей. Он ждал ребенка от другой женщины. Она горюет, что не в состоянии забеременеть, а ее муж станет отцом. И все произошло прямо у нее на глазах, там, где, как ей казалось, она нашла спокойный приют.

— Продолжайте, — без всякого выражения говорит Карен.

Джанет косится на гостью, подвигает ей чайник и пустую чашку, продолжает:

— Как я уже говорила, мы уехали из усадьбы как раз перед тем, как Ингеле пришло время родить, и только пересказываем то, что прошлым летом узнали от Дисы. Раньше мы тоже ничего не знали, она ни слова не говорила, пока Тумас был жив.

Карен кивает:

— Значит, Ингела оставила Сюзанну у Пера, когда они вернулись в Швецию? Он ведь был ее отцом, так что, пожалуй, особо удивляться не приходится.

Я бы скорее руку дала на отсечение, чем оставила своего ребенка, думает она.

— Они оставили одну девочку. Вторую она и Тумас забрали с собой, в Швецию.

На кухне повисает тишина. Двое детишек. Не один. И все же Карен потрясена не тем, что у Сюзанны была сестра. Она отчаянно пытается отыскать логику в услышанном от Джанет. Разделить двоих детей, одного оставить, второго отдать. Сделать выбор.

— Судя по всему, им пришлось срочно уехать, — говорит Джанет. — Один ребенок был с самого начала очень слаб и требовал больше ухода, чем могла обеспечить Диса. Ингела вконец изнемогла, ей было не до детей. Они тщетно пытались заставить ее кормить малышкой, ничего не получалось, слабенькая девочка все больше теряла в весе, хотя они пытались давать ей искусственные смеси. И в конце концов было решено уехать в Швецию. Думаю, все решилось за считанные дни.

— Уехать без Сюзанны?

Джанет кивает.

— Без Сюзанны. Или Мелоди, как они тогда ее называли. Мелоди и Хэппи.

Умоляющим взглядом Джанет просит мужа продолжить. Обоим явно нелегко обманывать доверие Дисы. А то, что Карен полицейская, делает ситуацию для стариков-хиппи еще более тяжелой. Она ободряюще кивает Брендону, и он продолжает, нехотя, но решительно:

— Они не имели здесь разрешения на проживание, так что лучше всего было уехать домой, в Швецию. Вероятно, сначала рассчитывали вернуться сюда, как только девочке будет обеспечен уход и она окрепнет.

— Но так и не вернулись?

— В Швеции они, кажется, вступили в какую-то религиозную секту. Что-то квазииндуистское, по-моему. Тумас очень скоро порвал с этой дребеденью, а Ингела осталась. По словам Дисы, после родов у нее развился вроде как психоз, но я думаю, там были и другие проблемы.

— Наркотики?

Брендон смеется.

— Ну, травку и гашиш мы все курили, только вот Ингела... как бы это сказать... была здорово не от мира сего. Впрочем, и мы тоже, в определенном смысле, по крайней мере делали вид. Для нас это была осознанная борьба с условностями, однако в ее случае, ну, то есть она как бы играла сама по себе. В общем, Ингела отправилась с этой сектой в Индию и мальчиков забрала с собой. Диса говорила, Тумас целый год

потратил, пытаюсь отыскать их, но в конце концов махнул рукой. Запер эту часть своей жизни на замок. Да он и прав-то никаких фактически не имел, дети были не его.

— А чьи же?

— Кто бы знал. В ранней юности Тумас с Ингелой несколько лет жили вместе, но после на несколько лет расстались. Вот тогда-то у нее родился сначала Орьян, а потом Лав. И о том, кто их отец, мы вообще не говорили. Тумас и Ингела, кстати, поженились аккурат перед тем, как мы перебрались в коммуну, а нам тогда в голову не приходило интересоваться, усыновил он мальчиков или нет.

— Вы говорите, она взяла с собой мальчиков. А девочка? Хэппи?

— Ее она оставила у Тумаса.

Карен чувствует, как лицо вспыхивает от злости. Ингела бросила сперва одну девочку, а потом и вторую. Однако по сравнению с братьями обе, пожалуй, вытянули счастливый билет. Выжил ли кто-нибудь из мальчиков, подрастая в религиозной секте в Индии, с матерью, которая помешалась от наркоты?

А девочки, о которых, конечно, заботились, никогда не знали материнской любви. Мелоди и Хэппи, думает Карен. Какая жуткая ирония.

— В конце концов Тумас переименовал Хэппи в Энн, — говорит Джанет, будто читая мысли Карен. — После отъезда Ингелы он совершенно переменялся. Взялся за дело и возглавил отцовскую фирму. На бумаге он считался отцом Энн, ведь они с Ингелой были женаты и девочка родилась в браке. Не знаю, расторг ли он этот брак и жива ли сейчас Ингела... во всяком случае, он никогда больше о ней не слышал.

Энн, думает Карен. Наверняка это она. Карен сдерживается, хотя ей хочется поторопить рассказ, перейти к тому времени, когда Хэппи, выросшая под именем Энн Экман, сменила фамилию на Кросби.

— Значит, Тумас второй раз не женился? — спрашивает она.

— Нет, очевидно, нет. Они с Дисой в течение нескольких лет порой перезванивались и встречались, и она не раз уговаривала его рассказать Энн, что у нее есть единоутробные братья и сестра-близнец, но он ни в какую не соглашался. Все это, мол, законченная глава, а Энн он сказал, что ее мама умерла. Диса держала слово и молчала, вот такая она.

— К тому же она понимала, что, если начнет копаться во всем этом, создаст проблемы Перу и Анне-Марии, — вставляет Джанет.

Не копайся, думает Карен. Не раскачивай лодку. Пусть былое порастет быльем. Да уж, едва ли успешному бизнесмену Тумасу Экману пошло бы на пользу, если бы всплыла эта история. Вдобавок он рисковал остаться без

Энн. Пожалуй, Перу и Анне-Марии Линдгрэн это бы тоже на пользу не пошло. Репутация у них в Лангевике и так была не ахти, а если бы выяснилось, что Сюзанна — плод романа между Пером и одной из женщин в коммуне, они бы вряд ли смогли здесь остаться.

— Значит, Диса все эти годы молчала?

— Да, до смерти Тумаса. Тогда она решила рассказать правду обоим девочкам. Энн уехала в Штаты и вышла там замуж, но на похороны вернулась домой, и Диса ее навестила.

— А Сюзанна? Как Диса связалась с нею?

— Мы помогли ей выяснить, где работает Сюзанна, так что дальше все было просто.

— Но почему? — спрашивает Карен. — Почему Дисе было так важно все рассказать? Ведь куда проще было бы молчать.

— Мы тоже об этом думали, — говорит Брендон. — Но Диса твердо верила, что близнец, лишенный второго близнеца, всегда живет с ощущением нехватки. А в этом случае их еще и разделили по ее совету. В довершение всего Энн всю жизнь думала, что ее мама умерла. Мне кажется, Диса жила с чувством вины, которую хотела сбросить с плеч, прежде чем умрет.

— Прежде чем умрет? — скептически повторяет Карен.

Во всяком случае, ей вполне хватает сил участвовать в испанских паломничествах, думает она.

— Полгода назад Дисе диагностировали рак груди. В агрессивной форме, к сожалению. Ничего уже сделать нельзя.

Карен включает запись, монотонно называет дату и время, кто находится в комнате и почему. Она догадывается, что сейчас будет: некое признание, отчаянная попытка пойти на сотрудничество, когда отпираться уже невозможно. Скорей всего, Линус Кванне признает, что в ночь Устричного фестиваля действительно был в Лангевике, но будет настаивать, что не имеет касательства к убийству Сюзанны Смедд. Никто ему не поверит. Вопрос в том, верит ли ему сама Карен. И запретный внутренний голос говорит, что ей плевать.

Бегло глянув в свои бумаги, она тщетно пытается поймать взгляд Линуса Кванне. Он сидит с опущенной головой и словно бы сосредоточенно пытается оторвать заусенец на пальце правой руки. Она со вздохом оборачивается к адвокату Кванне, Гэри Братосу:

— Что ж, допрос проводится по вашей инициативе. Вашему клиенту, очевидно, есть что рассказать.

Гэри Братос быстро смотрит на Линуса Кванне, кладет руку ему на плечо и обращается к Карен:

— Мой клиент вспомнил определенные обстоятельства, которые, возможно, полезны расследованию. Однако хочу подчеркнуть, что эти обстоятельства никоим образом не меняют его позицию касательно виновности. То есть Линус абсолютно невиновен в убийстве Сюзанны Смедд.

— Абсолютно невиновен? — Карен поднимает брови. Да чтоб вас всех, добавляет она про себя.

Оказывается, не вполне про себя, понимает она, когда Гэри Братос открывает рот, собираясь выразить протест. Карен опережает его:

— Ладно, Линус, выкладывай.

Не отрывая взгляда от пальца, Линус Кванне что-то невнятно бормочет.

— Говори громче, а то мы не слышим.

— Я был в Лангевике. Короче, в тот самый вечер.

— Ага. Но для нас это не новость. Как тебе известно, мы установили, что именно там находился твой мобильник. А поскольку ты не заявил, что он украден или потерян, мы уже сделали вывод, что ты тоже был там. Хотя ранее это отрицал. Кстати, почему?

— А вы как думаете?

Кванне наконец-то поднимает голову. Вызывающе смотрит на Карен, которая спокойно встречает его взгляд.

— Вы ведь пытаетесь засадить меня за убийство. А я, черт побери, никого не убивал.

— Ну как же, Линус, убивал. На Новый год шесть лет назад, если точно.

Кванне быстро откидывает голову, таращит глаза:

— Но это же была самозащита.

Голос полон негодования, как у школьника, который пытается объяснить, что на самом деле драку в коридоре начал дылда из 5-го “б”.

— Так ты утверждал. Пять ножевых, если не ошибаюсь. Причем последние четыре, когда он уже был обезврежен.

Кванне резко перегибается через стол. Его лицо теперь настолько близко, что Карен чует кислый запах жевательного табака.

— Ах ты, падла...

— Спокойно, Линус. — Братос кладет руку на плечо Кванне. — Нет никаких причин провоцировать моего клиента, когда он готов сотрудничать, — добавляет он, обращаясь к Карен.

Так же быстро, как вспылел, Линус Кванне успокаивается. Из него словно выпустили воздух, он снова откидывается на спинку стула и со злостью смотрит на Карен.

— Тот хмырь пырнул меня, когда я спасал свою девушку от изнасилования, — бурчит он. — Это что, не в счет? Да какой смысл, нет у меня ни единого шанса.

Он безнадежно разводит руками и умолкает. Карен молча ждет, слышит, как Гэри Братос откашливается.

— Как и говорит мой клиент, это дело не имеет касательства к данному.

— Так что же ты, собственно, хочешь сказать, Линус? Потратим впустую еще уйму времени, или ты готов рассказать, что на самом деле произошло в Лангевике утром после Устричного фестиваля?

— И что вы думаете?

Динеке Веген ставит кружку с кофе на письменный стол, откладывает в сторону распечатку допроса.

— Не знаю, — говорит Карен. — Надо отвечать?

Новость о том, что у Сюзанны Смеед была сестра, оба, и Вигго Хёуген, и прокурор, встретили, пожав плечами. Карл Бьёркен и тот не выказал особого интереса.

“Н-да, это объясняет, почему они с Сюзанной созванивались, — сказал он. — Однако ничто не говорит о том, что Энн Кросби хотела убить сестру. Скорее уж наоборот. Брось ты все это и признай, что, как бы то ни было, убийство совершил Кванне”.

Может, они и правы, думает Карен. С какой стати Энн Кросби убивать сестру? Экономические мотивы исключены, месть и ревность — мотивы возможные, но не идут ни в какое сравнение с постоянной погоней Кванне за легкими грабежами. Остается разве что шантаж. Сюзанна вряд ли упустила бы шанс нажиться за чужой счет. Только вот чем она могла шантажировать свою сестру, чтобы Энн Кросби сочла необходимым убрать ее с дороги? Нет, наверно, Карл прав, пора все это бросить.

Прокурор с улыбкой откидывается на спинку кресла.

— Да нет, не надо. По всей вероятности, мы возбудим обвинение против Кванне, улики для этого достаточно. Он находился в Лангевике ко времени убийства, имел и мотив, и возможность, иными словами. И лгал. К тому же ранее продемонстрировал, что в случае чего готов применить насилие.

— Вы имеете в виду то убийство? Так ведь он убил не ради выгоды, скорее как бы мстил. Или защищал свою подружку, если посмотреть доброжелательно.

— Да, но это еще и признак безудержности. По словам Арильда Расмуссена, Линус Кванне, когда он выставил его из паба, был не в себе, пьян, а возможно, и обкурен. И в дом Сюзанны Смеед он влез либо с целью прикарманить ценные вещи, либо просто чтобы переночевать.

— Он должен был сообщить, что в доме кто-то есть. На участке стояла машина.

Динеке Веген пожимает плечами:

— Иной раз взломы происходят и когда хозяева дома. У нас были случаи, когда народ просыпался оттого, что в спальне стоял грабитель.

— Однако в таких случаях грабитель обычно не один.

— Вероятно, Кванне действовал не вполне рационально. И не забывайте, по меньшей мере в нескольких случаях он поджигал ограбленные дома.

— Вам не кажется, что в таком случае ему бы не мешало прихватить и столовое серебро?

Динеке Веген опять пожимает плечами:

— Может, ему помешали или он проморгал ящик, где оно лежало. Нет, едва ли случайность, что Кванне находился в Лангевике именно тем утром. Единственная проблема, пожалуй, автомобиль.

Карен кивает. В “тойоте” обнаружена только ДНК Сюзанны и только ее отпечатки пальцев. Был, правда, отпечаток на пассажирской стороне, тот же неустановленный, что и в доме. Плохо, что он не принадлежал Кванне.

— Он ведь утверждает, что его подвезли. Вероятно, так оно и было, — говорит Карен неуверенным голосом.

Ей вспоминается, как выглядят дороги наутро после Устричного. Если и была какая-то машина, маловероятно, чтобы она остановилась, да еще и подобрала его.

Динеке Веген быстро листает бумаги, потом зачитывает вслух:

— “Я ждал примерно полчаса, но потом один мужик остановился. Кажется, на «вольво». Черном таком или, может, темно-синем”.

— Замечательно, — говорит Карен. — Всего-то полчаса. И конечно же “вольво”, а как же иначе?

Прокурор снова пожимает плечами:

— Да, тут и я несколько сомневаюсь. Что ни говори, вероятнее всего, он уехал на автомобиле Сюзанны. И постарался не оставить отпечатков.

Карен смотрит на нее, но не говорит, что Линус Кванне едва ли из тех, кому удастся ловко обвести криминалистов вокруг пальца.

— Велосипед, на котором он, по его словам, приехал в Лангевик, мы отыскали, — говорит она. — Он стащил его в одной из усадеб южнее Грундера, после того как разбил краденый мотоцикл. Кроме того, врач говорит, у Кванне трещина в правой ключице и ссадины на бедре, что подтверждает эту часть его рассказа.

Прокурор фыркает:

— Бедняжка. Пострадал, а за спиной рюкзак с награбленным. И по малым дорогам явился в Лангевик, чтобы после взломов скрыться от полиции. Очень трогательно.

Карен невольно улыбается.

— Как дочитаете отчет до конца, вы увидите, что нам удалось подтвердить звонки, о которых говорил Кванне. Старый самогонщик Йорген Бекстрём, вы его знаете, подтвердил, что, когда проснулся под вечер после Устричного, у него было четыре пропущенных звонка. Один от матери и три от Линуса Кванне, каждый раз они переключались на автоответчик. И неудивительно, учитывая, что старикан в то время был не слишком разговорчив. А уж тем более не мог сесть в машину и съездить за своим корешем.

— Тогда он и вломился к Сюзанне Смеед, убил ее и уехал на ее машине. Осталось только объяснить, почему в машине нет его следов. Знаю, криминалисты работают тщательно, но, может, им все-таки осмотреть машину еще раз?

— Увы, не получится. Они отдали машину. А Ларсен никогда бы этого не сделал, не будь он уверен на все сто процентов. Если Кванне ездил на этой машине, то в перчатках и в шапке. Или ему чертовски повезло.

Карен встает. Ни слова не говорит о том, что думает, а думает она, что Кванне, пожалуй, вовсе не вламывался в дом Сюзанны Смеед, просто случайно оказался поблизости, как он и твердит. И на сей раз Линусу Кванне просто-напросто не повезло. Не говорит она и о гложущем ощущении, что убийца Сюзанны Смеед по-прежнему где-то рядом. Будь у нее хотя бы имя или версия насчет мотива, но смутное ощущение... Нет, на сей раз лучше держать язык за зубами.

— Что ж, дальше мне не продвинуться, — говорит она. — Теперь дело за вашими людьми. Перед уходом домой оставлю подробный отчет у вас в корзине с входящими документами. Кстати, я собираюсь наконец-то взять положенный отпуск. Хёуген и Смеед рады отдохнуть от меня, — с кривой улыбкой добавляет она.

Динеке Веген тоже встала, с улыбкой протягивает руку.

— Да, я слыхала, что вы уходите в отпуск. Спасибо вам. Если вдруг возникнут вопросы, согласую с Юнасом. Куда, кстати, собираетесь?

— На северо-восток Франции. У меня там доля в винограднике, хотела успеть помочь друзьям с урожаем.

— Не в Эльзас ли?

— В общем, да. Можем поспорить на ящик.

— Давайте. О чем спорим?

— Если суд примет ваше обвинение против Кванне, получите от меня ящик белого вина.

— А если нет?

— Тогда я права. И мне этого достаточно.

— Значит, покидаешь корабль, раз нельзя больше играть в капитана.

Не оборачиваясь, Карен следит, как струйка кофе медленно течет в кружку, которую она подставила под краник. Не спеша оборачивается и дует на кофе, поднеся кружку к губам. Прислоняется к мойке и смотрит на Эвальда Йоханнисена, который стоит в дверях кухоньки.

Она не подает виду, что только сейчас сообразила, что забыла положить сахар и горечь ест губы.

— Здорово, что ты снова здесь, Эвальд, — говорит она. — Я слышала, что ты вышел на работу. Хочешь чашечку?

Он кривит лицо:

— Гейский кофе? Спасибо, я предпочитаю наш старый добрый полицейский.

— Почему я не удивляюсь? Но мог бы и попробовать. Вкусный.

Она поднимает руку, поглаживает ладонью матовую сталь. Потом нажимает пальцем на рычажок вспенивателя молока, который тотчас поворачивается, и шлет коллеге улыбку. Тот смотрит на нее, качает головой.

— Н-да, а раскошеливаются, ясное дело, налогоплательщики, — с кислым видом роняет он. — Но это, надо думать, далеко не все, что Юнасу придется улаживать после тебя.

— Вот как, — спокойно говорит она. — Что за интересные сплетни ты собрал?

Эвальд Йоханнисен входит в буфетную, открывает холодильник, достает банку кока-колы. Вскрывает, поднимает, словно собираясь сказать тост, делает несколько больших глотков.

Ты явно стосковался по кофеину, думает Карен и в ответ приподнимает свою кружку.

— Ты бы поосторожнее с этой штукой, — мягко говорит она, кивая на банку с колой. — Вредно для сердца.

— Иди к черту.

— Точнее, в северную Францию. Уезжаю вечером в субботу. Буду сидеть на ферме и пить вино, пока вы тут надрыгаетесь в снежном буране.

Йоханнисен отпивает еще глоток, утирает рот тыльной стороной руки.

— Ну-ну, пришлось тебе все-таки сдаться. Не дали тебе тратить время и ресурсы на то, что можно было раскрыть меньше чем за неделю. Обидно, поди.

Он пододвигает стул, садится. Прислоняется к спинке, скрещивает вытянутые ноги, снова подносит банку с колгой ко рту.

— А ты шныряла по округе, допытывалась, что происходило здесь пятьдесят лет назад, вместо того чтобы присмотреться к тому, что у тебя перед носом. — Он отпивает глоток и, открыв рот, рыгает.

Карен старается не скривиться, кладет голову набок и улыбается:

— Стало быть, вы со Смеedom уже поболтали. Что он еще рассказал?

— Ты имеешь в виду про то время, которое ты истратила, разглядывая старый фотоальбом, бегая по пабам и болтая со стариками-хиппи? Нет, про это я и сам мог прочесть. Юнас попросил меня просмотреть твои записи, н-да, чтение не больно-то поучительное.

— Тем не менее ты все прочитал. Как трогательно.

— Так ведь пришлось, ведь я буду на связи с прокуратурой, раз ты решила смыться, поджав хвост.

— Ах, но я рада, что ты прочел и распечатки допросов Линуса Кванне. Уверена, что для тебя они достаточно убедительны. В точности как для Веген, Хёугена и Смееда. Хорошо, что вы заодно.

— Какого черта ты имеешь в виду?

— Ровно то, что сказала. Вы получили все, что считаете нужным. Извольте!

— Выходит, ты по-прежнему не считаешь Кванне виновным. Так?

Эвальд Йоханнисен фыркает и смахивает с подбородка струйку пены. Карен, не отвечая, пристально смотрит на него, ждет продолжения.

— Я, черт подери, не упустил ни единой мелочи, которую ты раскопала, разговаривая со старыми дезертирами, или добыла, сидя в пабе со старыми трепачами. Хиппи, датчанка-акушерка и брошенные дети — полная бессмыслица. И допросы Кванне я прочел. Нет ни малейшего сомнения, какие выводы тут напрашиваются. Если ты этого не видишь, для меня вообще загадка, зачем тебя понесло в полицейские.

Карен подходит к мойке, ополаскивает кружку, ставит вверх дном на сушилку. Оборачивается.

— Знаешь, Эвальд, я и сама задаю себе этот вопрос.

Последнее, что она слышит, перешагивая через вытянутые ноги и выходя из буфетной, новая отрыжка углекислоты, вырывающейся из глотки Эвальда Йоханнисена.

Карен вытаскивает из замка ключи автомобиля, и в ту же секунду жужжит мобильник. Но волнения, которое всего день-другой назад охватило бы ее при виде имени Энн Кросби на дисплее, нет и в помине, и она медлит: а стоит ли вообще отвечать?

Разговор с Бренденом и Джанет уже снял вопросы, какие у нее были. Пятьдесят лет назад в Лангевике случилась трагедия. И что Энн Кросби — тот самый младенец, который вместе с Тумасом и Ингелой вернулся в Швецию, теперь не вызывает никаких сомнений. С помощью Корнелиса Лоотса — втайне и взяв с него обещание оставить Юнаса Смеда в неведении — она получила подтверждение, что Хэппи действительно переименовали в Энн и выросла она в Мальмё с Тумасом Экманом, которого, видимо, считала своим биологическим отцом. В конце восьмидесятых Энн уехала в Штаты учиться на маркетолога и там вышла за некоего Грегори Кросби, с которым шесть лет назад развелась. Детей они не имели, и Энн Кросби зарегистрирована как одинокая женщина по некоему адресу в Лос-Анджелесе.

Что сестры, Энн и Сюзанна, узнали друг о друге всего за несколько месяцев до смерти Сюзанны — трагическое совпадение. Но это объясняет телефонные звонки Сюзанне Смед и от Дисы Бринкманн, и от самой Энн Кросби. А главное, вероятность, что Энн убила Сюзанну, значительно меньше вероятности, что это сделал Линус Кванне. Почти пятидесятилетней женщине, по данным Корнелиса, очень состоятельной, нет никакого смысла убивать новообетенную сестру в захолустье доггерландского Хеймё. С этим даже Карен в конце концов согласилась.

Мобильник жужжит в третий раз, и Карен понимает, что надо ответить. После оставленного срочного сообщения было бы бессовестно не поговорить с Энн Кросби, когда та наконец позвонила. Она нехотя нажимает кнопку с зеленой трубкой.

— Карен Эйкен Хорнби у телефона, — говорит она.

— Меня зовут Энн Кросби. Вы меня искали?

Голос учтивый, но заполошный, чуть ли не запыхавшийся, будто ей хочется поскорее закончить разговор. Вот и хорошо, думает Карен.

— Да, искала. В связи со смертью здесь, на Хеймё.

Карен обрывает себя и секунду-другую молчит. Знает ли Энн Кросби, что ее сестра мертва? Она поняла это из разговора с Меттой?

— В общем, речь о Сюзанне Смедд, — осторожно произносит она. — Не знаю, известно ли вам, что она...

— Да, я знаю, Сюзанна мертва. Это ужасно.

Энн Кросби говорит короткими фразами, на прекрасном шведском, несмотря на годы в Штатах, как кажется Карен.

— Дело в том, что мы получили распечатку звонков Сюзанны и обнаружили там ваш номер и номер Дисы Бринкманн. Кстати, ваше имя я узнала от дочери Дисы и смогла таким образом связать вас с этим телефоном. Поскольку вы звонили по карточке, мы бы так и не узнали, что номер ваш.

— Да, за границей я всегда пользуюсь карточкой.

— Пожалуй, это самый надежный способ, иначе будет чертовски дорого.

В трубке слышны звуки стройплощадки, но Энн Кросби молчит.

— Короче говоря, — продолжает Карен, — я в общем-то уже получила ответы на свои вопросы. И расследование убийства в принципе закончено. У нас в СИЗО сидит подозреваемый, который весьма вероятно.

— В принципе? Вы не уверены?

— Ну, завершено полицейское дознание. Теперь дело за прокуратурой.

В трубке слышен треск, а затем мертвая тишина. Секунду Карен думает, что Энн Кросби отключила связь.

— Что ж, наверно, так лучше, — слышится в следующую секунду.

— Я сама уезжаю в отпуск на неделю-другую, но, если хотите, попрошу держать вас в курсе. Скажите мне, как с вами связаться, и я передам ваши координаты прокурору.

— Можно звонить мне по этому номеру.

— Значит, вы еще некоторое время будете в Швеции?

На сей раз треск в трубке настолько громкий, что Карен инстинктивно отводит ее от уха.

— Извините, — говорит Энн Кросби. — Я стою в неудачном месте.

— Я, конечно, попытаюсь связаться и с Дисой, если успею, — говорит Карен, — но это непросто, как вы знаете. Ее дочь сказала, что она едет домой. Вам-то, кстати, с Дисой удалось созвониться? Метта говорила, вы тоже искали ее.

— Что? Нет. В смысле, пока нет.

— Я постараюсь до отъезда послать ей эсэмэску. И вообще, по пути домой, возможно, заеду в Мальмё. Говорят, красивый город, да и крюк невелик, раз теперь есть мост.

Я заболталась, думает она. Ей неинтересно слушать про мои

отпускные планы, а болтовня не изменит того факта, что ее сестра мертва. Еще несколько секунд молчания, и Карен собирается закончить разговор.

— Значит, вы проведете отпуск в Дании?

— Нет, во Франции. Вечерним паромом до Эсбьерга в субботу, а дальше на машине.

— Тогда желаю счастливого пути.

— Спасибо. И мне, — добавляет она, — очень жаль, что с вашей сестрой случилось такое.

— Ты даже не заметишь, что я с тобой. Обещаю.

— И каким же образом? В машине-то тебе придется сидеть рядом со мной. Или ты рассчитывала ехать в багажнике?

В глазах Сигрид загорается надежда.

— Значит, ты согласна? Я еду с тобой?

Карен вздыхает. Двое суток умасливания — и в конце концов она начала уступать. Кампания по уговорам началась сразу же, едва только она рассказала Сигрид, что наконец берет отложенный отпуск и поедет на машине в Эльзас, к друзьям. Сигрид твердила, что оплатит половину расходов на бензин, что будет изо всех сил трудиться на сборе винограда, что всегда мечтала побывать именно во Франции, — и все это с ангельски-умоляющим выражением лица.

Не добившись желанного результата, она сменила стратегию.

После всего, что случилось, ей просто необходимо “смотаться” из “этой паршивой страны”, вдобавок в клубе (в “этой вонючей дыре”) периодически появляется Сэм, а ей совершенно не хочется его видеть, поэтому она думает уволиться и после Нового года засесть за учебу (хотя и не из-за ворчания отца, этот “лицемерный мерзавец” может убираться ко всем чертям). Кроме того, Карен, стало быть, даже не заметит, что она с ней.

Юнас наверняка озверееет, если услышит, что его дочь едет со мной в отпуск, думает Карен и соглашается:

— Ну ладно.

Поговорив с Коре и Эйриком, а также с Марике, она понимает: есть проблема. Никто из них не сможет на три недели перебраться в ее дом, чтобы позаботиться о Руфусе. Оставить кота у Марике она не рискнет; примерно год назад, когда тощий бедолага невесть откуда возник возле ее дверей, у нее сложилось четкое впечатление, что он очень долго и тяжело мыкался по свету. И наверняка уйдет от Марике, попробует вернуться домой. А вдруг он станет добычей лисицы или угодит под машину?

Можно, конечно, попросить кого-нибудь из соседей кормить кота, но, учитывая, как он дорожит ее обществом — а теперь и обществом Сигрид, — будет жестоко оставить его на несколько недель одного. Какого черта она вообще впустила этого котяру? Не подумала, что он поставит под

вопрос все ее возможности попутешествовать.

Предложение Коре заманчивым тоже не показалось. И все же сейчас она сидит в машине между двумя грузовыми причалами Новой гавани, а до того целых двадцать минут черепашью шагом ползала вокруг темных построек, вглядываясь в проезды. И как раз когда она уже собирается уехать, в луче фар неожиданно появляется Лео Фриис. Стоит посреди дороги, где она проезжала по меньшей мере дважды. Ощущение, какое она испытывает при виде Лео, складывается в равной мере из облегчения и инстинктивного желания уехать, пока не поздно. Но секундой позже она думает о том, что паром на Эсбьерг отходит меньше чем через сутки. И послезавтра она сможет сидеть с Филиппом, Аньез и остальными за стаканом вина прошлогоднего урожая и любоваться виноградниками.

Оставив мотор работать на холостом ходу, Карен открывает дверцу и выходит из машины.

— Ладно, так в чем загвоздка? — говорит Лео Фриис, выслушав ее предложение. — Вы бы не стали просить меня, не будь загвоздки. Мы ведь незнакомы.

Он недоверчиво смотрит на нее и, не говоря спасибо, берет еще одну сигарету.

— Коре за вас ручается. К тому же вы ничем не рискуете. Просто посторожите мой дом, пока я во Франции. Мне нужен человек, который проследит, чтоб никто ни вломился, присмотрит за хозяйством.

— За хозяйством?..

— За моим котом. Ну, чтобы у него была вода и корм... и кто-то погладил его.

— Так-так. Стало быть, загвоздка в коте. А что с ним?

Карен чувствует, что начинает терять терпение. Предложение Коре оставить Лео Фрииса сторожить дом уже изначально выглядело отчаянной крайностью. Грязный аутсайдер, с явно длинным и весьма проблематичным “послужным списком”.

“В принципе он хороший мальш, — сказал Коре. — Заработал массу проблем, когда группа приказала долго жить, наркота, долги и все такое, но мужик он хороший. Ну и я смогу иногда заезжать, пригляжу за ним, если хочешь. С той встречи в «Репетиции» мы с ним на связи. Да ты тоже ведь там была, так что, можно сказать, знакома с ним”.

“После двух стаканов пива? Кстати, как вы поддерживаете связь? У него же наверняка нет мобильного?”

“Мобильника нету, но он ночевал в студии той ночью и после еще

несколько раз. Потом я пригласил его на ужин”.

“Домой? И Эйрик согласился?”

“Малость поспорили, но в конце концов согласился. Хотя сказал, что, черт побери, сидел как на иголках, когда Лео плюхнулся на белый диван, купленный весной”.

“Да, могу себе представить, — сказала Карен. — Ладно, а ты знаешь, как мне его найти? Он по-прежнему живет в студии или под грузовым причалом в Новой гавани?”

“Боюсь, последнее. В студии сейчас уйма работы, народ толчется круглые сутки, так что пока он в сторонке. Ребята не обрадуются, если узнают, что я давал ему ключи. Одно только оборудование стоит миллионы”.

“Да, тогда уж лучше пускай тырит то небольшое, что есть у меня...”

“Да ладно тебе. Лео не ворюга. К тому же у тебя нет выбора”.

Сейчас Карен смотрит на стоящего перед нею человека со смесью зачарованности и отвращения. Пальто когда-то было вполне приличным, может, оно даже его собственное, а вот сапоги подозрительно новые. Но в свете фар видно, что красный джемпер весь в пятнах, о происхождении которых ей даже думать не хочется, а рукава побурели от вьезшейся грязи. Резинка на одном манжете разъехалась, и петли неловко сколоты английской булавкой, чтоб не бежали дальше. Серо-бурого одеяла, которое было у Лео Фрииса на плечах в их первую встречу, сейчас, слава богу, нет, но шапка и толстые шерстяные носки, торчащие из голенищ, наверняка кишат паразитами. Да он весь наверняка кишит паразитами, сердито думает она.

Нет бы сказать спасибо. Ухватиться за возможность целых три недели иметь пищу и кров, а не задавать уйму вопросов. Черта с два! Я еще уговаривать его должна, будто продавец пылесосов. Что он о себе воображает?

Вместе с тем Карен прекрасно понимает, что именно ей требуется помощь Лео Фрииса, а не ему от нее.

— С котом все в порядке, — говорит она. — Просто ему нужно много внимания.

— Вы уверены, что не кошка?

Лео чешет брови, так что шапка сползает на лоб.

— О, бомж-юморист, — фырчит Карен. — У вас блохи? Шапка вроде как сама собой ползает.

— Почему я знаю? Ванна у вас есть?

— Конечно.

— Ладно.

— Что ладно?

— Ладно, поживу я в вашем доме, присмотрю за котом и чтоб никто не вломился, пока вы катаетесь на испанскую Коста-дель-Соль и пьете сангрию.

— На виноградник во Франции. Вообще-то он отчасти мой.

— Что ж, поздравляю.

Лео откашливается. Карен с отвращением смотрит, как он отворачивается и сплевывает через край причала.

— Есть одно условие, — говорит она. — Вы не будете водить туда всяких там крезанутых корешей и принимать наркотики. Никакой травки. Пейте, если хотите, но больше ничего.

— Так я и знал. Всегда есть загвоздка...

— Я полицейская и не могу рисковать, чтобы вы занимались у меня дома всякой хренотенью. Я серьезно. Сможете?

— Почти два года я обходился пивом да паршивым красным вином. Кстати, дома у вас что-нибудь найдется?

— Вряд ли что по вашему вкусу. Только приличное вино и хорошее виски. И холодильник, полный еды, телевизор и гостевая комната с чистыми простынями, — добавляет она, чтобы смягчить нахальство.

— И где находится это райское место?

— В Лангевике, к северо-востоку отсюда.

— Я знаю, где это. Но как я туда доберусь? Машины у меня нет, вы же понимаете.

Секунду-другую Карен молчит, прикидывает в уме. До парома двадцать три часа. Завтра она едва ли найдет время шастать по городу в поисках Лео Фрииса. А на то, что он доберется до Лангевика сам, если она даст ему денег на такси, рассчитывать нельзя.

— На машине. Прямо сейчас. Если у вас нет других дел, — говорит она.

Шум наверху умолк. Журчание кранов раз-другой сменялось бульканьем слива и через час наконец стихло.

— Думаешь, он уснул? — Сигрид рассеянно постукивает ложечкой по чайной чашке, а пальцами другой руки скользит по дисплею мобильного. — А вдруг утонул в ванне? Я слыхала такие истории, — продолжает она, на секунду отрывая взгляд от мобильного. — Может, глянуть, что там?

— Полагаю, Лео в состоянии о себе позаботиться, — сухо роняет Карен и спихивает на пол Руфуса, который запрыгнул на кухонный стул и положил передние лапы на стол. — Если не будешь больше сыр, я его суну в холодильник.

Она встает, надо убрать со стола. Стол усыпан крошками орехового батона, от которого остался жалкий кусочек горбушки. Он затолкал в себя по меньшей мере восемь ломтей, думает она и открывает морозилку, чтобы достать новый батон. Если он продолжит в таком духе, к моему возвращению в доме не останется ничего съестного.

— Похоже, под бородищей он вполне симпатичный. Во всяком случае, на старых снимках в интернете выглядит очень неплохо. Смотри!

Карен оборачивается — Сигрид с энтузиазмом протягивает ей телефон. Не глядя на экран, Карен недоверчиво качает головой и с неодобрением роняет:

— Он лет на двадцать старше тебя.

Сигрид со вздохом встает.

— Да с какой стати мне интересоваться стариком? Я о тебе думала.

— Вот спасибо. Но старик, думаю, лет на десять моложе меня.

— На восемь. Я проверила.

Карен пропускает мяч за боковую.

— Вещи собрала? — спрашивает она.

— Успею. Скоро. Спокойно, что ты так нервничаешь?

Потому что я, вместо того чтобы тихо-спокойно жить в одиночку, почему-то сижу за столом с девицей в пирсингах и с кучей татуировок, а в ванной наверху у меня еще один фрукт, думает Карен. Вслух она говорит:

— Можешь принести чистую простыню и постелить в садовом домике? И включи там обогреватель, если он выключен, я забыла глянуть.

— Значит, мне уматывать? Хочешь остаться наедине с бородачом.

Сигрид широко улыбается, ловко подняв одну бровь, и на миг Карен замечает сходство с отцом.

— Не глупи, — ворчит она. — Сегодня Лео заночует там, а когда мы уедем, если пожелает, переберется сюда. Хочу поддержать его на карантине, выяснить, нет ли у него бешенства.

Сверху опять доносится бульканье, но на сей раз горячий кран не включают. Слышны только шаги в ванной, шорох двери и скрип ступенек. Секундой позже в дверях кухни появляется Лео Фриис, с баннным полотенцем вокруг бедер. Карен отводит глаза. Сигрид нет.

— Ты брился миксером? — спрашивает она.

— Нашел маникюрные ножницы. Одежды взаимы не найдется? Мою надо постирать.

Точнее, продезинфицировать, думает Карен. Или прожарить.

— Сигрид, покажи ему стиральную машину и поищите в шкафу что-нибудь из одежды. Мне надо позвонить.

Карл Бьёркен отвечает после первого же гудка.

— Привет, Эйкен, что нарыла на этот раз?

— Да ничего. Я перешла на отпускное положение. Завтра вечерним паромом уезжаю и вернусь только через три недели. Ты-то сам когда слиняешь? В смысле, в отпуск по уходу.

— Не раньше первого декабря, так что ты успеешь вернуться.

Если вернусь, думает она. Именно сейчас ее ничуть не тянет возвращаться к Юнасу Смееду и Эвальду Йоханнисену.

— Кстати, вчера я говорила с Энн Кросби.

— Так-так, она все-таки объявилась. И что сказала?

— Немного. Говорила крайне сдержанно.

— А эта Диса Бринкманн, с ней ты тоже говорила?

— Пока нет. Сейчас она, верно, уже дома, так что пошлю ей эсэмэску. Немного странно не закончить. Ну то есть не разьяснить, зачем я их искала, хоть это уже не актуально.

— Ты же вроде в отпуске. Перешла на отпускное положение, сама ведь сказала?

— Да, но я обещала Энн Кросби, что мы будем держать ее в курсе насчет Кванне. Что ни говори, убита ее сестра, хотя официальных данных о родстве нет. Вообще-то я хотела попросить тебя прислать мне эсэмэску, если что произойдет.

Хоть это и невозможно, она отчетливо слышит, что Карл Бьёркен на том конце линии улыбается.

— Значит, не ты сама хочешь об этом знать?

Карен безнадежно вздыхает.

— Ладно. Просто очень странно вдруг все бросить.

— Ты же знаешь, что говорят про любопытных кошек...

— Так пришлешь эсэмэску или нет? В смысле, если он признается.

— О'кей. А теперь постарайся по-настоящему перейти на отпускное положение.

— Обещаю. Наверняка не стану думать о вас, сидя среди гор винограда.

Двадцать минут спустя, закрывая дорожную сумку и задерживая молнию, она вдруг ловит себя на том, что напевает старинную детскую песенку:

*Кошка в речку заглянула,
Кошка чуть не утонула.
Услыхав истошный крик,
Кошку выудил старик.*

*“Раз суешь ты нос повсюду,
Больше я спасать не буду.
Ты спасай себя сама,
Любопытная кума”.* [\[12\]](#)

Ну-ну, хороша компания, думает Карен, провожая взглядом Сигрид, которая исчезает в направлении бара на нижней палубе.

Еще в очереди на погрузку Сигрид заметила в одной из машин впереди нескольких приятелей. И, убедившись, что Карен не обидится, оставила ее за рулем, а сама побежала к другой машине, постучала по стеклу, и ее тотчас впустили внутрь.

— Увидимся на борту чуть позже, — сказала она. — Кстати, какой у нас номер каюты?

Карен дала ей брелок с цифрами 121, оттиснутыми на белом пластике.

— Я собираюсь лечь как можно раньше. Будь добра, не буди меня, как придешь. Мне надо выспаться, иначе я не смогу завтра целый день вести машину до Страсбурга.

“Ты даже не заметишь, что я с тобой”, — уверяла Сигрид. Пожалуй, так и есть, думает Карен, и внезапно ее охватывает беспокойство. Сигрид намерена во время путешествия не раз вот так исчезать из ее поля зрения? Вдруг с ней что случится? Или она задумает смыться с кем-нибудь из парней, которые ездят по фермам собирать урожай. Обычно они выглядят не в меру симпатичными. Как она тогда объяснит все Юнасу Смееду? Сигрид, конечно, совершеннолетняя, но все-таки, взяв ее с собой, она взвалила на себя огромную ответственность.

В довершение беспокойства ей вдруг представляется дом в Лангевике. Лео Фриис в окружении пустых стаканов и линеек кокаина, Руфус, который тщетно крутится возле своих мисок. О чем она, черт побери, думала?

В ее мысли врывается звук автомобильного сигнала. Машины впереди сдвинулись с места и одна за другой исчезают в открытом трюме парома “Скандия”.

Через полчаса Карен устроилась в кожаном кресле маленького бара на верхней палубе. К своему разочарованию, она обнаруживает, что пепельниц на столиках больше нет. Раньше-то именно этот бар был исключением?

— На борту можно где-нибудь покурить? — спрашивает она у стюарда, который кладет на стол салфеточку и ставит на нее джин с тоником.

— Нет. Последние пять лет это запрещено. На воздухе, понятно, можно, — отвечает он, забирая у нее карточку.

Карен бросает взгляд в окно. Паром отчалил по расписанию, и теперь все огни уже остались позади. Капли дождя на угольно-черном стекле отбивают всякую охоту курить. К тому же она ощутила знакомую качку, свидетельствующую, что Северное море штормит. Стюард проследил ее взгляд и подтвердил ее мысли привычной улыбкой, предназначенной успокаивать встревоженных пассажиров.

— Ничего страшного, — говорит он. — Чуток покачает, конечно, но беспокоиться совершенно не о чем. Иначе мы бы не вышли в рейс.

Карен весело смотрит на него. Их представления насчет “чуток покачает” явно несколько различны.

— Близится шторм, — спокойно говорит она.

— Сказали, настоящий шторм будет над Доггерландом, но мы, мол, успеем добраться до Дании, прежде чем он достигнет побережья. Однако, — говорит он, глядя на стакан перед нею, — если вы склонны к морской болезни, будьте поосторожнее с этим делом.

Карен улыбается, качает головой:

— Слава богу, никогда морской болезнью не страдала. Наверняка паршивая штука, как я понимаю.

Стюард считывает карту, выбивает чек и комкает его в ладони, когда она делает протестующий жест.

— Да, я слышал, как люди говорили, что им охота помереть, когда совсем уж припечет. Но, как я уже говорил, нынче ночью, по-моему, будет не особо опасно. — И он с улыбкой отходит прочь.

Далекие звуки какой-то песни Леди Гаги долетают с нижней палубы в тихий бар, когда стеклянная дверь отворяется и входит пожилая пара. Они как раз в дверях, и тут паром кренится. Женщина делает шаг в сторону и тотчас смущается. Крепко сжимая в руке золотистую цепочку сумочки, а другую руку просунув под локоть мужчины, она идет дальше. Карен поворачивает голову, провожает их взглядом, когда они усаживаются за один из столиков.

В большом баре, наверно, полным-полно, но здесь цены отпугнули всех, кроме двух десятков пассажиров. Стюард ставит на стол сухой мартини и двойное виски перед другой хорошо одетой пожилой парой. Три немолодые женщины сидят за бутылкой белого вина. Чуть дальше Карен видит двух мужчин в костюмах, перед каждым из них стоит порция коньяку, а над спинкой зеленого честерфилдовского кресла виднеются плечи и затылок женщины, которая вроде бы что-то ищет в сумочке. Несмотря на свои слабые познания в моде, Карен понимает, что сумочка явно дорогая. В руке у женщины что-то взблескивает, и Карен

догадывается, что та искала зеркальце и теперь подносит его к лицу. Наверно, хочет подкрасить губы.

Н-да, в этом баре она никого не подцепит, думает Карен, отпивая глоток джина с тоником. Здесь прибежище для тех, кто предпочел паром самолету, но не выносит столпотворения в большом баре. Для тех, кто боится летать или везет с собой автомобиль. Или для нас, кто попросту уже стареет, думает она. Ступенькой ниже находятся те, для кого паромы из Дункера и Равенбю сами по себе цель, им плевать, куда они плывут в эти выходные — в Эсбьерг или в Харидж. Их привлекают безналоговые цены, игровые автоматы и шанс найти компанию на ночь. Ну а еще молодежь, которую привлекает возможность отделаться в паромных барах от родительского надзора.

Давно это было, но Карен все помнит.

Позвоню-ка я Сигрид на всякий случай, думает она. Просто пошлю короткую эсэмэску, чтобы убедиться, что она не страдает морской болезнью. Или не напилась.

Взгляд на часы — всего 23.26. Если что-нибудь случится, она наверняка даст о себе знать. Если не валяется под наркотой в какой-нибудь каюте и...

— Кончай, — говорит она самой себе.

Одна из пожилых женщин поворачивает голову в ее сторону, и Карен понимает, что говорила вслух. Она заметила, что теперь частенько в одиночестве говорит сама с собой. Дома Руфус прекрасно сойдет за оправдание, но сидеть в одиночестве на северноморском пароме и говорить в пространство — только пугать окружающих.

Нет, надо пойти и лечь, думает она. Поспать часок-другой, пока не пришло время опять садиться за баранку. Она допивает джин и встает. Быстро делает шаг в сторону, когда паром кренится, и смущенно улыбается другим посетителям. Никто, похоже, не обращает на нее внимания. Женщина, рывшаяся в сумочке, слегка поворачивает голову в ее сторону, но тотчас же снова отворачивается.

Эвальд Йоханнисен вопросительно смотрит на жену. Она включила ночник и снова улеглась на подушки, с безнадежным видом и телефоном, прижатым к уху. Сейчас она пытается что-то сообщить мужу, показывая одной рукой, что ее собеседник болтает без умолку.

Эвальд бросает взгляд на радио с часами — красные цифры светятся как издевательское напоминание об ушедшей молодости и силе: 22.47.

Вечер субботы, еще нет и одиннадцати, а они с Рагной уже спали.

С другой стороны, раздраженно думает он, кой черт звонит в этакую поздноту?

Секундой позже он понимает, что беззвучно говорит Рагна: *кузен Хассе*.

— Да нет, что ты, мы еще не ложились, рано, — говорит она, покосившись на мужа. — Да, намного лучше. Вот он тут, сидит рядом, можешь сам с ним поговорить. Да, все в норме. Привет Эве. Да, надо бы в самом деле. И тебе того же. Даю Эвальда.

Уныло глянув на жену, Эвальд Йоханнисен берет трубку и принимает полусидячее положение. Разговоры со шведским кузеном обычно занимают много времени и вызывают у него ощущение собственной неполноценности. Наверно, потому, что Ханс всегда норовит подчеркнуть, что продвинулся в шведской полиции выше, чем Эвальд в доггерландской, хотя в Доггерланде конкуренция куда меньше. Или, может, это обычный комплекс младшего брата, каким страдают все доггерландцы по отношению к своему большому восточному соседу.

Однако на сей раз кузен Ханс Коллинд, заместитель начальника Южного региона, окажется весьма немногословен. Уже после нескольких вводных фраз по поводу Эвальдова здоровья и получив обещание не волноваться, он переходит к подлинной цели своего звонка.

— Дело в том, — говорит он, — что у нас в Мальмё произошел странный случай. И я подумал, не поможешь ли нам ты. Не хочу звонить кому попало в такое время.

Да уж, мне, понятно, звонить можно, думает Эвальд, но чувствует, как раздражение уже сменяется любопытством.

— Слушаю, — говорит он.

— У нас тут убита пожилая женщина, в собственном доме, причем никаких следов взлома или сексуального насилия не обнаружено. Кто-то

просто зашел, убил ее и ушел. Судмедэксперт говорит, случилось это позавчера вечером, и пока что мы не нашли ни мотива, ни свидетелей.

— Я-то чем могу помочь, по-твоему?

Эвальд Йоханнисен искренне удивлен. Он привык, что кузен звонит поболтать о себе и похвастать всем — от работы до детишек, но чтобы такое... Хассе, похоже, впрямь просит о помощи.

— Ее дочь, которая, само собой, в шоке и смятении, рассказала, что с ней связывалась доггерландская полиция, хотела установить контакт с ее матерью. Та была в отъезде, совершала в Испании какое-то паломничество, а кто-то из ваших несколько раз, по словам дочери, спрашивал про нее.

— Из наших? А зачем нам...

И в эту самую минуту Эвальд Йоханнисен понимает, кто звонил и кто убит. Но все равно спрашивает:

— Как ее зовут?

— В смысле, убитую? Диса Бринкманн.

Лампы дневного света в восточном коридоре на третьем этаже Доггерландского полицейского управления мигают, прежде чем вспыхнуть и залить холодным светом пустые столы. Эвальд Йоханнисен проходит напрямик к своему, включает компьютер и уже затем тяжелыми шагами идет в буфетную, берет с сушилки фарфоровую кружку и нажимает на кнопку с надписью “двойной капучино”. Смотрит на часы и вздыхает.

Диса Бринкманн.

Кузен Хассе мог бы и не называть имя, Эвальд и без того понял. Что ни говори, он дважды перечитал отчет Карен. Конечно, главным образом с целью выискать ошибки и поводы для насмешек, однако достаточно многое засело в голове, хоть он и считал это чистейшим безумием. Но услышанное от Хассе заставило Эвальда Йоханнисена вылезти из-под одеяла и встать.

Сколько же старушенций, интересно, совершали пешее паломничество в Испании?

И что двое из тех, кто фигурировал в одном расследовании, будут убиты, отнюдь не могло — как бы Йоханнисену ни хотелось — быть случайностью. Теперь ему придется связаться с Эйкен. Пропади все пропадом.

Жена не протестовала, когда он, всего часом раньше слишком усталый, чтобы впервые после приступа заняться с ней любовью, вдруг без всяких объяснений встал с постели, оделся и ушел. Вместо того чтобы расспрашивать и уговаривать, она спокойно погасила ночник, повернулась на бок и уснула. Рагна Йоханнисен была замужем за Эвальдом почти сорок лет. Она знает, что это бесполезно.

И вот он сидит, с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. В третий раз просмотрел отчет и нашел то, что искал. Нет, это не совпадение, тут он совершенно уверен. Каким образом все взаимосвязано, он понятия не имеет, но связь есть, вне всякого сомнения. Уж столько-то полицейского чутья у него осталось, несмотря на возраст, сосудистые кризы, а теперь еще и импотенцию, он видит, когда факты взаимосвязаны. Женщина, которую искала Карен, убита не случайно. Ему не хочется признавать, но Эйкен, судя по всему, шла по следу. Вопрос только, по какому? Нет, мысленно поправляет он себя, главный вопрос сейчас в том, где эта чертовка, ведь по телефону она не отвечает.

Он набирает номер еще раз, уже третий, — снова автоответчик. Эвальд Йоханнисен ставит трубку на базу с такой силой, что опасается, уж не расколотил ли он телефон. Она в отпуске, но ведь это не повод не брать трубку. Хоть немного чувства ответственности можно требовать даже от бабы, а?

Он быстро проверяет телефон — слава богу, гудок есть. И с глубоким вздохом набирает номер Карла Бьёркена.

Черт, думает он, слушая гудки. Если Эйкен права, он нахлебается, до самой пенсии.

— Привет, Эвальд, — наконец по обыкновению отвечает Карл.

— Как скоро можешь приехать?

— Спасибо, у нас тут просто замечательно, — кислым голосом отвечает Карл. — Ребятишки уложены и...

— Я серьезно. Как скоро ты можешь приехать в управление?

На другом конце короткая пауза.

— Дай мне полчаса.

— О'кей. Еще один вопрос: не знаешь, Эйкен успела уехать? Кажется, она что-то говорила насчет Франции.

— Карен? А зачем тебе.

— Черт, знаешь или не знаешь?

— Она должна была уехать на пароме в Эсбьерг рейсом в полдиннадцатого сегодня вечером, а потом на машине двинуть дальше. Да о чем речь-то, черт побери?

Последнюю фразу Эвальд Йоханнисен уже не слышит. Повесил трубку.

Пустым взглядом смотрит на экран, меж тем как мозг работает на полных оборотах. Ровно четыре минуты он неподвижно сидит и смотрит. Потом быстро наклоняется вперед и пишет в окошке — doggerlines.com. Нажимает еще несколько клавиш, получает нужную информацию и берется за телефон.

Вообще-то, наверно, можно бы связаться с Эйкен завтра утром, думает он, слушая гудки. Вряд ли они могут прямо здесь и сейчас выяснить, как связаны между собой убийства Дисы Бринкманн и Сюзанны Смеед. А лучше всего, конечно, обойтись без ее помощи. Черт, вот бы она разозлилась.

Но мало-помалу Эвальда Йоханнисена охватывает другое, необъяснимое чувство неловкости. Он нутром чувствует его, когда с растущим раздражением слышит голос автомата, который сообщает, что он включен в очередь и она скоро подойдет. Должен же у пароходства быть

еще какой-то номер, помимо обычного клиентского. Только вот он не знает, где искать среди ночи, когда начальства нет на месте. С другой стороны, он и так узнает все, что нужно. Вот дерьмо, наверно, и с этим надо было подождать до утра.

Если бы не гложущее ощущение, что надо спешить.

Пятью минутами позже Карен проходит по коридору среди звякающих игровых автоматов и попадает в гущу громкой танцевальной музыки, смеха и людей, которые добавляют еще больше шума, ведь, чтобы услышать друг друга, им приходится кричать. Басы гулко отдаются в груди, меж тем как она проталкивается по переполненному помещению.

Она-то думала, что крюк невелик. Просто загляну и проверю, как она там. Удостоверюсь, что с ней все в порядке. Теперь она видит, что обречена на неудачу. Мало того что здесь жуткая толчея и шум, так парходство вдобавок решило, что самое подходящее освещение — лампочки вдоль барной стойки да этакий стробоскопический свет с танцпола, от которого учащается пульс. Тут определенно никого не найдешь. Толчок — и она налетает на какого-то парня, который расплескивает пиво.

— Черт, — рывкает он, — смотри, куда прешь!

— Извините, меня саму толкнули, — пытается оправдаться она, но он уже отвернулся и что-то кричит в ухо девице, лицо которой освещено дисплеем мобильного, на котором она набирает номер. Не обращая внимания на парня, девица вдруг взвизгивает и сует мобильник под нос стоящей рядом подружке:

— Ой, во дурак, глянь!

— В самом деле, серьезно. Ему бы...

Остального Карен не слышит. Проталкивается дальше по заведению, формой напоминающему подкову, и громко стонет от облегчения, когда выбирается на другую сторону.

Хорошо одетая женщина с дорогой сумочкой, видимо, устала от тишины в верхнем баре и стоит теперь впереди, возле игрового автомата.

Ишь ты, думает Карен, вообще-то непохоже, чтобы ты нуждалась в деньжатах. С другой стороны, ей известно, что определенная категория пассажиров — разного рода игроманы.

Впрочем, нарядная женщина не очень-то смахивает на игроманку, во всяком случае, она не бросила в автомат ни шиллинга, просто стоит и разглядывает неподвижные ряды вишенок, часов и семерок. Черные брюки и жакет свидетельствуют о деньгах и о вкусе. Правда, не таком, как у Карен, но все равно ясно, что эта женщина очень заботится о своей внешности. А ее волосы еще усиливают это ощущение. Собственная прическа Карен не предполагает частых визитов к парикмахеру, и проседь в

каштановых волосах она устраняет сама, в ванной. Но все же или как раз поэтому она отчетливо видит, что ни красивая стрижка под пажа, ни медового цвета волосы вовсе не результат домашних усилий. Со смутным неудовольствием Карен рассматривает спину женщины. Что-то в этой одинокой фигуре, которая неподвижно изучает однорукого бандита, говорит о печали, даже о страхе.

После здешнего кошмара надо срочно перекурить, думает Карен и бросает взгляд на стробоскопический свет на танцполе. Одна затяжка — и спать. Она сует руку в сумочку, ищет сигареты, не находит и опускается на корточки, спиной прислонясь к стене. Открыв сумочку, видит холодный свет мобильного, и сердце тотчас ёкает. Кто-то пытался с ней связаться.

Но звонила не Сигрид. Карен недоверчиво смотрит на телефон и имя на дисплее. Три пропущенных звонка с номера, который она слишком хорошо знает: коммутатор управления. И один звонок от мамы.

— Добрый вечер, вы позвонили в “Доггер-Лайнз” и говорите с Пией. Чем могу помочь?

Почему народ нынче такой многословный, думает Эвальд, постукивая пальцами по столешнице.

Вслух он говорит:

— Инспектор Эвальд Йоханнисен из отдела уголовного розыска Доггерландской полиции. Мне срочно нужна информация по рейсу двадцать два тридцать из Дункера в Эсбьерг.

— Так, о какой дате идет речь?

— Сегодня. Сейчас.

Секунду царит тишина.

— Вы имеете в виду рейс, который сейчас направляется в Эсбьерг?

— Совершенно верно. Мне нужна информация об одной пассажирке, Карен Эйкен Хорнби, на борту ли она. Если да, прошу принять для нее срочное сообщение.

— Мне очень жаль, но мы не вправе давать информацию об отдельных...

Эвальд Йоханнисен понимает, что, если не оборвет дискуссию в зародыше, она затянется надолго.

— Слушайте меня внимательно, барышня. Вам прекрасно известно, что полиция вправе получить доступ ко всем вашим спискам пассажиров.

— Да, — покорно отвечает Пиа. — Но нам приказано не называть определенных.

— Списки у вас в компьютере? Или как?

— Конечно, — отвечает она тоном, исключая любые сомнения, что в “Доггер-Лайнз” нет порядка в бумагах.

— Тогда перешлите мне весь список, я сам проверю. И поживее! Листок бумаги и ручка найдутся?

Слава богу, Пиа правильно записала электронный адрес Йоханнисена, а вдобавок и правда имеет быстрый доступ к нужной информации, так как уже через шесть минут приходит мейл с нужным приложением.

Список алфавитный, и всего через четыре секунды он находит имя Карен. Снова поднимает трубку. На сей раз ждать не приходится.

— Добрый вечер, вы позвонили в “Доггер-Лайнз” и говорите с Пией. Чем могу помочь?

— Это опять Йоханнисен. Спасибо за список, но мы уже потеряли шесть минут, так что слушайте хорошенько и делайте, как я говорю. О'кей?

— О'кей... — неуверенно отвечает она, будто боится и обещать вслепую, и отказывать властному голосу на другом конце линии.

— Мне необходимо срочно связаться с пассажиркой парома, о которой мы только что говорили. Я пытался дозвониться, но по телефону она не отвечает.

— Наверно, со связью на борту мелкие неполадки.

— Я хочу, чтобы ее вызвали по громкой связи или постучали к ней в каюту, словом, сделали что угодно, но обеспечили, чтобы она позвонила мне.

— Без проблем, — отвечает Пиа.

От удивления у Йоханнисена отвисает челюсть. Сперва эта девчонка отказывала ему в информации, которую он все равно бы достал, прибегнув к бюрократическим уловкам. А теперь вдруг — без проблем.

— Я прослежу, чтобы объявили по радио. Как зовут вашу подругу?

Эвальд Йоханнисен едва не лопаётся от злости.

— Ее зовут *инспектор уголовного розыска* Карен Эйкен Хорнби. И она мне не подруга! Ясно?

— Извините, я машинально. Очень многие пытаются.

— Да-да, проследите, чтобы ей сообщили: она должна немедленно связаться с Эвальдом Йоханнисеном. Мой номер у нее есть. И у вас тоже, — добавляет он, быстро набивает цифры и отправляет Пие обратное сообщение. — Если в течение получаса она не ответит, я позвоню снова.

С этой угрозой он обрывает связь.

По-прежнему сидя на корточках, Карен чертыхается. Она не обращает внимания на взгляды проходящих мимо, ей начхать, что они там себе думают. Как же такое возможно, думает она, мобильник все время был при мне. Секундой позже она замечает маленький символ с перечеркнутым звонком и понимает, что мобильник работал беззвучно. Чтобы избежать звонков дежурного или еще кого-нибудь, кто не в курсе, что она в отпуске, она еще вчера вечером, перед сном, отключила звонок. Не хотела, чтобы ближайшие три недели ее будили среди ночи. И ведь правильно сделала, думает она; три звонка только за последний час. Надо звякнуть дежурному и сказать, чтобы обновил списки тех, кто на службе.

Зато мамин звонок ее тревожит. Карен проверяет время — мама звонила сразу после половины девятого. Наверно, и голосовое сообщение оставила. И почему она вдруг звонит в субботу вечером? — думает Карен, набирая короткий номер службы сообщений. Мы же созваниваемся по воскресеньям. Она нетерпеливо слушает монотонный голос:

— У вас два сообщения. Первое поступило сегодня в двадцать один тридцать четыре.

Привет, старушка! Догадайся, где я! Ни за что не угадаешь. Мы с Харри в Лондоне, в гостях у его сестры, и собираемся махнуть к тебе. Харри очень хочет увидеть Лангевик, так он говорит. Всего на несколько дней, так что мы тебя не обременим, можем пожить в садовом домике. Завтра в полдень из Хариджа идет паром. Позвони и скажи, надо ли чего-нибудь купить, завтра увидимся! Целую и обнимаю!

Карен опускает мобильник, тупо смотрит в пространство. Потом зажмуривается, смотрит на часы: 00.14. Позвонить сейчас и отменить все или подождать до утра? Наверно, сейчас мама и Харри спят. Надо надеяться, что спят, думает Карен. Она еще незнакома с этим чудом, с Харри Лампардом, но нет ни малейшего сомнения, что ее мама на старости лет влюбилась. И теперь они без предупреждения покинули испанское побережье, чтобы нагреть с визитом.

Она решает послать эсмэску, а уж потом, утром, позвонить. Потому что надо все отменить. Одна мысль о реакции Элинор Эйкен, когда она явится в Лангевик и увидит Лео Фрииса, повергает Карен в ужас. Лео, с кое-как подстриженной бородой, в трениках Карен, которые кончаются

выше щиколоток, и в футболке с логотипом Доггерландской полиции, которая ему мала. По крайней мере, именно так он выглядел, когда они расстались несколько часов назад. Чистый, но и только.

Привет! Здорово, но я на пути во Францию, так что в другой раз. Завтра позвоню. Обнимаю, К.

Она отправляет эсмэску, и тотчас же в голову приходит еще одна жуткая мысль: а вдруг мама все равно поедет взглянуть на свою давнюю родину, хотя дочь в отъезде? Остановится в доме на несколько дней, сама покажет Харри Лангевик. Что ни говори, Элинор Эйкен прожила там сорок лет, и эти места много для нее значат, хотя уже восемь лет она обитает в Эстепоне. Надо ее задержать, думает Карен, позвоню утром, как только проснусь. Почему, черт побери, все это должно случиться именно сейчас?

До смерти хочется курить, надо успокоиться, выкурить сигарету или две, а потом можно и в каюту. Она судорожно роется в сумке, ищет сигареты и зажигалку, наконец находит и встает. Ноги почти затекли, и, направляясь к двери на палубу, она старается восстановить кровообращение.

Карл Бьёркен толкает стеклянную дверь восточного коридора на третьем этаже дункерского полицейского управления — после звонка Йоханнисена минуло ровно двадцать шесть минут. Сейчас шестнадцать минут первого, и он с мрачным видом идет к столу Эвальда Йоханнисена.

— Что происходит? — спрашивает он, хотя видит, что коллега прижимает к уху телефон.

Йоханнисен поднимает глаза, откладывает телефонную трубку, качает головой:

— Старушенция не отвечает.

— Старушенция?

— Эйкен. Я целый час пытаюсь.

Карл Бьёркен ни словом не реагирует на парадоксальное обозначение, каким Йоханнисен награждает человека, который на пятнадцать лет моложе его.

— Спит, наверно. Ты знаешь, который час? Что стряслось-то?

— Диса Бринкманн, — глухо говорит Йоханнисен. — Ее убили.

Несколько секунд Карл Бьёркен смотрит на коллегу совершенно пустым взглядом. Потом взгляд начинает проясняться — первая догадка и, наконец, нежеланное осознание.

— Энн Кросби, — говорит он и опускается на стул.

— Сестра, — вздыхает Йоханнисен, вспоминая, как насмеялся над этим разделом отчета Карен. Но ведь пока непонятно, что это она, внушает он себе без всякой уверенности.

— Во всяком случае, она — связующее звено между жертвами. Карен хотела, чтобы мы копнули поглубже насчет нее, но нам запретили, и Хёуген, и прокурор. Я тоже ее не слушал, упорно ставил на Кванне. Какие же мы идиоты!

— Ну, не знаю, — бормочет Йоханнисен, — но факт есть факт: кто-то проник в квартиру Дисы Бринкманн и убил ее.

— Как ты узнал?

— Хассе позвонил из Швеции. Ее так швырнули, что она ударилась затылком о дверной косяк, а пока была без сознания, для верности задушили. Но у них нет ни мотива, ни свидетелей.

Карлу, конечно, известно, что кузен Йоханнисена Ханс Коллинд занимает довольно высокий пост в шведской полиции, но ему известно и

другое: у них нет привычки обсуждать по телефону работу. По крайней мере, сам Йоханнисен этого не делает. И, словно прочитав мысли коллеги, Эвальд Йоханнисен продолжает:

— Дочь Дисы Бринкманн рассказала шведам, что доггерландская полиция разыскивала ее мать. А кто из нас разыскивал, догадаться нетрудно. Черт, все-таки Эйкен была права.

Карл понимает, насколько трудно коллеге признать, что Карен шла по следу, который все остальные отвергли. И все же он приехал на работу среди ночи.

— И Карен не отвечает, говоришь. А мы точно знаем, что она на пароме? Может, она выехала раньше и уже во Франции?

Йоханнисен поворачивает к нему монитор и поворачивается сам вместе с креслом.

— Во всяком случае, она значится в списке пассажиров.

Карл смотрит на алфавитный файл.

Эгерман, Ян

Эгерман, Шарлотта

Эдмунд, Тимоти

Эйкен Хорнби, Карен

Он хмурит брови. И прежде чем мысль успевает оформиться, инстинктивно хватается за мышшь и прокручивает файл. Затаив дыхание, скользит взглядом по именам и фамилиям пассажиров.

Карлссон, Мария

Карлссон, Гуннар

Класи, Ян

Кроуфорд, Дэвид

Линдвалль, Уильям

Со вздохом облегчения он выпускает воздух.

— Энн Кросби, по крайней мере, среди пассажиров не значится.

Йоханнисен прав; тут наверняка есть связь, как и считала Карен, но, пожалуй, созвониться с ней можно и завтра утром. Наверняка она сейчас спит, думает он. Отключила звук мобильного, раз она теперь в отпуске.

Карл Бьёркен чувствует, как пульс успокаивается, уровень адреналина падает, и собирается встать. И в ту же секунду он слышит за спиной голос Эвальда Йоханнисена:

— Ах ты, черт.

С некоторым трудом Карен открывает дверь на кормовую палубу. Ветер усилился, воздух сырой от близкого дождя. Должно быть, вот-вот грянет буря, но она успеет быстренько курнуть, пока хляби небесные не разверзлись. Два пластиковых стула валяются опрокинутые возле круглого столика, несколько пластиковых стаканчиков катаются туда-сюда по палубе, людей не видно. Наверно, она единственная, у кого потребность в успокоительной затяжке достаточно велика, чтобы выйти на сырой холодище, или, может, народ курит где-нибудь еще. Наверняка ведь есть местечко получше.

По левому борту, под навесом, она замечает несколько больших рундуков для хранения спасательных жилетов. Всего полсигаретки, думает она, и пойду спать. Держась на почтительном расстоянии от бортовых перил, она направляется к рундукам и чувствует, как порыв ветра толкает ее в спину. Останавливается лицом к стене, уже заочневшими пальцами достает сигареты и зажигалку. Палец скользит, закурить удастся только с четвертой попытки. Зажмурив глаза, она делает затяжку.

Надо ее остановить, думает она и опять представляет себе лицо матери, когда та подходит к дому и сталкивается с Лео Фриисом. В худшем случае пьяным и обкуренным.

Карен до сих пор не уверена, почему ее мать решила уехать — потому ли, что она, Карен, вернулась в родное гнездо, или же Элино́р Эйкен просто-напросто получила возможность расстаться со старым домом. Целый год она прожила вместе с дочерью и в конце концов пришла к выводу, что Карен вполне справится. Целый год, на удивление бесконфликтный, пожалуй, оттого что Карен очень быстро перебралась в садовый домик. Две вдовы в одном доме все-таки чересчур.

Сама Элино́р утверждала, что они с отцом Карен всегда мечтали, выйдя на пенсию, переехать в края потеплее. И теперь она, хоть и в одиночку, претворяет мечту в жизнь, только и всего.

“И я знаю, что дом в надежных руках”, — добавила она.

Н-да, вряд ли она будет в этом уверена, если я завтра утром ее не перехвачу, думает Карен. На сон времени остается немного, думает она, чувствуя, как зевота терзает челюсти. В тот же миг ее осеняет, что из-за волнений с матерью она напрочь кое-что забыла. На мобильнике есть еще

одно голосовое сообщение. Вероятно, просто извинение дежурного за ошибочный звонок, но проверить все равно надо. Секунду она прикидывает, не прослушать ли его прямо сейчас, но решает сперва докурить и вернуться внутрь. Поворачивает голову, смотрит на свет из окон впереди, меж тем как усталость становится совершенно невыносимой. Еще одна глубокая затяжка, и она выбрасывает сигарету. Огонек гаснет, как только окурок падает на палубу.

И в тот же миг — толчок в спину. С огромной силой ее швыряет вперед, головой в перила.

Карл Бьёркен замечает это в ту же секунду, когда слышит чертыханье Эвальда Йоханнисена. Энн Кросби в списке пассажиров действительно нет. Но в верхней части экрана виднеются последние имена на букву “б”.

Босса, Рююд

Босса, Марианна

Бринкманн, Диса

Бук, Андерс

Секунду-другую оба молчат.

— Какого черта... — начинает Эвальд Йоханнисен, но Карл Бьёркен уже вскочил, стоит у своего стола, с телефонной трубкой в руке. Переглянувшись, оба кивают. И не говоря ни слова, берутся за дело.

Двадцать минут спустя Карл Бьёркен констатирует, что никогда в жизни не чувствовал себя настолько беспомощным. Во всяком случае, с тех пор как Ингрид родила близнецов.

Они с Йоханнисеном сделали все возможное. Не сговариваясь, позвонили куда надо, отметили, что сделал каждый, потом предприняли дальнейшие шаги. Сообща составили список всех возможных и невозможных мер. Известили дежурного, который объявил общую тревогу. Связались с шефом вертолетного подразделения береговой охраны во Фрамнесе, который сообщил, что погода нелетная. Вертолетный патруль полиции доложил о том же. Там, где сейчас находится паром, ветер, конечно, сильный, но проблема не в этом. Над восточным побережьем Доггерланда ветер достиг ураганной силы, и видимость слишком плохая, чтобы вертолету разрешили взлет.

Они поговорили с ответственным лицом из службы охраны пароходства, тот обещал, что немедля известит капитана и опять свяжется с ними. Получили подтверждение, что женщина, которую согласно паспорту зовут Диса Бринкманн, купила билет на рейсы из Эсбьерга в Дункер и обратно и что сейчас паром как раз на границе между доггерландским и датским фарватером.

Они разбудили Вигго Хёугена, который в порядке исключения выслушал все без возражений и обещал незамедлительно снестись с датской полицией. Информировали Юнаса Смеда, который уже едет в управление. Теперь вся надежда, что датская береговая охрана сможет

выслать вертолет. Или персонал на борту разыщет Карен.

Судно большое, мрачно думает Карл.

Закрыв лицо руками, он пытается размышлять. Неужели вправду больше ничего сделать нельзя? В ту же секунду Йоханнисен опять чертыхается:

— Карл, иди сюда, черт побери.

Карл Бьёркен, не вставая с кресла, подъезжает к столу коллеги и видит, как тот толстым пальцем тычет в список пассажиров на экране.

— Глянь, — говорит он. — На этом чертовом пароме ну просто кого только нет. Интересно, что скажет Юнас, узнав, что его дочка тоже там.

Первое, что она чувствует, это холод. Ледяной промозглый холод, который говорит, что она жива. Потом в черноту пробивается лучик света, и боль в голове становится нестерпимой.

Карен не понимает, почему она на полу, в темноте и холоде, полулежит, уткнувшись головой и плечами в холодную как лед стену. Должно быть, я на улице, думает она, с удивлением обнаружив, что в лицо хлещет дождь. Вокруг бушующий ветер и какой-то ритмичный тяжелый гул. В следующий миг память возвращается.

Она инстинктивно делает попытку встать и слышит крик. По-прежнему в полубессознательном состоянии, она с удивлением понимает, что кричит сама, что крик поднимается из глубин ее существа и улетает с ветром. Взгляд беспомощно блуждает в тусклом свете палубных фонарей и неверном отсвете из окон, замирает в метре от нее. И только теперь она видит: левая нога, неестественно вывернутая, лежит на палубе между нею и перилами. Встать она не может.

В ту же секунду она видит перед собой какую-то женщину.

— Пожалуйста, помогите мне...

Карен обрывает фразу. На сей раз понимание настолько отчетливо, что дурнота мгновенно отступает. Женщина, которая, тяжело дыша от напряжения, стоит сейчас возле стены и смотрит на Карен, вовсе не думает ей помочь. Она собирается с силами, чтобы закончить начатое.

И сквозь струи дождя, в тусклом свете фонаря над рундуками, Карен ее узнает. Это же она, женщина с дорогой сумочкой, искавшая зеркальце, чтобы подкрасить губы, женщина, которая разглядывала игровой автомат. Она выпрямляется, и во взгляде у нее столько ненависти, что у Карен перехватывает дыхание.

Бледное лицо чем-то хорошо знакомо, дорогая стрижка мокрыми лохмами облепила лоб и щеки. Что-то здесь не так, нет, не может быть. Догадка медленно вгрызается в сознание Карен и ищет опоры. И она не знает, говорит ли вслух или только думает: — Вы же точь-в-точь...

Женщина делает первый шаг к ней, и Карен кричит.

Крик тонет в ровном гуле двигателей парома и грозном шуме ветра в снастях и спасательных шлюпках. В ужасе Карен машет руками, пытается защититься, вслепую бессильно лупит по той, что нависает над ней.

Отбивается, хочет закричать, когда женщина хватается ее за плечи и пробует поднять на ноги. На сей раз боль до того неистовая, что ее выворачивает наизнанку. Каждый судорожный приступ отдается в груди жуткой болью, и что-то в ней словно отделяется. Безучастно, будто со стороны, Карен делает вывод, что по крайней мере несколько ребер справа сломаны.

Женщина инстинктивно отпускает ее, пятится назад. Сначала с удивлением, потом с отвращением смотрит на рвоту, медленно стекающую с отворотов жакета.

Далеко позади слышится, как открылась дверь, шум голосов и музыка вдруг становятся громче, потом дверь опять закрывается.

Никто носа не высунет в такую непогоду, кому охота насквозь промокнуть и замерзнуть ради сигареты. Никто не увидит ее и не услышит, хотя лишь стенка отделяет ее от сотен танцующих, смеющихся людей внутри. Никто понятия не имеет, что здесь происходит.

Новый приступ тошноты, Карен пытается повернуть голову, чтобы не захлебнуться рвотой. И опять слышит громкую музыку, когда отворяется другая дверь. На сей раз у нее за спиной, дальше по левому борту. Она пытается закричать, но опаздывает — все опять стихает, дверь закрылась. Мне не выбраться, думает она и смотрит на женщину.

Энн Кросби убьет и меня.

В следующую секунду слышится звук приближающихся шагов, и женщина опять отступает к стене. Они уже не одни.

Волна благодарности пронизывает Карен; кто-то вышел на палубу, поможет ей.

Потом голос, такой знакомый, что ее накрывает страх, кровь бросается в голову. Голос Сигрид за спиной.

— Карен, это ты? Ты что, не слышишь, что они объяви...

Она резко умолкает, и Карен понимает: Сигрид подошла совсем близко и сообразила, что здесь что-то не так.

— Сигрид, не подходи, — пытается крикнуть она, но сил нет, голос слаб, его уносит ветер.

Она пытается еще раз. Отчаянно прижимает ладонь к сломанным ребрам и кричит:

— Беги за помощью. Беги отсюда, Сигрид!

Но Сигрид не уходит. Идет дальше, теперь Карен видит ее.

— Господи, Карен, что случилось?

— Сигрид, уходи, приведи кого-нибудь. Она опасна.

Последнее она показывает мимикой, отчаянно пытается указать взглядом на женщину, отступившую в темноту. Сигрид пока не видит ее.

Сигрид прослеживает ее взгляд, глядит в ту сторону. Карен видит, как она вздрагивает и, чтобы не упасть, хватается за поручень. И бессильно смотрит, как Сигрид, вместо того чтобы бежать за помощью, медленно делает несколько шагов к женщине.

Энн Кросби стоит, словно окаменев, опустив отяжелевшие руки.

Длинные черные волосы Сигрид развеваются на ветру, вуалью падают на лицо. Обеими руками она отбрасывает их, останавливается в нескольких метрах от Энн Кросби. На секунду-другую обе замирают, глядя друг на друга. И только теперь Карен понимает, что думает Сигрид. Теперь, когда волосы этой прежде элегантной женщины висят патлами, когда слабый свет фонарей не позволяет разглядеть отличие этой женщины от Сюзанны Смеед.

Это не она! — хочет крикнуть Карен. Она просто с виду такая же. Уходи, эта женщина убила твою маму. Ее зовут Энн Кросби, она твоя тетка.

Но с губ не слетает ни звука.

Она собиралась рассказать Сигрид, что у нее есть тетка. При случае, во Франции. Думала, что Сигрид, наверно, обрадуется. Что, наверно, это поможет и ей, и Энн, когда Сюзанны нет в живых. Сейчас ей хочется только крикнуть Сигрид, чтобы она уходила. Но тело не слушается, воздуха не хватает. Боль слишком сильна.

И в это мгновение, которое застывает, обернувшись вечностью, Карен видит, как лицо Сигрид преобразается. Видит, как чувства беспощадно захлестывают ее. Как сомнение на миг сменяется радостью, а потом возвращается реальность. Реальность, которую невозможно осмыслить.

Карен не слышит, только видит, как губы Сигрид шевелятся и произносят одно-единственное слово:

— Мама?

Что-то в ней рвется, ломается. Она хочет вскочить, обнять Сигрид, защитить ее от этой встряски. Сказать, что это просто страшный сон. Но ей удается только, собрав последние силы, перебороть боль и крикнуть, как можно громче:

— Это не она, Сигрид! Это не твоя мама!

И наверно, Сигрид слышит... или нет. Может, ей все равно, что хочет сказать Карен, может, она ей не верит. Карен видит, как женщина переводит взгляд с нее на Сигрид и обратно, словно тоже пытается понять, и мало-помалу при взгляде на Карен в ней вновь оживает отступившая было злоба. Быстрыми шагами она подходит к Сигрид, обнимает оцепеневшую девушку. Крепко держит ее, неотрывно, с ненавистью глядя на Карен.

И еще прежде чем женщина открывает рот, Карен осознает, как ошибалась.

— Да, Карен, — говорит женщина, — я ее мать. Этого ты не изменишь.

Мысли кружат, не находя опоры. Мертвое тело Сюзанны Смеед на полу кухни. По-прежнему столь знакомые черты страшно разбитого лица. Распахнутый халат, силиконовая грудь, ухоженные руки, блестящие пряди волос, не испачканных кровью. Все это Карен тогда четко отметила. Кое-чему удивилась, но приняла, не сомневаясь в увиденном. Она помнила печаль Кнута Брудаля, оттого что ему пришлось вскрывать тело женщины, которую он знал и с которой когда-то близко общался. Результаты анализа ДНК, подтвердившие то, что он и остальные уже знали. Убитая — Сюзанна Смеед.

Все усилия были направлены на поиски преступника. Личность жертвы ни у кого сомнений не вызывала.

И пока правда медленно укрепляется в сознании, Карен слышит, как женщина, которая вовсе не Энн Кросби, говорит:

— Мне очень жаль, Сигрид. Я не хотела, чтобы ты узнала. Ты должна была верить, что я умерла.

Сигрид издает звук, похожий одновременно на всхлип и на вой. Высвобождается, неловко отступает назад. Оскальзывается, но сохраняет равновесие.

— Что ты наделала? — кричит она. — Кто же тогда убит?

Сюзанна Смеед искренне удивлена, склоняет голову набок, с огорченным видом смотрит на дочь, словно толком не понимает вопроса.

— Моя сестра, конечно.

Глаза Сигрид расширяются от ужаса. У ее матери нет сестры. Ведь нет?

— Я тоже о ней не знала. И сперва обрадовалась. Пока не поняла, до чего все это неправильно. Мне пришлось убить ее. Ты не должна была узнать, разве только через много лет, после моей смерти. Не сейчас. Почему ты здесь? Что ты здесь делаешь вместе с ней?

Взгляд мечется между Сигрид и Карен, в нем смесь ненависти и смятения; появление Сигрид спутало все планы. С ужасом Карен понимает, что отчаяние может толкнуть Сюзанну на все что угодно, убить одну Карен будет уже недостаточно. Но настолько ли Сюзанна безумна, чтобы убить родную дочь?

Сигрид смотрит на эту женщину. На лицо, запечатленное в ее памяти.

На свою мать, которую любила и ненавидела. Видит безумие, которое, вероятно, угадывала под поверхностью и которое пугало ее куда сильнее, чем она смела признаться даже себе самой.

— Зачем?

Девушка говорит так тихо, что ветер уносит вопрос. Но Сюзанна читает его в ее глазах.

— Неужели непонятно? Она получила все, что было бы моим. Украла всю мою жизнь. Я все объяснила в письме, Сигрид. Ты бы получила его спустя много лет, после моей смерти. Оно лежит в доме Энн, в Швеции, я жила там после ее смерти. Теперь это *моя* жизнь.

В следующий миг Сюзанна делает несколько быстрых шагов к Карен. Наклоняется к ней и кричит:

— А ты, чертова шлюха, не получишь ничего моего! Сигрид — моя дочь, а не твоя. Запомни!

Ее взгляд полон ненависти, когда она с размаху наносит резкий удар ладонью.

От этой пощечины Карен снова бьется затылком о железный борт, а Сюзанна снова оборачивается к Сигрид:

— Я всегда буду твоей мамой. Этого у меня никто не отнимет!

Карен едва замечает яркий конус света, который вдруг накрывает их. Едва слышит судовой гудок и топот бегущих ног. Поле зрения сужается, и все звуки разом отступают далеко-далеко. Будто под стеклянным колпаком, она отмечает, как Сюзанна, заслонив глаза рукой, смотрит на прожектор вертолета, потом переводит взгляд на Сигрид и медленно качает головой. Лицо у нее совершенно опустошенное. Без всякой надежды на лучшую жизнь. Без жизни вообще. Сейчас все решится, думает Карен. Сейчас она сделает последний выбор.

Обеими руками Сюзанна Смеед хватается за поручень, влезает на него, Карен видит, как Сигрид бросается к ней, хочет остановить. Видит свою собственную руку, протянутую в отчаянной попытке удержать девушку. С ужасом думает, что Сюзанна утащит Сигрид за собой.

Пальцы Карен уцепились за свитер Сигрид, резкая боль пронзает ее, когда девушка тянет ее за собой. И силы, неведомо для нее таившиеся в глубинах ее существа, под толстыми слоями отчаяния, не дают ее руке разжаться. Знают, что она удерживает саму жизнь. Пальцы крепко цепляются за надежду, за исцеление и примирение. За Сигрид. За Джона. За Матиса.

За ребенка, которого нельзя потерять.

Ветер налетает на женщину, которая теперь сидит, перекинув одну ногу через поручень. Она шатается, но по-прежнему крепко держится за белые железные перила.

— Прочти письмо, Сигрид! — кричит она. — Ты поймешь!

Она разжимает руки, отпускает поручень.

И где-то в дальней дали Карен слышит, как Сигрид кричит от отчаяния, когда ее мать падает и исчезает в черноте.

Такое ощущение, будто кто-то стоит возле выключателя и то зажигает свет, то гасит. Неумолимые вспышки то выталкивают ее в реальность, то милосердно позволяют отвлечься от происходящего.

Резкий свет, когда санитары кладут ее на носилки, потом укол — и волна боли медленно отступает. Свистящий рев лопастей вертолета, затягивающиеся ремни — и опять тьма. Легкие покачивания, успокаивающие голоса на чужом языке, незнакомые голоса, которые говорят, что нельзя спать.

— Нельзя спать, дорогая.

Марике? — думает Карен. Но она ведь не может быть здесь?

Она не сознает, что ее везут в Государственную больницу в Копенгагене, но, когда включается яркий свет, она видит трубки, белые халаты и сосредоточенные взгляды. Секунду она вообще не понимает, почему находится в больнице. Сейчас зазвонит будильник, надо будет встать и идти на работу. Следующая сознательная мысль: почему вокруг такой гул? Она словно мчится по туннелю и думает, что, наверно, умирает. Значит, вот как это происходит. Вот как это чувствовали Джон и Матис.

И ей кажется, она улыбается при мысли, что это все же не так страшно.

Но свет вспыхивает снова, приходится вернуться. Сегодня она, пожалуй, не умрет. Гул утих, сменился голосами. Неразборчивыми голосами, которые произносят понятные ей слова, а потом непонятные, и ее захлестывает паника.

Новые уколы и успокаивающие руки. Теперь она различает среди зеленых шапок и белых масок теплые глаза. А затем, наконец, снова наступает темнота.

Она не знает, как движется время, быстро ли, медленно ли. Позднее ей скажут, что лишь почти через трое суток после операции в копенгагенской больнице ее самолетом доставили в Доггерланд. И что к себе домой она попадет еще нескоро. Нестерпимо долгие дни ей предстоит неподвижно лежать на койке в дункерской больнице “Тюстед”. Удар по голове остался без тяжелых последствий — только рана, изрядное сотрясение мозга и перелом основания черепа. Четырнадцать швов, антибиотики и покой сделают свое дело, уверяют врачи. Грудная клетка стабилизирована, ребра

закреплены на своих местах. Хуже дело обстоит с левой ногой, сломанной прямо над щиколоткой, и с коленом, где порваны связки. Минимум две недели в “Тюстеде”, раньше о выписке нечего и заикаться. Потом дома на больничном и регулярно лечебная гимнастика.

— Но, скорее всего, вы полностью поправитесь.

Письмо они действительно находят на вилле, которая досталась Энн Кросби по наследству от отца. На вилле, где Сюзанна Смеед несколько недель жила под видом своей сестры. Она даже не дала себе труда спрятать конверт на имя Сигрид. Формально письмо относится к материалам расследования, и прочитали его пять человек: Карл Бьёркен, Эвальд Йоханнисен, Динеке Веген, Вигго Хёуген и Юнас Смеед.

Карен тоже ознакомили с его содержанием, хоть она на больничном и в расследовании более не участвует. Она по-прежнему под обезболивающими, когда Карл спрашивает, в состоянии ли она прочитать, что Сюзанна написала своей дочери.

— Она просто больная, — предупреждает он.

Карен осторожно кивает, берет в руки письмо. С растущим ощущением неловкости смотрит на плотные строчки, злобные прописные буквы, подчеркивания, орфографические ошибки. И начинает читать.

СИГРИД,

ЕСЛИ ТЫ ЭТО ЧИТАЕШЬ, ЗНАЧИТ, МЕНЯ НЕТ В ЖИВЫХ. НАВЕРНО, ТЫ И САМА УЖЕ СОСТАРИЛАСЬ, НАВЕРНО, У ТЕБЯ ЕСТЬ СВОИ ДЕТИ. НАВЕРНО, ТЫ УЖЕ ДОГАДАЛАСЬ, ЧТО В ЛАНГЕВИКСКОМ ДОМЕ УМЕРЛА НЕ Я. ЧЕЛОВЕК ВСЕ-ТАКИ ЧУВСТВУЕТ, КОГДА ЕГО МАТЬ ЖИВА.

НО Я УБИВАЛА И ХОЧУ, ЧТОБЫ ТЫ ЗНАЛА ПОЧЕМУ. НЕ ПРОЩАЛА, ПОТОМУ ЧТО Я ВОВСЕ НЕ ХОЧУ ПРОЩЕНИЯ, НО ПОНЯТЬ ТЫ ДОЛЖНА. ТВОЙ ОТЕЦ — НАСТОЯЩАЯ СКОТИНА. (ПРОСТИ, НО ТАК ОНО И ЕСТЬ.) РОДИЛСЯ С СЕРЕБРЯНОЙ ЛОЖКОЙ ВО РТУ И ВСЕ ДОСТАВАЛОСЬ ЕМУ ДАРОМ, А МНЕ ПРИШЛОСЬ БОРОТЬСЯ. ВСЕГДА БОРОТЬСЯ!!!

И ОН НЕБЛАГОДАРНЫЙ. ХОТЯ И БЫЛ “НАСТОЯЩИМ СМЕЕДОМ”, А Я БЫЛА “ВТОРОГО СОРТА”. ТАК СЧИТАЛА ВСЯ ЕГО СЕМЬЯ. ХУЖЕ ВСЕХ БЫЛ ТВОЙ ДЕД!!! АКСЕЛЬ СМЕЕД ПОТРЕБОВАЛ ЗАКЛЮЧИТЬ БРАЧНЫЙ ДОГОВОР, ПРЕЖДЕ ЧЕМ ПОМОГ НАМ С КВАРТИРОЙ, ХОТЯ ТЫ ТОЛЬКО ЧТО РОДИЛАСЬ. ДАЖЕ ГРОЗИЛ ЛИШИТЬ ТВОЕГО ОТЦА НАСЛЕДСТВА, ЕСЛИ МЫ НЕ

ПОДПИШЕМ.

ПОСЛЕ РАЗВОДА Я НЕ ПОЛУЧАЛА НИЧЕГО!!!

И ЧТОБ ТЫ ЗНАЛА: МОЕ КРОВНОЕ НАСЛЕДСТВО ПОСЛЕ МАТЕРИ АКСЕЛЬ ТОЖЕ УКРАЛ. ОН СКУПАЛ ЗЕМЛЮ У МОЕГО ОТЦА, УЧАСТОК ЗА УЧАСТКОМ, ПО БРОСОВОЙ ЦЕНЕ, ПОКА НЕ ОСТАЛОСЬ НИЧЕГО, ЧТО Я МОГЛА БЫ УНАСЛЕДОВАТЬ.

ЗА МОЕЙ СПИНОЙ!!!

Я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛА, ПОКА МЫ

НЕ РАЗВЕЛИСЬ. ВСЕ, ЧТО Я ПОЛУЧИЛА ОТ ТВОЕГО ОТЦА, ЭТО ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ “ТРОШИ”, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ ТЕБЕ “СНОСНУЮ ЖИЗНЬ”, КОГДА ТЫ ЖИЛА У МЕНЯ.

СВОЛОЧЬ!!!

ТВОЙ ОТЕЦ В САМОМ ДЕЛЕ ИМЕЛ ВСЕ, А МНЕ ПРИХОДИЛОСЬ БОРОТЬСЯ.

КОГДА ТЫ ТОЖЕ УЕХАЛА, Я ОСТАЛАСЬ СОВСЕМ ОДНА. БЕЗ ДРУЗЕЙ, А РАБОТА — СУЩИЙ АД. ПОСЛЕ НЕСКОЛЬКИХ ЛЕТ Я НЕ ВЫДЕРЖАЛА. ХОТЕЛА УМЕРЕТЬ И ЧУТЬ НЕ КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДУМАЛА О САМОУБИЙСТВЕ.

Карен опускает письмо на грудь, закрывает глаза. Нужно ли Сигрид это читать? Или она уже читала? Словно понимая, о чем она думает, с посетительского стула доносится голос Карла:

— Нам пришлось. Она совершеннолетняя, а письмо адресовано ей. Вчера она его прочитала.

Она никогда не станет прежней, думает Карен. Никогда. Поднимает письмо, заставляет себя читать дальше.

ВОТ ТОГДА-ТО ПОЗВОНИЛА ЖЕНЩИНА ПО ИМЕНИ ДИСА БРИНКМАНН.

ОНА ЖИЛА В КОММУНЕ С МОИМИ РОДИТЕЛЯМИ И ПРИСУТСТВОВАЛА ПРИ МОЕМ РОЖДЕНИИ. ОНА РАССКАЗАЛА, ЧТО ДАЖЕ МОЯ МАМА НЕ БЫЛА МОЕЙ. МОЙ ОТЕЦ ЗАЧАЛ МЕНЯ С ДРУГОЙ ЖЕНЩИНОЙ.

НО ПОТОМ ОНА СКАЗАЛА, ЧТО У МЕНЯ ЕСТЬ СЕСТРА-БЛИЗНЕЦ.

ОНИ ПОДЕЛИЛИ НАС МЕЖДУ СОБОЙ, КАК КОТЯТ!!! СЕСТРУ УВЕЗЛИ В ШВЕЦИЮ, А МЕНЯ ОСТАВИЛИ.

Я ВСТРЕТИЛАСЬ С ДИСОЙ БРИНКМАНН
И С СЕСТРОЙ В МАЛЬМЕ.

СПЕРВА Я НЕ ЗАМЕТИЛА, ПОТОМУ ЧТО ВНЕШНЕ ОНА ВЫГЛЯДЕЛА НАМНОГО ЛУЧШЕ МЕНЯ. НО ПОТОМ МЫ РАЗГЛЯДЕЛИ, ЧТО ПОХОЖИ КАК ДВЕ КАПЛИ ВОДЫ!!!

КОГДА МЫ РОДИЛИСЬ, НИКТО НЕ ПОНЯЛ, ЧТО МЫ ОДНОЯЙЦОВЫЕ БЛИЗНЕЦЫ. ДИСА БРИНКМАНН И ТА СООБРАЗИЛА ТОЛЬКО ТЕПЕРЬ.

У НАС ДАЖЕ ГОЛОСА ОДИНАКОВЫЕ, И ВЫГОВОР ОДИНАКОВЫЙ, ПОТОМУ ЧТО ДОМА ОБЕ ГОВОРИЛИ ПОШВЕДСКИ. КАЗАЛОСЬ, МЫ ОДИН И ТОТ ЖЕ ЧЕЛОВЕК!!

Я ЕЗДИЛА В МАЛЬМЕЁ ЕЩЕ ДВА РАЗА, ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ С ЭНН, КРОМЕ ТОГО, МЫ ГОВОРИЛИ ПО ТЕЛЕФОНУ. ОНА ЖИЛА В ШТАТАХ, НО ТЕПЕРЬ ВСЕ ТАМ ПРОДАСТ И ВЕРНЕТСЯ НА РОДИНУ, ТАК ОНА СКАЗАЛА. ВОТ ТОГДА Я ПОНЯЛА, КАК ОНА БОГАТА.

У НЕЕ БЫЛО ВСЕ, А У МЕНЯ НИЧЕГО. НО ВСЕ, ЧТО ОНА ИМЕЛА, МОГЛО БЫ БЫТЬ МОИМ!!!! ЕСЛИ БЫ Я ТОГДА УЕХАЛА В ШВЕЦИЮ, А ОНА ОСТАЛАСЬ В ЛАНГЕВИКЕ. ТОЛЬКО СЛУЧАЙ ДАЛ ЕЙ ВСЕ, А МНЕ НИЧЕГО!!

ТОГДА-ТО Я И РЕШИЛА ВСЕ ИЗМЕНИТЬ. ОНА ПРИЕДЕТ КО МНЕ В ГОСТИ И ОСТАНЕТСЯ НОЧЕВАТЬ. ОНА ПРИЕХАЛА НА КРУИЗНОМ СУДНЕ, КОТОРОЕ СУТКИ ДОЛЖНО БЫЛО ПРОСТОЯТЬ В ГАВАНИ, Я ВСТРЕТИЛА ЕЕ НА ПРИСТАНИ.

УТРОМ Я СДЕЛАЛА ТО, ЧТО НУЖНО. ТЕБЕ НЕЗАЧЕМ ЗНАТЬ, КАК ИМЕННО Я ВСЕ СДЕЛАЛА.

ПОТОМ Я ЗАНЯЛА ЕЕ МЕСТО НА КРУИЗНОМ СУДНЕ. ПРОСТО СТАЛА ЖИТЬ ЕЕ ЖИЗНЬЮ.

ЭТО ОКАЗАЛОСЬ ЛЕГЧЕ, ЧЕМ Я ДУМАЛА, ВЕДЬ НИКТО НЕ ПРИСМАТРИВАЕТСЯ К ЖЕНЩИНЕ МОЕГО ВОЗРАСТА.

ЕДИНСТВЕННАЯ, КТО ЗНАЛ, ЧТО МЫ БЫЛИ БЛИЗНЕЦАМИ, ДИСА БРИНКМАНН, ПОЭТОМУ МНЕ БЫЛО НЕОБХОДИМО УБРАТЬ И ЕЕ, ДЛЯ НАДЕЖНОСТИ. А ТЕПЕРЬ ПРИШЛОСЬ УБРАТЬ И ЕЩЕ ОДНУ, КОТОРАЯ ВЫНЮХИВАЕТ И ЗАДАЕТ ВОПРОСЫ. ОНА РАБОТАЕТ С ТВОИМ ОТЦОМ, НО ЖИВЕТ В ЛАНГЕВИКЕ. ТЫ ЗНАЕШЬ, КТО ОНА. НАСТОЯЩАЯ ШЛЮХА, КОТОРАЯ СПИТ СО ВСЕМИ МУЖИКАМИ ПОДРЯД, ВО ВСЯКОМ СЛУЧАЕ ВСЕГДА БЫЛА ТАКОЙ. НЕВЕЛИКА ПОТЕРЯ.

Карен быстро смотрит на Карла, но он не отрывает глаз от окна. И она читает последние строчки.

Я ПРОСТО ХОТЕЛА ЖИТЬ ТОЙ ЖИЗНЬЮ, КАКАЯ ДОЛЖНА
БЫЛА БЫТЬ У МЕНЯ С САМОГО НАЧАЛА.

ЭНН ПОЛУЧИЛА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ, А Я ЗАБРАЛА
ОСТАЛЬНОЕ.

НАДЕЮСЬ, ТЫ МОЖЕШЬ ПОНЯТЬ.

Я ВСЕГДА ЛЮБИЛА ТЕБЯ. МАМА

Несколько минут в палате царит тишина.

— Она явно была не в себе, когда писала, — говорит Карл.

Карен не отвечает.

Потом он встает, собираясь уходить. И напоследок говорит именно то,
что думает сейчас она сама.

— Бедная Сигрид.

Сюда приходят все. Толпятся с тревожными взглядами возле больничной койки, пока их не убеждают, что у Карен не будет серьезных осложнений... Марики, Эйлин, Коре и Эйрик. И мама.

Элинор Эйкен однозначно дала понять, что не намерена возвращаться в Испанию, пока Карен не выпишут, и решительно поселилась в лангевикском доме, отослав Харри в эстепонскую квартиру.

Лео Фриис явно тоже там. Очевидно, просто решил остаться, как Руфус. Перебрался ли он в садовый домик или они с Элинор оба живут в большом доме, Карен понятия не имеет. Спрашивать нет сил, как нет сил и самой отвечать на некоторые вопросы. Что Лео не появляется в больнице, ее не удивляет, а как ей с ним поступить, пока что совершенно неважно.

Сейчас все мысли Карен только о Сигриде.

— С ней не очень-то хорошо, — говорит Элинор.

— Понимаю. Где она живет? Хотя бы не одна?

— Не беспокойся. Мы за ней присматриваем.

— Наверно, она винит меня в самоубийстве матери. Как ты думаешь? Потому и не отвечает на мои звонки?

— Думаю, она винит себя, Карен. Я точно знаю.

— В чем она себя винит? Она же ни в чем не виновата.

— Не прикидывайся дурочкой, Карен. Кто-кто, а ты-то должна понимать.

— Мне бы следовало поговорить с ней...

— Как раз сейчас Сигрид всего боится. Увидит тебя такой, разбитой, в бинтах и гипсе, и только еще больше напугается.

Карен сознает, что может представить себе лишь малую долю того, что сейчас переживает Сигрид. Но даже эта доля — слишком тяжелое бремя для восемнадцатилетней девочки. Страшный удар — узнать, что твоя мама убийца. Потерять ее один раз, а потом другой. Страх оттого, что тебя бросает между отвращением к содеянному матерью и печалью об ожесточенности, которая переросла в безумие. Печаль по напрасно прожитой жизни. А роль, какую сыграли ее дед и ее отец. Если раньше у Сигрид были плохие отношения с отцом, то теперь они разорваны окончательно.

И впервые Карен понимает, какой отпечаток на Сигрид наложило вечное лавирование между ледяным отцовским высокомерием и лабильной

психикой матери. И сознание, что она сама — часть их двоих.

Карен знает, что может понять лишь эту малую долю. И все же ей хочется поговорить с Сигрид, сказать, что она ни в чем не виновата, что дети не отвечают за грехи отцов. Что она не одинока.

Но до поры до времени она может только лежать здесь, дожидаясь, пока все достаточно заживет и ее выпишут домой.

— Мы за ней приглядываем, — повторяет Элинор. — И я, и Лео. Кстати, он установил кошачью дверку.

Потом приходят коллеги. Один за другим, каждый с виноградом и букетом, который ее мать, терпеливо улыбаясь, забирает и идет в больничный коридор искать еще одну вазу. Корнелис Лоотс, Астрид Нильсен, Сёрен Ларсен и крайне смущенный Вигго Хёуген сменяют друг друга с такой точностью, что Карен не может отделаться от ощущения, уж не составил ли кто-то в отделе расписание посещений. Деликатных коротких посещений, тревожных взглядов, когда боль в голове и колене вынуждает Карен вызвать звонком сестру и попросить болеутоляющее. Потом несколько тихих слов с матерью, и они покидают Карен, заверяя, что придут еще.

На третий день в дверях появляется Эвальд Йоханнисен.

— Привет, Эйкен, — говорит он, кладет виноград поверх других гроздьев на блюдо на тумбочке, садится на стул.

— Привет, Йоханнисен, — отвечает Карен.

— Н-да, ты все ж таки шла по следу. Пожалуй, иной раз даже слепая курица находит зерно.

Но что-то изменилось, она не испытывает потребности объявить, что попросту была права. Что хотела продолжить поиски, отвергнутые другими в стремлении закрыть дело. Что убийство Сюзанны Смеед связано с чем-то случившимся сорок с лишним лет назад в лангевикской коммуне. Они ошибались. Она была права. Но ничего такого она не говорит. Потому что была права только наполовину.

Вместо этого она говорит:

— Спасибо тебе, Эвальд. Что ты сразу взялся за дело, как только узнал, что Диса Бринкманн убита.

Йоханнисен пожимает плечами.

— Жаль, я не узнал об этом на несколько часов раньше.

Он легонько кивает на ее загипсованную щиколотку, которая неподвижно закреплена в одном положении, чтобы зафиксировать и колено.

Однако перемирие кажется им странным, и молчание эхом отдается в палате. До сих пор они общались посредством сарказмов, ехидных колкостей да свирепых взглядов, и теперь оба не знают, что сказать. Уже через пять минут Эвальд Йоханнисен встает, откашливается, хочет что-то сказать. Карен опережает его:

— Все ж таки говнюк ты, Эвальд. — Она улыбается.

Не отвечая, он отщипывает виноградину от горы на блюде, сует в рот и выходит из палаты. Но Карен видит, что плечи у него чуточку обмякли, а когда он закрывает дверь, она успевает заметить улыбку в уголке губ.

Карл Бьёркен не улыбается. Во всяком случае до третьего своего визита, когда повязку на голове Карен заменили простой наклейкой, прикрывающей шов, а синяки на лице приняли более бледный зеленожелтый оттенок.

— Ну, ты нас и напугала, — говорит он, усаживаясь у окна.

После полумрака первых дней жалюзи подняты, и Карен провожает взглядом караван птиц, летящих на юг. Они доберутся дальше, чем я, думает она. Путешествие во Францию для нее не состоится, разве что после Рождества и Нового года.

— Брудаль совершенно уничтожен, — говорит Карл.

— Он ни в чем не виноват. Даже ДНК не могла показать, что убита не Сюзанна.

— Именно поэтому. Он поколеблен в своих устоях.

— Н-да, вряд ли ему доведется пережить это снова. — Карен отводит взгляд от окна. — Кстати, близнецов рождается примерно два-три процента, — ровным, назидательным тоном сообщает она. — А однойцовых среди них приблизительно треть. Только в нашей стране проживает около десяти тысяч пар близнецов, и примерно три тысячи из них однойцовые. Но вероятность, что кто-то из них станет убийцей или жертвой убийства, ничтожно мала. Вчера Корнелис заходил, — добавляет она, с улыбкой глядя на открытый рот Карла.

— Ну-ну, добряк Лоотс в своем амплу. Он и другими фактами тебя развлекал?

— Наверно, но я не помню. Ах да. У однойцовых близнецов одинаковая ДНК.

— Это я уже понял. Вот почему мы и не нашли никакой другой ДНК, кроме Сюзанниной. — Он наклоняется вперед. — Seriously, Эйкен, ты о многом догадывалась?

— Нет, — признается она. — Я была вполне уверена, что Кванне не тот человек, но он соврал, будто не был в Лангевике, и это говорило не в его пользу. Только ведь он вряд ли бы сумел вломиться в дом или угнать машину, не оставив ни малейшего следа. И я догадывалась, что все как-то связано лично с Сюзанной, хоть и не знала как именно. Словом, у меня не было на руках достаточных улик, чтобы убедить Хёугена. С другой

стороны, я тоже натворила бед.

— Ты имеешь в виду Дису Бринкманн?

Карен молча кивает.

— Откуда тебе было знать, что ее убьют.

— Я понимаю. Но...

Она разводит руками, и в этом жесте заключено все, что, как ей известно, уже хорошо знакомо и Карлу. Мысли о тех, кого, вероятно, можно было спасти. Если бы действовали иначе.

— У тебя слишком много времени на размышления, — говорит он. — Долго еще будешь тут лежать, а?

— Еще минимум две недели, так они говорят.

— Н-да, посетителей у тебя явно хватает. — Карл кивает на гору винограда.

Карен устало улыбается:

— На днях даже Йоханнисен заходил.

— Перемирие?

— По крайней мере временное. Он хороший полицейский, хоть и говнюк. Если бы не он, я бы, наверно, здесь не лежала.

— Тебя нашла Сигрид, — сухо замечает Карл.

— Но она бы не пошла искать меня, если бы не услышала объявление по громкой связи.

— А сама она что сказала?

— Я с ней не говорила.

Карен морщит лоб с таким видом, который Карл определенно истолкует как приступ боли. Так она вынуждает посетителей встать и деликатно оставить ее одну.

А несколько минут спустя, когда дверь с легким вздохом закрывается за широкой спиной Карла Бьёркена, она опять поворачивается лицом к окну, чувствуя, как горло сжимает печаль. Она не вправе печалиться. Не вправе воображать, что Сигрид захочет встречаться с нею. Совершенно не вправе. Печаль об одном потерянном ребенке невозможно смягчить другим.

И снова ей вспоминаются слова Сюзанны Смеед.

“Она не твоя дочь. Запомни”.

На восьмой день в дверях палаты появляется Юнас Смеед. После обеда Карен задремала, и голос, доносящийся с порога, будит ее.

— Ага, вот ты где прячешься?

Не отвечая, она тянется за стаканом воды, догадываясь, что наверняка громко храпела. Крепеж на ноге вынуждает ее лежать на спине, а во рту вконец пересохло. Она молча жадно пьет, но по лицу Юнаса заметно, что он не расположен к колкостям.

Лицо бледное, под глазами глубокие тени, явственно проступающие на резком свете из окна. На миг ей кажется, она видит все противоречивые чувства, обуревающие его: облегчение, досаду, тревогу, злость. И то, чего никогда за начальником не замечала. Неуверенность. Неловкое смущение, которое беспокойно ворочается среди событий, приведших его сюда.

Впервые Карен чувствует, что, невзирая на то что лежит на спине, невзирая на храп, победа за ней. Она знает, и он знает. Его оценка расследования и его решение — отчасти причина того, что она сейчас лежит здесь. Только отчасти, но этого достаточно, чтобы наполнить палату безмолвной виной. Она молча следит за ним взглядом, меж тем как он переступает порог и огибает изножье койки.

Винограда он не принес, так далеко он никогда не зайдет, но кладет на тумбочку вечернюю газету, потом садится на стул и по привычке лениво закидывает одну длинную ногу на другую. Тень неловкости скользит по его лицу, когда он видит синяки и крепеж на ноге.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает он, слегка скривившись.

— Бывало и лучше, — отвечает она сухо.

Он кивает. Теперь уже с видом огорченного начальника.

— А бывало и хуже, — добавляет она с кривой улыбкой.

Он отвечает как бы вскользь, почти рассеянно:

— Долго тебя тут еще продержат, не знаешь?

Она сообщает, что сказали доктора по поводу ближайших недель с последующим больничным и реабилитацией.

— Стало быть, мы едва ли можем рассчитывать, что ты вернешься до Нового года.

Она слышит подспудный вопрос и встречает его молчанием. Чтобы не отвечать, вновь тянется за стаканом с водой и чувствует, что Смеед наблюдает за ней. Потом он глубоко вздыхает и задает вопрос напрямую:

— Ведь ты вернешься, Эйкен?

Чего проще — отодвинуть решение, отложить на следующие недели. Но что-то в его голосе вынуждает ее сказать, как оно есть. Невысказанная просьба о примирении. Намек на беспокойство.

— Я думала об этом, — честно говорит она. — И перед отпуском в принципе решила просить о переводе.

— А теперь? Передумала?

— Думаю, не дать ли тебе еще один шанс, — коротко бросает она. — Но в таком случае ты, черт побери, должен немного изменить стиль руководства. Попросто умерить подростковую болтовню. И я не хочу, чтобы меня обходили с трудными расследованиями, — добавляет она.

— Ершишься. Я бы и сам ершился на твоем месте. А ты долго будешь мучить меня тем, что была права?

— Увидишь.

На сей раз она позволяет себе улыбнуться уголком рта. Юнас Смеед качает головой и вздыхает.

— Ладно, думаю, я заслужил.

— Как идет расследование нападений в Мурбеке и Одинсвалле? Есть подвижки?

— Ни на миллиметр, — уныло признается он. — Похоже, он то ли взял тайм-аут, то ли вообще завязал. После случая на Атласвег больше ничего. Может, все дело в холодах, — добавляет он. — Эти сволочи обычно прикрывают лавочку, когда на улице мороз.

Карен думает о делах, которые штудировала, когда изучала криминологию.

— Между преступлениями могут пройти месяцы, — говорит она. — В Швеции несколько лет назад было дело, напоминающее наше. Преступник орудовал несколько лет, прежде чем его схватили.

Юнас кивает, но молчит, и Карен продолжает:

— Вероятно, только вопрос времени, когда именно наш подонок опять возьмется за свое. Надеюсь, тогда я буду с вами, и мы его возьмем.

Юнас встает, смотрит в окно. Стоит так довольно долго, она ждет. Инстинкт подсказывает Карен, что его мысли далеко от законченных и будущих расследований. И на самом деле пришел он сюда не затем, чтобы справиться о ее самочувствии, думает она, глядя на его спину.

— Ты думаешь о Сигрид, — говорит она и видит, как он цепенеет, потом оборачивается.

Секунда — и она понимает, что вот сейчас он выскажет всю злость и горечь, накипевшую оттого, что Сигрид была на пароме. Что Карин взяла

ее с собой в отпуск, не сказав ему ни слова. Что она завязала с его дочерью близкий контакт, какого у него самого не было долгие годы.

— Я с ней тоже не говорила, — тихо роняет она.

Взгляд у него холодный, холодный как лед и полный сомнения.

— Вот как? А мне показалось, что вы вдруг чертовски сблизились. Должно быть, объединились в отвращении ко мне.

Ей хочется сказать гадость. Унизить его, уязвить — глубоко и навсегда. Расстрелять своей печалью вместо пуль. Но она знает, что не имеет на это права.

— Можешь думать как угодно, но она и мне не давала о себе знать. И на мои звонки не отвечает. Может быть, винит нас обоих в смерти Сюзанны.

Она видит, Юнас понимает, что это правда, и готовится сделать последнюю отчаянную попытку.

— Позвони мне, как только она объявится. И сообщи, где она обретается. Это приказ, Эйкен. Понятно?

Карен смотрит ему прямо в глаза.

— Этого я обещать не могу. Если она сама не захочет.

Она не отводит взгляд и видит, как злость уходит, словно он не выдержал напряжения. Грудь опадает, буря эмоций стихает. Остается лишь бесконечная печаль. И она понимает, сейчас перед ней не начальник, а отец Сигрид.

— Обещать я могу только одно. Я никогда не скажу Сигрид о тебе ни единого дурного слова. Я слишком люблю ее, чтобы говорить гадости о ее отце.

Эпилог

Спустя две недели Элино́р Э́йкен выкатывает инвалидное кресло с дочерью из стеклянных дверей больницы. Карен хочет домой. После первой недели, когда она еще была одурманена болью и анальгетиками, тоска по дому росла день ото дня. Тоска по тому, чтобы самой решать, закрывать дверь или нет, принимать посетителей или нет. Самой решать, что и когда есть. И надо ли есть. Избавиться от запаха дезинфекции и звуков сирен скорой помощи. Спокойно поплакать.

А в первую очередь она тоскует по бокалу-другому вина и по сигарете.

Она бы предпочла быть в доме одна, но понимает, что не обойдется без помощи матери, по крайней мере на первых порах. И потому с удивлением, облегчением и разочарованием слышит сейчас, как мама непринужденно заявляет, что послезавтра улетает домой в Испанию.

— Харри звонит каждый день, спрашивает, когда я вернусь, — говорит она, толкая кресло к выходу. — Кстати, он передает тебе привет. Мы приедем в Лангевик, как только тебе станет лучше. А если не получится раньше, то на Рождество приедем обязательно.

Карен не знает, что сказать. Две недели она мечтала об этой минуте, но теперь, когда за стеклянными дверьми маячит реальность, ей хочется вернуться в защищенность.

— Ты прекрасно справишься. А я, разумеется, буду звонить каждый день, чтобы узнать, как твои дела, — заверяет Элино́р Э́йкен, меж тем как двери “Тюстеда” с тихим шорохом смыкаются у них за спиной.

Небо за стенами больницы высокое и ясное. Карен несколько раз глубоко вздыхает и думает, что вот сейчас с помощью костылей одолеет последние несколько метров до такси, вереница которых выстроилась неподалеку от входа. Но Элино́р Э́йкен не останавливается, толкает кресло к парковке, расположенной подальше.

Сердце у Карен ёкает, когда она видит свою машину. Но не вид грязного зеленого “форда” заставляет ее стиснуть зубы, чтобы не расплакаться от облегчения.

Рядом с машиной стоит Лео Фриис, докуривает сигарету, бросает ее наземь и затаптывает окурок.

А за рулем сидит Сигрид.

notes

Примечания

1

Англо-ирландский бой-бэнд, созданный в Лондоне в 2010 г.

“Я чувствую, что обречен на смерть” (*англ.*) — песня Джо Кантри Макдональда (р. 1942), американского певца и автора песен, фронтмена психоделической рок-группы *Country Joe and the Fish*, одной из самых политически активных в 1960-е гг.

3

Малые круизные суда (англ.).

4

Вот в чем дело (англ.).

5

Не обижайтесь (англ.).

Бог из машины (*лат.*), т. е. неожиданное разрешение трудной ситуации.

Серьезная авария... М-25... Уолтем-Эбби... грузовик и пять легковых автомобилей (англ.).

Живи и давай жить другим (англ.).

Ничего особенного в наше время (англ.).

Кларк Джон Купер (р. 1949) — английский поэт, певец и перформанс-артист, получивший известность на панк-сцене в конце 1970-х гг.

11

Классическое блюдо французской кухни, курятина в вине.

Перевод Э. Венгеровой.